

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

Выпуск XVII

**МОСКВА
2016**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

К юбилею профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой

**СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ**

Выпуск XVII

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Москва – 2016

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р
С48

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова *Е.А. Филатова*;
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *Е. Ю. Николенко*

Редакционная коллегия:

Н. В. Баладина	ст. преподаватель
Е. Л. Бархударова	докт. филол. наук, профессор
М.Ю. Борлюговский	канд. филол. наук
А. В. Величко	канд. филол. наук, доцент
О. К. Грекова	канд. филол. наук, доцент
Е. А. Илюшин	канд. филол. наук, ст. преподаватель
Л. В. Красильникова	докт. пед. наук, доцент
Е. В. Моргунова	
Ф. И. Панков	докт. филол. наук, доцент
Т. Г. Рошектаева	канд. филол. наук, преподаватель
О. М. Сергеева	канд. филол. наук, преподаватель
Е. С. Сироткина	канд. филол. наук, преподаватель
О. В. Чагина	канд. филол. наук, доцент
Т. Е. Чаплыгина	канд. филол. наук, доцент

Ответственный редактор: **О. В. Чагина**, канд. филол. наук, доцент

Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. XVII. – 304 с.
ISBN 978-5-314-05324-6

Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста, культурологии и страноведения. Предназначен для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов.
Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей

ISBN 978-5-317-05324-6

© Авторы статей, 2016

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

«ЛЕКСИКОН» ПАМВЫ БЕРЫНДЫ КАК ИСТОЧНИК ГРАММАТИКИ 1648 г.

Кузьминова Елена Александровна

*доктор филологических наук, профессор,
доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
elenk2002@mail.ru*

Магистерская программа «Русский язык и культура в современном мире» позволяет иностранным учащимся не только значительно повысить уровень практического владения русским языком и познакомиться с современными научными исследованиями по русскому языку и лингводидактическими основами его преподавания, но и получить систематические представления о истории языка и культуры русского народа. Статья посвящена особенностям рецепции в Московской Руси XVII в. новых культурных феноменов, вызванных юго-западным влиянием, – научной аналитической грамматики и лексикона.

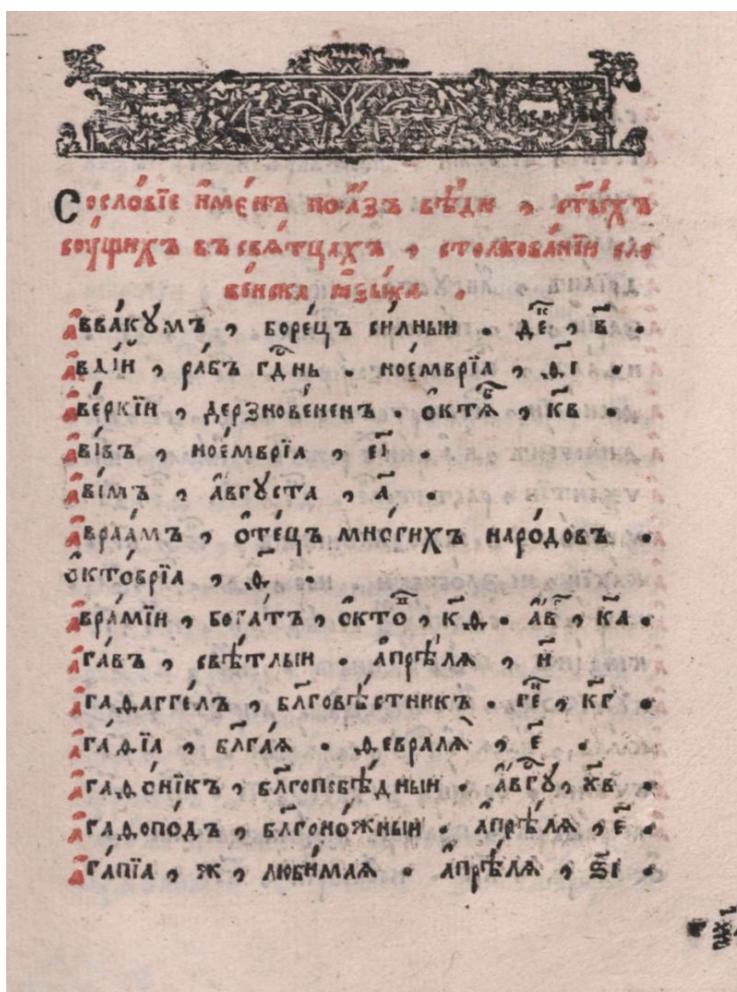
Ключевые слова: история русского языка и культуры, славяно-русская грамматическая традиция.

Первые грамматики церковнославянского языка всегда занимали особое место в сфере научных интересов Марины Леонтьевны Ремнёвой. Детальный анализ первых восточнославянских грамматик – Адельфотеса (1591), грамматики Лаврентия Зизания (1596), грамматики Мелетия Смотрицкого (1619 и 1648), проведённый М.Л. Ремнёвой [см. Ремнёва 1983; 1995; 2003], позволил воссоздать картину начального этапа эволюции лингвистической мысли славян. Понимая важность данного материала не только для узкого круга специалистов, но и для студентов, аспирантов, всех исследователей русского литературного языка, М.Л. Ремнёва стала инициатором издания на филологическом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова серии «Памятники словесности». В этой серии был опубликован один из наиболее значительных памятников славянской грамматической традиции – Грамматика 1648 г. [Грамматика 1648 г. 2007].

Грамматика 1648 г. является вторым, переработанным и дополненным, изданием грамматики Мелетия Смотрицкого «**Грамматикѣ Главѣнскѣя правѣлноѣ Сѣнтагма**» (Евье 1619) (далее ГС), вышедшим в свет на Московском Печатном дворе: **Грамматика**. М., Печ. двор, 1648 [без имени автора] (далее ГМ). Это издание, осуществлённое «**повелѣніемъ вѣговѣрнагѣ гдѣра цѣрѣ, ѣ великагѣ кнѣзѣ алеѣіа миѣиловича всеѣ рѣсѣи самодѣржѣца, ѣ по вѣгословѣнію... сѣѣйшагѣ ѣоѣсѣфа патрѣіарѣа москѣвскогѣ ѣ всеѣ рѣсѣи**» (л. 388), было подготовлено главными справщиками Московского Печатного двора протопопом Московского собора черниговских чудотворцев Михаилом Стефановичем Роговым (с 1640 по

1649 г.) и Иваном Васильевичем Шевелевым Наседкой (в монашестве Иосиф) (с 1649 по 1652 г., в должности справщика с 1638 г.). Призванная служить теоретической основой и инструментом для решения задач конфессионального редактирования, ГМ была принципиально дистанцирована от ГС как на концептуальном, так и на формальном уровне [Кузьмина 2012: 268–270]. Иосифовские справщики устраняют имя автора Мелетия Смотрицкого как отступника от православия, принявшего униатство, и подвергают грамматику существенным изменениям текстологического и собственно языкового характера.

Михаил Рогов и Иван Наседка расширяют сферу компетенции грамматики как описания многоуровневой системы языка, дополняя исходный текст ГС новой частью, содержащей кодификацию лексического уровня книжного языка, «Гослвїе ѿмѣнъ ꙗзыкъ вѣди, стѣхъ соуцихъ въ свѣтцахъ, с толкованїи словѣнска ꙗзыка» (л. 361–373).

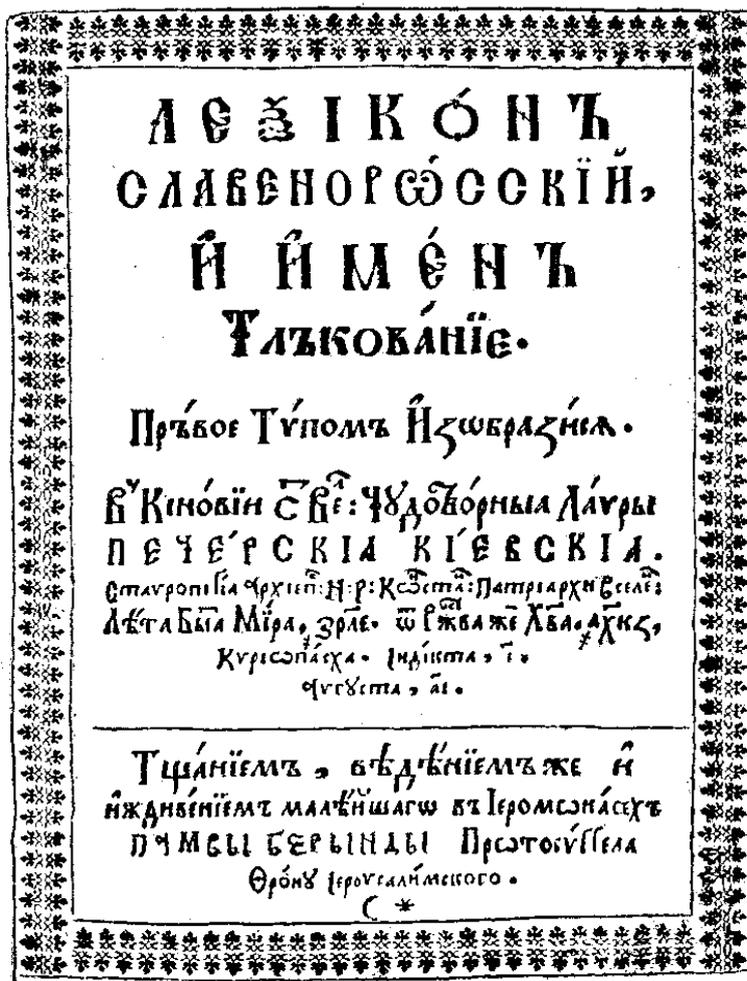

«Гослвїе ѿмѣнъ» содержит перечень христианских имен в алфавитном порядке с объяснением их значения и указанием дней памяти святых. Ср.:

наоу́мъ,	по́кїй, мрдо́сть, чѣ́тъ.	дѣ́к, ѿ.
нефѣ́тъ,	нѣврождѣ́ннїи.	гѣ́н, ка.

нікандръ,	повѣднѣи моу ^ж .	ноѣ ^м , д̄.
ніканω ^р ,	ѣ ^л , повѣда мѣжѣи,	ю ^л , к̄и.
нікіта,	повѣдїтель.	се ^н , ѣи.
нікіфоръ,	повѣдоицецъ.	ма ^р , г̄и.
нікодїмъ,	ѣ ^в , невиннѣи.	к̄, ла.
нікла,	повѣда людскѣа.	декаврѣ, ѣ.
нікωнъ,	повѣдникъ.	ноѣмврїа, ѣ. (л. 369 об.)

Исследование показало, что «Сослвїе ѡмѣнъ» ГМ является сокращенной переработкой словаря известного переводчика, справщика, «архитипографа» типографии Киево-Печерской Лавры Памвы Берынды «Лѣзїкѡнъ славенорѡсскїй, ѡ ѡмѣнъ Тлѣкованїе» (Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1627).

«Лексикон» П. Берынды, насчитывающий около 7000 словарных статей, был одним из наиболее авторитетных лексикографических трудов XVII в. Получив широкое

распространение как в печатном виде, так и в многочисленных рукописных копиях не только в Юго-Западной, но и Московской Руси, «Лексикон» послужил источником для большинства последующих словарных работ: анонимного словаря «Синонима славеноросская» (сер. XVII в.), «Лексикона латинского» Епифания Славенецкого (1650 г.), «Лексикона трезычного» Федора Поликапова (М., 1704), разнообразных азбуковников и др. [Німчук 1961]. Статьи из «Лексикона» П. Берынды с определенной языковой адаптацией вошли в тезаурус азбуковника XVII в. соловецкого старца Сергея Шелонина [Сапожникова 2010].

При подготовке к изданию ГМ Михаил Рогов и Иван Наседка задействуют только вторую часть «Лексикона» Памвы Берынды, включающую собственно «имѣнь Тлѣкованіе»: «Ѡ Еврѣйскагѡ, Грѣческагѡ же и латинскагѡ, и Ѡ иныхъ ꙗзыковѣхъ, начинающаа сѧ Имена свойственнаа ѥ многихъ, малаа и различна тлѣкованіа, малыми назнаменаа...» (стлб. 329–472).

Ѡ	Ѡ	Ѡ	Ѡ
<p>Ѡсѡхарѣ: Заплѣта, мѣдѣ, ѡбо дартѣ, бѣ: ѡ: нѣ: ѡпо: пѣ: ѥ: ѡ. Ѡсторіа: Сѡбѡроуетъ всѣхъ вѣкѡхъ, ѡбо дѣи, правдѣное выпнелѣ прѣшлыхъ рѣчѣи. ѡ ма: ѡ. Ѡсторіа графѣ: Ѡсторіеѣ, ѡбо Г: Ѡтерѣ, ѡ: пѣ: Дорѡга, ѡхѣ, ѡсѣдѣ, вѣдрѡвѣ: прѣ: ѡ: рѣ: Ѡсѡнѣ: ѡ: ѡ: Пѣнское пригѡ- тованѣ, ѡ моцно. ѡ цѣ: ѡ: ѡ. Ѡсѡнѣ: Зновѣ вѣлѡчѣи, ѡ: пѡверѣчѡчѣи, ѡ выѡвлѣчѣи, нѣ: ѡ: ѡ: [скрѣбѣ молѡчѣи.] ѡ: Ѡсѡнѣ: Госѡдинѣ повѣтѣ, пѣнское потѡврѣѣ, ѡбо пѣнѣ мѣтѣчѣи. ѡ цѣ: ѡ: ѡ. Ѡсѡнадѣнѣ: Пѣнскѣ дѣрѣ. ѡ: ѡ: Ѡсѡнѣ: Бѣтѣн пѡлѣнѣ. ѡ: ѡ: Ѡсѡнна: Пѣнскѣ лѣска, ѡ дѣ. ѡ мѡлѡсѣрѣе: ѡ: ѡ: ѡ: ѡ. ѡ: Ѡсѡнѣ: ѡ: Гѣн послѡшлѣ, лѣскавыи, ѡбо дѣрѣчѣи, ѡбо пѡбѡжнѣи ѡ мѣрѣнѣи. [вѣтѣ гѣн,] ѡпѣтѣ брѣ [ѡсѡвѣ. ѡ: ѡ: ѡ. Крѣтѣ, ѡ: ѡ: ѡ. Ѡсѡсѣфѣ: Нѡе: ѡ: ѡ. ѡ: Ѡсѡвѣ: Зѡвѣдѣ, ѡбѣнѣ бѣ, ѡ болѣчѣи, ѡ вѣдѣчѣи, ѡ пѣчѣи неѡрѣснѣ. Ѡсѡ: ѡ: ѡ: ѡ.</p>	<p>ѡ: Ѡсѡвѣ: Нѡе мѡлѣнѣ крѣснѣ, ѡбо ѡбѡвѣ бѣтѣ, ѡ началѡ, ѡ началѡ бѣтѣ, ѡ хѡпѣчѣи ѡбо приѡгѣчѣи. ѡ пѣ: ѡ, ѡ: ѡ: ѡ. Ѡсѡна: Гѡлѡвѣнѣ, ѡ, пѣлѡшѣи. ѡбо пѡмножѣчѣи, мѡножѣчѣи, приѡдѣчѣи. ѡ цѣ: ѡ: ѡ: ѡ. Ѡсѡсѣфѣ: Пѣсѣдѣ, ѡ пѣскѣ сѡ- бѣи ѡ. ѡ ѡсѡжѣнѣ ѡ ѡсѡжѣи ѡ пѣ. ѡ: Ѡсѡнѣ: Пѡмножѣ, ѡбо пѣлѡжѡнѣи. бѣ: ѡ, ѡ: ѡ: ѡ. К ѡсѡсѣфѣ: Зѡрѡмѣѣ, ѡ Зѡрѡчѣе, ѡ сѡпѡчѣе, бѣ мѣ ѡ. ѡ: ѡ: ѡ: ѡсѣ, ѡ сѡнѣ Кѡдѡ, ѡ ѡ. ѡсѣ Кѡсѣнѣ: Зѡрѡмѣѣ, ѡ ѡ ѡ. Кѡсѣнѣ: Зѡрѡмѣѣ бѣтѣ, ѡ: ѡ: Кѡсѣнѣ: ѡ: Сѡтѣрѣ, пѣрѣшѣи, вѣхѡдѣи, ѡ нѣсѡстѣ вѣ, ѡ ѡ. Кѡсѣнѣ: Сѡтѣн, сѡпѡвѣнѣ, ѡ ѡ. Кѡдѡбѡрѣ: ѡкѡвѣнѣ, ѡ ѡ ѡ ѡ. Кѡдѡлѣ: ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ, сѡбѡрнѣи, пѡвѣшѣ- кѡпѡрѣи сѡ мѣ вѣсѣснѣи сѡбѡрѣи ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ. Кѡдѡлѣсѣкѣ: сѡбѡнѣ пѡвѣнѣ. Кѡсѣфѣ: вѣпѣчѣи мѣслѣнѣ, ѡ вѣи ѡпѣчѣи ѡ ѡсѣ, ѡ вѣсѣ- жѣ ѡсѣ ѡ: ѡ: ѡ: ѡ: ѡ: ѡ: ѡ.</p>		
		Ш	Кѡсѣ

Первая часть, содержащая перевод на «просту мову» книжных церковнославянских лексем, вступала в противоречие с традиционной лингвистической идеологией московских книжников.

Переработка второй части «Лексикона» П. Берынды осуществляется издателями грамматики в соответствии с критериями, заданными в названии раздела: из вокабулярия «Лексикона» в «**Гослвѣе ѿмѣнъ**» отбираются имена «**сѣбѣхъ соуцихъ въ свѣтцахъ**», которые истолковываются на церковнославянском языке – «с **толкованіи словѣнска гѣзыка**».

Таким образом, в «**Гослвѣе ѿмѣнъ**» не вошла бóльшая часть словника второй части «Лексикона» Памвы Берынды: теонимы – имена языческих богов (**афродѣта** стлб. 357, **вѣкухъ** стлб. 369), мифонимы (**сирѣны** стлб. 454, **финѣзъ** стлб. 468, **химѣра** стлб. 472), этнонимы (**евреѣи** стлб. 395, **самараніи** стлб. 451, **скѣѣ** стлб. 455), топонимы (**вавлѣнъ** стлб. 367, **Генисарѣѣ** стлб. 387, **ѡавѣръ** стлб. 410, **Іерлѣимъ** стлб. 413, **Корѣнѣ** стлб. 425), а также имена нарицательные (**драхма** стлб. 394, **икона** стлб. 407, **лампада** стлб. 427, **ѡрганъ** стлб. 441, **пѣста** стлб. 445, **сѣхъ** стлб. 458, **тропѣръ** стлб. 465).

Однако вопреки заявленному принципу отбора языкового материала в словарь имен святых ГМ включено два имени нарицательных: **Грамматѣка, риторѣка**. Ср.:

«Лексикон»	ГМ
Гра ^м матѣка: дѡброго писанѣа ѿ мове ^н а наѣка, писмѣнница. Пѣрвое ѡчѣнѣе ѡ семѣ ^н хъ свѡбѡднѣхъ хѣдѡжестѣ (стлб. 389).	Грамматѣка, дѡбрагѡ писанѣа ѿ речѣнѣа наѣка, пѣрвое ѡчѣнѣе ѡ седмѣ ^н хъ свѡбѡднѣхъ хѣдѡжестѣвъ (л. 363–363 об.).
Риторѣка: лѣпоглагѡнаа, Наѣка трѣтѣа ѡ свѡбѡднѣхъ (стлб. 449).	риторѣка, лѣпоглагѡнаа наѣка, трѣтѣа ѡ свѡбѡднѣхъ (л. 371).

Наличие в словаре определений двух свободных наук – грамматики и риторики соответствует концепции издаваемого труда в целом и, по всей видимости, призвано обеспечить «вхождение» новой, словарной, части в общий контекст грамматического сочинения.

Вокабулярій «**Гослвѣа ѿмѣнъ**» Михаил Рогов и Иван Наседка дополняют 12 именами, отсутствующими в «Лексиконе». Это имена святых, канонизированных православной церковью, – **глѣбѣвъ** (1015)¹, **ніфонтѣ** (святитель Нифонт, епископ Новгородский, 1156), **селивѣстрѣ** (преподобный Сильвестр Печерский, XII в.), и раннехристианских мучеников –

¹Здесь и далее в скобках после имени святого приводится год или век преставления.

горді́анъ (320), єрміо́на (ок. 117), єрміу́ль (315), єрѡтї́ида (304), зѡтнікъ (320), макрѣ́вій (320), мемно́нъ (304), а также имя апостола от 70, епископа Афинского наркі́съ (I в.) (л. 363, 364 об., 365 об., 368 об., 369, 369 об.). Добавленное справщиками имя єремї́й (л. 364 об.), по всей видимости, является видоизмененной, адаптированной формой имени пророка Иереми (VI в. до Р. Х.), о чем свидетельствует указанная в словарной статье дата помяновения – 1 мая (по старому стилю). Именно в этот день празднуется память ветхозаветного пророка. Все 12 включенных в ГМ имен приводятся без истолкований.

Во второй части «Лексикона» Берынды использовано два метаязыка – церковнославянский и «проста мова». Редакторская работа московских книжников направлена на устранение «простой мовы» и на приведение языка словарных статей в соответствие с нормой церковнославянского языка Московской Руси.

Истолковывая имена собственные, Памва Берында предлагает несколько синонимичных интерпретаций как на церковнославянском языке, так и на «простой мове». Из синонимического ряда издатели грамматики оставляют, как правило, только одно определение словѣнска гѣзыка:

«Лексикон»

ѡрѣѡа, ѡрѣтѡ, ѡнъ: добродѣ́тельный,
цнѡта, скромный, покорный, ласка́вый
(стлб. 348).
Галактиѡнъ: млѣка по́лнъ, ѡлво
моло́чный (стлб. 386).
єра́стъ: мїлы́, вѡлчны́, прїемны́, роскош-
ный, ѡво желате́ны (стлб. 400).
Кѡръ: Па́нъ, а^ѣ Господи́н (стлб. 423).
Ма́рко: Ѣзвръше^н ѡгла́жены́, вѡгла^нцѡвѡ,
ѡ ржѣ́ вы́терты́ (стлб. 434).
Нико́ла, а^ѣ ѡ: є^а, Звїтѡ^зство поспѡлства,
повѣ́да люде́й, повѣ́да лю́дскаѡ (стлб. 439).
стефа́н. є^а: Дїади́ма, Коро́на, Вѣне́ць
(стлб. 458).

ГМ

ѡрѣѡа, дѡродѣ́тельны (л. 362).
галактиѡ́нъ, млєка̀ пѡлнъ (л. 363).
єра́стъ, мїлы́й (л. 364).
кѡръ, гѡнъ (л. 367 об.).
ма́рк, соверше^н (л. 369).
нїкла, повѣ́да люѡска̀ѡ (л. 369 об.).
стефа́нъ, є^а, вѣне́ць. (л. 371 об.).

тpυφώνъ: Οὔζινβάιούчі рѳкошныі, н̂
пріємл̂ій дн̂і в̂лги (стлб. 464).

тpυφώνъ, пріємл̂ли дн̂і в̂лги (л. 372).

Словарные статьи из «Лексикона», перенесенные в «Госл̂віе ім̂енъ» ГМ, подвергнуты правке (1) лексической, (2) орфографической, (3) грамматической, (4) акцентуационной, в соответствии с той нормой, которой руководствовались в своей языковой деятельности московские книжники:

«Лексикон»

ГМ

- (1) вар·ѳолом̂ей: сы̂н̂ завѣш̂уючого
вѳды (стлб. 372).
Ма^т·ѳій: Дар̂ъ п̂анскі (стлб. 435).
- (2) ам̂ѳсъ: долготp̂ъпели^в (стлб. 341)
Прѳхор̂ъ, ѳ̂: Пр̂воѳстр̂анни^к
(стлб. 447)
ѳеодора: Б̂годарова^ннаа (стлб. 410).
Хіѳн̂іа: О^нѳжнаа (стлб. 472).
- (3) Іас̂свн̂ъ: л̂ѳчачі̂й (стлб. 412).
Криск̂ент̂ъ: рѳст̂ѳчі̂й (стлб. 426).
Гра^ммат̂іка: дѳб̂ерого писа^на...
(стлб. 389).
а·ѳиноген̂: ѳ̂ а·ѳин̂ѳ^х рожде^н
(стлб. 336).
- (4) Ми^хаїл̂ъ (стлб. 436).
Ра^фаїл̂ъ (стлб. 458).

вар·ѳл̂м̂ей, с̂н̂ъ замѣща̂ющагв ||
ѳд̂ъ (л. 362–362 об.).
мат·ѳій, да^р гд̂зскі̂н (л. 369).
ам̂ѳсъ, д̂лготерп̂ѳлив̂ъ. (л. 362).
п̂рхор̂ъ, первостр̂анник̂ъ
(л. 371).
ѳѳд̂ѳра, ж, в̂гдарованнаа (л. 366).
Хі̂н̂іа, сн̂ѳжнаа (л. 373).
іас̂сн̂ъ, л̂ѳчачі̂н̂ (л. 366 об.).
криск̂ент̂ъ, растоѳц̂і̂н̂ (л. 368).
Граммат̂іка, д̂врагв писа^ніа...
(л. 363).
а·ѳиноген̂ъ, ѳ̂ а·ѳин̂ѳ^х рожде^н
(л. 361 об.).
ми^хаїл̂ъ (л. 369).
ра^фаїл̂ъ (л. 371).

Однако следует констатировать, что эта правка проведена не всегда последовательно, и некоторые толкования сохраняют характерные языковые особенности оригинала:

«Лексикон»

ГМ

Г̂аїе: ѳ̂ ла^т: П̂ан̂ъ (стлб. 386).
ев̂агр̂іа: ѳасл̂івѳе пойма^нѳе
(стлб. 401).

г̂аїн̂, п̂ан̂ъ (л. 363).
ѳ̂вагр̂іа, ѳасл̂івѳе поим̂ан̂ѳе
(л. 364 об.).

Ὀνισιφόρῳ, εἰ: пожѣтокъ приносѣчѣи
(стлб. 451).

Парамόνῳ. Терплѣве Трвѣючѣи
(стлб. 453).

Ὀνισίφορῳ, пожѣтокъ приносѣчѣи
(л. 370).

парамόνῳ. терпелѣве трвѣючѣи
(л. 370 об.).

Обращают на себя внимание такие направления переработки статей «Лексикона», как устранение (1) информации о носителе имени (вне зависимости от его сакрального статуса), (2) упоминаний языческих богов и (3) мифологических интерпретаций:

«Лексикон»	ГМ
(1) Маркіанъ: Помыслѣте^а. ѿмѣ Потѣри^ж, Тѣ естѣ Писара. (стлб. 434). Михѣилъ: Бжѣи воевѣда, и^а Гнѣ. ѿмѣ агѣла (стлб. 436). Рѡмѣл, Рѡмѣ^а, Кро^а ри^аски (стлб. 449).	маркіанъ, помыслитель (л. 368 об.). михѣилъ, бжѣи воевѣда (л. 369). рѡмѣлъ (л. 371).
(2) Ирѡдѣонъ: Спѣва^не ѿноны (стлб. 409).	ірѡдѣонъ, спѣванѣе (л. 366).
(3) Василѣкъ: змѣи взрѣком ѣвивѣючѣи (стлб. 373).	василѣкъ (л. 362 об.).

Изменения, внесенные московскими издателями, затрагивают и порядок расположения словарных статей. Так, словарные статьи на букву **ѿ**, расположенные в «Лексиконе» между разделами **ѡѿ** и **ѡѿ** (стлб. 466), в ГМ напечатаны после статей, начинающихся с **ѡ** (л. 367). В словаре ГМ не всегда соблюден алфавитный порядок следования статей «Лексикона»: Гра^аматѣка, Григѣрѣи, Гѣрѣи → го^арѣи, гри^арѣи, Граматѣка (стлбю ѿѣб лю ѿ, ѿ, ѿ обю)б Домнѣка, Дѣнатъ → днѣтъ, днѣка (стлбю ѿѣб лю ѿ, ѿ обю)б елпѣдѣи, емѣлѣанъ → ѣмелѣанъ, ѣлпѣдѣи (стлбю ѿѣб лю ѿ)б Парѣѣнѣи, Патрѣкѣи → патрѣкѣи... ѡмплѣн, парѣѣнѣи (стлб. 443–444, л. 370 об.–371). Однако в тех случаях, когда алфавитный порядок нарушен самим Памвой Берындой, издатели его восстанавливают: агѣпѣи, агѣпѣа → агѣпѣа, агѣпѣи (стлб. 334, л. 361), хрѣстофѣрѣ, хрѣстѣна → Хрѣстѣна, Хрѣстофѣрѣ (стлб. 472, л. 373).

кодификация лексического уровня книжного языка осуществляется в ГМ в русле общей теологической концепции грамматики [Кузьминова 2011; Кузьминова 2012: 113–135] как теоретического ориентира и инструмента для решения практических задач «книжной справки» библейских и богослужебных книг.

ЛИТЕРАТУРА

- Грамматика 1648 г. / Предисловие, научный комментарий, подготовка текста и составление указателей Е.А. Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2007.
- Кузьминова Е.А. «Цитатное пространство» предисловия к грамматике 1648 г.: концепция и структура // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3.
- Кузьминова Е.А. Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012.
- Німчук В.В. Памво Беринда і його «Лексіконь славеноросскій и именъ Тлькованіе» // Памво Беринда. Лексіконь славеноросскій и именъ Тлькованіе / Підготовка тесту і вступна стаття В.В. Німчука. Київ: Изд-во АН УССР, 1961.
- Ремнёва М.Л. О степени императивности грамматики М. Смотрицкого 1648 года // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 3.
- Ремнёва М.Л. История русского литературного языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.
- Ремнёва М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Сапожникова О.С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010.

THE «LEXICON» OF PAMWO BERYNDA AS A SOURCE OF THE GRAMMAR OF 1648

Elena Kuzminova

Dr. Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow
elenk2002@mail.ru

The master's program "Russian language and culture in the modern world" allows foreign students not only significantly increase the level of practical knowledge of the Russian language and to get acquainted with contemporary scientific studies in Russian language and linguo-didactic basics of teaching, but also to a systematic presentation on the history of the language and culture of the Russian people. The article is devoted to peculiarities of the reception in Moscow Russia of the XVII century, new cultural phenomena, caused by the South-Western influence – science analytical grammar and vocabulary.

Keywords: history of Russian language and culture, Slavic-Russian grammatical tradition.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ Я.К. ГРОТА В ОБЛАСТИ СТИЛИСТИКИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Кузьменкова Валентина Алексеевна

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
valentinaleks@gmail.com*

В статье говорится о Я.К. Гроте как о представителе историко-стилистического и грамматического направлений в изучении языка, о его роли в истории государственной стандартизации русского письма. Рассматриваются заслуги учёного в разработке системы словарных стилистических помет и его вклад в исследование языка и стиля русских писателей XVIII и XIX вв.

Ключевые слова: грамматическое направление; историко-стилистическое направление; литературный язык; разговорный язык; русское правописание; стилистика; стилевая дифференциация.

Труды Я.К. Грота под названием «Филологические разыскания» впервые собраны и объединены самим автором в 1873 году. Они включают в себя статьи по русскому правописанию, грамматике, лексикологии, лексикографии, стилистике, этимологии, которые были результатом углублённого изучения самых разных проблем филологии. Для выводов и обобщений учёный привлекал большой фактический материал.

В трудах Я.К. Грота заложены основы целого ряда направлений в изучении русского языка. По словам В.В. Виноградова, «Академик Грот был представителем историко-стилистического и нормативного грамматического направлений в разработке русского литературного языка» [Виноградов 1946: 73].

Я.К. Грот считал, что долг учёного – откликаться на запросы общества: «Наука мало приносит пользы, когда она не снисходит к потребностям общества». По мнению учёного, для распространения науки «необходимо старание самих учёных упростить её выводы и сделать их доступными для большинства» [Грот 1899:274].

Наиболее широко известны труды академика Грота в области русского правописания и ударения. Его книга «Русское правописание», по словам В.В. Виноградова, «сыграла большую роль в истории государственной стандартизации русского письма. Она вносила стройный порядок в орфографическую путаницу и разноголосицу русского письма XIX века» [Виноградов 1946:75]. Я.К. Грот признавал разумным требование единообразия в правописании, но призывал к терпимости по отношению к вариантам написания: «Как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловно. Надобно уметь различать важные разногласия от неважных» [Грот 1876:177-178].

По общему признанию, Я.К. Грот является одним из первых исследователей языка и

стиля русских писателей XVIII и XIX веков. Он дал лингвистический комментарий к произведениям многих писателей и определил их значение в истории русского литературного языка. Так, например, в статье «Карамзин в истории русского литературного языка» Я.К. Грот написал: «Карамзин дал русскому языку решительное направление, в котором он ныне продолжает развиваться» [Грот 1899: 274].

Немало усилий приложил Я.К. Грот для издания полного собрания сочинений Державина в 9-ти томах, снабдив его подробнейшим историко-литературным комментарием. Он составил также «Словарь к стихотворениям Державина» – совершенно новый тип словаря, который считается первым в России словарём отдельного писателя.

Высказывая своё мнение о слоге (стиле) каждого отдельного писателя (в современных научных исследованиях принят термин «идиостиль»), Грот справедливо утверждал, что «слог не подлежит ни точному определению правилами, ни заимствованию, ему можно более или менее удачно подражать, можно под него подделываться; но он всё-таки остаётся индивидуальной принадлежностью каждого писателя». Грот считал, что «изучение языка какого-нибудь писателя должно, конечно, иметь предметом знание особенностей, с которыми является у него язык, возможность видеть, каким образом он решает затруднения, представляющиеся пишущему в применении законов этого языка» [Грот 1883:336].

Особо стоит сказать о роли «Словаря русского языка» под редакцией Я.К. Грота в истории развития русской лексикографии.

В предисловии к первому выпуску Словаря (т. I, А–Д) Грот писал, что в нём будет представлен «собственно общеупотребительный в России литературный и деловой язык в том виде, как он образовался со времён Ломоносова...» [Грот 1895, Предисловие]. Термин «литературный язык», по мнению Е.М. Лазуткиной, употребляется Гротом «по отношению к функционально разветвлённому, многогранному, развитому языку цивилизованного государства XIX века, выработавшему каноны официально-деловой речи, составления документов дипломатической переписки, вобравшему в себя красноречие устной публичной речи и искусство русской публицистики, обороты научных трактатов» [Лазуткина 2012: 142].

Самое пристальное внимание учёный уделял подбору иллюстративного материала, который составляли лучшие произведения художественной литературы: Карамзина, Лермонтова, Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гоголя, Аксакова, а также фольклорные произведения и сочинения видных учёных и общественных деятелей того времени. Как отмечал В.В. Виноградов, это был подбор «образцов нейтрального или нормального стиля общерусского литературного языка, ярче всего отражающих и выражающих общерусскую языковую норму в тот или иной период истории русской культуры» [Виноградов 1978: 157].

Как известно, Грот считается создателем системы стилистических помет, которая

оказала влияние на все последующие словари. Среди них можно увидеть следующие характеристики слов: народные, простонародные, просторечные, народно-поэтические, иронические, народно-иронические, шуточные, презрительные, а также областные и устарелые.

Введён также набор помет, отражающих социальную и профессиональную дифференциацию лексики: а) деловое, б) дипломатическое, в) заводское, г) канцелярское, д) школьное, и т.п. Система стилистических помет и характеристик слова, разработанная Я.К. Гротом, стала основой лексикографии XX века. В самом общем виде в современных словарях существуют следующие пометы: а) собственно функционально-стилистические, б) специально-профессионально ориентированные, в) эмоционально-экспрессивные (эмотивно-оценочные), г) хронологические и некоторые другие, например, *обл. – областное, устар. – устаревшее*.

Можно утверждать, что Грот создал теорию словарной работы, так как, кроме стилистических помет, он много работал над смысловыми характеристиками слов и типами словарных толкований, над грамматической характеристикой слов. В словаре впервые была разработана семантика союзов с учётом их синтаксических функций, предлогов и других служебных слов.

Со временем система стилистических помет и характеристик слова, естественно, претерпевает изменения, детализируется и приспосабливается к языку нового времени, в зависимости от задач и типа словаря.

Так, в «Толковом словаре русской разговорной речи», создаваемом в Институте русского языка имени В.В. Виноградова РАН, словарная статья «имеет вид последовательных зон, в каждой из которых содержится один вид информации о слове: о его семантике (толкование), морфологии, синтаксисе, стилистической характеристике, парадигматических связях, о прагматике. Приводятся фразеологизмы с данным словом, включая их толкование» [Крысин 2012:129].

Важной вехой в истории русской филологической мысли стал известный труд Я.К. Грота, посвящённый анализу «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля. В «Разборе словаря В.И. Даля», Я.К. Грот представляет не только тщательный анализ многих представленных в словаре лексем, но также даёт оценку литературно-филологической деятельности В.И. Даля.

В этой работе отчётливо проявилась позиция Я.К. Грота относительно сфер (стилей) языка. Грот не всегда соглашается с Далем, высказывает немало ценных замечаний, касающихся стилевой дифференциации: «Автор упускает из виду, что у каждой сферы языка есть свой характер, свой тон, который поддерживается не только целым составом речи,

оборотами, но и отдельными словами. Поэтому переносить слова из одной сферы в другую не всегда удобно; слово должно быть всегда сообразно с настроением духа и ума говорящего, с тем оттенком, какой он хочет придать выражаемому понятию».

Он считал, что некоторые известные и даже общеупотребительные слова народного языка не всегда пригодны в речи образованного класса: «Так, глагол *плясать* мы не можем употреблять вместо иноязычного синонима его *танцевать*, и если бы обычная фраза: «*дама, с которой я танцевал*» приняла бы разговорную форму: «*женщина, с которой я плясал*», то едва ли кто из слушателей мог бы удержаться от невольной улыбки». И наоборот, некоторые слова, по мнению Грота, неуместны в разговорной речи: «*Учинить*, вместо *сделать*, нельзя сказать в разговоре, а особливо молодой девице» [Грот 1899:15].

Однако в целом Я.К. Грот дал высокую оценку «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля: «К труду этому будут обращаться все, кому нужно изучать с какой-либо стороны народную жизнь; он должен также сделаться настольной книгой всякого, кто вдумывается в родной язык, кто хочет короче узнать его богатство, а тем более, кто трудится над исследованием его законов». По словам Грота, Даль «указал нам на чистый и здравый родник языка народного, который, по его словам, – илён, свеж, богат, краток и ясен»» [Грот 1899:60]. «Разбор словаря В.И. Даля» может служить замечательным образцом одного из жанров научного стиля – рецензии. На основании этого «разбора» в 1870 году В.И. Далю была присуждена Ломоносовская премия.

Я.К. Грот очень внимательно относился к «биографии» любого слова. Так, он вспоминает, как появилось, а потом исчезло из повседневного употребления слово «чугунка». В начале строительства московской железной дороги народ прозвал её «чугункой», и это слово «всем показалось удачным». Однако оно не вошло в употребление. По мнению Грота, это произошло потому, что с этим словом для образованного человека «связывается понятие чего-то наивного, несовместимого с общим характером его речи».

Отношение Грота к заимствованиям было в высшей степени прагматичным. Он не считал язык застывшей системой и признавал его изменение и развитие. Так, он разделял мнение П.А. Вяземского о возможных изменениях в синтаксической системе языка, связанных с появлением новых идей и открытий. «Новые набеги в области мысли требуют часто и нового порядка, – писал П.А. Вяземский. – От них книжный синтаксис, условная логика частного языка могут пострадать, но есть синтаксис, есть логика общего ума, которые, не во гнев учёным будь сказано, также существуют» [Вяземский 1878: 97].

Академик Грот был не только выдающимся учёным, но просветителем и страстным популяризатором русского языка и культуры, о чём свидетельствуют его пособия по истории, русскому языку и литературе для шведов и финнов, среди которых «Учебник русского

языка», «Книга для чтения», «История России до Петра Великого» и другие.

Идеи академика Грота в области преподавания иностранных языков нашли воплощение в лучших учебных пособиях для инофонов. Одно из положений, с учётом которого должны строиться учебники и учебные пособия, учёный сформулировал так: «Ничто так не объясняет предметов учения, как открываемая между ними связь; этим только способом то, что само по себе казалось бы случайным и непонятным, приобретает смысл и законность; то, что иначе усвоилось бы только памятью, освещается соображением и входит в сознание [Грот 1873: 363].

Нетрудно видеть, что круг вопросов, которые входили в область научных интересов учёного, широк и многообразен, и роль филологических разысканий академика Я.К. Грота в истории русского языка трудно переоценить. О значении просветительской и научной деятельности Грота можно сказать словами академика А.А. Шахматова: «История нашей культуры и духовного развития в отдельных частях разработана Гротом разносторонне: им извлекались для этого материалы из истории языка, литературы, быта; широкое научное и литературное образование давало ему возможность освещать эти данные остроумными соображениями и ценными обобщениями» [Шахматов 1918: 1].

По нашему глубокому убеждению, жизнь и научные разыскания великих служителей языка должны быть в центре внимания не только представителей филологического сообщества, но и всех тех, кому дорога судьба русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В. Русская наука о русском литературном языке // Учёные записки МГУ, 1946, т. III, вып.106.
- Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.
- Вяземский П.А.// Полное собрание сочинений князя Вяземского в 12-ти тт. т.1. СПб., 1878.
- Грот Я.К.Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. СПб., 1876.
- Грот Я.К. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка. СПб, 1873.
- Грот Я.К. Филологические разыскания. Т.2. СПб., 1899.
- Грот Я.К. Язык Державина // Сочинения Державина. СПб., 1883.
- Крысин Л.П. О лексикографическом представлении русской разговорной лексики // Русский язык в культурно-историческом измерении. Тезисы докладов III Международной конференции «Культура русской речи». – М., Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2012.
- Лазуткина Е.М. Просветительство как языковая политика (концепция «Словаря русского языка» Я.К. Грота) // Русский язык в культурно-историческом измерении. Тезисы докладов III Международной конференции «Культура русской речи». – М., Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2012.
- Словарь русского языка, составленный вторым отделением императорской Академии наук. Т.1. А–Д. СПб, 1895.
- Шахматов А.А. Памяти академика Якова Карловича Грота. Сборник ОРЯС, №3. – СПб, 1918.

PHILOLOGICAL STUDY OF STYLISTICS AND LEXICOGRAPHY BY Y.K. GROT

Valentina Kuzmenkova
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
valentinaleks@gmail.com

In this article we talk about Y.K. Grot as representative of historico-stylistic and grammatic directions of language studies and his role in the state standardization of Russian written language. We also discuss his achievements in developing of the system of dictionary stylistic notes and his contribution to the studies of language and style of Russian writers of XVIII and XIX centuries.

Keywords: grammatic direction, historico-stylistic direction, literary language, spoken language, Russian spelling, style differentiation.

СОВЕРШЕННЫЙ ВИД СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА НА ФОНЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Гаврилова Валентина Ивановна

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ВИНТИ РАН, Москва, Россия
v_gavrilova@akado.ru*

В современной русистике общепризнано, что парадигму глагола совершенного вида (СВ) страдательного залога формируют предикативные формы страдательных причастий СВ на *-н/-т*. Обсуждается вопрос о возможности регулярного употребления в той же функции предикативных форм русских возвратных глаголов совершенного вида. Демонстрируется, что возможность реализации такого употребления зависит от типа энергетического обеспечения описываемого процесса. Выделено три типа глаголов с разным энергетическим обеспечением описываемых процессов: глаголы типа *построиться*, глаголы типа *разрушиться* и глаголы типа *свариться*. Тестирующей процедурой является распространение возвратной конструкции с помощью анафорической местоименной группы *сам собой*.

Ключевые слова: агентив, агентивная конструкция, пассив, пассивная конструкция, страдательный (пассивный) залог, агентивное дополнение, страдательная (пассивная) конструкция, декаузативная конструкция, местоименная группа «сам собой».

1. Уточнение терминологии

Обзор, представленный в монографии В.В.Виноградова [Виноградов 1972: 477–494], свидетельствует о том, что в рамках русской грамматической традиции представлены исследования, в концепции которых рассматриваются наборы залоговых значений, отличающиеся друг от друга, как по содержанию своих членов, так и по их количеству. Однако в номенклатуре залогов, предлагаемой любым из исследователей, всегда присутствует оппозиция, формируемая действительным (активным) залогом и страдательным (пассивным) залогом¹.

В рамках настоящего исследования нас будет интересовать, парадигматическое противопоставление лишь **предикативных форм** действительного и страдательного залогов. Устроенное несколько по-другому противопоставление **атрибутивных форм** действительного и страдательного залогов останется за пределами настоящего исследования.

Прототипическими переходными конструкциями условимся называть переходные конструкции, которые удовлетворяют следующим условиям:

- в качестве подлежащего переходной конструкции выступает существительное, являющееся наименованием производящего воздействие человека;

¹ Термины, содержащие прилагательные *страдательный* и *пассивный*, также *действительный* и *активный* употребляются в современной русистике в качестве свободных вариантов.

- в качестве прямого дополнения выступают существительные, являющиеся наименованием неодушевленной субстанции, изменяемой от воздействия человека;
- описываемое изменение неодушевленного пациенса является целью агенса-человека.

Прототипическими пациентивными конструкциями будем называть непереходные конструкции, которые удовлетворяют следующим условиям;

- существует такая прототипическая переходная конструкция, что она сама и рассматриваемая непереходная конструкция обозначают одну и ту же ситуацию действительности;
- подлежащее рассматриваемой непереходной конструкции кореферентно прямому дополнению такой переходной конструкции.

Каждая строка таблицы №1 представляет собой пример противопоставления прототипической переходной действительной конструкции и параллельной прототипической пациентивной страдательной конструкций. Необходимо отметить, что в русских грамматиках самого разного уровня иллюстративной базой противопоставления форм действительного и страдательного залогов служат именно **прототипические** переходные и **прототипические** пациентивные конструкции. Основное внимание в данном исследовании также будет сконцентрировано на осмыслении залогового статуса сказуемых **прототипических** переходных и пациентивных конструкций.

Таблица №1

(1перех)	Рабочие строят дом	(1пац_вз)	Дом строится [рабочими]
(2перех)	Рабочие строили дом	(2пац_вз)	Дом строился [рабочими]
(3перех)	Рабочие будут строить дом	(3пац_вз)	Дом будет строиться [рабочими]
(4перех)	Рабочие построят дом	(4пац_пр)	Дом будет построен [рабочими]
(5перех)	Рабочие построили дом	(5пац_пр)	Дом был построен [рабочими]
(5перех)	Рабочие построили дом	(6пац_пр)	Дом построен [рабочими]

Русские прототипические пациентивные конструкции подразделяются на **причастные прототипические пациентивные конструкции**, сказуемыми которых являются предикативные формы страдательных причастий, например (4пац_пр)-(6пац_пр), и **возвратные прототипические пациентивные конструкции**, сказуемыми которых являются предикативные возвратные глаголы, например (1пац_вз)-(3пац_вз).

Минимальными пациентивными конструкциями называются пациентивные конструкции, которые включают в свой состав только пациентивное подлежащее и сказуемое, при этом агентивное подлежащее параллельной переходной конструкции никакой словоформой в них не представлено. Мы будем говорить также о **минимальных**

страдательных конструкциях, поскольку страдательные конструкции являются одним из видов пациентивных конструкций.

В отечественной русистике конструкции из правого столбца таблицы №1 принято считать страдательными конструкциями. При этом агентивное дополнение *работчими* в составе этих конструкций объявляется необязательным, факультативным элементом. В конструкциях (1пац_вз)-(3пац_вз) и (4пац_пр)-(6пац_пр) это факультативное дополнение заключено в квадратные скобки для того, чтобы обозначить факт существования двух разных вариантов каждой из страдательных конструкций (1пац_вз)-(3пац_вз) и (4пац_пр)-(6пац_пр)

- минимальной страдательной конструкции;
- страдательной конструкции, распространенной с помощью агентивного дополнения в творительном падеже.

При этом необходимо отметить, что исследованиях, посвященных залогоу русского глагола, залоговой идентификации минимальных пациентивных конструкций не уделяется должного внимания. Так, хотя агентивное дополнение в творительном падеже и позиционируется как необязательный (факультативный) член страдательной конструкции, однако, это факультативное дополнение входит в состав практически всех обсуждаемых в грамматике иллюстративных примеров. В то время как минимальные двучленные страдательные конструкции отсутствуют в рядах приводимых иллюстративных примеров, например, в академических грамматиках [АГ 1952; АГ 1970; АГ 1980].

В результате особенности, присущие минимальным страдательным конструкциям, в академических грамматиках остаются не выявленными. Это лишает общепринятую залоговую концепцию необходимой объяснительной силы. Так, например, в академических грамматиках [АГ 1952; АГ 1970; АГ 1980] не содержится сведений, необходимых для ответа на вопрос о том, носит ли залоговый характер различие конструкций *Дом построился* и *Дом был построен*.

2. Влияние лексических особенностей основы глагола на залоговую характеристику его предикативных форм

В русистике влияние лексических особенностей основы глагола на его видовые характеристики является непререкаемой истиной. Изучение этого влияния применительно к видовым особенностям форм русского глагола, является предметом многочисленных общих и частных исследований.

В то же время научные исследования, посвященные залогоу, замыкаются на обсуждении особенностей конструкций и контекстов, способствующих проявлению у предикативной формы глагола страдательного значения, а влияние лексико-семантических характеристик глагольной основы, принимающей страдательное залоговое значение, не

становится предметом специальных исследований. Это отчасти является следствием невнимания к особенностям минимальных пациентивных конструкций. Далее мы продемонстрируем, что на материале именно минимальных пациентивных конструкций влияние лексических особенностей глагольной основы, принимающей залоговое значение, проявляется особенно ярко.

Как мы уже говорили, предметом исследований, осуществляемых в рамках общепринятой залоговой концепции, повсеместно являются такие пациентивные конструкции, в состав которых входит агентивное дополнение в творительном падеже. Пациентивные конструкции с предикативной формой глагола на *-ся* совершенного вида в качестве сказуемого не допускают вхождения в свой состав агентивного дополнения в творительном падеже.¹ Так, грамматически неправильными являются, например, конструкции:

*(4пац_вз_аг) *Дом построи**т**ся рабочими.*

*(5пац_вз_аг) *Дом построи**л**ся рабочими.*

Однако параллельно с такими распространенными пациентивными конструкциями существуют грамматически правильные минимальные пациентивные конструкции *(4пац_вз_аг)* и *(5пац_вз_мин)*, вопрос о залоговом статусе которых в академических грамматиках не рассматривается:

*(4пац_вз_мин) Дом построи**т**ся.*

*(5пац_вз_мин) Дом построи**л**ся.*

При этом семантические различия между минимальной возвратной пациентивной конструкцией *(5пац_вз_мин)* и минимальной причастной пациентивной конструкцией *(5пац_пр)* едва уловимы и с трудом поддаются объяснению, поскольку в них под разным углом зрения описывается одна и та же онтологическая ситуация.

*(1пац_вз) Дом строи**т**ся.²*

*(5пац_пр) Дом **был** построен.*

*(5пац_вз_мин) Дом построи**л**ся.*

В то же время семантические различия между значениями конструкций *(8пац_пр)* и *(8пац_вз_мин)* являются очевидными и существенными. Ведь в этом случае причастная и возвратная пациентивные конструкции описывают уже две разные онтологические ситуации.

¹ В [Гаврилова 2012; 2014] обсуждается вопрос о возможности приписывания статуса агентивного дополнения предложной группе существительного в родительном падеже с предлогом «у» в конструкциях *У купца строится (построился) дом, у мамы варится (сварилась) картошка.*

² У этого и следующего примера сохранены номера, под которыми они выступают в таблице №1.

А именно, в случае ситуации, описываемой возвратной конструкцией (8пац_вз_мин), деструктивные изменения состояния дома осуществляются вне целенаправленного воздействия извне со стороны человека. А ситуация, описываемая в причастной конструкции (8пац_пр), возникает в результате такого целенаправленного воздействия. Процессы, составляющие содержание каждой из этих двух онтологических ситуаций, хотя и приводят к **одному и тому же результирующему состоянию** неодушевленного подлежащего, однако различаются с точки зрения своего **энергетического обеспечения**:

(7пац_вз) Дом *разрушается*.

(8пац_пр) Дом *был разрушен*.

(8пац_вз_мин) Дом *разрушился*.

При этом если в перспективе СВ эти разные онтологические ситуации описываются с помощью пациентивных конструкций двух разных типов – возвратного в (8пац_вз_мин) и причастного в (8пац_пр), то в перспективе НСВ для описания обеих этих ситуаций используется только одна конструкция (7пац_вз) с возвратным глаголом-сказуемым НСВ.

Итак, конструкция (9пац_вз_мин) с предикативной формой возвратного глагола СВ *разрушиться* в качестве сказуемого описывает результат процесса, осуществившегося без какого-либо целенаправленного воздействия извне. А конструкцию (8пац_пр) с предикативной формой страдательного причастия СВ от переходного глагола *разрушить* в качестве сказуемого описывает процесс с тем же результатом, но осуществляющийся благодаря целенаправленному воздействию извне.

Глагол-сказуемое конструкции (8пац_пр) согласно традиции принято трактовать как форму **страдательного залога**. В то время как до недавнего времени в отечественной русистике не существовало специального термина для обозначения глагола-сказуемого конструкции (8пац_вз_мин). В работах [Долинина 1991; Падучева 2001] подобные сказуемые трактуются как декаузативные глаголы. Однако, при этом обсуждается лишь вопрос о возможности и невозможности сказуемого возвратно пациентивной конструкцией выражать декаузативное значение, а вопрос о залоговой принадлежности декаузативных глаголов этими исследователями на повестку дня не выносятся.

Итак, одно и то же результирующее изменение неодушевленной субстанции может достигаться либо благодаря целенаправленному воздействию со стороны человека, либо за счет такого самопроизвольного развития закономерного процесса, который обусловлен определенным переплетением материальных факторов. Эти два альтернативных способа достижения одного и того же результата описываются:

- в НСВ с помощью единой конструкции $N^{IM}V\text{-ся}^{НСВ}$, допускающей как страдательную, так и декаузативную интерпретацию.
- в СВ с помощью двух отдельных конструкций:
 1. $N^{IM}V\text{-ся}^{СВ}$, с декаузативной интерпретацией
 2. $N^{IM}CopPart\text{-н/-m}(V^{СВ})$ со страдательной интерпретацией.

Иными словами, если в перспективе НСВ процессы целенаправленного и самопроизвольного осуществления изменений в неодушевленных субстанциях имеют общее морфологическое оформление, то в перспективе СВ каждый из этих двух процессов обретает свое собственное морфологическое оформление.

Итак, как показывает сравнение пары примеров (5пац_пр) и (5пац_вз_мин), с одной стороны, и пары примеров (8пац_пр) и (8пац_вз_мин), с другой стороны, конструкции, соответствующие структурным формулам $N^{IM}V\text{-ся}^{СВ}$ и $N^{IM}CopPart\text{-н/-m}(V^{СВ})$ могут описывать:

- одну и ту же онтологическую ситуацию в случае, когда противопоставленными оказываются минимальные пациентивные конструкции со сказуемыми **построился** (5пац_вз_мин) и со сказуемым **был построен** (5пац_пр);
- две разные онтологические ситуации в случае, когда противопоставленными оказываются минимальные пациентивные конструкции со сказуемыми **разрушился** (8пац_вз_мин) и со сказуемым **был разрушен** (8пац_пр).

При этом конструкция (7пац_вз) *Дом разрушается* омонимична, т.к. описываемое разрушение может быть проинтерпретировано двояко: как не связанное ни с каким целенаправленным воздействием человека, так и как осуществляемое благодаря такому воздействию. На омонимии такого рода построена языковая игра в примере (9) *Армия у нас разлагается, и весьма искусно*. Пока произнесено только начало фразы *Армия у нас разлагается*, разложение армии интерпретируется как процесс, развивающийся вне целенаправленного воздействия извне со стороны человека, а после присоединения обстоятельственной группы *и весьма искусно* мы вынуждены переосмыслить ситуацию и проинтерпретировать процесс разложения армии как обусловленный таким целенаправленным воздействием.

Конструкция (5пац_пр) *Дом строится* однозначна, т.к. ей не присуща омонимия, свойственная конструкциям (8пац_вз_мин) и (9), поскольку семантика сказуемого **строится** исключает интерпретацию осуществления строительства вне целенаправленной деятельности человека.

Кроме того, необходимо отметить следующее:

- когда конструкция *Дом разрушается* описывает процесс, осуществляющийся вне волевых усилий человека, она может быть перефразирована с помощью конструкции *Дом разрушается сам собой*;
- когда конструкция *Дом разрушается* описывает процесс, осуществляющийся в рамках волеобусловленной деятельности человека, она может быть перефразирована с помощью конструкции *Дом разрушается не сам собой*.
- не омонимичная однозначная конструкция *Дом строится* допускает только перефразировку в которой местоименной группе *сам собой* предшествует отрицание *Дом строится не сам собой*.

В следующем разделе мы продемонстрируем, что операция распространения минимальных пациентивных конструкций с возвратными сказуемыми в НСВ с помощью местоименной группы *сам собой* не надумана, а встроена в языковую компетенцию носителя русского языка. Столкнувшись с пациентивной конструкцией с возвратным глаголом сказуемым НСВ, мы проверяем можно ли распространить ее с помощью местоименной группы *сам собой* без отрицания:

- возможность такого распространения свидетельствует об омонимичности исходной минимальной конструкции, т.е. о принадлежности ее сказуемого к глаголам типа *разрушить,-ся*;
- невозможность такого распространения свидетельствует об однозначности исходной минимальной конструкции, т.е. о принадлежности ее сказуемого к глаголам типа *построить,-ся*,

Дома не сами строятся, а их строят.

Пары действительных и страдательных конструкций из первых трех строк таблицы №1 Ю.Д. Апресян трактует как лексические конверсивы:

«Однако в большинстве случаев лишь один из участвующих в ситуации предметов может рассматриваться как инициатор, источник действия. *Дома не сами строятся, а их строят* /выделено мною В.Г./; вещи не сами считаются хорошими или плохими, а кто-то считает их таковыми и т. д. Поэтому слова *строиться, считаться* и т.п. не могут быть истолкованы сами по себе; единственный способ дать им определение состоит в том, чтобы свести их к исходному семантически, т. е. к предикату приписанному инициатору ситуации. Исходный конверсив получает независимое истолкование ..., которое затем переносится, с соблюдением ряда условий <...> на семантически несамостоятельный конверсив: *В строится X-ом = X строит В; В считается хорошим = Некоторые люди считают В хорошим* [Апресян 1995].

Этот текст является обоснованием равенства *В строится X-ом = X строит В*. По мнению автора *Х строит В* представляет собой исходный конверсив, а *В строится X-ом* семантически несамостоятельный конверсив. При этом в комментарий к этому равенству инкогнито без осознания этого факта автором текста проникла еще одна возвратная пациентивная конструкция со сказуемым *строятся*, а именно конструкция *Дома не сами строятся, а их строят*. Эта конструкция понадобилась для указания на онтологическую невозможность реализации ситуации строительства домов без участия человека.

Конструкции (10нсв), (11нсв) и (12нсв), входящие в состав процитированного выше текста,¹ с одной стороны, построенные нами конструкции (10св), (11св) и (12св), с другой стороны, совпадают друг с другом с точностью до видовой характеристики, используемых в этих конструкциях глаголов-сказуемых.

(10нсв) *Х строит дом*.

(10св) *Х построил дом*.

(11нсв) *Дом строится X-ом*

(11св) *Дом был построен X-ом*

(12нсв) *Дом не сам строится*.

(12св) *Дом не сам построился*.

(13нсв) *Дом не сам собой строится*.

(13св) *Дом не сам собой построился*.

Глагол-сказуемое *строится* в составе конструкций (11нсв) и (12нсв), при рассмотрении этих ситуаций в перспективе СВ преобразуется, соответственно:

- в причастное сказуемое *был построен* конструкции (11св).
- в возвратное сказуемое *построился* конструкции (12св).

Итак, конструкции (11нсв), в перспективе СВ соответствует конструкция (11св) со словоформой *был построен* в качестве сказуемого, т.е. причастная пациентивная конструкция. А конструкции (12нсв), являющейся результатом распространения пациентивной возвратной конструкции (11нсв) с помощью местоимения *сам*, в перспективе СВ соответствует конструкция (12св) со словоформой *построился* в качестве сказуемого, т.е. возвратная пациентивная конструкция.

Конструкции (10нсв) и (11нсв) могут быть приравнены друг к другу по значению. Однако, ситуация, описанная в конструкции (10нсв), может быть передана не только с помощью конструкции (11нсв), но еще и с помощью конструкции (12нсв). Из чего следует, что

¹ Эти конструкции подвергнуты легкой модификации, а именно: в (11нсв) символ В заменен на слово *дом*, а в (12нсв) множественное число подлежащего заменено единственным числом.

не имеется достаточных оснований для приравнивания друг к другу толкований глаголов *строить* и *строиться*. Ибо возвратный глагол *строиться* тождествен значению переходного глагола *строить* только в тех своих употреблениях, когда ему, как это имеет место, например в (10нсв) и (10св), в СВ соответствует предикативные формы страдательного причастия от глагола *построить*. А если, как это имеет место, например в (12нсв) и (12св), глаголу *строиться* в СВ соответствует предикативные формы глагола *построиться*, то возвратный глагол *строиться* передает такое значение, которое переходным глаголом выражено быть не может, а именно значение процесса, осуществляющегося в неодушевленной субстанции без целенаправленного воздействия человека.

В приведенной в начале этого раздела цитате предлагается признать семантическую первичность переходной конструкции по отношению к параллельной возвратной пациентивной конструкции. Правильность этого утверждения может быть поставлена под сомнение, поскольку возвратные глаголы способны выражать такое значение, которое парным переходным глаголом выражено быть не может.

Такие пациентивные конструкции как (12нсв) и (13нсв) или (12св) и (13св), отличающиеся друг от друга только тем, что одна конструкция включает в свой состав одиночное *сам*, а другая местоименную группу *сам собой*, практически синонимичны. Обозначение *сам (собой)* мы далее будем использовать для обозначения такого рода синонимии, имеющей место в тех случаях, когда эта местоименная группа употребляется в составе возвратных пациентивных конструкций, выполняя функцию анафоры к пациентивному подлежащему.

3. Местоименная группа “сам (собой)” как анафора к пациентивному подлежащему.

Наличие синонимических отношений между пациентивными конструкциями, включающими в свой состав одиночное местоимение *сам*, с одной стороны, и пациентивными конструкциями, включающих в свой состав местоименную группу *сам собой*, с другой стороны, первая заметила Н.А. Янко-Триницкая. При этом она расценила присутствие в пациентивной конструкции местоимения *сам* как «чрезвычайно простой современный способ устранения страдательного значения в возвратном глаголе путем нейтрализации пассивности действия этого глагола». По ее мнению сопутствующее «местоименное слово *сам* сообщает действию некоторую долю активности и тем самым разрушает страдательное значение. Местоимение «может сопровождаться формой *собой (собой)*, усиливающей указанное значение функцию слова *сам*» [Янко-Триницкая 1962: 127–128]. Для обозначения такого рода синонимии, имеющей место в возвратных пациентивных конструкциях, в предыдущем разделе мы условились использовать запись *сам (собой)*.

Итак, в пациентивной конструкции, например (14а) местоименная группа *сам (собой)* является анафорой к подлежащему-контроллеру, указывающей на то, что неодушевленное существительное, обозначающее подлежащее-контроллер этой пациентивной конструкции, обладает способностью к спонтанному выявлению своих внутренних свойств [Гаврилова 2003].

Необходимо отметить, что изъятие элемента *сам* приводит к потере грамматической правильности результирующей конструкции (14б). В то же время изъятие из (14а) элемента *собой* приводит созданию грамматически правильной конструкции (14в)

Форма *собой* является формой творительного падежа возвратного местоимения *себе*. Однако форма *собой*, входящая в состав конструкции (14а), не является дополнением к глаголу-сказуемому этой конструкции, а входит в состав детерминанта, являющегося единым целым, определяющим всю конструкцию целиком. Для констатации факта использования такого детерминанта служит обозначение *сам (собой)*, в котором элемент *собой* заключен в круглые скобки.

(14а) *Стакан разбился сам (собой).*

(14б) **Стакан разбился со бо ой*

(14в) *Стакан разбился с а м .*

Следует отличать группу *сам (собой)* в составе пациентивных конструкций от связанного *сам* [Кибрик 1996], включающего в свой состав:

- местоимение *сам*, являющееся анафорой для подлежащего-контроллера агентивной конструкции (15а)
- косвенное дополнение к глаголу-сказуемому этой агентивной конструкции, выраженного творительным падежом *собой* возвратного местоимения *себя*

В случае связанного *сам*, например в (15в), элиминирование элемента *собой* делает конструкцию грамматически не правильной, а изъятие компонента *сам* не влияет на грамматическую правильность конструкции, а лишь смещает смысловые акценты (15б).

(15а) *Мальчик и с а м с о б о й гордился.*

(15б) *Мальчик с о б о й гордился.*

(15в) **Мальчик с а м гордился.*

В состав агентивной конструкции (15а) входят два самостоятельных элемента: связанное *сам*, являющееся анафорой к агентивному подлежащему, и местоимение *собой*, являющееся сильноуправляемой формой при возвратном сказуемом.

В составе пациентивной конструкции (14а) элементы *сам* и *собой* составляют единое целое. При этом в тех случаях, когда местоимение *сам* без изменения содержания может

быть заменено местоименной группой *сам (собой)*, одиночное *сам* следует трактовать как эллиптический вариант местоименной группы *сам (собой)*.

Еще раз отметим, что функция анафорической группы *сам (собой)* состоит в том, чтобы показать, что вопреки инертности, связанной с ролевой сущностью пациента, в пациенте происходит самопроизвольное изменение присущих ему свойств. Иными словами, присутствие в составе возвратной объектной конструкции местоименной группы *сам (собой)* заставляет нас воспринимать изменение, происходящее с подлежащим этой конструкции как самопроизвольно развивающееся в неодушевленной субстанции, попавшей в соответствующие внешние условия.

Необходимо отметить, что сказуемые пациентивных конструкций, в состав которых входит местоименная группа *сам (собой)*, в СВ может оформляться только с помощью личных форм возвратных глаголов СВ.

Необходимо отметить, что это привносимое местоименной группой *сам (собой)* значение может быть как созвучными, консонансным, так и не созвучным, диссонирующим по отношению к лексическому значению глагола-сказуемого конструкции, распространенной с помощью этой местоименной группы. Рассмотрим с точки зрения такой созвучности–не созвучности возвратные пациентивные конструкции с глаголами типа *построить,-ся*, типа *разрушить,-ся* и типа *сварить,-ся*.

Если с помощью местоименной группы *сам (собой)* распространяются минимальные возвратные пациентивные конструкции с личными формами глаголов типа *разрушить,-ся* в качестве сказуемых, то присущее этим конструкциям значение самопроизвольного характера имманентных изменений неодушевленной субстанции только усиливается:

(16) *Рубашка разорвалась.*

(17) *Рубашка разорвалась сама (собой).*

При распространении с помощью местоименной группы *сам (собой)* минимальной конструкции с личными формами глаголов типа *построить,-ся*, например в (18) лексическое значение глагола-сказуемого входит в противоречие со значением спонтанности, обусловленным синтактико-морфологическими особенностями декаузативной конструкции. Это противоречие вызывает ощущение онтологической неправильности, т.е. несоответствия содержания распространенной конструкции порядку вещей, наблюдаемому в существующем зримом пространстве.¹

¹ Но существуют пространства, отличные от видимого трехмерного пространства, например, пространство сказки, где минимальная возвратная пациентивная конструкция с формой *построился* в качестве сказуемого, служит описанием такой глубинной событийной структуры, которая преподносит строительство как процесс, волшебным образом происходящий самопроизвольно. Так, в сказочном мире события, описываемые в конструкции *Мост построился*, являются семантически мотивированными, т.е. имеют глубинную событийную

(18) *Мост построился.*

(19) *Мост построился сам (собой).*

Однако вопрос об онтологической противоречивости может быть снят и за счет наложения модальной рамки, а именно, за счет встраивания перед местоименной группой *сам собой* отрицания (20а) или слов *как будто* (20б):

(20) *Мост построился не сам собой.*

(20б) *Мост построился как будто сам собой.*

В ниже приведенных литературных текстах онтологическая недостоверность пациентивных возвратных конструкций с глаголами СВ типа *построиться* также снята за счет присутствия местоименной группы *сам собой*:

(21) *Прежде всего, надо держать в вечной памяти, что во всех делах и действиях в жизни большее нужно предпочитать меньшему. Иначе он затеряется непременно и не выполнит ни большего, ни меньшего. Если же он выполнит большее, то меньшее **выполнится** уже **само собою*** (Н.В.Гоголь).

(22) *Я уверен в том, что всякие попытки **создать** сатиру обречены на полнейшую неудачу. Ее нельзя **создать**. Она **создастся сама собой**, внезапно, **создастся**, когда появится писатель, который сочтет несовершенной текущую жизнь и, негодуя, приступит к художественному обличению ее* (М.Булгаков).

(23) *Дурашливость архитектуры Василия Блаженного в ее непрактичности. И сколько в ней украшений без практических целей, просто так: вздумалось зодчему, и **сделал** (чуть-чуть не сказал **«сделалось»**), в церкви, в самом деле, много такого, что получилось как бы **само собой*** (Д.С.Лихачев).

(24) *Однако, тот факт, что ты не знаешь строителя, не мешает тебе признать, что он **был построен разумным человеком**. Сделать вывод, что дом **построился сам собой**, было бы глупо.*

3. Концепции категории залога в академических грамматиках русского языка и в национальном корпусе русского языка (НКРЯ)

В академической грамматике [АГ 1952] излагается концепция, согласно которой система залоговых противопоставлений русского глагола представляет собой тернарную оппозицию «действительный залог — страдательный залог — возвратно-средний залог».

Новаторство грамматик [АГ 1970; АГ 1980] в сфере описания залоговой системы русского глагола состоит в том, что в этих грамматиках система залоговых противопоставлений русского глагола представлена уже не как тернарная оппозиция, а как

структуру отличную от глубинной событийной конструкции *Мост был построен*. Например: *Не стал Янка ей перечить: открыл при жене табакерку, велел помощнику — и **построился** мост.*

бинарная оппозиция «действительный залог — страдательный залог». При этом возвратные глаголы-сказуемые, относимые в [АГ 1952] к возвратно-среднему залогу, в [АГ 1970; АГ 1980] трактуются как формы действительного залога.

Однако традицией отечественной русистики, которой следуют все три обсуждаемые академические грамматики, является приписывание разных залоговых характеристик, с одной стороны, предикативным формам глаголов на *–ся* (*–сь*)¹ со страдательным значением и, другой стороны, предикативным формам глаголов на *–ся* (*–сь*), обладающим любым отличным от страдательного значением.

Все три рассматриваемые академические грамматики едины также в том, что формы парного глагола НСВ на *–ся* со страдательным значением входят в состав парадигмы спряжения переходного глагола НСВ в страдательном залог. Что касается возвратных предикативных форм со значением, отличным от страдательного, то они образуют собственную парадигму спряжения, которая трактуется:

- в тернарной оппозиции [АГ 1952] как парадигма спряжения глагола на *–ся* возвратно-среднего залога.
- в общепринятой бинарной оппозиции как парадигма спряжения таких глаголов на *–ся* действительного залога, которые мотивированы переходными глаголами и «распределяются по нескольким семантическим разрядам» [АГ 1980: 617-618].²

Взгляд на залог русского глагола как на такую бинарную оппозицию в настоящее время получил очень широкое распространение [Шелякин 1991: 31], поэтому представленную в [АГ 1970; АГ 1980] залоговую концепцию мы далее будем называть **общепринятой (бинарной) залоговой концепцией**. Именно общепринятая бинарная концепция реализуется в «Грамматическом словаре русского языка», где, противопоставлены формы на *–ся* со страдательным значением и со значением, отличным от страдательного значения [Зализняк 1977: 6-7; 85]. При этом предикативные формы на *–ся* от глаголов НСВ, имеющие страдательное значение, входят в состав парадигмы спряжения в страдательном залог производящего переходного глагола. В то время как предикативные формы *–ся* с любым значением, отличным от страдательного, трактуются как глаголы действительного залога, которые как в НСВ, так и в СВ формируют свои собственные парадигмы спряжения, существующие параллельно с парадигмами производящих переходных глаголов.

Однако, при грамматической разметке текстов в рамках Национального корпуса русского языка (НКРЯ) не была реализована эта, казалось бы, стройная концепция. Причина этого в том,

¹ Далее мы будем использовать сокращенную запись – глаголы на *–ся*.

² Вопрос о необходимости корректировки этого списка ставится в [Гаврилова 2015а в печати]

что для реализации рассматриваемой общепринятой бинарной залоговой концепции нужно уметь определить, обладает или нет страдательным значением конкретное встретившееся в тексте употребление той или иной предикативной формы на *-ся*. Вопрос о необходимости создания процедуры, помогающей выбирать формы со страдательным значением из общей массы предикативных форм *-ся*, в рамках общепринятой залоговой концепции даже не поднимается. Иными словами, в общепринятой залоговой концепции не заложены даже теоретические предпосылки, необходимые для разработки такой процедуры.¹

Самостоятельных попыток разработать процедуру выделения предикативных формы глаголов на *-ся* со страдательным значением в НКРЯ не предпринимается, а вместо реализации общепринятой залоговой концепции в корпусе провозглашается существование трех грамматических залогов: действительного, страдательного и медиального, обозначаемых с помощью меток *act*, *pass med*, соответственно:

act – действительный залог (*разрушил, разрушивший*);

pass – страдательный залог (только у причастий: *разрушаемый, разрушенный*);

med – медиальный, или средний залог (глагольные формы на *-ся*: *разрушился* и т.п.).

При этом как формы медиального залога трактуются все без исключения употребления предикативных форм глаголов на *-ся*. И помеченными в качестве форм страдательного залога в текстах оказываются только предикативные формы страдательных причастий на *-н/-т*.

Как мы уже говорили, тернарный характер залоговой оппозиции русского глагола признается и в [АГ 1952], где помимо действительного и страдательного залога выделяется еще и возвратно-средний залог. Однако состав возвратно-среднего залога в этой академической грамматике отличается от состава медиального залога в НКРЯ тем, что в НКРЯ отнесенными к медиальному залогоу оказываются и предикативные словоформы на *-ся* со страдательным значением, которые традиционно всегда признавались основой формирования парадигмы спряжения переходного глагола НСВ в страдательном залогоу. Ведь предикативные формы причастий на *-м* и *-н/-т* от глаголов НСВ весьма немногочисленны.

Помеченными как формы медиального залога в национальном корпусе оказываются возвратные сказуемые *строится*, например конструкции (35)–(37):

(25) *Сейчас **строится** жилой дом по улице Кутузова.* [Петр Мельников. Строитель не может быть эмигрантом (2003) // «Московский комсомолец» в Сыктывкаре, 2003.08.06]

¹ В [Гаврилова 2014] обсуждаются препятствия, встающие на пути распознавание страдательного характера значений встретившихся в тексте возвратных сказуемых пациентивных конструкций. При этом высказывается мнение, что эти препятствия вряд ли могут быть преодолены в рамках общепринятой залоговой концепции.

(26) Пока же в Средиземном море близ острова Форментера, **строится** подводная ферма, на которой будут разводить асцидий. [С аквалангом в аптеку! // «Знание – сила», 2003]

(27) Сейчас предложение на столичном рынке новостроек крайне ограничено: на весь более чем 12-миллионный мегаполис строится 145 жилых комплексов. [Алексей Смирнов. Население спасает деньги // «Эксперт», 2015]

Подробно комментировать точку зрения создателей корпуса на залог русского глагола не представляется целесообразным, поскольку в НКРЯ очерчен только самый общий контур новой залоговой концепции русского глагола, основные положения которой в процессе развития корпуса будут уточняться. Ограничимся замечанием относительно того, что осуществляемая в рамках этого корпуса грамматическая разметка идет вразрез с привычными представлениями об устройстве залоговой парадигмы русского глагола.

С единообразием залоговой характеристики, присваиваемой в НКРЯ предикативным формам глаголов на *-ся* в пациентивных конструкциях, нельзя согласиться, поскольку принципиальным образом отличаются друг от друга отношения между субъектом и объектом, с одной стороны, в агентивных конструкциях и, с другой стороны, в пациентивных конструкциях, в которых в качестве сказуемых выступают предикативные формы глаголов на *-ся*. А именно, взаимоотношения переходных и пациентивных конструкций с парными переходным и возвратным глаголом в качестве сказуемых могут быть проинтерпретированы как разные диатезные представления одной и той же ситуации. В то время когда в случае противопоставления переходных и парных агентивных возвратных конструкций речь должна идти об актантной деривации, и, следовательно, о противопоставлении описаний двух разных ситуаций.

Например, агентивные конструкции со сказуемыми *-ся* (например, *умываться, ссориться*) и конструкции с парным переходным глаголом (например, *умывать, ссорить*) описывают разные онтологические ситуации и поэтому отношения, существующие между возвратным и парным переходным глаголами этого типа, должны быть охарактеризованы как **отношения актантной деривации**.

В то время как пациентивные конструкции со сказуемыми *-ся* (например, *строиться, вариться*) и конструкции с парным переходным глаголом (например, *строить, варить*), описывают одну и ту же онтологическую ситуацию, поэтому отношения, существующие между возвратным и парным переходным глаголом этого типа, укладываются в рамки **диатезных преобразований**.

Итак, следует признать неправомерным осуществляемое в НКРЯ приписывание одной и той же залоговой характеристики предикативным формам глаголов на *-ся*, выступающим в качестве сказуемых, с одной стороны, агентивных и, с другой стороны, пациентивных

конструкциям.

Следующий раздел посвящен описанию того, как мы себе представляем причины, обуславливающие необходимость отдельного и независимого друг от друга рассмотрения возвратной и причастной частей парадигмы спряжения русского глагола в страдательном залоге.¹

4. Влияние лексических особенностей основы глагола на залоговую характеристику его предикативных форм

В [Гаврилова 2015] обосновывается рабочая гипотеза, согласно которой тождество или различие онтологических ситуаций, описываемых с помощью конструкций $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$, и $N^{IM}Cop\ Part\text{-н/-т}(V^{CB})$, зависит от принадлежности переходного глагола V^{CB} , основа которого является словообразовательной как для $V\text{-ся}^{CB}$, так и для $Part\text{-н/-т}(V^{CB})$ к одному из трех типов:

1. к глаголам типа *разрушить, -ся*;
2. к глаголам типа *построить, -ся*;
3. к глаголам типа *сварить, -ся*.

Приведем краткое изложение этой гипотезы. Глаголы трех выделенных нами типов отличаются друг от друга способом энергетического обеспечения, описываемых этими глаголами процессов. Отличия энергетического обеспечения, релевантные для решения поставленной нами задачи, отражены в классификационных делениях следующей ниже таблицы:

Возможность осуществления процесса без какого-либо энергетического участия человека	Обязательность энергетического участия человека в роли агенса-производителя осуществляемого процесса	Обязательность энергетического участия человека в роли агенса-инициатора осуществляемого процесса
<i>Х разрушает дом.</i> <i>Х разрушил дом.</i> <i>Дом разрушается.</i> <i>Дом разрушился.</i> <i>Дом был разрушен.</i>	<i>Х строит дом.</i> <i>Х построил дом.</i> <i>Дом строится.</i> <i>Дом построился.</i> <i>Дом был построен.</i>	<i>Х варит картошку</i> <i>Х сварил картошку.</i> <i>Картошка варится.</i> <i>Картошка сварилась.</i> <i>Картошка была сварена.</i>

Как было установлено, онтологические ситуации, описываемые с помощью конструкций $N^{IM}V\text{-ся}^{CB}$, и $N^{IM}CopPart\text{-н/-т}(V^{CB})$:

1. в случае глаголов типа *разрушить, -ся* не пересекаются друг с другом;

¹ В НКРЯ при грамматической разметке текстов разные залоговые характеристики приписываются, предикативным возвратным формам и предикативным формам причастий на *-н/-т*. Однако в НКРЯ такая разметка не является следствием принятия принципиального системного решения, а обусловлено неправомерного присвоения всем без исключения предикативным формам на *-ся* статуса медиального залога, в результате чего как формы страдательного залога интерпретируются только предикативные формы причастий на *-н/-т*.

2. в случае глаголов типа *построить,-ся* тождественны друг другу;
3. в случае глаголов типа *сварить,-ся* частично тождественны друг другу.

Страдательный характер значения предикативных форм причастий на *-н/-м* от глаголов СВ, выступающих в качестве сказуемых пациентивных конструкций $N^{IM}CopPart-н/-м(V^{CB})$, **не зависит от энергетической характеристики переходного глагола**, словообразовательным дериватом которого является причастное сказуемое пациентивной конструкции. Иными словами страдательное значение присуще всем сказуемым причастных пациентивных конструкций без исключения.

Однако **декаузативный характер значения** возвратных предикативных форм предикативных форм глаголов СВ в составе пациентивных конструкций $N^{IM}V-ся^{CB}$ находится в зависимости от способа энергетического обеспечения описываемого ими процесса изменения неодушевленной субстанции. А именно, **декаузативное значение** сказуемых пациентивных конструкций присуще предикативным формам возвратных глаголов, образованным от глаголов СВ типа *разрушить,-ся* и типа *сварить,-ся*, и отсутствует у предикативных форм возвратных глаголов, образованных от глаголов СВ типа *построить*.

Глаголы типа *построить,-ся*.

Причина того, что **возвратные глаголы-сказуемые конструкций $N^{IM}V-ся^{CB}$, образованные от переходных глаголов типа *построить,-ся*** лишены возможности иметь декаузативное значение, состоит в том, что при такой лексической реализации сказуемых конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$ обозначают ту же ситуацию, что и страдательные конструкции $N^{IM}CopPart-н/-м(V^{CB})$. В [Падучева 2001: 61] по этому поводу говорится, что «у таких глаголов, как *вымыть, построить, разрезать, выкопать, выкрасить* нет декаузативов потому, что они однозначно агентивны».

Итак, в случае глаголов типа *построить,-ся* имеет место близость значений конструкций $N^{IM}V-ся^{CB}$, и $N^{IM}CopPart-н/-м(V^{CB})$, которая обусловлена тождеством онтологических ситуаций, описываемых конструкциями этих двух типов.

Глаголы типа *разрушить,-ся*.

В случае глаголов типа *разрушить,-ся* пациентивные конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$, и $N^{IM}CopPart-н/-м(V^{CB})$ описывают две разные **непересекающиеся** онтологические ситуации, которые обозначают, соответственно, ситуацию умышленного и неумышленного возникновения изменения пациента ситуации.

Рассмотрим группы конструкций(28) и (29):

(28) *Иван разорвал рубашку.*

У Ивана разорвалась рубашка.

*Рубашка **разорвалась**.*

(29) *Иван **разорвал** записку.*

*Записка **была разорвана** Иваном.*

*Записка **была разорвана**.*

В ситуации, описываемой в группе (38), нарушение целостности пациенса входит в зону целеполагания агенса. В качестве непереходных вариантов в этой группе конструкций выступают причастные пассивные страдательные конструкции.

В ситуации, описываемой в группе (39), в зону целеполагания агенса не входит нарушение целостности пациенса. Нарушение целостности возникает здесь как побочный эффект деятельности агенса, направленной на достижение каких-то других целей. В качестве непереходных вариантов этих альтернатив выступают декаузативные (возвратные пассивные) конструкции.

Итак, мы могли убедиться, что существуют две возможности интерпретации конструкции «*X разорвал Y*». Так, в случае лексической реализации *Y*-а посредством дополнения «*рубашку*» более естественной будет интерпретация с отсутствием целеполагания в зоне *X*-а, а в случае дополнения «*записку*» более естественной будет интерпретация с существованием целеполагания в зоне *X*-а, так как записки часто лишают целостности или даже уничтожают, чтобы их не прочитал кто-нибудь другой. Но может быть и по-другому, и на менее вероятную интерпретацию может указывать контекст, в частности, присутствие в конструкции, например, наречий «*специально*» или «*случайно*».

(30) *Иван **разорвал** рубашку специально.*

*Рубашка **была разорвана** Иваном.*

*Рубашка **была разорвана** [специально].*

(31) *Иван **разорвал** записку случайно.*

*У Ивана случайно **разорвалась** записка.*

*Записка **разорвалась** [случайно].*

С изменением трактовки присутствия целеполагания на отсутствие такового в переходной конструкции возвратный характер параллельной пассивной конструкции меняется на причастный, и наоборот. При этом параллельная возвратная конструкция (31) и без присутствия наречия *случайно* будет понята как передающая значения отсутствия целеполагания, в то время как параллельная причастная конструкция (30) и без присутствия наречия *специально* как передающая значения отсутствия целеполагания. Квадратные скобки, в которые заключены наречия *специально* и *случайно*, призваны указать на факультативность присутствия этих наречий, соответственно, в причастной и возвратной

пациентивных конструкциях.

Итак, существует две возможности интерпретации конструкции «*X разорвал Y*»: с наличием у *X*-а цели в зоне *Y*-а и отсутствием у *X* целеполагания в зоне *Y*-а.

Так, конструкции $N^{IM}COPPart-n/-m(V^{CB})$, с причастием от глагола типа **разрушить,-ся** в качестве сказуемого, например (32прич) описывают деструктивные изменения, имеющие умышленный характер. А конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$, с глаголом типа **разрушиться** в качестве сказуемого, например (33возв), описывают деструктивные изменения, имеющие неумышленный характер.

(32пер) Мальчик **разорвал** рубашку на бинты.

(32прич) Рубашка была **разорвана** на бинты.

(33пер) Мальчик **разорвал** рубашку, когда он лез на дерево.

(33возв) Рубашка у мальчика **разорвалась**, когда он лез на дерево.

При этом конструкции с предикативной формой причастия от глаголов СВ принято трактовать как **страдательные конструкции**, а конструкции с возвратным глаголом СВ – как **декаузативные** конструкции [Падучева 2101: 61]. Т.е. в случае (32прич) принято говорить о пациентивной конструкции страдательного характера, а в случае примера (33дек) – о декаузативном характере пациентивной конструкции.

В случае с глаголом типа **разрушить,-ся** декаузативный характер сказуемого в конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$, и страдательный характер сказуемого в конструкции $N^{IM}COPPart-n/-m(V^{CB})$ сопутствует разным значениям существительных, выступающих в функции подлежащих в параллельных переходных конструкциях. Так, подлежащее *мальчик* во фрагменте *Мальчик разорвал рубашку* из конструкции (33пер) существенно отличается по значения от одноименного подлежащего в таком же фрагменте из конструкции (32пер). Подлежащее *мальчик* в (32пер) служит для обозначения человеческого существа как носителя материального и волевого начал, а в (33пер) как носителя только материальных свойств своего тела, т.е. только одной телесной сущности человека, которая ненамеренно случайным образом включена в ситуацию деструкции (33пер). Ведь реализуемые мальчиком намерения никак не связаны с описываемым в (33пер) процессом деструкции рубашки.

Неверным для пациентивных конструкций $N^{IM}V-ся^{CB}$ с возвратными глаголами-сказуемыми, восходящими к переходным глаголам типа **разрушить,-ся**, представляется ставшее общим местом утверждение о том, что первичной морфологической формой является переходный глагол, а парный возвратный – это вторичная морфологическая форма. Ведь основная масса глаголов типа **разрушить,-ся** имеет либо деструктивное значение, либо значение самопроизвольного обнаружения таких физико-химических свойств, которые

внутренне присущи пациенту описываемой ситуации, определяются его природной сущностью. Поэтому конструкции $N^{HM}V\text{-ся}^{CB}$ с глаголами типа **разрушить,-ся** могут не иметь никакой сопоставимой переходной конструкции, например как в следующих конструкциях:

(34возв) Мясо **испортилось** (из-за неправильного хранения).

(35возв) Край скатерти **обтрепался**.

(36возв) Шерстяная юбка **наэлектризовалась**.

В случае, когда переходная конструкция, сопоставимая с конструкцией $N^{HM}V\text{-ся}^{CB}$ с глаголом типа **разушить,-ся** все-таки существует, подлежащее этой конструкции не является прототипическим подлежащим и обозначает:

- либо стихию, например как в (37пер)¹;
- либо человека, воспринимаемого как тело, лишенное волевого начала и подобное в этом аспекте неодушевленным материальным телам, например как в (33пер).

(37пер) Землетрясение **разрушило** дом

(37возв) Дом **разрушился** от землетрясения.

Кроме того, существует еще и переходная конструкция, например (38пер), в качестве сказуемого которой выступает глагол типа **разрушить,-ся** с прототипическим подлежащим, обозначающим человека, воспринимаемого как единство волевого и материального начал. Этой конструкции может быть сопоставлена только причастная пациентивная конструкция (38прич):

(38пер) Незаконно построенный дом **разрушили**.

(38прич) Незаконно построенный дом **был разрушен**.

Глаголы типа **сварить,-ся**

Для выявления закономерностей, управляющих распределением причастных и возвратных видов пациентивных конструкций в случае глаголов типа **сварить,-ся**, рассмотрим транзитивные группы конструкций (39)-(51):

(39) Иван **сварил** картошку.

Картошка была сварена Иваном.

(40) Иван **сварил** картошку.

Картошка сварилась.

(41) Иван **сварил** картошку.

У Ивана сварилась картошка.

Семантика глаголов приготовления пищи такова, что варка картофеля является целью агенса ситуации, описываемой в (39)-(41). Агенси конструкции с переходным глаголом типа

¹ «Вулканы, реки, солнце, дожди, ржавчина, наводнения и т.п. не выполняют никаких действий в точном смысле слова, т.е. не являются агенсами (каузаторами). Они могут быть лишь причиной определенных процессов, состояний и положения вещей» [Апресян 2004: 20-21].

сварить,-ся является агенсом-инициатором варки картофеля. Ибо специфика процесса варки и других видов горячего приготовления пищи такова, что существуют условия, необходимые и достаточные для того, чтобы картофель, находящийся в этих условиях достаточно долгое время без какого-либо непосредственного участия человека перестал быть сырым и стал вареным.

В случае глаголов типа *сварить,-ся* целенаправленная деятельность агенса сводится к созданию условий, необходимых и достаточных для осуществления описанной выше смены состояния картофеля. В самом процессе смены состояния картофеля непосредственного участия Иван принимать не может, он может действовать лишь как оператор технологического процесса варки, изменяя тепловые параметры водной среды, в которую помещен картофель.

Итак, в процессах горячего приготовления пищи вычленяются два этапа:

1. Этап инициации процесса (=создание соответствующих необходимых и достаточных условий) горячего приготовления пищи. В данном случае это помещение картофеля в водную среду и обеспечение притока энергии для длительного кипения воды.
2. Этап изменения состояния картофеля из сырого в вареное за счет длительного пребывания картофеля в кипящей воде.

Причастная пассивная конструкция *Картошка была сварена Иваном* из группы (39) описывает оба эти этапа как единое целое, как неделимый процесс «исходное состояние – воздействие – результат воздействия».

Минимальная возвратная пассивная конструкция *Картошка сварилась* из группы (40), описывает только второй этап развития этой двухэтапной ситуации. Она дает этот второй этап крупным планом, а первый иницирующий этап остается за кадром. Но говорящим осознается существование первого оставшегося за кадром этапа в развитии ситуации.

Некоторые исследователи трактуют возвратные глаголы типа *свариться* как глаголы, у которых удален агенс [Тестелец 2001: 225]. Но, по нашему мнению, это не так. Процессы горячего приготовления пищи немыслимы без участия в них человека. Ведь они вошли в жизнь человечества после великого открытия – обретения человеком умения разводить огонь.

Конструкции типа *Картошка сварилась* из группы (40) трактуются как декаузативные. Поскольку они по мнению И.Б. Долининой называют действие или состояние пассива, возникающее только под воздействием извне (при каузации), но в силу характера его восприятия говорящим, приобретающее статус как бы автономного действия, которое не связано непосредственно с каузатором. <...> рефлексивные глаголы с декаузативным значением называют некоторую «микроситуацию», которая является частью

каузативной макроситуации, но осмысливается по ряду причин (каузатор не известен, не виден, не существен) как самостоятельная ситуация” [Долинина 1991, 330-331]. А.К. Переверзев возражает против автономного осмысления каузативной и декаузативной ситуаций, поскольку он считает, что «это одна наблюдаемая (реальная) ситуация, но только каждый раз по-разному интерпретированная” [Переверзев 1996, 113-114]. А.К. Переверзев говорит, что каузативная и декаузативная ситуации «обозначают одну и ту же реальную ситуацию. И хотя знания говорящего о ситуациях, стоящих за каузативными и рефлексивными пропозициями, различны, они различаются лишь объемом признаков и полностью накладываются друг на друга” [Переверзев 1996: 113].

Наличие в процессе горячего приготовления пищи двух самостоятельных этапоситуаций в конструкции *Картошка была сварена Иваном* из группы (39) осталось незамеченным, процесс варки картошки описывается в этой конструкции как неделимый на этапы процессы. В то время как возвратная пассивная конструкция *У Ивана сварилась картошка* из группы (41), в которой существительное обозначающее агенса стоит в родительном падеже с предлогом «у», описывает ситуацию варки картофеля как ситуацию, в которой два описанных выше этапа представлены как два самостоятельных неразрывно связанных этапа. При этом агент воспринимается как агент-инициатор, создающий на первом этапе такое положение вещей, которое обуславливает возможность развития самопроизвольного процесса на втором этапе.

Агент, оформленный с помощью формы творительного падежа в страдательной конструкции из группы (39), – это агент, осуществляющий контроль-управление деятельностью, которая обеспечивает результат его целеполагания. Сложный двухступенчатый характер этой деятельности игнорируется. Деятельность воспринимается под углом зрения: «исходное состояние – деятельность – результативное состояние. Агент осмысливается как агент-производитель.

Агент, оформленный с помощью формы родительного падежа с предлогом «у» в декаузативной конструкции из альтернативы (41), это агент, осуществляющий инициацию второго этапа и контроль-мониторинг второго этапа, содержанием которого является развитие самопроизвольного процесса, обеспечивающего результат целеполагания агенса.

Глаголы типа *сварить,-ся* с прототипическим агентом-инициатором занимают промежуточное положение между глаголами типа *разрушить,-ся* и типа *построить,-ся*, благодаря тому, что процесс изменения пациента ситуации, описываемой глаголами типа *сварить,-ся*, как мы уже говорили, осуществляется в два этапа. При этом ситуация, описываемая с помощью конструкций $N^{IM}COPPart-n/-m(V^{CB})$ с предикативной формой причастия, восходящей к глаголу типа *проветрить*, например (41), охватывает как первый,

так и второй этап процесса преобразования пациентивного подлежащего и поэтому его осуществление предполагает обязательное энергетическое участие человека. Это объединяет те онтологические ситуации $N^{IM}CopPart-n/-m(V^{CB})$, сказуемыми которых являются, с одной стороны, глаголы типа **сварить,-ся** и, с другой стороны, глаголы типа **построить,-ся**.

Онтологическая ситуация, описываемая с помощью конструкций $N^{IM}V-ся^{CB}$ с возвратными глаголами-сказуемыми, являющимися глаголами типа **сварить,-ся** соответствует второму этапу преобразования пациентивного подлежащего. На этом этапе реализации процесса остается за кадром агенс-инициатор, создающий условия для запуска саморазвивающегося процесса. Глаголы-сказуемые типа **сварить,-ся**, когда они используются в составе конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$ для описания второго этапа, сближаются с глаголами-сказуемыми типа **разрушить,-ся**. А именно их объединяет то, что описываемые ими процессы являются саморазвивающимися, т.е. осуществляются без воздействия извне. Различна лишь природа инициации этих саморазвивающихся процессов — антропогенная у глаголов типа **сварить,-ся** и природно-стихийная у глаголов типа **разрушить,-ся**.

Конструкции $N^{IM}V-ся^{CB}$ с глаголами-сказуемыми типа **сварить,-ся** в [Падучева 2001: 54] признаются декаузативными. При этом оговаривается, что в ситуации, описываемой с помощью глагола **сварить,-ся** «каузативом, помимо деятельности человека, является источник температуры – огонь». Необходимость этой оговорки объясняется наличием в процессах, описываемых с помощью глаголов с иницирующей переходностью, двух разнородных этапов.

Итак, нам удалось обосновать следующие положения:

- предикативные формы возвратных глаголов типа **разрушить,-ся** и типа **сварить,-ся**, функционируя в качестве сказуемых пациентивных конструкций, обретают декаузативное значение;
- предикативные формы возвратных глаголов типа **построиться** декаузативного значения выражать не могут, однако могут претендовать на статус форм страдательного залога СВ.

5. Различия грамматической природы возвратной и причастной парадигмы спряжения русского глагола в страдательном залоге

В современной отечественной русистке общим местом (тризмом) стало следующее утверждение: «Категория залога, понимаемая как оппозиция актив-пассив, оказывается синтаксической по сравнению с другими категориями глагола. Противопоставление залоговых форм не может быть отделено от противопоставления залоговых оборотов. <...> На морфологическом уровне противопоставление залоговых форм лишено смысла, так как

его можно понять только в связи с различием соответствующих синтаксических конструкций» [Буланин 1976: 10].

Но так ли это на самом деле? Положительный или отрицательный вариант ответа на этот вопрос предопределяется тем, какой способ морфологического оформления предикативной формы страдательного залога был выбран.

Ведь в том случае, когда в качестве средства морфологического оформления страдательного залога выступают предикативные формы страдательных причастий, противопоставление залоговых форм отнюдь не лишено смысла и является продуктивным и на морфологическом уровне. Ведь **предикативные формы страдательных причастий** всегда, т.е. независимо от контекста их употребления, всецело благодаря способу своего морфологического оформления, осознаются носителями русского языка в качестве форм, выражающих страдательное значение. Именно этим обусловлено включение прилагательного «страдательный» в грамматические термины, именующие эти причастия.

Противопоставление залоговых форм на морфологическом уровне лишено смысла лишь в том случае, когда реализация страдательного залога осуществляется с помощью **возвратных предикативных форм**, поскольку при установлении залоговой принадлежности этих морфологических форм нельзя обойтись без рассмотрения особенностей контекста их употребления.¹

Из этого следует, что возвратные пассивные конструкции, с одной стороны, и причастные пассивные конструкции, с другой стороны, являются структурами разной грамматической природы. В пользу этого сделанного нами заключения свидетельствует и анализ следующего фрагмента из определения залога:

«Глаголы страдательного залога формируют /разрядка моя – В.Г./ пассивную конструкцию (*дом строится, построен рабочими*); глаголы действительного залога формируют активную конструкцию (*рабочие строят, строят дом*). В спрягаемой форме глагола залог выявляется в оппозиции актива/пассива //разрядка моя – В.Г./. Формально он выражается сопоставлением постфикса –ся (-сь) и его отсутствием: *дом строится рабочими — рабочие строят дом*» [АГ 1970: 351].

В состав этого определения входят два утверждения, в одном из которых говорится, что глаголы страдательного залога **формируют** страдательную конструкцию, а в другом – что глаголы страдательного залога **выявляются за счет присутствия в составе** страдательной конструкции. Эти два утверждения друг с другом несовместимы.

¹ При этом грамматистами должны быть сформулированы специальные требования, которым должен отвечать контекст, обеспечивающий констатацию наличия у предикативной возвратной формы страдательного значения. Однако, как продемонстрировано в [Гаврилова 2014: 17-19] перечень такого рода условий до сих пор остается не выработанным.

Так, одновременное присутствие в описании этих двух утверждений делает это описание внутренне противоречивым, поскольку получается, что понятие «страдательный залог» в нем вводится с опорой на понятие «страдательная конструкция», а понятие «страдательная конструкция» — с опорой на понятие «страдательный залог». Таким образом, интерпретация страдательной конструкции как бы балансирует между пониманием ее, с одной стороны, как причины и, с другой стороны, как следствия существования грамматической категории «страдательный залог».

В приводимой ниже скорректированной формулировке обсуждаемого определения залоговой оппозиции «действительный залог — страдательный залог» внутренняя противоречивость снята за счет того, что только с **причастным способом морфологического оформления страдательного сказуемого** увязано утверждение, согласно которому **формирование** пассивной конструкции опирается на то, что его сказуемое является словоформой страдательного глагола.

Что касается **морфологического оформления страдательного сказуемого** конструкций с помощью **предикативных форм глаголов на -ся**, то в новой редакции говорится о присвоении страдательного статуса сказуемым, оформленным таким образом, только в том случае, если **пациентивные возвратные конструкции, сказуемыми** которых эти предикативных форм глаголов на -ся являются, были признаны **страдательным** конструкциям без использования ссылки на залоговый статус их сказуемого.

«Глаголы страдательного залога выступают в качестве сказуемых пассивных конструкций (*дом строится, построен рабочими*); глаголы действительного залога выступают в качестве сказуемых активных конструкций (*рабочие строят, построят дом*). В тех случаях, когда в качестве способа морфологического оформления страдательного залога выступает предикативная причастная форма, эта причастная предикативная форма **формирует** пассивную конструкцию: *дом построен рабочими — рабочие построили дом*. В тех случаях, когда сказуемое переходной и параллельной пациентивной конструкции выражается сопоставлением постфикса -ся (-сь) и его отсутствием: *дом строится рабочими — рабочие строят дом*», страдательный характер формы -ся (-сь) **выявляется за счет констатации** (минуя опору на залоговый статус их сказуемого) **страдательного характера пациентивной конструкции**, включающей эту словоформу на -ся (-сь) в качестве сказуемого. Формально залоговое противопоставление выражается либо сопоставлением постфикса -ся (-сь) и его отсутствием, либо предикативными формами переходного глагола и страдательного причастия: *дом строится рабочими — рабочие строят дом* и *дом построен рабочими — рабочие построили дом*».

Принято считать, что в НСВ выражается с помощью предикативных форм возвратных

глаголов, а в СВ – с помощью предикативных форм причастий на *-н/-т*. Однако такая парадигма спряжения русского глагола в страдательном залоге является огрублением действительной картины, наблюдаемой в парадигме спряжения русского глагола в страдательном залоге. А именно, «глаголы СВ выражают страдательный залог преимущественно формой краткого страдательного причастия; глаголы НСВ выражают страдательный залог преимущественно возвратным глаголом с постфиксом *-ся* в страдательном значении /Разрядка моя – В.Г. / [АГ 1980: 616].

Причиной не абсолютного, а преимущественного характера употребления в НСВ в качестве сказуемых страдательных конструкций форм глаголов НСВ с постфиксом *-ся*, является то, что в НСВ сказуемые страдательных конструкций могут быть оформлены еще и с помощью предикативных форм причастий на *-н* или *-н/-т* от глаголов НСВ. Но эти формы малочисленны в силу непродуктивности их словообразовательных моделей.

То обстоятельство, что использование предикативных форм причастий на *-н/-т* от переходных глаголов СВ оценивается как не абсолютный, а преимущественный способ оформления страдательного залога в СВ, получает объяснение в примечании, приводимом в [АГ 1980: 616] в § 1461. В этом примечании говорится, что кроме кратких страдательных причастий на *-н/-т* от переходных глаголов СВ в качестве альтернативной формы в парадигме страдательного залога в СВ могут использоваться и личные формы возвратных глаголов СВ.¹ Эта альтернативная возможность объявляется редким отступлением от общепризнанной нормы.

При этом в качестве иллюстрации страдательного значения возвратного сказуемого СВ в пассивной конструкции приводятся примеры :

*(42возв) Известия о судьбе женщины **вышлются** мне сюда (Л.Толст.).*

*(43возв) Скоро из самовара **дольются** крутым кипятком стаканы (Катаев).*

*(44возв) Здесь палец **не порежется** ножом (Ахмат.).*

Операция замены в примерах (42возв)-(44возв) возвратных сказуемых СВ на предикативные формы страдательных причастий СВ на *-н/-т* приводит к созданию практически синонимичных конструкций (42прич)-(44прич).

*(42прич) Известия о судьбе женщины **будут высланы** мне сюда.*

*(43прич) Скоро из самовара **будут долиты** крутым кипятком стаканы.*

*(44прич) Здесь палец **не будет порезан** ножом.*

По нашему мнению, если признавать декларированную в [АГ 1980: 617] возможность выражать страдательное значение с помощью предикативных форм возвратных глаголов СВ,

¹ Эта проблема обсуждается в работах [Гаврилова 2008; 2014].

то придется признать и то, что только предикативные формы от глаголов типа *построиться* могут претендовать на реализацию роли форм со страдательным залоговым статусом. При этом будет ликвидировано такое положение вещей, при котором пассивным конструкциям с глаголами типа *построиться* отказано как в страдательном, так и в декаузативном статусе. Ведь возвратные глаголы СВ типа *построить,-ся*, функционирующие в качестве сказуемых, например пассивных конструкций, например *Дом построился*, во-первых, остаются вне поля рассмотрения при изложении концепции грамматического залога русского глагола и, во-вторых, как сказано в приведенной цитате [Падучева 2001: 61], не признаются формами декаузативных глаголов.

Итак, если отказаться от объединения в рамках единой парадигмы предикативных форм страдательных причастий и предикативных форм на *-ся (-сь)* со страдательным значением, то мы получим концепцию, согласно которой существуют две самостоятельные парадигмы спряжения русского глагола в страдательном залоге, а именно: страдательная причастная парадигма и страдательная возвратная парадигма.

Страдательная причастная парадигма объединит предикативные формы страдательных причастий как от глаголов СВ, так и от глаголов НСВ. При этом для большинства переходных глаголов НСВ причастная парадигма спряжения в страдательном залоге будет дефектной.

Страдательная возвратная парадигма объединит предикативные формы возвратных глаголов со страдательным значением как от глаголов НСВ, так и от глаголов СВ. В этой парадигме дефектность парадигмы страдательного залога будет свойственна глаголам СВ.

ЛИТЕРАТУРА

- АГ 1952: Грамматика русского языка, т.1. М., 1952.
АГ 1970: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
АГ 1980: Русская грамматика, т. 1, М., 1980.
Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., —Нага”, 1995.
Буланин Л.Л. Залог как грамматическая категория глагола. // «Ученые записки Казанского педагогического института», 1976, вып 161, Вопросы теории и методики изучения русского языка, сб. 11.
Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
Гаврилова В.И. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей. // Логический анализ языка. Космос и хаос. Москва, 2003. С. 256-285.
Гаврилова В.И. Термины —«каузатив” и —«пассив” как конкурирующие термины // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник научных трудов в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008.
Гаврилова В.И. Морфологическое оформление агенса-производителя и агенса-инициатора // Труды конференции памяти А.Е. Кибрика. М., 2012.
Гаврилова В.И. К вопросу о залоговом статусе возвратных сказуемых квазипассивных конструкций // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2014. № 7.
Гаврилова В.И. Два морфологических способа оформления в русском языке сказуемых пассивных конструкций в совершенном виде. // Аспектуальная семантическая зона: типология

систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото, 2015.

Долинина И.Б. Рефлексивность и каузативность (категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносительных с каузативными конструкциями). // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. Санкт-Петербург, «Наука», 1991.

Кибрик 1996 Связанные употребления лексемы сам (системно-когнитивный анализ). // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М.: Индрик, 1996.

Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.

Переверзев А.К. Семантика каузации на фоне лексической и пропозициональной типологии // ВЯ, 1996. № 5. С.107-118.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: Из-во РГГУ, 2001.

Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

THE IMPERFECTIVE ASPECT OF PASSIVE VOICE ON THE BACKGROUND OF ONTOLOGICAL SITUATION'S ENERGY FEATURES

Valentina Gavrilova

PhD, VINITI RAS, Russia, Moscow

v_gavrilova@akado.ru

In contemporary Russian linguistics it is known that passive voice predicates in perfect aspect are formed only with the help of short forms of perfect passive participial. It is discussed whether regular usage of predicate forms of Russian perfect reflexive verbs in this function is also possible. It is demonstrated that possibility of such usage depends on the energy supply type of process described. There are three energy supply types: verbs of the *build* type, verbs of the *destroy* type and verbs of the *boil* type. The phenomena are tested by constructing phrases in which there are anaphoric pronominal group —of itself”.

Keywords: agent, agentive construction, patient, patientive construction, passive voice, passive construction, decausative construction, pronominal group —fitself”.

О КОРРЕЛЯТИВНО-МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Елистратов Владимир Станиславович

*доктор культурологии,
профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета
иностраных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
vse.slova@mail.ru*

Среди других функций языка магическая очень актуальна. Этот факт часто недооценивается. Коррелятивно-магическое мышление, противоположное причинно-следственному, в языке реализуется прежде всего в симпатической метафорике и контагиозной метонимике и имеет синтетическую природу. В синтетической русской лингвокультуре коррелятивно-магическая функция особенно актуальна.

Ключевые слова: коррелятивно-магическая функция языка, лингвокультурософия, симпатическая метафорика, контагиозная метонимика, коррелятивно-магический синтетизм, лингвокультурософская рефлексия.

Среди других функций языка (коммуникативная, регулятивная, фатическая, эмоционально-экспрессивная и др.) магическая функция занимает довольно «зыбкое» место. Иногда она вообще считается частным случаем других функций (Р. Якобсон [Якобсон 1985]). Чаще всего ей отводят некую локальную, т.н. «заклинательную» роль [Мечковская 2000:24], т.е. относят к сфере заговоров, заклинаний, божбы и т.п., тем самым оттесняя в заведомо «атавистическую», маргинальную сферу. Само слово «магия» имеет опять же некую маргинальную окраску.

Между тем, на наш взгляд, магическая функция является, хотим мы того или нет, одной из ведущих. Здесь мы входим в область лингвокультурологии, или даже точнее – *лингвокультурософии*. Именно софийный подход (С.Н. Булгаков и др.), как нам кажется, может многое прояснить в данной проблеме.

Начиная со структурализма Ф. де Соссюра, лингвистика почти однозначно остановилась на том, что языковой знак имеет конвенциональную природу, т.е. связь между означающим и означаемым условна, иначе говоря, «тесей» («онома») окончательно победило «фюсей». Поэтому неконвенциональное восприятие знака рассматривается как своего рода «вынужденный предрассудок» правого полушария мозга, как «правополушарный реликт».

Но этот «реликт», тем не менее, существует, и многие философы языка (М. Хайдеггер и др.), каждый по-своему, подчеркивают его колоссальную роль в лингвокультуре.

Сложность заключается еще и в том, что западноевропейское мышление, начиная с античности, в целом носит причинно-следственную природу, а причинно-следственное (условно говоря – «левополушарное») мышление резко противопоставлено магическому, или

коррелятивному («правополушарному»). Последнее в западной культуре (орфики, пифагорейцы и т.д.) было оттеснено на периферию. Можно даже в рабочем порядке провести водораздел между двумя ключевыми именами античности: Аристотель и Платон.

Платон с его «эйдосами» – глубоко «коррелятивно-магичен», неслучайно он более, образно говоря, «восточный» мыслитель, чем обобщивший западное «причинно-следственное» наследие и ставший основой западной культуры средневековья, возрождения, нового и новейшего времени Аристотель.

Хорошо известно, что более коррелятивно-магично («правополушарно») мышление иероглифических культур, например, китайской. Иероглифика, «вышедшая» из пиктографии, намного менее конвенциональна, чем алфавитные письмо. И там магия далеко не на «периферии».

Обычно на бытовом уровне, говоря о магии, мы думаем в худшем случае об оккультизме, в лучшем – о религиозной апелляции к т.н. высшим силам. Но это сильное упрощение. Это – узкое и предвзятое понимание магии.

Что такое «словесная магия»? Это непреодолимая вера человека в то, что он может непосредственно воздействовать на окружающий мир с помощью слова. В этом смысле и коммуникация, и экспрессия, и эстетика, и фатика и т.д. – все эти компоненты речи неизбежно включают в себя коррелятивно-магическую составляющую. По воле или помимо воли говорящего или пишущего.

Дж. Фрэнгер [Фрэнгер 1980] дал известную классификацию магического мышления, выделив два основных его типа – симпатический и контагиозный.

Если экстраполировать эти типы мышления на язык, то мы можем говорить о *симпатической метафорике* (ибо метафора имеет симпатическую природу, поскольку основана на сопряжении подобных, похожих, близких явлений) и *контагиозной метонимике* (метонимия и синекдоха как ее разновидности основаны, как всем известно, на смежности, т.е. как бы на «взаимозаразительности» явлений при их контакте).

Любая метафора или метонимия (это, на наш взгляд, ключевые единицы лингвокультурософии) коррелятивно-магична. Она вроде бы начисто лишена практического значения и, вместе с тем, является попыткой магического воздействия на мир. Магия метафорически и метонимически сопрягает «вещи мира» (как говорил А. Платонов), заставляет их «коррелировать» друг с другом. И, естественно, предполагает, что мир целен (Я. Смэтс ввел для выражения данной идеи ставший популярным термин «холизм») и все в нем взаимосвязано. В русском мышлении это и есть софийность. Магия принципиально синтетична, в отличие от аналитического в своей основе причинно-следственного мышления.

В этом смысле, как нам кажется, синтетизм языка, и в строго лингвистическом (грамматическом), и в широком лингвокультурософском понимании данного термина является показателем его «повышенной» магичности, словно бы предрасположенности к интенсификации коррелятивно-магической функции (или же, наоборот, ее следствием, но это уже вечный вопрос о «курице и яйце»).

Мы привыкли повторять, что «поэт в России больше, чем поэт», что наша культура очень лингвоцентрична (или – логоцентрична, литературоцентрична). Это действительно так. Можно выразиться и иначе: в русском языке очень велик коррелятивно-магический синтетизм. По крайней мере так было до сих пор.

Изменится ли ситуация в будущем – вопрос остается открытым. Мы, конечно, можем констатировать роль аналитизма в русском языке (скажем, резкое увеличение заимствованных т.н. слов-биномов, вроде «топ-модель» или «сейлз-менеджер» и т.д. и т.п.), но базовый («софийный») синтетизм русского языка пока сомнению не подвергается, а значит сохраняется и его мощная коррелятивно-магическая функция.

В частности, она проявляется в том поистине экзистенциальном напряжении, которое царит в российском обществе вокруг вопросов о языке в целом, о его состоянии, «деградации», «защите» и т.п.

При всей подчас вопиющей наивности обсуждений в СМИ проблем заимствований, жаргона, падения интереса к чтению и прочих аспектов современной русской лингвокультуры, уже сам факт таких обсуждений показателен. Все это – традиционная российская *лингвокультурософская рефлексия*, которая, без всякого преувеличения, является массовым явлением и свидетельствует о подлинной «магичности» русской языковой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 2000.
Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.
Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

ABOUT THE CORRELATIVE-MAGICAL FUNCTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Vladimir Elistratov
Dr. Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow

Among other functions of the language the magic function is quite relevant. This fact is often overlooked. Correlative-magical thinking stands opposite to the cause-and-effect thinking, and it can be actualized in the language primarily in the sympathetic metaphor and the contagious metonymic and has a synthetic nature. In the synthetic Russian linguoculture correlative-magic function is particularly relevant.

Keywords: correlative-magical function of language, linguoculturology, sympathetic metaphor, contagious metonymia, correlative-the magic synthesis, linguoculturological reflection.

АСИММЕТРИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ СМЫСЛОВСПРИЯТИЯ И СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ

Чернейко Людмила Олеговна

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
avollis@mail.ru*

Статья посвящена проблеме асимметрии языкового знака. Полисемия как один из ее модусов снимается слушающим, восстанавливающим из контекста необходимый смысл, а синонимия – говорящим, выбирающим из предлагаемых системой возможностей знак, необходимый для передачи смысла в определенных речевых условиях. В обыденных диалогах раскрывается большой текстопорождающий потенциал многозначных глаголов. В публицистике и научной речи таким потенциалом обладают абстрактные имена существительные, за которыми стоят как "ключевые" понятия культуры, так и специальные термины.

Ключевые слова: асимметрия языкового знака, герметичность текста и его открытость, «текстовые эквивалентности», наложение значений.

1.1. Общий для лингвистов и литературоведов объект исследования – это широко понимаемое слово: сказанное и написанное, воспроизводимое и вновь создаваемое, в функциях строевой и означивания, в сугубо номинативной и оценочной, т.е. слово, взятое во всех аспектах его функционирования и структурных особенностей. Изначально филология видела свое назначение в изучении и толковании письменных текстов, понимание которых открывало путь к тексту, а через текст – к культуре. В связке «говорящий-слушающий» (resp. «пишущий-читающий») филология отводит центральное место не говорящему, тому, кто кодирует смысл, а слушающему, тому, кто его «распаковывает». В филологии как «науке и службе понимания» (С.С. Аверинцев) термин *слово* занимает главное место как плоть мысли, которую можно воспринять – услышать и понять. И этимология связывает этот базовый термин культуры с идеей слышания и семантикой старославянского глагола *слоути* (‘слыть’, ‘звучать’).

Однако в рамках установившейся лингвистической традиции разделения грамматики на активную и пассивную активной считается позиция говорящего. При этом никто не отважится оспорить приоритет понимания (схватывания смысла сказанного) над говорением и в онто-, и в филогенезе, что афористически сформулировал Р. Якобсон: «Сфера нашей декодирующей деятельности шире нашей кодирующей способности» [Якобсон 1985: 294]. Это означает, что человек начинает понимать раньше, чем говорит, и понимает больше, чем говорит. Ребенок, овладевающий родной речью, начинает с ее понимания. Что касается изучения иностранного языка, то и здесь определяющим является навык аудирования.

1.2. В лингвистической аксиоматике (независимо от избранного ею метода) центральное

место занимает один из ее базовых постулатов, сводящийся к тому, что единственной эмпирической реальностью, данной в руки лингвисту, является речь, а все концепции устройства языка, выводимые из ее анализа, представляют собою гипотетические конструкции, отражающие определенную точку зрения исследователя или научного направления. При этом «реальность исследуемого объекта неотделима от метода, посредством которого объект определяют» [Бенвенист 1974: 129]. Об этом следует помнить всем лингвистам, особенно молодым, которые традиционным терминам предпочитают относительно новые, такие как, например, *концепт* и *дискурс*, придавая им не инструментальный, эпистемологический статус, а такой же, каким обладает только речь как материальное воплощение языка, т.е. онтологический. Не менее важно осознавать, что в речи нет отдельно ни грамматики, ни фонетики, ни семантики, но есть говорящий со своей языковой компетенцией и коммуникативной интенцией и слушающий с тем же набором параметров.

1.3.1. В диахронии термин *знак* связан деривационными отношениями с глаголом *знать*. Мы уже как-то знакомы с предметом, вещью, явлением, когда знаем, как их нарекают, когда знаем имя. Как писал А.Ф. Лосев, «слово поднимает вещь, которой оно принадлежит, в сознание» [Лосев 1993: 817]. Именно с означиванием внеязыковой действительности, с ее семиотизацией как единственным универсальным способом хранения информации о мире и условием коммуникации и таким следствием семиотизации, как категоризация действительности, ее членение на классы, связана когнитивная функция языка. Однако, как известно специалистам по сопоставительному изучению лексической семантики разных языков, каким бы богатым ни был тот или иной язык в определенном лексико-семантическом пространстве (а языки по лексическому заполнению эквивалентного семантического пространства не совпадают – например, цвета и их оттенки, эмоции, виды улыбок и под.) и какой бы глубиной таксономии это пространство ни обладало, действительность внеязыковая оказывается шире и богаче самого богатого языка.

1.3.2. Принципиально различается структура языкового знака в языке как виртуальной системе, где знак предстает в единстве двух ассоциативно связанных идеальных образов (артикуляционно-акустического и смыслового), и в речи, представляющей собой линейную последовательность материальных означающих (звуков или букв), с каждым из которых ассоциативно связаны означаемые, не изменившие своего идеального характера. Основные положения концепции асимметрии языкового знака С. Карцевского, объясняющие реальные речевые факты действием языкового механизма, сводятся к тому, что с одним означающим знака (с его материальной формой), в системе языка может связываться больше одного означаемого (смысла), а один смысл (означаемое) может быть воплощен в более чем одном означающем

[Карцевский 1965]. Таким образом, асимметричный дуализм проявляет себя двояко: в полисемии (С. Карцевский не делает различия между полисемией и омонимией) и в синонимии, которые являются не чем иным, как лингвистическими моделями синтагматических отношений единиц речи, поскольку в линейной последовательности речи мы имеем дело как с одной конкретной словоформой, так и с одним определенным смыслом многозначного слова. А такая специфическая реализация многозначного слова, которую Д.Н. Шмелев обозначил аналитическим термином «диффузность семантики» [Шмелев 2008: 77] многозначного слова, требует специфических условий реализации, которые создает поэтический текст, не предполагающий однозначности восприятия (подробно в [Чернейко 2012]).

Следует особо отметить, что анализируемые С. Карцевским примеры (а это имена *рыба* и *флегматик*) указывают на то, что полисемию развивают знаки конкретной семантики (конкретные субстантивы, глаголы физического действия и дескриптивные прилагательные), тогда как знаки непредметные имеют разветвленную сеть синонимических отношений.

1.3.3. Полисемия и синонимия являются двумя базовыми типами отношений между двусторонними единицами всех уровней языка: и лексико-семантического, и морфемного, и грамматического. При этом полисемия и синонимия диаметрально противоположны друг другу не только по вектору выстраивания отношений между смыслами – семасиологическому (от формы к смыслу) в полисемии и ономасиологическому (от смысла к форме) в синонимии. Они противоположны и в отношении коммуникативной позиции «говорящий-слушающий»): а) полисемия снимается слушающим, способным осуществить правильный выбор означаемого из контекста и разрешить тем самым асимметрию означающего и означаемого, присущую знаку в системе языка, а синонимия – говорящим, способным при кодировании смысла учесть не только логику отношений в подлежащем артикуляции положении дел, но и социальные условия, в которых протекает коммуникация. Иными словами, модель синонимических отношений воспроизводит системные возможности кодирования смыслов и как таковая ориентирована на говорящего (центра традиционной «активной» грамматики), способного осуществить правильный выбор означающего из заданной кодируемым смыслом лексико-семантической парадигмы системы языка и снять асимметрию означаемого и означающего.

2.1. К базовым параметрам текста относят его целостность (цельность), проистекающую из нее герметичность и связанность. А параметром художественного текста является автореферентность. Текст герметичен, если иметь в виду его материальную сторону, представляющую собой линейную последовательность означаемых. Если слово текста – знак асимметричный, т.е. в системе языка существует как многозначное слово, то, несколько перефразируя слова О. Мандельштама, можно сказать, что из его означающего

«смыслы торчат во все стороны». Художественный текст (ХТ) открыт пониманию, толкованию и интерпретации по той причине, что идеальное означаемое предстает в нем как ассоциативно связанное с материальным означающим. Ассоциативность определяет вектор поиска пространства означаемых любого текста (художественного в особенности) – это сознание читателя, переживающего текст в акте эмоциональной рефлексии. Но смыслообразующий потенциал ХТ определяется не только распределением материи и смысла по разным пространствам, но и поэтической функцией языка в понимании Р. Jakobsona, которая явлена в художественном тексте и которая его зиждет.

2.2. Р. Jakobson завещал лингвистам исследовать язык «во всем разнообразии его функций» [Jakobson 1975: 197]. Функции языка моделируются на основании обобщения фактов речи. Метаязыковая функция, какой видел ее Р. Jakobson, проявляет себя тогда, когда «говорящему и слушающему необходимо проверить, пользуются ли они одним и тем же кодом» [Там же: 224]. Сверка кода, сверка связи означающего и означаемого (а в высказывании – референта), играя «важную роль в нашем повседневном языке» [Там же: 201], выявляет уровень языковой компетенции участников коммуникации, когда, например, в разговоре участвуют либо ребенок, либо представитель другой субкультуры в рамках данной, либо инофон.

Р. Jakobson дал два определения поэтической функции – широкое («направленность внимания говорящего на само сообщение») и узкое, с пониманием которого у обучающихся лингвистов возникают проблемы: «проекция принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации». Если говорить коротко, то «принцип эквивалентности» может быть применен только к воспринимаемому тексту, из чего следует, что узкое определение поэтической функции ориентировано на слушателя, тогда как широкое охватывает как кодирующее сознание, так и декодирующее.

Загадочную проекцию осуществляет читатель, формируя то, что Ц. Тодоров назвал «повествовательными частями речи», а в [Чернейко 2003] они названы «текстовыми парадигмами». Эти множества текста формируются в целях лингвистического моделирования смыслового диапазона восприятия текста читателем методом обнаружения «текстовых эквивалентностей», в первую очередь, «семантических переключек». Обращаясь к ХТ, читатель через язык обращается к миру, который он сам переживает и выстраивает исходя из своих возможностей применить «принцип эквивалентности» к наличной комбинации знаков для реконструкции базовых смыслов текста. Действующий на оси селекции принцип эквивалентности проецируется на ось комбинации и определяет вычленение из линейной последовательности означающих нелинейных («суперсегментных») смыслов.

Текстовые парадигмы могут быть установлены по любому основанию, если только

оно представляется значимым исследователю и он эту значимость может аргументировать. Так, анализируя роль количественных числительных в романе И.А. Гончарова «Обломов», В.Н. Топоров приходит к заключению, что автор, опираясь на число «3» (*три шага, прыжка, рубля, часа, дня, суток, телеги, письма*), строит «довольно длинные автоматизированные инерционные цепи, которые можно воспринимать как своего рода небрежность (неразнообразие средств). Но именно на этом пути воссоздается та стихия монотонности, однообразия и дремотности, которая так важна в романе Гончарова» [Топоров 1981: 84].

3.1. В диалоге, нашей самой естественной форме коммуникации, слово говорящего может стать для слушающего единственной причиной («толчком», стимулом) создания своего текста, ответной реплики. Тогда текстопорождающее сознание слушающего отталкивается только от означающего асимметричного знака первой реплики. Наблюдения за устными диалогами позволяют обнаружить два типа знаков с мощной текстопорождающей силой: это многозначные глаголы и прилагательные (а именно они обозначают видимые параметры предметов или ситуаций) и абстрактные субстантивы, обозначающие значимые для культуры явления.

Рассмотрим следующие контексты, извлеченные из разговоров, принадлежащих разным речевым жанрам, особенно выделяя обыденную, повседневную речь.

Диалоги. 1.А. Х: *А чувствуешь ты себя плохо и потому, что сплошной недосып и весна. Ты, кстати, соки пьешь?* – У: *Разве что из близких;* Х: *Ну, ты просто поставила его перед фактом.* – У: *Ага, я его – перед фактом, а он меня – в угол;* Х: *Будет он тут пальцы-то разводить.* – У: *А он еще и пчел разводит;* Х: *Мне нужно сдать анализ крови.* – У: *А я сегодня плащ сдала.* – Х: *А что?* – У: *Не понравился.*

То, что О. Мандельштам обозначил метафорически как «торчащие смыслы», Л.С. Выготский сформулировал так: «действительный смысл каждого слова определяется в конечном счете всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом» [Выготский 1999: 38]: *пить соки* – это свободное сочетание слов, *пить соки из* к-л – ФЕ (по В.В. Виноградову, единство). Но в диалогах явлены живые факты текстопорождающей функции означающего, в которых можно видеть воплощение системных отношений семантической деривации в динамике, «разворачивающейся» по ходу дела (*ad hoc*). Реплики диалога, заданные асимметрией знака, развиваются по тем законам, которые диктует ассоциативная связь между означающим и соответствующими ему в системе языка означаемыми, выбор которых определяется текущим положением дел.

В художественном тексте, в частности в поэтической речи, совмещение в пределах одного контекста разных значений одного глагола (а такое совмещение хорошо известно как риторическая фигура) едва ли не норма, например: *Мне выпало горе родиться в двадцатом, в*

проклятом году и в столетье проклятом. Мне выпало всё. И при этом я выпал, как пьяный из фуры, в походе великом (Д. Самойлов).

3.2.1. Абстрактные имена играют большую роль в духовной жизни социума. Они являются той мерой, которую разум прикладывает к миру. Так писал И. Кант. А еще он писал, что «представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта — значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его» [Кант 1965: 202-203]. Из этой позиции следует, что думать и рассуждать об абстрактных предметах возможно только с привлечением «вторичных предикатов» – глаголов и прилагательных, не утративших своих буквальных «физических» значений, стандартные актанты которых являются источником наглядности для абстрактной сущности.

«Вещный» портрет абстрактных существительных неоднороден и противоречив, как неоднородна в своих проекциях и противоречива в оценках социума стоящая за ними сущность: глагольные синтагмы *уважать свободу, дать свободу, вернуть свободу, нарушить свободу, лишить свободы, ограничить свободу* соседствуют в пространстве современного русского языка с такими же глагольными, как *купить свободу, расхлебывать свободу*, и с именными *свалка свободы, тиски свободы*. Важно отметить, что эти синтагмы находятся в отношениях дополнительного распределения, но не привычного, позиционного, как, например, распределяются по разным типам контекстов разные значения одного слова (прямые и переносные), – они распределены мировоззренчески позиционно, т.е. не встречаются в пределах одного дискурса. И здесь есть исследовательская перспектива.

3.2.2. Текстопорождающей является метафорика абстрактных субстантивов, воплощающая символику сущностей невидимого мира. Диалоги, разворачивающиеся вокруг свободы, далеко не всегда направляются логикой мышления, рациональностью: В. Непомнящий: *Иерархия – это структурированность, это живое дело. А свобода – это ряска на болоте, безграничная такая, никакой структуры, сплошное гниение.* – А. Архангельский: *Единственное, с чем я не согласен, так это с тем, что свобода – болото. Свобода – это не болото. Свобода – это ветер. Ветер, конечно, существо опасное.* Приведенный диалог является типичным образцом спора вокруг метафоры. Но такого рода «спор» присущ и публицистической сфере: Телеведущий: *Дайте формулу счастья.* – К. Райкин: *Я-то считаю счастьем то, из-за чего другой бы умер с горя. Счастье не станция назначения, а способ путешествия (ТВ. «Временно доступен». 01.12.09); Этот музей – настоящий плавильный котел для современной моды (ТВ 5.02.07).*

Присущ он и «строгой», научной речи: *Что же, жанр проповеди – это саркофаг? – Нет, этот жанр – плавильный котел (диалог на защите кандидатской диссертации); И Вы, надеюсь, найдете выход из этого тупика. – Это не тупик, это лабиринт (научная*

дискуссия). Представленная в этих примерах когнитивная метафора обладает высоким текстопорождающим потенциалом, поскольку на разных проекциях метафоризируемой абстрактной сущности сталкиваются разные мировоззрения.

3.3. Классической иллюстрацией ассоциативной валентности предиката может служить такая особая разновидность загадки, как «вопросы-шутки» типа «Что общего между X и Y?»: (X) *Какое сходство между деревом и преступником?* – (Y) *Обоих сажают; (X) Светит да не греет?* – (Y) *Срок.* Е.Д. Поливанов на материале японского языка описал этот тип загадок, но с модификацией вопроса «С чем можно сравнить X?»: *С чем можно сравнить бездельника? – С бумажным фонарем. Это потому, что оба без толку болтаются* [Поливанов 1963: 307-308]. В основе этого типа загадки лежит такой механизм речевой аттракции двух субстантивов, как общность их сочетаемостной зоны (*закАпывать – закАпать* и *закАпывать – закопАть*).

В этом аспекте особый интерес представляет детская речь: Взрослый (В) ребенку (Р 4,8): *Федя, не лезь на подоконник. Ссыплешься.* – Р: *Я не ссыплюсь – я же не сахар.* Реплика ребенка, основанная на смысловом отталкивании от означающего асимметричного знака, обнаруживает прекрасное владение его смысловой структурой. Ассоциативные речепорождающие факторы детской речи дают очень большой материал, позволяющий выстраивать их типологию (подробно в [Чернейко 2013]) – «семантическая аттракция денотативная»: (В) *Федя, я забыла, что такое «цунами»?* – (Р 4,4) *Это волна такая, пятидесяти метров. Нам грозит опасность от того, про что Дашка говорит. Нам всем от этой цунами пробка.* – (В) *Не пробка, а крышка;* (Р 4,6, увидев скелет рыбы на картинке) *А это чей костяк?;* «семантическая антиаттракция»: (В) *Ты, Федька, нырял?* – (Р 6,7) *Нет, я плавал на понизости воздуха* (отталкивание от стандартного сочетания *поверхность воды*).

4. Отечественная лингвистическая мысль располагает маргинальными гипотезами организации языкового материала в сознании человека – это вероятностная модель языка, созданная В.В. Налимовым [Налимов 1974], и «экологическая» модель языка (язык как «среда существования» человека и как «мнемонический конгломерат»), созданная Б.М. Гаспаровым [Гаспаров 1996]. Предложенное ими понимание ассоциативности форм и смыслов как базового механизма языка далеко как от структуралистских постулатов, так и от современных когнитивных устремлений, но именно оно, как показывают наблюдения за речью взрослых и детей в аспекте обнаружения текстопорождающих механизмов языка в его такой естественной коммуникативной реализации, как диалог, обладает большой объяснительной силой. Эта модель действенна и при моделировании смысловосприятия художественного текста читателем.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. М.: НЛЮ, 1996.
- Кант И. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4 (1). – М.: Мысль, 1965.
- Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85-90.
- Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М: Мысль, 1993.
- Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М.: Наука, 1979.
- Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.
- Топоров В.Н. Число и текст // Структура текста-81: тезисы симпозиума. М.: Ин-т славяновед. и балканистики, 1981. С. 76–88.
- Чернейко Л.О. Перцептивные парадигмы художественного текста // Пушкинские чтения-2002: материалы конференции. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003. С. 15–28.
- Чернейко Л.О. Асимметричный языковой знак в речи: к вопросу о взаимодействии смыслов в разных условиях их реализации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 2, 2012. С. 7-40.
- Чернейко Л.О., Овсейцева М.С. «Лексическая ассимиляция» в детской речи как лингвокреативный фактор // Материалы Международной научной конференции «Проблемы онтолингвистики – 2013». СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 172-178.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: ЛКИ, 2008.
- Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.

THE ASYMMETRY OF THE LINGUISTIC SIGN IN CONNECTION WITH THE PROBLEM OF CREATION AND SENSE OF MEANING

Ludmila Cherneiko

*Dr. Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow
avollis@mail.ru*

The article deals with the problem of the asymmetry of the linguistic sign. Polysemy as one of its modes of listening is removed, reducing the required sense of context and synonymy - the speaker is selected from the opportunities offered by the sign of the system needed to convey meaning in certain circumstances speech. In ordinary conversations revealed a large text-generating potential of the multi-valued verbs. In journalism and scientific speech have such a potential abstract nouns, backed by a "core" concept of culture as well as technical terms.

Keywords: the asymmetry of the linguistic sign, the tightness of the text and its openness, "text equivalent", the imposition of values.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Красных Виктория Владимировна

*доктор филологических наук
доцент кафедры общей теории словесности филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
victoryvk@gmail.com*

В данной статье кратко представлены некоторые современные подходы к рассмотрению роли и функций языка, которые актуальны для теории и практики межкультурной коммуникации. В фокусе внимания находятся подходы: культурологический, культурантропологический, этнопсихологический; (этно)психолингвистический; лингвокультурологический; психолингвокультурологический. Они рассматриваются с точки зрения того значения, которое они имеют в первую очередь именно для теории межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: теория и практика межкультурной коммуникации, современные подходы к изучению роли и функций языка.

Сегодня уже стало своего рода truизмом утверждение о том, что мы живем в полифоничном мире: многоязычие, поликультурность, поликонфессиональность, множественность идентичностей и под. – это то, что реально нас окружает в повседневной жизни. Конечно, не приходится говорить, что это специфика именно современного мира, поскольку полифония в той или иной степени сопровождала человека едва ли не на всем протяжении его бытия. Но в наши дни осознание разно- и многообразия сосуществующих в одном пространстве личностей приобрело особую актуальность, чему может быть много причин и можно привести немало объяснений (но это является, на мой взгляд, предметом отдельного разговора). Естественным результатом подобного положения вещей стало пристальное внимание исследователей к изучению межкультурной коммуникации, которая может быть определена как общение носителей разных языков, представителей разных культур и лингвокультур, носителей культурно-маркированных и культурно-обусловленных образов мира и языковых сознаний, которые могут различаться, и подчас разительно.

Значит ли это, что речь идет об общении исключительно граждан разных стран? Разумеется, нет. Общение, например, якута и чеченца, бурята и карела, марийца и татарина – это тоже межкультурная коммуникация, хотя все они граждане одной страны, которые, возможно, свободно владеют русским языком и свободно ориентируются в русской культуре. Но это опять-таки отдельная тема, которая, кстати, хорошо представлена в богатейшем опыте отечественной лингводидактики: неслучайно различалось преподавание русского языка как иностранного (см.: имеющий богатейшую историю журнал «Русский язык за рубежом»), с одной стороны, и с другой – преподавание русского языка как неродного и второго родного

(см.: имеющий не менее богатую историю журнал «Русский язык в национальной школе»).

Межкультурная коммуникация (далее – МКК) может представлять в двух «ипостасях»: как практика общения и как теоретическое знание о таковом.

С практикой МКК мы сталкиваемся каждый день. Это может быть общение в рамках одной семьи, если ее члены являются представителями разных культур и носителями разных языков. Это может быть общение с соседями в многоквартирном доме, с рабочими на улице, с разными людьми в присутственных местах и т. д. и т. п. И, конечно, это профессиональное общение любого преподавателя русского языка как иностранного или неродного (позволю себе далее использовать аббревиатуру РКИ в данном, расширительном смысле).

Что касается теории МКК, то, думается, ее можно определить как такое направление научной мысли, которое изучает, отбирает и использует в соответствии с собственными интересами и целями достижения других наук, которые так или иначе исследуют язык, культуру, лингвокультуру, коммуникацию, образ мира, языковое сознание, человека говорящего в совокупности его проявлений и под. И это положение объяснимо и совершенно оправданно, поскольку сама МКК представляет собой широчайшее поле для исследований, на котором, что абсолютно понятно, работают и которое разрабатывают представители разных наук: филологии и – уже – лингвистики, этнопсихолингвистики, культурной (социальной – в другой традиции) антропологии, культурно-исторической (или этно-) психологии и др.

Соответственно, представляется возможным говорить о ряде подходов в рамках теории МКК, которые опираются на данные не только указанных наук, но и некоторых других, и которые по определению носят интегративный характер.

Интегративность научных изысканий предопределяется как внутренними, сугубо научными факторами, например, сложностью и многомерностью самого объекта исследований, так и внешними причинами, самим ходом развития человеческой цивилизации.

В настоящей статье я остановлюсь лишь на некоторых подходах к анализу МКК, представляющихся мне наиболее актуальными на сегодняшний день, и постараюсь кратко оговорить, как могут рассматриваться в рамках отдельного подхода роли и функции языка (см. также, напр. [Красных 2013-б, 2015]).

СОБСТВЕННО ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Само собой разумеется, что в статье филолога первым должен быть назван именно этот подход. Однако я позволю себе не останавливаться на нем сколь-нибудь подробно, поскольку в науке существует богатейшая литература, посвященная изучению разных

аспектов МКК с лингвистической и лингводидактической точек зрения.

Совершенно очевидно, что изучение языков в сопоставительном аспекте, выявление их общих и специфических черт, изучение функциональной грамматики, описание русского языка в целях его преподавания как иностранного, неродного, второго родного – все это, безусловно, вносит свой вклад в теорию МКК и позволяет уточнять, корректировать техники и практики, используемые непосредственно в процессе межкультурной коммуникации.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ, КУЛЬТУРАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ, ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Конечно, культурология, культурантропология, этнопсихология – это разные науки. Но когда мы говорим о МКК, мне представляется возможным объединить их в один «блок», поскольку они позволяют выявлять, изучать, объяснять, описывать, структурировать, классифицировать и под. культурные особенности субъектов коммуникации, проявляющиеся в их повседневной деятельности и – в том числе – в коммуникативном поведении.

И, конечно, для преподавателя РКИ данные указанных наук дают богатейший материал, который в той или иной степени должен не только учитываться в учебной аудитории, но и, вероятно, быть предметом обучения. Например, если мы говорим о преподавании РКИ: как русские ходят в гости; что принято приносить / дарить; как следует себя вести в доме, куда Вас пригласили; принято или не принято делать подарки; что допустимо дарить, а что дарить нельзя ни в коем случае; как воспринимать реакцию русских на подарок и как реагировать самим (например, следует или не следует разворачивать подарок, который Вам вручили; можно или все-таки не стоит показывать ценник на подарке) и под. Я думаю, что каждый преподаватель РКИ и каждый, кто имел дело с инофонами, может назвать целый ряд ситуаций, которые в той или иной степени могут рассматриваться как конфликтогенные.

Но здесь важно не только «показать», что и как следует делать, но и объяснить, почему мы имеем то или другое коммуникативное поведение. И вот здесь могут оказаться полезными данные культурологии, культурантропологии, этнопсихологии, поскольку «за деревьями нужно видеть лес», а за частными проявлениями – установки (в том числе и ценностные), предпочтения и запреты культуры. Совершенно очевидно, что то или иное (коммуникативное) поведение нужно трактовать в категориях конкретной культуры (о требовании «насыщенного описания» культуры еще в 1973 г. писал К. Гирц [Гирц 2006]).

И вот здесь мы подходим к тому, что дает этот блок наук. Он показывает нам, что «обязательно / необязательно», «желательно / нежелательно», «возможно / невозможно», «допустимо / недопустимо» в определенной культуре и почему. Иначе говоря, что «достойно

/ недостойно» человека-личности (см., напр. [Телия 1996; Лотман 1992; Лотман, Успенский 1971; Они же: Эл. ресурс]).

В рамках данного подхода *язык рассматривается как одна из составных частей* (если можно так сказать) *культуры, играющая роль и выполняющая функцию инструмента, обслуживающего бытие человека.*

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ / ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

А.А. Леонтьев неоднократно писал об этнопсихолингвистической детерминированности речевой деятельности, языкового сознания, коммуникативного поведения (см., напр. [Леонтьев 1997]), при этом особо оговаривая, что многое (если не все) обуславливается в том числе и строем самого языка. Хотя, конечно, нельзя забывать и о том, что огромную роль в общении играют и невербальные компоненты коммуникации, изучение которых также входит в сферу (этно)психолингвистики (см., напр. [Крейдлин 2002; Горелов 2003]).

Язык в рамках данного подхода / подходов рассматривается как сущность, опосредующая процессы познания и осмысления, в которой явлено (языковое) сознание. При таком подходе язык является связующим звеном между индивидом / личностью и социумом / сообществом (о чем писал теще В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 2000]). Он предстает как канал двунаправленной трансляции знаний: от общественного сознания индивидуальному (напр., при межпоколенной трансляции культуры в процессе социализации) и от индивидуального – общественному или другому индивидуальному. Понятно, что при МКК происходит «горизонтальная» трансляция: от носителя одного языкового сознания носителю другого языкового сознания, между которыми (сознаниями) могут быть подчас принципиальные различия.

Помимо этого, язык выполняет функцию инструмента, с одной стороны, социализации (становления личности), происходящей в процессе общения в рамках определенного сообщества в условиях определенной культуры, с другой – реализации личности в совместной деятельности с другими (будучи используемым для овнешнения индивидуальных образов сознания, для «одевания» бессловесной мысли, формируемой говорящим в начале высказывания, в слово при производстве речи» [Тарасов 2004: 35]). И опять-таки это имеет крайне важное значение для МКК.

Данный подход своими корнями уходит в труды психологов и психолингвистов (Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьева, И.Н. Горелова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и др.). Напомню, что для Л.С. Выготского и, вслед за ним, для А.Н. Леонтьева сознание имеет языковую, речевую природу: «Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное

значение). Сознание при этом понимании является знаковым» [Леонтьев 1994: 16]. Ср. с утверждением Поля Рикера: «... язык является по существу системой значений; он не может не означать что-либо, и все его существование заключается в значении» [Рикер 1995: 51], а также с идеей Г. Гийома о том, что «язык овеществляет ментальное» [Гийом 1992: 71].) Вслед за Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьев также утверждал, что сознание человека является по сути своей *языковым* (см., напр., [Леонтьев 1993]); при этом, как пишет И.А. Зимняя, «языковое сознание – это форма существования индивидуального, когнитивного сознания человека разумного, человека говорящего, человека общающегося, человека как социального существа, как личности» [Зимняя 1993: 51]. Сегодня многие психолингвисты, опираясь на труды Е.Ф. Тарасова, определяют языковое сознание как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств» (см., напр., [Тарасов 1993, 2004: 41]).

В связи с этим следует привести утверждение А.А. Леонтьева: если язык понимается как единство общения и обобщения, как система значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования, то языковое сознание, т. е. сознание, рассматриваемое как опосредованное значениями (см., напр., [Леонтьев 1993]), оказывается близким к пониманию образа мира в современной российской психологии – понятию, предложенному и разработанному А.Н. Леонтьевым (см., напр., [Леонтьев 1983]).

При этом важно, что для А.Н. Леонтьева образ мира как универсальная форма организации знаний индивида есть интегративное отражение в сознании окружающей действительности, важнейшими свойствами которого являются амодальность и многомерность, субъективность и объективность. Последняя обуславливается в частности тем, что познание человеком действительности опосредовано единой для всех представителей сообщества, усваиваемой в процессе социализации системой значений. См.: «Ведь в отличие от бытия общества, бытие индивида не является «самоговорящим», т. е. индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне «готовых» значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации. Это и создает возможность внесения в его сознание, навязывания ему искаженных или фантастических представлений и идей, в том числе таких, которые не имеют никакой почвы в его реальном, практическом жизненном опыте» [Леонтьев 1975].

Лингвокультурологический подход

Сразу скажу, что для меня лингвокультурология связана в первую очередь и в

основном с именем В.Н. Телия, которая определяла данную научную дисциплину как науку о живодействующей связи языка и культуры [Телия 2004-б].

В рамках данного подхода *язык* рассматривается как *система тел знаков для знаков языка культуры*. В рамках данного подхода язык не может являться ни «звеном», ни «каналом», поскольку в данном случае речь идет о двух (а не о трех и более) одинаково значимых для личности феноменах: о языке как таковом и о культуре как таковой. При этом язык выполняет функцию (воспользуясь выражением Е.Ф. Тарасова) «овнешнителя» смыслов, (по В.Н. Телия) «значимых для культуры».

Данный подход восходит к трудам В.Н. Телия [Телия 1996, 2005, 2006] и разрабатывается представителями ее научной лингвокультурологической школы. В основе указанного понимания роли и функции языка лежит утверждение наличия двух самостоятельных семиотических систем: естественного человеческого языка и культуры, – каждая из которых обладает своим собственным «языком» (кодом, системой знаков, обладающих смыслом). При этом знаками языка культуры (по В.Н. Телия) могут быть признаны ритуалы, концепты, стереотипы и под. Знаки языка культуры могут иметь разное воплощение: в действиях, артефактах и под. (ср. с идеями Е.Ф. Тарасова, высказываемыми, напр., в [Тарасов 2004]) Но чаще всего они оязыковляются, т. е. воплощаются в знаках именно языка. Следовательно, в рамках лингвокультурологии знаки языка рассматриваются с точки зрения тех культураносных смыслов, которые они (языковые единицы) несут в дополнение к своим лексическим значениям. Иначе говоря, знаки языка рассматриваются как тела знаков языка культуры (по В.Н. Телия; см., напр., [Телия 2006]).

Соответственно, в сфере МКК едва ли не на первый план выходит символическая природа культуры [Лотман 1992], которая обуславливается тем, что в процессе общения мы обмениваемся знаками, за которыми стоят смыслы, открытые для «своих» и закрытые для «чужих». В силу этого важнейшим фактором, обеспечивающим адекватность и успешность общения, является культурно-языковая компетенция, понимаемая как умение кодировать в знаках языка и декодировать культураносные смыслы, умение видеть за знаками языка единицы «языка» культуры и лингвокультуры, умение расшифровывать культурную коннотацию. При этом следует иметь в виду, что «культурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция» [Телия 1996: 227, 2004-а]

ПСИХОЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

И опять-таки я начну с рассуждений о языке. В рамках данного подхода *язык*

рассматривается как *означающее (семантики) лингвокультуры*. При таком подходе язык – это связующее звено между личностью как носителем сознания и культурой как объектом распредмечивания индивидом. По сути, это канал выхода на поле культуры через пространство лингвокультуры. Язык выполняет функцию инструмента означивания / овнешнения культураносных смыслов, значимых как для культуры в целом, так и для отдельной личности, ибо благодаря языку они (смыслы) явлены индивидуальному сознанию в виде конкретных образов. Кроме того, это и инструмент познания и осмысления окружающего мира сквозь призму определенной культуры, являющейся родной для конкретного индивида.

Данный подход разрабатывается в рамках нового направления исследований – психолингвокультурологического [Красных 2013-а], сформировавшегося благодаря интеграции в первую очередь лингвокультурологических и (этно)психолингвистических исследований. Объектом данного научного направления является лингвокультура, базовой категорией которой является именно человек говорящий (вспомним идею В.Н. Телия, что базовой категорией культуры как таковой является человек-личность). Предметом данного направления можно признать грамматику и словарь лингвокультуры [Красных 2011-б].

Лингвокультура равноположна образу мира и языковому сознанию, но не тождественна им: если языковое сознание включает в себя опосредованный значениями (индивидуальный) образ мира во всем его объеме, то лингвокультура – только общие компоненты образа мира, т. е. то, что формирует «объективную составляющую» такового, а это, как известно, всегда культурно маркировано и культурозависимо, поскольку обуславливается единой системой значений и предопределяется окружением, в котором «складывается» образ мира как таковой, а именно: культурой. Следовательно, лингвокультура может мыслиться и как основная среда, в которой человек формируется и проявляет себя как личность – человек говорящий.

Лингвокультура формируется на участке пересечения / наложения культуры и естественного языка человека – двух изначально существующих самостоятельных семиотических систем, каждая из которых обладает своим собственным «языком», и предстает как культура воплощенная и закрепленная в знаках языка, явленная нам в языке и через язык. Лингвокультура является лингво-когнитивным феноменом (в этом ее принципиальное отличие от языковой картины мира, выступающей как сложно устроенное семантическое пространство, т. е. как феномен лингвистический). Лингвокультура (в отличие от языковой картины мира) формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки. «Семантика» лингвокультуры – это культураносные смыслы, овнешненные в знаках языка.

Соответственно, в фокусе рассмотрения находятся не знаки языка, овнешняющие образы, но образы, овнешняемые в знаках языка. Таким образом, в данном случае знаки языка рассматриваются (как и в рамках собственно лингвокультурологии) как тела знаков языка культуры. Исходя из этого, представляется возможным утверждать, что в сфере лингвокультуры язык выступает в роли означающего, а в роли означаемого выступают культуроспецифические смыслы, культурно-маркированные образы сознания, культура как таковая (понимаемая по В.Н. Телия – как мироощущение, миропонимание и мировосприятие сообщества) (подробнее – см., напр., [Красных 2011-а, 2012]).

Представляется совершенно очевидным, что в практике МКК зоны возможного непонимания могут образовывать, например, разнообразные ментефакты: культурно-маркированные знания (факты из области истории, географии, литературы, искусства и под.) и культурно-обусловленные единицы – концепты и представления. Соответственно, в теории межкультурной коммуникации им должно уделяться пристальное внимание, особенно концептам и представлениям, ибо они в массе своей, во-первых, культуроспецифичны и, во-вторых, не всегда легко поддаются лексикографированию (что создает дополнительные сложности для инофона, говорящего на чужом для него языке). Это обуславливается самой природой указанных феноменов: концепт может быть определен как поименованный результат эмоционально-логического осмысления действительности в условиях определенной культуры, а представление – как результат субъективного, эмоционально-образного восприятия феноменов действительности опять же в условиях определенной культуры. В этой связи упомяну лишь несколько широко известных книг: это работы А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996, 2001], Л.О. Чернейко [Чернейко 2010], В.И. Карасика [Карасик 2002], С.Г. Воркачева [Воркачев 2004], посвященные изучению концептов, а также лингвокультурологический словарь «Русское культурное пространство» [2004], в котором представлена первая попытка лексикографирования прецедентных феноменов и стереотипов (которые входят в класс представлений). Совершенно понятно, что имена такого рода ментефактов выступают как знаки, несущие значимые для культуры смыслы (по В.Н. Телия), открытые для «своих» и закрытые для «чужих», т. е. опять в фокусе внимания оказывается символическая функция культуры (по Ю.М. Лотману).

Таким образом, сегодня можно говорить о целом ряде подходов в рамках теории межкультурной коммуникации, связанных с разными науками, активно развивающимися и весьма эффективно изучающими различные аспекты языка, культуры, лингвокультуры, языкового сознания, образа мира, коммуникации и под.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно не то, что рассмотреть, но хотя бы

коротко обговорить все научные направления и подходы, которые работают на поле МКК, способствуют развитию теории межкультурной коммуникации и облегчают сам процесс такого общения на практике. Я осмелилась лишь очень кратко представить только те из них, которые появились в последнее время и все более ярко заявляют себя в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежбицкая А. понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры. 2001.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
- Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992.
- Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. М.–СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 171–200.
- Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003.
- Гумбольдт В. фон. Природа и свойства языка вообще // Избранные труды по языкознанию. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М., 2000. Электронный ресурс. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read>. Дата последнего обращения – 10.04.2016.
- Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 51–58.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. № 3, 2012. С. 67–73.
- Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013-а, № 2. С. 7–18.
- Красных В.В. Многогранник бытия Homo Loquens: «язык – сознание – культура – коммуникация – сообщество» // Жизнь языка в культуре и социуме – 2. Материалы международ. науч. конф. М.: Институт языкознания РАН, 2011-а.
- Красных В.В. Роль и функции языка как объект современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. 2015, № 2. С. 90–97.
- Красных В.В. Роль языка в свете интегративных исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального ун-та, 2013-б. Т. 4. С. 46–50.
- Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры как предмет современных интегративных исследований // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. (Киев.) 2011-б, № 5. С. 2–8.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: НЛЮ, 2002.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
- Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 16–21.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. URL (напр.): <http://www.klex.ru/v4>.
- Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251–261. URL (напр.): <http://www.infoliolib.info/psih/leontyev/obrazmira.html>.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994.
- Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. URL: <http://www.classes.ru/philology/lotman-92f.htm>. Дата последнего обращения – 25.06.2015.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам V. Уч. зап. ТГУ. Вып. 284. Тарту, 1971. С. 147.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века). [Эл. ресурс] URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> или URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Ysp/15.php. Дата последнего обращения – 02.02.2013.
- Рикер Поль. Конфликт интерпретаций (Очерки о герменевтике). М.: «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995.

- Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1 / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М.: Гнозис, 2004.
- Тарасов Е. Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993. С. 6–15.
- Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004, № 2. С. 34–47.
- Телия В.Н. Живодейственное наследие культуры в лексикографическом формате «Толково-культурологического словаря фразеологизмов современного русского языка» // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции. Шестые Шмелевские чтения. 24–26 февраля 2004 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004-б. С. 102–105.
- Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004-а. С. 19–30.
- Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 30. М.: МАКС-Пресс, 2005. С. 4–42.
- Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС Книга2006. С. 776–782.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Изд 2-е переработанное. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. (История лингвофилософской мысли)

THEORY AND PRACTICE OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: MODERN APPROACHES

Victoria Krasnykh

Dr. Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow
victoryvk@gmail.com

The given article represents in brief some modern approaches to studies of language role and functions which are relevant to the theory and practice of intercultural communication. Approaches on the basis of cultural studies, cultural anthropology, cultural psychology; (ethno)psycholinguistics; linguoculturology; and psycholinguoculturology are in focus. They are considered from the point of view of the importance that they have, first of all, for the theory of intercultural communication.

Keywords: theory and practice of intercultural communication, modern approaches towards the studies of language role and functions

СИНТАГМАТИКА НАРЕЧИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ ИНТЕНСИВНОСТИ ПРИЗНАКА

Бабалова Люцета Леоновна

*кандидат филологических наук,
ученый секретарь Института русского языка и культуры
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва,
babalova1@ya.ru*

В статье анализируются синтагматические свойства наречий «совсем», «очень», «крайне», «немного» в зависимости от семантических характеристик прилагательных и других наречий и глаголов в словосочетании.

Ключевые слова: наречие, совсем, очень, крайне, немного, прилагательное, глагол, синтагматические свойства, языковая картина мира.

В грамматической системе русского языка словосочетание играет не столь значительную роль, как предложение, простое или сложное, но при анализе сочетаемостных возможностей лексем, входящих в то или иное словосочетание, обнаруживаются некоторые закономерности, представляющие интерес не только в лингвистическом отношении.

Так, например, наречия *совсем*, *очень* и *крайне* довольно избирательно сочетаются с прилагательными и другими наречиями (а также с глаголами).

Совсем выражает предельную степень какого-либо признака или состояния: *совсем легкий*, *совсем короткий*, *совсем слабый*, *совсем дешевый*, *совсем слепой*, *совсем тихо*, *совсем одиноко* и пр. Наречие *совсем* свободно сочетается с прилагательными и другими наречиями, имеющими негативную семантику: *совсем тупой нож*, *совсем скупой человек*, *совсем глупые решения*, *совсем бедный студент*, *совсем грубый продавец*, *совсем скучно*. Не сочетается *совсем* с теми лексемами, которые представляют положительную характеристику предметов, явлений, людей. Возможны ли следующие словосочетания: *совсем острый нож*, *совсем щедрый подарок*, *совсем умный человек*, *совсем богатый студент*, *совсем вежливый продавец*, *совсем весело*?

В связи с этим можно высказать предположение, что совместимость или несовместимость наречия *совсем* с теми или иными прилагательными (наречиями) связана с понятием «нормы», которая отражает представления человека о естественном положении вещей.

Ю.Д. Апресян¹ определяет норму как неопределенное оценочное понятие,

¹ 1. Апресян Ю.Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии || Логический анализ языка: проблема интенциональных и прагматических контекстов. М. 1989

описывающее либо обычное, не отклоняющееся от среднего положения вещей, либо то положение, которое является естественным для данной ситуации и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет вразрез с ожиданиями потенциальных участников ситуации.

Отклонение от нормы может быть либо в положительную, либо в отрицательную сторону. Этической норме соответствует понятие «хорошо», которое при этом воспринимается как должное, а отклонение от нормы воспринимается как нежелательное. Поэтому в ценностном представлении человека, в данном случае русскоговорящего, ум, красота, богатство, щедрость — это положительные качества, и в его мире вещей этим качествам не должно быть предела, тогда как допустима крайняя степень глупости, уродства, скупости, жадности. Следовательно, вполне естественными являются сочетания *совсем бедный фермер, совсем тупые ножницы, совсем грустно, совсем глупо* и под.

С понятием нормы связаны не только качественные, но и количественные характеристики. В данном случае имеются в виду параметрические прилагательные, определяющие длину, высоту, глубину, вес, скорость различных объектов. По отношению к таким прилагательным наречие *совсем* тоже выступает как индикатор нормы. Так, могут быть оценены как вполне правильные следующие словосочетания: *совсем низкая башня, совсем короткая дорога, совсем узкая улица, совсем мелкий ручей, совсем легкая сумка*. Но не могут быть признаны правильными словосочетания: *совсем высокая башня, совсем глубокое озеро, совсем длинная дорога, совсем широкая улица, совсем тяжелая сумка*. Ср. еще: */едем/ совсем медленно* — **/едем/ совсем быстро*. В данном случае следует учитывать особенности восприятия человеком окружающего мира. Очевидно, что существует некоторая точка отсчета, от которой происходит измерение, и при этом минимальные величины доступны для восприятия, а максимальные — нет. С большой долей вероятности можно заключить, что в основе мерности величин лежат собственные параметры человека. В представлении человека неизмеримы бесконечно большие величины (бесконечность Вселенной), в отличие от бесконечно малых (вспомним незабвенного Левшу, не только подковавшего блоху, но и поставившего на каждой подковке свое клеймо). В системе координат человека вполне приемлемы такие величины, как совсем короткое расстояние, и неприемлемы совсем длинные расстояния, измеримы совсем маленькие предметы, но неизмеримы совсем большие. Легко можно представить себе (и даже увидеть) дно мелкого ручья, а дно глубокого озера? Вполне доступны для восприятия низкая башня или низкий забор, а насколько

2. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995

высокими их можно себе представить? Дорога может быть предельно короткой, а какой длины может быть совсем длинная дорога? Какого максимального веса может достичь сумка?

Конечно, нельзя не отметить, что кроме фактора восприятия, связанного с возможностью «обозримости» тех или иных величин, в сочетаниях *совсем* с параметрическими прилагательными присутствует субъективность оценки, связанная с общепринятыми в данном языковом коллективе представлениями о том, что «хорошо» и что «плохо».

В словосочетаниях *совсем узкая улица* или *совсем низкие потолки* наличествует оценка данных признаков как отрицательных по отношению к определяемым существительным. И это соответствует вышеприведенным наблюдениям относительно сочетаемости наречия *совсем* с «негативными» прилагательными. В языковом менталитете русских широкие улицы предпочтительнее узких, высокие потолки лучше низких, поэтому эти качества не нуждаются в ограничениях. Некоторые антонимические пары нейтральных по значению прилагательных свободно сочетаются с наречием *совсем*, поскольку в зависимости от конкретных условий могут оценивать объекты как негативно, так и позитивно. Таковы прилагательные типа *мокрый-сухой, светлый-темный, жидкий-густой, твердый-мягкий*. В зависимости от вкусов для одного суп может оцениваться как *совсем густой*, а для другого как *совсем жидкий*. То же самое можно сказать о паре *сухой-мокрый*: совсем сухая земля не годится для посадки риса, а совсем мокрая земля не располагает к прогулкам. В то же время в словосочетании *совсем сухая рубашка* качество характеризуемого объекта оценивается как соответствующее норме.

Заслуживают внимания синтагматические свойства *совсем* в отрицательных модификациях.

Выражая недостаточность, неполноту признака *не совсем* с прилагательными и наречиями позитивной семантики также указывает на то, что в норме положительного не может быть недостаточно. Синтагматические ограничения маркируют позитивность или негативность признака именно с точки зрения говорящего.

Если проанализировать возможность сочетаемости *совсем* с препозитивной отрицательной частицей (*не совсем*) то оно вступает в сочетание с такими прилагательными и наречиями, которые наоборот, являются позитивными по семантике: *не совсем добрый, внимательный, ловкий, храбрый, честный; не совсем аккуратен, здоров, справедлив; не совсем полезно, приятно, удобно* и пр., что оценивается как не соответствующее представлению о норме.

Совсем не (с постпозицией отрицательной частицы *не*) совершенно свободно

сочетается с любыми прилагательными и наречиями (это просто усиленное отрицание): *совсем не красивый, совсем не скупой, совсем не добрый, совсем не смелый, совсем не весело, совсем не страшно* и под. При этом, естественно, если отрицается позитивный признак, то тем самым подразумевается негативный и наоборот: *совсем не глупый* значит достаточно умный, *совсем не виноват* — значит прав (можно также отметить возможность сочетаемости *совсем не* с качественно-характеризующими оценочными существительными: *совсем не герой, совсем не трус, совсем не храбрец, совсем не дурак*).

Наречие *очень* выражает высокую степень признака и сочетается с довольно обширным кругом прилагательных и наречий, включая и те, с которыми не сочетается *совсем*: *очень большой/маленький город, очень высокий/низкий дом, очень длинный/короткий путь, очень храбрый/трусливый солдат, очень худой/толстый человек, очень мягкий/жесткий диван, очень богатая/бедная страна, это очень вредно/полезно, очень близко/далеко, быстро/медленно, тускло/ярко* и под. Но, в отличие от *совсем*, наречие *очень* не сочетается с такими прилагательными как *слепой, глухой, лысый, седой, круглый, квадратный*. Возможно, это связано с тем, что полнота и интенсивность признака не всегда совпадает с его предельностью.

Наречие *крайне*, выражая максимальную степень признака, «предпочитает» вступать в сочетание с прилагательными негативной семантики: *крайне агрессивный, безалаберный, безответственный, вредный, грубый, жестокий, завистливый, легкомысленный, ленивый, навязчивой, надменный, неряшливый, опасный, подозрительный, резкий, трусливый, угрюмый* и под. Не сочетается *крайне* с прилагательными: *веселый, добродушный, милый, обаятельный, серьезный, смелый, справедливый, терпеливый*, а также с наречиями *весело, безопасно, приятно, спокойно, удобно* и под.

Это еще одно подтверждение того, что чрезмерное преобладание негативных моментов характеристики качеств человека или состояния среды вполне допустимо, в то время как переизбытка положительных качеств не бывает или, во всяком случае, не должно быть.

При сопоставлении сочетаний с *крайне* и *совершенно* (стилистическим синонимом *совсем*) с прилагательными, имеющими в своем составе префикс *без-* (*бес-*), обнаруживается еще одна особенность, характерная для *крайне*: оно «выбирает» прилагательные более абстрактного значения, в отличие от тех, которые имеют конкретно вещественное, предметное значение, а *совершенно* (*совсем*) сочетаются и с теми, и с другими, ср.: *крайне* (*совершенно*) *безвыходный, бездарный, бездоказательный, бездушный, безжалостный, безнадежный, бесконечный* и под. Но только *совершенно* (*совсем*) сочетаются с такими прилагательными, как: *безводный, бездетный, безденежный, бездомный, бездонный, безземельный, беззубый, безоблачный, безногий, безоружный* и под. Кроме того, *крайне*, в

отличие от *совершенно*, не сочетается с такими сравнительно нейтральными по значению прилагательными, как: *безвредный, безобидный, безопасный, безропотный* и под.

Если наречия *совсем, очень, крайне* указывают на чрезмерную полноту, предельность признака, то наречие *немного*, вступая в сочетание с прилагательными и другими наречиями, наоборот, указывает на недостаточность, неполноту качественных характеристик того или иного объекта: *он немного ленивый/ленив; девочка немного неряшливая/неряшлива; отец у них немного скупой/скуп; там было немного грустно/страшно/темно/уныло.*

Как это следует из приведенных примеров, наречие *немного* так же, как и *совсем*, входит в словосочетания с лексемами, негативными по семантике, т.е. с теми, что «ниже нормы». Ср. еще: *он немного трусливый/*смелый; голос у него немного хриплый/*звонкий; комната немного темная/*светлая; состояние у него было немного сонное/*бодрое; вид из окна был немного однообразен/*живописен; на вечере было немного скучно/*весело.* В русском языковом сознании неполнота негативного признака представляется вполне возможной и естественной, но что касается позитивных качеств, это противоречит общепринятой норме, человек не может или не должен быть немного вежлив, ловок, умен, щедр.

Что касается прилагательных, относящихся к размерам одежды или обуви, то наречие *немного* совершенно свободно сочетается с ними: *шапка ему немного велика; юбка тебе немного коротка; брюки ему немного узки; туфли мне немного малы.* Необходимо отметить, что как с наречием *совсем*, так и с наречием *немного* не сочетаются прилагательные, обозначающие крайне высокую степень признака, как негативного, так и позитивного. То есть не сочетаются с такими лексемами, как:

а) *гадкий, грустный, мерзкий, отвратительный, противный, ужасный* и под.

б) *великодушный, восхитительный, замечательный, отличный, прекрасный, прелестный, чудесный* и под.

Однако, не сочетаясь с прилагательными позитивной семантики, *немного* может выступать в составе сравнительного оборота с этими же прилагательными. Нельзя сказать *он немного храбрый, он немного сильный*, но вполне нормативно: *Ваня немного храбрее Димы, Саша немного сильнее Коли, Миша немного щедрее своего отца.* Что же касается сравнительной степени прилагательных, обозначающих очень высокую степень как позитивного, так и негативного признака, наречие *немного* с ними не сочетается: **это немного прекраснее; *это немного великолепнее, чудеснее того, что я ожидал; Или: *это немного противнее, безобразнее, отвратительнее того, что было раньше;*

Круг глаголов, с которыми может вступать в синтагматические отношения наречие *совсем*, достаточно широк. Естественно было ожидать, что при выборе глагола, присоединяющего к себе *совсем*, следует ориентироваться на те, в значении которых

содержатся признаки интенсивности действия, доведения его до крайнего предела. И действительно, есть несколько групп глаголов, отвечающих данному критерию. Это глаголы, обозначающие:

1. приобретение нежелательного признака, состояния: *выдохнуться вылинять, вымазаться, вымокнуть, замерзнуть, засохнуть, испарится, обветшать, обледенеть, оглохнуть, одуреть, ослабеть, ослепнуть, обесценится, отвоеваться, отмучиться, разболеться, перепугаться* и под.

2. доведение до нежелательного состояния: *заездить, закормить, залечить, заморить, заморозить, замучить, затаскать, перегреть, перегрузить, передержать, перекормить, пересолить* и под.

3. погружение в чрезмерно длительное действие, часто с отрицательными последствиями: *заговориться, загуляться, заиграться, засидеться, заслушаться, заработать, засмотреться, зачитаться* и под.

4. глаголы «разрушения»: *испарить(ся), разбить(ся), разрушить(ся), сломать(ся), сгореть, разорвать(ся), расколоть(ся), разгромить, растоптать, расшатать(ся), уничтожить* и под.

Представленные группы глаголов в смысловом отношении достаточно однообразны — это в основном глаголы, передающие отрицательные, во всяком случае, не положительные действия, и в сочетании с *совсем* они акцентируют предельность негативного в отличие от предельности позитивного: **совсем разбогател, *совсем преуспел, *совсем прославился*.

Свободно сочетается *очень* с глаголами:

1. чувства, переживания, эмоциональной или интеллектуальной реакции: *беспокоиться, бояться, верить, волноваться, гордиться, жалеть, ждать, завидовать, злиться, радоваться, ревновать, ругать, стыдиться, сердиться, унижать, хвалить*;

2. передающими изменения в состоянии субъекта или объекта:

а) *вырасти, замерзнуть, измениться, обрадоваться, огорчиться, исправиться, рассердиться*;

б) *возвышать, возвеличивать, преувеличивать/преуменьшать, приукрашивать, упрощать/усложнять* и под.

А с глаголами «разрушения» наречие *очень* не может вступать в синтагматические отношения: **очень выродился/ исчез/ разбился/ разрушился/ раскололся/ сломался/ утонул*.

Наречие *крайне* обладает широким диапазоном сочетаемости с глаголами, передающими изменения в состоянии объекта: *крайне преувеличивать достижения, крайне преуменьшать потери, крайне приукрасить действительность, крайне усложнить*

положение дел и под. Со всеми вышеприведенными глаголами, с которыми вступают в сочетание *совсем* и *очень*, а также с глаголами разрушения наречие *крайне* не сочетается.

С наречием *немного* может употребляться довольно большая группа глаголов самой разнообразной семантики: это глаголы:

1. ограничительного способа действия, то есть те, которые обозначают действия, ограниченные незначительным отрезком времени: *поговорить, подумать, пожить, полежать, поспать, посидеть, почитать* и под.;

2. глаголы движения, но только неоднаправленные: *немного бегают, летает, плавают*;

3. глаголы со значением занятости каким-либо действием, в том числе называющие профессиональную деятельность: *немного ест, пьет, спит, немного пишет, поет, переводит*. При этом объект действия вербально не выражен.

4. глаголы, предполагающие неполноту достижения результата действия: а) *недобрать, не дожарить, не донести, недооценить, недочистить*; б) *привстать, приглушить, прикрыть, приподнять(ся), приплатить, притихнуть, приостановить(ся)*.

Предпринятый анализ сравнительно небольшого фрагмента языковой системы позволяет сделать некоторые выводы относительно взаимной обусловленности лексики и грамматики в одной из синтаксических единиц — словосочетании. В результате языкового эксперимента была установлена возможность или невозможность сочетаемости наречий, обозначающих различную степень интенсивности признака, с другими частями речи — прилагательными, наречиями, глаголами.

С точки зрения семантики наиболее примечательно то, что положительные качества характеризуемого объекта не могут представляться как достигшие предела, или, наоборот, быть ниже нормы, в то время как для негативных это вполне допустимо. В русском языковом сознании существуют пределы для скупости, злости, глупости. А таким качествам, как щедрость, доброта, ум, красота не может быть предела.

Полученные данные представляют интерес не только для описания сочетаемостных особенностей языковых единиц, но и для исследования в области изучения русской языковой картины мира и русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Логический анализ языка: проблема интенциональных и прагматических контекстов. М. 1989

Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. — М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература РАН», 1995

**SINTAGMATIC PROPERTIES ADVERBS
«СОВСЕМ», «ОЧЕНЬ», «КРАЙНЕ», «НЕМНОГО».**

Luceta Babalova

*PhD, Institute of the Russian language and culture, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
babalova1@ya.ru*

The article focuses on syntagmatic properties of Russian adverbs совсем, очень, крайне and немного. Particular attention is paid to the semantic characteristics of the adjectives, verbs associated with these adverbs.

Keywords: adverb, adjective, verb, syntagmatic features, semantic characteristics.

О ПРОБЛЕМЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПРЕДИКАТОВ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Столетова Екатерина Константиновна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
rionet7@hotmail.com

Статья посвящена проблеме семантических модификаций метафорических предикатов (на материале русского и английского языков). В частности, описаны особенности воздействия на метафорические предикаты таких семантических операторов, как *буквально / literally* и *можно сказать / one might say*.

Ключевые слова: метафорический предикат, показатель непрямой номинации, семантический оператор.

В данной статье речь пойдет о метафорической предикации. Приведем примеры высказываний с метафорическими предикатами:

- (1) *Мой начальник — настоящий зверь.*
- (2) *Он прямо позеленел от злости.*
- (3) *Воронов некоторое время сверлил посетителя пронзительными недоверчивыми глазками [Быков].*
- (4) *Letters, speeches and pamphlets literally rained down upon the people of the North (Письма, речи и памфлеты буквально градом посыпались на северян) [Douglas].*
- (5) *The journey to work every day was sheer torture (Дорога на работу каждый день была настоящей пыткой).*

Говоря о метафорических высказываниях, Дж. Р. Серль [Серль 1990: 308] разграничивает значение слова или предложения (то, что слово, выражение или предложение значит само по себе), с одной стороны, и значение высказывания говорящего (то, что имеет в виду говорящий, произнося это слово, выражение или предложение), с другой.

Для высказываний с метафорическими предикатами характерно наличие «эффекта неожиданности», сниженная «возможность предвидения» [Дюбуа и др. 1998: 81]. Действительно, в любом случае, когда автором высказывания выбирается некий выразительный языковой знак, адресат не может предвидеть, какой именно знак выберет говорящий (естественно, предвидеть мы можем только адекватный языковой знак). Например, при глаголе *пить* дополнением в принципе должно быть слово со значением «жидкость», адресат ожидает именно этого. И адресат не может предвидеть, например, выражение *выпить всякий стыд*. «Выразительные и адекватные языковые знаки, – отмечает О.Г.Ревзина, – представляют говорящему возможность выбора, и в этом смысле

употребление выразительного языкового знака есть всегда отражение позиции нарекающего субъекта» [Ревзина 1989: 138].

Нас в данной статье будут интересовать такие языковые выражения, которые могут иметь метафорическое осмысление. Очевидно, что во всех приведенных выше примерах говорящий имеет в виду нечто отличное от того, что буквально значит выбранное им языковое выражение. Никому не придет в голову, что начальник может оказаться не человеком, а зверем. Любой, услышав высказывание (1), сразу поймет, что данная номинация использована метафорически и с ее помощью говорящий предсказывает X-у (начальнику) такое свойство, как «жестокость». В (2) X очень разозлился: именно это имплицитно предсказывает говорящий; опять же слушающему сразу становится понятно, что в действительности X не стал зеленым от того, что разозлился. В (5) для слушающего очевидно, что говорящий стремится акцентировать его внимание на том, что дорога на работу трудна, утомительна.

Интересно, как выражение *провалиться сквозь землю*, которое может иметь метафорическое переосмысление, обыгрывается в музыкальной сказке «Алиса в стране чудес» и в песне В.Высоцкого «Марш антиподов», звучащей в этом спектакле. Алиса в буквальном смысле проваливается сквозь землю (падает в колодезь) и, оказавшись в стране чудес и познакомившись с ее жителями, *проваливается сквозь землю от неловкости*.

«Антиподы» произносят такой текст:

Когда провалишься сквозь землю от стыда

*Иль поклянешься: "Провалиться мне на месте!" Без всяких трудностей ты попадешь сюда,
А мы уж встретим по закону, честь по чести.*

Таким образом, в тексте песни происходит обыгрывание многозначности - совмещение двух значений одного языкового выражения, прямого и метафорического.

Е.В. Падучева определяет метафорический перенос как категориальный сдвиг [Падучева 2004: 190]. Если мы рассмотрим примеры (1)-(5), то действительно предикат не может иметь в данном контексте своего буквального значения, это исключено.

Е.В. Падучева, рассуждая о механизме метафоры, замечает: «Строго говоря, то, что имеет в виду метафора, - это не столько категория, сколько набор стандартных ассоциаций, которые связаны с данной сущностью в сознании данного языкового коллектива» [Падучева 2004: 195]. Например, в (1) номинация *зверь* вызывает в сознании слушающего некоторый набор ассоциаций, и он понимает, что говорящий считает начальника жестоким.

В.Г. Гак так объясняет возможность употребления высказываний типа *Он лев*: «Субстанция «лев» обладает разнообразными объективными или приписываемыми ей атрибутами, в том числе храбростью. Человеческое сознание способно опредмечивать любое качество. Так возникает новое понятие «храбрость»; элементами класса, охватываемого этим

понятием, становится и лев, и храбрый человек. Это создает возможность употребления одного слова вместо другого» [Гак 1988, стр.12].

Об этой проблеме рассуждает Дж.Лакофф [Lakoff 1975: 236], рассматривая высказывание с метафорическим предикатом *Esther Williams is a regular fish* (*Эстер Виллиамс настоящая рыба*): «Считается, что коннотации слова являются частью прагматики <...>. Определенно, многие ученые, кажется, принимают как данность, что коннотации и другие прагматические аспекты значения нерелевантны для установления истинности <...>. Считается, что истинность связана только с буквальным или денотативным значением. Однако в высказываниях с *regular* <...> истинность высказываний зависит не от буквального значения предикатов, а единственно от их коннотаций! Я думаю, это показывает, что семантика не может рассматриваться независимо от прагматики и что они неразрывно друг с другом связаны» [Lakoff 1975: 236].

В высказывании с метафорическим предикатом *Esther Williams is a regular fish* использована лексема *regular*. Исследователь назвает такого рода лексемы термином «hedges» (от английского *to hedge – to refuse to answer directly* [Longman dictionary 1998: 616], «отказываться отвечать прямо, уклоняться от прямого ответа»), в русском варианте – «показатели точности и неточности обозначения», «ограждения» [Лакофф 2004: 786]. Hedges используются говорящим в высказывании для того, чтобы показать, что X не принадлежит к классу Y. В высказывании, где некоторый X называется именем «Y», hedges можно употребить только тогда, когда X не принадлежит к классу Y.

Дж.Лакофф приводит список hedges, в который включает следующие слова и выражения английского языка: *sort of, kind of, loosely speaking, more or less, relatively, somewhat, rather, mostly, strictly speaking, essentially, in essence, literally, as it were, in a sense и многие другие*.

Мы используем термин «показатели непрямой номинации»: это метаязыковые единицы, сигнализирующие, что семантика языкового выражения, находящегося в сфере действия данной единицы, не соответствует или не полностью соответствует обозначаемому им явлению: либо некоторая ситуация (Q) называется именем другой ситуации (P), либо некоторый объект (X) называется именем другого объекта (Y) (о показателях непрямой номинации см. [Столетова 2005]).

К показателям непрямой номинации относятся, в частности, такие единицы русского языка, как *буквально, просто, прямо, настоящий, сущий, совершенный, можно сказать* и другие, а также такие единицы английского языка, как *literally, regular, real(ly), downright, absolute, sheer, quite a, one (you) might say* и другие. Все эти единицы обладают способностью вводить метафорические предикаты.

Показатели непрямой номинации, как русские, так и английские, производя семантическую модификацию предиката, принадлежат к обширному классу семантических операторов, который был выделен Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999]. Семантические операторы – это единицы, производящие некоторую операцию над смыслом последующего языкового выражения, вносящие «корректив в семантику предиката» [Арутюнова 1999: 831]. См., например:

(6) *Петр не очень умен.*

В (6) семантический оператор *не очень*, показывая степень ума X-а, вносит корректив в семантику предиката, который Н.Д.Арутюнова называет «градуированным» [Арутюнова 1999: 832].

Семантические операторы, как отмечает Н.Д.Арутюнова [Арутюнова 1999: 830-833] обладают следующими признаками:

1. Они градуируют признаки, характеризующие субъект.
2. Они производят операцию над смыслом последующего языкового выражения, а не над истинностным значением высказывания (в отличие от модальных операторов: подробнее об этом см. [Арутюнова 199: 830]).
3. Они не могут являться вводными словами.
4. Они сочетаются с размытыми концептами (fuzzy concepts) [Арутюнова 1999: 831].

Итак, показатели непрямой номинации производят семантическую операцию над предикатом и вносят существенные коррективы в прочтение описываемой ситуации. См., например:

(7) *Он как бы впился глазами в Алешу* (пример из [Арутюнова 1999]).

Нас будет интересовать вопрос о том, какие именно семантические модификации метафорического предиката могут производить показатели непрямой номинации. Мы выбрали два показателя непрямой номинации — *буквально (literally)* и *можно сказать (you/one might say)*, которые, что интересно, функционируют одинаково в русском и в английском языке.

БУКВАЛЬНО / LITERALLY

Данная лексема является, с одной стороны, знаком того, что говорящий осознает, что предложенная им метафорическая номинация будет воспринята адресатом как неуместная или неожиданная, но, с другой стороны, это и знак уверенности самого говорящего в ее уместности. С помощью *буквально* говорящий заверяет адресата в обоснованности названия одной ситуации именем другой ситуации и выбора метафорической номинации.

Рассмотрим примеры.

(8) *Поклонницы буквально разрывали певца на части.*

(9) *Начальник его за это буквально съел.*

(10) *Он буквально через тернии пробился и достиг цели.*

(4) *Letters, speeches and pamphlets literally rained down upon the people of the North [Douglas].*

(11) *He literally exploded with anger (Он буквально взорвался от ярости)[Longman 1998: p.769]*

В данных высказываниях говорящий мог бы не использовать лексему *буквально / literally*. Однако он использует ее, как бы возвращая уже устоявшейся метафоре «живость» и экспрессивность, которые слово имеет в своем прямом значении. Действительно, русские языковые выражения *разрывать кого-либо на части, съесть кого-либо, пройти или пробиться через тернии* и английские *to rain down upon smn/sth (сыпаться на кого-то/что-то дождем), to explode with anger (впасть в ярость, буквально: взорваться от ярости)* широко употребляются в переносном смысле.

Говорящий с помощью *буквально / literally* стремится актуализировать прямое значение лексемы, все коннотации прямого значения, которые утеряны данной лексемой в переносном значении.

Например, возможно, в (8) говорящему недостаточно передать смысл «поклонницы были навязчивы, слишком настойчивы по отношению к своему кумиру» (переносное значение оборота *разрывать кого-либо на части*), а напротив, он стремится создать яркий образ ситуации: поклонницы вели себя настолько навязчиво, агрессивно и даже жадно и безразлично по отношению к чувствам кумира, что возникла ассоциация со стаей хищников, рвущих на куски свою добычу.

То же и в (10): *тернии* в нашем нынешнем сознании – это просто трудности, а говорящий имеет в виду не рядовые, обычные трудности, а, скорее, боль, страдания, неожиданные препятствия на пути к достижению цели.

То же и в примерах на материале английского языка. В частности, в (4) писем и прочих бумаг было такое большое количество и настолько часто их получали северяне, что у говорящего возникает желание ярко, образно представить нам данную ситуацию — и он с помощью лексемы *literally* создает яркий образ дождя, обрушившегося на людей.

В (11) говорящему кажется недостаточным сказать, что *X был в ярости*, говорящий стремится создать в сознании слушающего «живой» образ ситуации: ярость X-а была настолько сильна, что вполне уместны оказались для описания данной ситуации коннотации глагола *взорваться* (невероятная сила, неожиданность).

Вот что пишет И.М. Кобозева [Кобозева 2000: 347] по поводу высказывания *Россия и Германия были в буквальном смысле ободраны*: «Из фиксированных в словаре значений глагола *ободрать* к контексту больше подходит переносное значение *__опрабить__, __обобразь__,* чем прямое - *__оюлить, сдирая что-нибудь__,* и тем не менее, используя оборот *в буквальном смысле,* говорящий указывает на то, что прямое значение слова *ободрать* больше соответствует его замыслу, видимо, по той причине, что оно включает в себя коннотацию *__боги__.*

В этой связи интересно отметить то, что лексема *буквально / literally* призвана помочь слушающему ощутить ситуацию «физически», переводит ее в плоскость «физических ощущений». Продемонстрируем это на примерах.

(12) *Хохот буквально раскалывает все вокруг.*

Аплодисменты становятся скандированными [Арканов].

Целью говорящего в данном случае является показать, насколько сильным был хохот. При этом хохот не материальный объект, а глагол *раскалывать* используется обычно применительно к физическим объектам. Говорящий стремится «вернуть» глаголу *раскалывать,* употребленному метафорически, коннотации прямого значения этого глагола (*__сила__, __звон__,*), то есть с помощью метафоры говорящий «оживляет» ситуацию, придает описанию образность и показывает, что было реальное ощущение, что все вокруг раскалывается.

(13) *Две мои последние пьесы – «Ким» и «Люти» – это абсолютно чистая современность, когда за окнами зданий, в которых разворачивается действие пьес, буквально клокочет современная жизнь* [Литературная газета].

В (13) снова чему-то нефизическому (жизнь) говорящий приписывает свойства физического (клокотать может, например, вода), чтобы показать, насколько бурной была жизнь. С позиции говорящего, только буквальное понимание глагола «клокотать» и представление бурлящей, клокочущей воды может помочь адресату осознать степень того, насколько бурной была жизнь за окнами здания.

Буквально / literally помогает высказыванию обрести образность и эмоциональность. С помощью этого показателя говорящий рисует для адресата определенную картину ситуации. *Буквально* – это всегда апелляция к адресату, поскольку говорящий стремится вызвать в его сознании некоторый образ (*__представь себе Р, чтобы понять, насколько...__*). В этом смысле *буквально* можно назвать риторическим словом: цель говорящего состоит в том, чтобы в воображении адресата возник некоторый образ ситуации.

Таким образом, семантическая операция, которую производит лексема *буквально / literally* над метафорическим предикатом, - это «оживление» метафоры, возвращение

стершейся метафоре коннотаций прямого значения слова.

МОЖНО СКАЗАТЬ / ONE MIGHT SAY

В сфере действия фраземы *можно сказать / one might say* также нередко оказывается метафорический предикат. Приведем примеры на материале русского и английского языков:

(14) *Идея пришла почти сразу же, и такая, что Яков Михайлович аж взвизгнул от удовольствия. Повернул назад, влекомый вдохновением. Не взбежал, а, можно сказать, вспорхнул на крыльцо и ткнулся носом в самую дверную ручку, подсвечивая себе маленьким электрическим фонариком* [Борис Акунин].

(15) *Мы, можно сказать, с головой погрузились в эту интересную деятельность.*

(16) *There are two magic hours of the day which I <...> bathe in, I might say* (Есть два часа в сутках, в которых я купаюсь, можно сказать) [Miller].

(17) *That thousand dollars was hanging over his head, you might say* (Эта тысяча долларов висела у него над головой, можно сказать).

В «Русско-английском словаре идиом» С.Лубенской для *можно сказать* предлагается такое толкование для *можно сказать / one might say*: «Формулировка, которую дал или собирается дать говорящий, возможна, разумна, допустима» [Лубенская 1995: 610].

Действительно, данная фразема имеет значение возможности, допустимости использования некоторой номинации для характеристики определенной ситуации. *Можно сказать / one might say* используется в контекстах, которые можно назвать контекстами оправданного преувеличения, в том числе и в случае с метафорическими предикатами. Например, в (14) говорящий, используя *можно сказать*, хочет показать нам, что считает оправданной метафору *вспорхнуть* (настолько быстро и легко X взбежал на крыльцо, «влекомый вдохновением»); в (15) автор высказывания считает допустимым использование метафоры *погрузиться с головой в определенную деятельность* (настолько высока степень вовлеченности говорящего в эту деятельность); в (16) говорящий подчеркивает, что считает уместным сказать, что он *купается во времени* (такими блаженными и счастливыми являются для него эти часы), а в (17) — что тысяча долларов *висит у него над головой* (настолько реально для него получить эти деньги).

Фразема *можно сказать / one might say* указывает на то, что говорящий не видит препятствий для использования в отношении какой-либо ситуации или какого-либо лица метафорической номинации, передает идею «законности». Препятствия против использования номинации «Р» «снимаются» высокой степенью проявления признака *n* в ситуации Q.

Идея отсутствия препятствий в обороте *можно сказать* связана непосредственно с

семантикой глагола *мочь*, который входит в состав рассматриваемой единицы. Анна А.Зализняк и Е.В. Падучева в статье, посвященной этому глаголу, пишут, что *мочь* используется в тех случаях, когда «нет принципиальных препятствий для наступления события Р (Х)», когда «все существенные условия наступления события Р (Х) выполняются» [Зализняк, Падучева 1989: стр.100]. Значит, в случае с *можно сказать* нет препятствий для того, чтобы использовать номинацию «Р», потому что выполняются все условия, делающие «Р» возможной.

Таким образом, *можно сказать* / *one might say* «оправдывает» метафору, используя данную фразему, говорящий указывает нам на ее законность, на отсутствие препятствий для ее использования.

Рассмотренные нами единицы по-разному воздействуют на метафору: лексема *буквально* / *literally* «оживляет» ее, возвращая слову коннотации его прямого значения, а фразема *можно сказать* / *one might say* «оправдывает» метафору, указывая нам на наличие оснований для ее использования.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.
- Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.- М., Мэнге Ф., Пир Ф.,Тринон А. Общая риторика. М., 1986.
- Зализняк Анна А., Падучева Е.В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. Выпуск 2. М., 1989.
- Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М., 2000.
- Лубенская С. Русско-английский словарь идиом. New-York, 1995.
- Падучева Е.В. Метафора и ее родственники // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004.
- Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход к лингвистической поэтике // Проблемы структурной лингвистики. 1985-1987. М., 1989.
- Словарь русского языка в 4-х томах / под ред. А.П.Евгеньевой. М., 1981.
- Тринон А. Общая риторика. Благовещенск, 1998.
- Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М., 1990.
- Столетова Е.К. Показатели непрямой номинации в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Lakoff G. Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts // Contemporary research in philosophical logic and linguistic semantics. Dordrecht; Boston, 1975.
- Longman dictionary of English language and culture. Essex, 1998.

ON THE PROBLEM OF METAPHORICAL PREDICATES AND THEIR SEMANTIC MODIFICATIONS (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

Ekaterina Stoletova

PhD, Lomonosov MSU, Russia. Moscow

rionet7@hotmail.com

The article is devoted to the problem of semantic modifications of metaphoric predicates. There is a description of the peculiarities of two semantic operators *буквально / literally* and *можно сказать / one might say* and their impact on metaphoric predicates.

Keywords: a metaphoric predicate, the indirect nomination marker, a hedge, a semantic operator.

ОРНИТОЛОГИЗМЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

Сергеева Ольга Михайловна

*кандидат филологических наук
преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
barsom@bk.ru*

В статье рассматриваются лексические единицы с орнитологическим компонентом в семантике (существительные, прилагательные, глаголы, наречия). На основе компонентного анализа выявляется внутренний образ слов.

Ключевые слова: лексический орнитологизм, внутренний образ, переносное значение.

Символический образ птицы – неотъемлемая часть культуры многих народов. Но интерпретируется этот символ в разных культурах по-разному. На восприятие мира человеком, на формирование национального языка большое влияние оказывает ландшафт.

О роли среднерусского ландшафта в формировании русской ментальности писал известный историк В.О. Ключевский. «Лес, степь и река – это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них и в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека» [Ключевский 2003: 60-64].

В лесах, степях и на реках России обитает великое множество диких птиц. Человек издавна вступал с ними в разнообразные отношения. Он охотился на птиц, добывая себе пропитание, весной защищал от птиц свои посева. Есть пернатые, перед которыми он испытывал суеверный страх, например ворон – птица, появление и крик которой, по убеждению многих, предвещает несчастье. С птицами связывались различные мистические представления; так, у русских, как и у других народов, существовало поверье, что в птицу вселялась душа человека после смерти.

Особенные отношения у русских складывались с певчими птицами. Их было немало в лесах, в полях, в степи. Их держали в домах, любили слушать; убийство певчей птицы считалось грехом. На праздник Благовещения птиц выпускали из клеток на волю. Вспомним стихотворение А.С. Пушкина «Птичка»:

В чужбине свято наблюдаю

Родной обычай старины:

На волю птичку выпускаю

При светлом празднике весны.

В хозяйстве русских традиционно содержались многие виды домашних птиц – куры, утки, гуси, индейки и др. Разводили и декоративных птиц – голубей, лебедей.

Постоянное присутствие птиц в жизни русского человека значительно повлияло на формирование национальной картины мира и во многом определило образный строй русского языка. Это влияние нашло свое отражение в лексике, фразеологии, в пословицах и поговорках русского народа. «Если возьмем такое слово, как «проворонить», то тут обнаружим три момента: во-первых, комплекс звуков; во-вторых, значение (проворонить - значит прозевать, пропустить); в-третьих, слово связывается еще с определенным *образом*, так что в слове «проворонить» или «прозевать» лежит некоторый внутренний образ (ворона проворонит, когда она откроет рот). Получается некоторое внутреннее сравнение, внутренняя картина, или пиктограмма, условных звуков, связанных с внутренним образом. Когда мы говорим «петушиться», то у нас возникает определенный образ, для которого другое слово непригодно; мы сравниваем человека с петухом; когда говорим «голубое небо», для всех ясно сравнение цвета неба с крылом голубя; когда говорим «вороной конь», то слово «вороной» связывается с крылом ворона. Во всех случаях получается картина, связывающая значение со знаком», – писал известный русский ученый Л.С. Выготский [Выготский 1982: 201].

Ряд языковых явлений, содержащих, по выражению Л.С. Выготского, «внутренний образ птицы», но антропоцентричных, служащих для обозначения реалий мира человеческого (лексические единицы, устойчивые выражения, пословицы и поговорки) можно было бы обозначить как орнитологизмы.

В настоящей статье ограничимся рассмотрением лексических единиц, мотивированных образом птицы. Такие слова встречаются в различных частях речи. Рассмотрим их подробнее.

Существительные.

Среди существительных встречаются орнитонимы, употребляющиеся в переносном значении. К ним отнесем слова двух типов.

Первый тип представлен названиями предметов, явлений действительности и др., которые хотя и возникли на основе метафорического переноса значений, все же представляют собой факты языка, зафиксированные словарями [Реформатский 2005: 83]. Это так называемые «стертые» метафоры: *лебедка* (механизм), *утка* (ложный слух), *журавль* (деталь колодца), *галочка* (графический знак), *ласточка* (поза в гимнастике), *кукушка* (небольшой поезд местного назначения), *гнездо* (многозначное слово), *перо* (приспособление для письма), *крыло* (часть здания) и т.п.

Ко второму типу мы отнесем наименования людей, среди которых выделяются, в свою очередь, а) ласковые апеллятивы: *ласточка*, *касатка/касатик*, *голубок/голубка*, *цыпка* и т.п.; и б) экспрессивно-оценочные наименования человека – позитивные (*орел*, *сокол*) или

негативные: *пигалица, индюк, гусь, ворона, цыпа* и т.п. Эти значения, как правило, тоже зафиксированы современными словарями. Так, например, в словаре Т.Ф. Ефремовой находим: *ласточка* – разг. употр. как ласковое обращение к женщине, ребенку; *касатка/касатик* – нар.-поэт. употребляется как ласковое обращение; *голубок/голубка* – разг. употр. как ласковое обращение; *цыпка* – разг.-сниж. употр. как ласково-фамильярное обращение к женщине, девочке; *орел* – перен. о гордом, смелом, сильном человеке; *сокол* – перен. нар.-поэт. юноша, мужчина, отличающиеся красотой, смелостью, удалью; *пигалица* – невзрачный и низкорослый человек; *индюк* – перен. разг.-сниж. глупый, заносчивый, надменный человек; *гусь* – разг. тот, кто не вызывает доверия; ненадежный, плутоватый человек; *ворона* – разг.-сниж. рассеянный, невнимательный человек; *цыпа* – разг.-сниж. чрезмерно изнеженный человек.

Кроме того, среди орнитологических существительных есть топонимы, т.е. наименования местности: Петушки, Жаворонки и т.п.

Прилагательные. Здесь выделяются три типа.

Первый тип представляют слова, обозначающие цвет: *вороной, канареечный, голубой* и т.п. Первые два употребляются для обозначения оттенков основных цветов, а *голубой* – как основное обозначение цвета в совокупности его оттенков. Эта группа немногочисленна.

Второй тип образуют «птичьи» фамилии; с морфологической точки зрения это притяжательные прилагательные. Эта группа чрезвычайно многочисленна в русском языке, здесь встречаются образования как от орнитонимов (*Воронин, Галкин, Гусев, Дроздов, Дятлов, Журавлев, Иволгин, Коршунов, Куликов, Курицын, Лебедев, Орлов, Петухов* и т.п.), так и от гиперонима *птица* или его частных заместителей *пичуга, птаха* и др. (*Птицын, Пичугин, Пташкин*). Ряд фамилий образован от названий частей тела птицы (*Гребешков, Крылов, Перов* и т.п.).

Чтобы понять, как связаны в этом случае значение принадлежности и образ птицы, нужно обратиться к истории русских фамилий.

Первые фамилии у русских появились в середине XIV века у представителей высших сословий, народ же стал получать фамилии лишь после отмены крепостного права.

Фамилии образовывались из различных источников. Фамилии, образованные от орнитонимов, составляли особую группу.

По мнению специалистов, «птичьи» фамилии входят в первую десятку в списке самых распространенных фамилий. Возникает вопрос: почему они так распространены?

Широко известен тот факт, что в русской деревне для именования людей, помимо традиционных имен, нередко использовались прозвища; в роли прозвищ часто выступали и орнитонимы, наделенные особым значением, например: *Воробей* (юркий, пронырливый),

Соловей (хорошо владеющий речью), *Сокол* (красивый, благородный, смелый) и т.п. Орнитонимы также выступали в роли нецерковных имен, возникших в дохристианские времена и продолжавших использоваться позднее наряду с церковными.

С отменой крепостного права, когда для идентификации человека стали использовать фамилию, эти прозвища и нецерковные имена очень часто становились основой фамилии. Так, например, на вопрос: *Ты чей?* (Из какой семьи?) – давался ответ: *Соколов, Соловьев* и т.п. (из семьи Сокола, Соловья); позднее эти притяжательные прилагательные превратились в фамилии и таким образом закрепились. Распространенность «птичьих» фамилий говорит о распространенности прозвищ и нецерковных имен, представляющих собой орнитологизмы.

Прозвища, как и рассмотренные выше нарицательные существительные-орнитонимы, употребляющиеся в переносном значении (*орел, сокол, пугалица, индюк, гусь, кукушка, ворона, курица* и т.п.) для обозначения людей, в сущности – явления одной природы, поскольку фиксируют сходство человека по характеру или внешности с птицей.

К третьему типу относятся топонимы, мотивированные орнитонимами.

Многие топонимы представляют собой орнитологические прилагательные или словосочетания с такими прилагательными. Эти топонимы, как и орнитологические фамилии, имеют в русском языке весьма широкое распространение. *Вороново, Воробьевы горы, Гусево, Дятловы горы, Куликово поле, Ласточкино Гнездо, Пичугино, Синичкина улица, Сокольская Слобода, Уткино, Чайкино болото, Щурово* и др. – практически в каждой местности встречаются подобные названия.

Топонимы – памятники национальной культуры, не менее значимые, чем архитектурные объекты или произведения искусства. Они являются частью национальной картины мира, заключают в себе ценную информацию о наших предках.

В топонимах находят отражение главные особенности предметов. Для древнего человека дать название предмету – значит признать его существование. Топонимика дает представление о значимости птичьего окружения для людей древности.

Не все топонимы, на первый взгляд представляющиеся орнитологическими, на самом деле являются таковыми. Специальными исследованиями выявлено, например, что такие названия, как *Воронеж, Орел, Гусь-Хрустальный*, не имеют с птицами ничего общего.

Непосредственно с птицами связаны обычно названия водоемов (гидронимы), например, *Чайкино болото*.

Есть и другие топонимы, связанные непосредственно с орнитонимами, например, *Соколиная гора* – название места, где раньше был лес, в котором водились соколы, а также *Куликово поле*.

Что касается названий деревень, например, *Орловка, Пичугино, Уткино, Гусево*, то,

согласно документам, они названы по фамилиям владельцев или основателей, которые, в свою очередь, были мотивированы орнитонимами.

Прилагательные, образованные от орнитонимов, входят в словосочетания, являющиеся названиями некоторых растений. Среди них есть научные и народные названия: журавлиная трава (народное название), кукушкин лен (официальное название), горец птичий (официальное название), его народное название – гречиха птичья, гусиный лук (официальное название), его народное название – птичий лук, куриная слепота (народное название), вороний глаз (официальное название), его народное название – вороньи ягоды.

Орнитологические глаголы.

Среди глаголов также встречаются орнитологизмы. Назовем наиболее употребительные из них в современном русском языке: *ворковать*, *гнездиться*, *гоготать*, *канючить*, *каркать*, *клевать*, *крякать*, *кудахтать*, *куковать*, *окрылить*, *опериться*, *осоветь*, *петушиться*, *попугайничать*, *порхать*, *приголубить*, *проворонить*, *проклюнуться*, *стрекотать*, *трещать*, *чирикать*, *щебетать*, *щеголять*.

Все эти глаголы содержат, говоря словами Выготского, «внутренний образ» птицы, но этот образ имеет различный характер. Эти глаголы уже исследованы нами (см. Сергеева, 2015).

Эти глаголы можно разделить на три категории.

К первой категории отнесем глаголы *кудахтать*, *ворковать*, *щебетать*, *трещать*, *крякать*, *гоготать*, *чирикать*, *стрекотать*. Их переносное значение мотивировано фонетическим сходством и имеет эмоционально-экспрессивную окраску, которая определяется статусом конкретной птицы в национальной культуре (курицы, голубя, сороки, утки, гуся, воробья). Вот почему переносному значению основной части глаголов в этой категории присуща негативная окраска, и только два из них (*ворковать* и *щебетать*) выражают мягкую иронию говорящего по отношению к объекту. Это объясняется общим положительным и бережным отношением к диким певчим птицам и особым статусом голубя в христианской культуре вообще и в русской в частности.

Исключение из общего ряда представляют собой глаголы *каркать* и *куковать*. Их переносные значения игнорируют звуковое сходство.

Глагол *куковать* – многозначное слово, причем известные словари дают различные переносные значения этого слова (Даль: *предсказывать злое*; Ожегов: *испытывать лишения, бедствовать*; Ефремова: а) *бесцельно проводить время, ожидая кого-л., что-л.*, б) *жить одиноко, без семьи*).

Переносное значение глагола *каркать* определяется сложившимся в европейских культурах представлением о вороне как о предвестнике несчастья.

Ко второй категории отнесем глаголы *оперяться, гнездиться, клевать, порхать, проклевываться*. Здесь перенос значения основан на сходстве в поведении и бытовании птиц и человека. Но глагол *гнездиться* имеет и иное значение (Ожегов: о мыслях, чувствах: тесниться; Ефремова: переполнять кого-л. – о мыслях, чувствах и т.п.). Глагол *проклевываться* обычно относится к явлениям растительного мира.

В третью категорию входят глаголы *канючить, окрылять, наклевываться, осоветь, петушиться, приголубить, проворонить, щеголять*. Это наиболее интересная группа глаголов, обладающих яркой национальной спецификой. Их особенность в том, что они однозначны, т.к. не описывают бытование и поведение птиц. Они представляют собой дериваты от орнитонимов или названий частей тела птицы (крыло, клюв). Глаголы этого ряда различаются по характеру внутреннего образа. Так, глагол *проворонить* связан с представлением о вороне как о существе невнимательном, рассеянном; глаголы *осоветь, щеголять* актуализируют характерные особенности внешности и типичное состояние отдельных птиц; глаголы *петушиться, приголубить, канючить* отражают особенности поведения пернатых.

Разнообразны стилистические характеристики орнитологических глаголов. Так, слово *окрылять* в словаре Ожегова сопровождается пометой (высок.), глагол *трещать* в словаре Ушакова в значении «говорить много, громко и быстро, без умолку» снабжен пометой «разг. неодобрит.», а глагол *крякать* в том же словаре в значении «издавать отрывистые горловые звуки (в знак выражения какого-н. чувства)» имеет помету «разг. фам.».

Отдельные глаголы рассматриваются как нейтральные, многие же имеют дополнительные экспрессивные оттенки. Большинство из них относятся к разговорной лексике.

Орнитологические глаголы представляют собой ценный материал на уроках РКИ. Их презентацию можно строить на основе внутреннего образа, определяющего их индивидуальную семантику. Кроме того, их можно использовать для тренировки способности учащихся к языковой догадке.

Наречия.

Наречия среди орнитологизмов относительно немногочисленны: *гуськом, гоголем* (ходит гоголем), *петухом* (взвиться петухом), *коршуном* (коршуном налетел) и т.п.

К сказанному следует добавить, что в наше время в России нередки случаи немотивированного использования орнитонимов и их дериватов в качестве названий или в составе названий различных предметов и учреждений. Так, например, кондитерские фабрики выпускают конфеты «Ласточка», «Петушок Золотой гребешок», «Гусиные лапки», «Птица», «Буревестник». В Москве существует спортивный клуб «Синица». Очень популярно

название «Чайка» (клубы, марка часов, кафе и др.). Название конфет и торта «Птичье молоко», однако, нельзя назвать немотивированным – напротив, в этом случае есть семантическая опора на соответствующий фразеологизм (птичье молоко – небывалое по своим вкусовым качествам, изысканное лакомство). Подобные примеры еще раз подтверждают высокую значимость орнитологизмов в русском языке.

Орнитологизмы в русской лексике представляют собой универсальное, системное явление; они отличаются семантическим, морфологическим, стилистическим разнообразием и выполняют в языке множество функций. Их распространенность в языке и употребительность обусловлены их образностью и выразительностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Ключевский В. О. Русская история: Полн. курс лекций. Т. 1. Минск: Харвест, 2003.
Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 тт. – Т.2. С. 7. – М.: Гослитиздат, 1959.
Выготский Л.С. Собр. Соч.: В 6 тт. /Под ред. А. М. Матюшкина. Т.3. - М.: Педагогика, 1982.
Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 2005.
Сергеева О.М. Глаголы с орнитологическим компонентом в семантике на уроках РКИ // СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ. Вып. XVI: Мат-лы VI Международной научно-практической конференции «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». Москва 26–28 ноября 2015 г. / филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2015. С.559-561.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4тт. М.: Олма-Пресс, 2002.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. энцикл-я, 1975.
Ефремова Т.Ф. [Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.](#)
Морохин Н. В. Нижегородский топонимический словарь. - Н. Новгород: Китиздат, 1997
Глушко Е. А., Медведев Ю. М. Энциклопедия русских фамилий. М.: Изд-во ЭКСПО-Пресс, 2000
Суперанская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. М., 1981.
Федосюк Ю. А. Русские фамилии. М. 1981.

ORNITHOLOGISMS IN RUSSIAN LEXICS

Olga Sergeeva

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

barsom@bk.ru

The article considers lexical units with ornithological component (nouns, adjectives, verbs, adverbs), component analysis reveals inside image in the words.

Keywords: lexical ornithologism, inside image, figurative meaning.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИТЕКСТЕ АЛЛЮЗИВНЫХ ЦИТАТ, СОДЕРЖАЩИХ В СВОЕЙ СТРУКТУРЕ ТОПОНИМЫ

Рощектаева Татьяна Геннадьевна

*кандидат филологических наук
преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
tatiana.univers@mail.ru*

В статье описываются способы образования аллюзивных цитат, содержащих в своей структуре топонимы, рассматривается функционирование аллюзивных цитат данного типа, которые участвуют в создании межтекстовых связей в современном медиатексте.

Ключевые слова: медиатекст, аллюзивные цитаты, топоним, межтекстовые связи.

На занятиях по русскому языку как иностранному при изучении языка средств массовой информации возникают трудности с семантизацией аллюзивных цитат, содержащих в своей структуре топонимы, с пониманием межтекстовых связей, образуемых данным типом цитат, с лингвокультурологическими и лингвострановедческими компонентами повествовательной структуры медиатекста. При анализе функционирования аллюзивных цитат с топонимами необходимо рассмотреть их взаимосвязи с источником цитирования, с цитатой, которая послужила основой для образования аллюзивной цитаты, с цитатой-основой, с контекстом, в который включена аллюзивная цитата с топонимом, и с повествовательной структурой публицистического текста.

Под аллюзивной цитатой, содержащей в своей структуре топоним, понимается модификация цитаты, которая даётся без указания источника цитаты и представляет собой высказывание с полным или частичным сохранением синтаксической структуры исходного цитируемого высказывания, но с замещением лексических единиц цитируемого текста топонимами (в отдельных случаях вариантными формами топонимов) или с расширением цитаты-основы за счёт включения в её структуру топонима.

Аллюзивные цитаты, содержащие в своей структуре топонимы, встречаются в заглавиях публикаций, то есть в сильной позиции текста. Для того чтобы иностранным учащимся было понятно заглавие публицистического текста, необходимо определить источник цитаты, которая послужила основой для создания аллюзивной цитаты с топонимом. Способность определения источника цитаты зависит от фоновых знаний иностранных учащихся, от их лингвокультурологической компетенции. Семантизация аллюзивной цитаты с топонимом происходит в процессе её сопоставления с цитатой-основой, то есть с лексико-грамматической структурой и коннотативными значениями цитируемого высказывания. Проведение данного сопоставительного анализа, направленного на определение значения

аллюзивной цитаты с топонимом, способствует выявлению образности, экспрессии заглавия публицистического текста, эмоционального настроения повествования, которое раскрывает авторское отношение к описываемым событиям и к приводимым в публикации фактам.

Необходимо отметить, что аллюзивная цитата с топонимом в заглавии медиатекста является средством диалогизации/полилогизации повествовательных структур двух или нескольких текстов, которые вступают в межтекстовые диалогические или полилогические отношения с целью создания «образа» факта, события. Прагматическая составляющая и стилистическая окраска заглавия может быть понятна адресату публицистического текста ещё до ознакомления с самим текстом, но в некоторых случаях она раскрывается при знакомстве с текстом. Топоним, включённый в аллюзивную цитату, служит средством обозначения пространственной локализации событий, описываемых в публикации, и средством создания экспрессии, так как помимо номинативной функции, присущей именам собственным, топоним выполняет ещё и оценочную функцию, образуемую за счёт коннотаций и стилистической окраски лексем аллюзивной цитаты и лексем цитаты-основы.

Анализ аллюзивных цитат, содержащих в своей структуре топонимы, показал, что источниками цитирования могут быть либо высказывания из литературных произведений или кинотекстов, либо устойчивые в речевом обиходе высказывания (половицы, поговорки, термины). Вероятно, это объясняется тем, что современный журналист в большей степени знаком с данными типами источников.

В результате проведённого лингвостилистического анализа выявлены следующие источники цитирования.

1. Литературное произведение.

Например, заглавие публикации *Кому в Москве жить хорошо* [Lenta.ru. 14.04.2016], *Кому в Беларуси жить хорошо* [Росбалт.ru. 06.02.2013] (Здесь и далее подчёркнуто нами. – Т.Р.). Название поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» послужило основой для создания аллюзивной цитаты, содержащей в своей структуре другой топоним – *Москва, Беларусь*.

2. Название художественного фильма.

Например, заглавие публикации *Место Сочи изменить нельзя* [Коммерсантъ.ru]. Название фильма режиссёра С.С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя» послужило основой для создания данной аллюзивной цитаты данного типа.

3. Песня (строчка из песни).

Например, заглавие публикации *Не нужен нам берег Лазурный* [Росбалт.ru. 12.03.2013]. Строчка из песни «Летят перелётные птицы» (слова М. Исаковского, музыка М. Блантера) «Не нужен мне берег турецкий» послужила основой для создания данной

аллюзивной цитаты с топонимом.

4. Пословицы и поговорки.

Например, заглавие публикации *Держи Кайман шире* [Коммерсантъ.ru. 21.01.2013]. Пословица «Держи карман шире» послужила основой для создания аллюзивной цитаты рассматриваемого типа.

5. В отдельных случаях цитатой-основой могут быть терминологически устойчивые словосочетания. Например, дипломатический термин «Персона нон грата» стал основой для образования заглавия публицистического текста *Россия нон грата* [Росбалт.ru. 21.08.2012]. Название учреждения «Колония строгого режима» послужило основой для создания аллюзивной цитаты рассматриваемого типа *Каталония строгого режима* [Lenta.ru. 13.03.2013].

Определение источника цитирования может проходить без затруднений, если иностранные учащиеся знакомы с цитатой-основой, но в отдельных случаях это может вызвать трудности. Помощь в определении источника цитирования могут оказать поисковые системы в Интернете. Например, иностранным студентам необходимо определить источник аллюзивной цитаты в заглавии публицистического текста *Кому в Беларуси жить хорошо*. При вводе в поисковую систему Google «Кому в ...» появляются заголовки «Кому в России жить хорошо», «Кому в Сколково жить хорошо?», «Кому в Эмиратах жить хорошо?» и т.п., а также «Кому на Руси жить хорошо». Из предложенных Google вариантов видно, что существует устойчивая модель образования заголовка медиатекста, которая основывается на цитате-основе, то есть на названии литературного произведения – поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В поисковой системе Google даётся ссылка на статью в Википедии «Кому на Руси жить хорошо», в которой указан жанр произведения, автор, язык оригинала, дата написания, дата первой публикации, а также приводятся тексты, рассказывающие об истории создания, о сюжете и структуре поэмы, даётся список героев. В Интернете можно найти полный текст поэмы, краткое содержание по главам, анализ содержания и др. Можно посмотреть спектакль «Кому на Руси жить хорошо», поставленный по мотивам поэмы в различных театрах.

Анализ вышеуказанных заглавий медиатекстов показывает, что название литературного произведения послужило основой создания аллюзивных цитат, в структуру которых вместо топонима *Русь* включаются другие топонимы *Москва, Беларусь, Россия, Сколково, Эмираты* и др. Поиск источника цитаты, послужившей основой для создания аллюзивной цитаты *Кому в Беларуси жить хорошо*, поможет иностранным учащимся не только найти цитату-основу, но и познакомиться с оригиналом произведения и с другими медиатекстами, включающими в заглавие модификацию названия поэмы Н.А. Некрасова.

Работа с поисковыми системами в Интернете с целью определения источника аллюзивной цитаты с топонимом и знакомство с цитатой-основой позволит иностранным студентам, изучающим русский язык, определить межтекстовые связи и выявить образную и экспрессивную составляющую современного медиатекста на фоне сопоставления его с текстами XIX-XX веков.

Выявление источника аллюзивной цитаты, содержащей в своей структуре топоним, играет важную роль в понимании всего публицистического текста, так как межтекстовые связи, определяемые путём сопоставления повествовательных структур двух или более текстов, позволяют рассматривать повествовательную структуру современного медиатекста, содержащего аллюзивные цитаты с топонимами, как средство выражения межтекстовой диалогичности/полилогичности.

Помимо освоения методов определения источника цитаты и нахождения цитаты-основы необходимо познакомить иностранных учащихся со способами образования данных аллюзивных цитат.

I способ образования аллюзивных цитат с топонимами – замещение. Данный способ образования аллюзивных цитат с топонимами заключается в том, что лексема цитаты-основы замещается топонимом или вариантной формой топонима, но при этом обычно синтаксическая структура цитаты-основы не меняется. Рассмотрим некоторые способы образования аллюзивных цитат с топонимами путём замещения лексических единиц в цитате-основе.

1. Топоним или лексема в цитате-основе замещается другим топонимом.

Например: *Язык до Тосканы доведёт* [Росбалт.ru. 04.06.2014]; *Язык до Лефортово доведёт* [Lenta.ru. 30.01.2015]; *Табор уходит в Киев* [Lenta.ru. 13.04.2013] (название фильма «Табор уходит в небо» режиссёра Э.В. Лотяну послужило основой для создания аллюзивной цитаты с топонимом); *Вокруг Швеции за 16 дней* [Росбалт.ru. 21.05.2014] (название романа Ж Верна «Вокруг света за восемьдесят дней» послужило основой для создания данной аллюзивной цитаты с топонимом).

Заглавие публикации *Водитель для Венесуэлы* [Росбалт.ru. 15.04.2013] образовано за счёт замещения в названии фильма режиссёра П.Г. Чухрая «Водитель для Веры» имени собственного *Вера* топонимом *Венесуэла*. В публикации *Водитель для Венесуэлы* говорится об избрании новым президентом Венесуэлы Николаса Мадуро.

Рассмотрим заглавие публикации *Держи Кайман шире*, являющееся аллюзивной цитатой, которая образована путём замещения в поговорке *Держи карман шире* существительного *карман* на *Кайман*. Данный топоним является вариантной формой топонима *Каймановы острова* и образован путём свёртывания наименования. Созвучие слов

карман и *Кайман* позволяет автору публикации использовать значение фразеологизма *Держи карман шире* для выражения авторской позиции к описываемым событиям. Подзаголовок статьи *Держи Кайман шире. Последние офшоры становятся прозрачными* определяет тематику публикации: прозрачность финансовых офшорных центров, к которым относятся Каймановы острова (заморская территория Великобритании в Карибском море). Но заглавие статьи *Держи Кайман шире* может быть истолковано следующим образом: 1) Каймановы острова должны стать прозрачной офшорной зоной, 2) в соответствии со значением цитаты-основы «Не надейся, не рассчитывай на что-л.» [Жуков 1991: 102]. Двуплановость названия статьи, игра слов *карман – Кайман* служат основой для выражения ироничного отношения к излагаемым фактам. Семантико-стилистический анализ аллюзивной цитаты, содержащей в своей структуре топоним, и цитаты-основы позволяет показать иностранным учащимся многомерность авторской позиции, которая выражается в заглавии и в подзаголовке публикации, а раскрывается в повествовательной структуре медиатекста.

2. Имя прилагательное, образованное от топонима, замещается в цитате-основе прилагательным, образованным от другого топонима.

Например: *По сирийскому счёту* [Lenta.ru. 03.01.2013]; *По греческому счёту* [ТВЦ. 26.01.2015] (цитата-основа – поговорка *По гамбургскому счёту*).

3. Отмечен случай, когда происходит замещение имени прилагательного в цитате-основе другим прилагательным при сохранении топонима. Например: *Вот и стало небесплатным нам Садовое кольцо*. [Вести.ru. 25.12.2013]. В заглавии публикации, которое является модификацией цитаты «Вот и стало обручальным нам Садовое кольцо» из песни «Александра» (слова Ю. Визбора и Д. Сухарева, музыка С. Никитина) в кинофильме «Москва слезам не верит», происходит замещение имени прилагательного *обручальный* на прилагательное *небесплатный* в предикате, причём замена топонима *Садовое кольцо* не происходит. Заглавие публикации *Вот и стало небесплатным нам Садовое кольцо* выполняет не только информативную функцию, но и экспрессивную, так как в аллюзивной цитате сохраняется структура цитаты-основы, и тем самым передаётся лиричность песенного строя, контрастирующая с содержанием аллюзивной цитаты и текста, так как статья о платных парковках на Садовом кольце не настраивает читателя на лирическое восприятие приведённых в публикации фактов.

Отмечен случай, когда часть сложного прилагательного в цитате-основе замещается прилагательным, образованным от названия географического объекта. Например, заглавие публикации *Унтер-приднестровская вдова* [Росбалт.ru. 03.06.2013] является аллюзивной цитатой. Цитатой-основой служат слова Городничего из пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор»: «Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я её высек; она врет, ей-богу, врет. Она сама себя

высекла» [Гоголь 1977: 87]. Эти слова стали основой для создания крылатого выражения *Унтер-офицерская вдова сама себя высекла*. Часть сложного прилагательного *-офицерская* замещается на *-приднестровская*, что позволяет показать образность и экспрессию заглавия публикации и медиатекста.

4. Замещение лексем в цитате-основе другими лексемами при сохранении топонима.

Например: *Они хотели быть Россией. Нам нужен и берег турецкий, и Африка тоже нужна!* [«Аргументы и факты». 2013.№35]; *Тут Русью пахнет* [Lenta.ru. 07.04.2016]. Аллюзивные цитаты с топонимами, в которых произошла замена лексем при сохранении топонима, образуют антонимические отношения с цитатой-основой: «*Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна*»; «... *там Русью пахнет!*» [Пушкин 1995: 158].

Например, в заглавии публикации *Зарубить окно в Россию* [Lenta.ru. 31.03.2016] замещается не только топоним *Европа* на топоним *Россия*, но и глагол *прорубить* на глагол *зарубить*, что позволяет говорить об образовании антонимической пары, образуемой цитатой-основой «*В Европу прорубить окно*» [Пушкин 1995: 322] и аллюзивной цитатой *Зарубить окно в Россию*.

II способ образования аллюзивных цитат с топонимами – расширение. Лексическая модификация цитаты-основы заключается в том, что в неё вводится топоним или другие лексемы, дополняющие и расширяющие цитату-основу или её часть.

Например: *Львиная русская доля* [Газета.ru. 16.10.2014]; *Грабли имени СССР* [Росбалт.ru. 06.03.2013] (причём в данном случае происходит расширение только части фразеологизма «наступить на грабли»).

Ассоциативные связи, возникающие у носителя языка при прочтении заглавия публицистического текста, которое состоит из аллюзивной цитаты с топонимом, позволяют выстроить лингвосемиотические связи между аллюзивной цитатой, цитатой-основой и источником цитирования, если источником цитаты является кинофильм, произведение художественной литературы, то есть объект искусства, который вызывает зрительные и/или слуховые ассоциации у носителя языка. Определение данных межтекстовых связей усложняет восприятие иностранными учащимися современного медиатекста, так как он становится предметом не только лингвостилистического анализа, но и лингвосемиотического.

Изучение языка средств массовой информации на занятиях русского языка как иностранного позволяет познакомить иностранных учащихся с актуальными процессами, происходящими в словообразовании, в лексической и синтаксической системах современного русского языка. Знакомство со способами образования аллюзивных цитат, содержащих в своей структуре топонимы, а также процесс декодирования данных аллюзивных цитат,

ведущий к определению источника цитирования и цитаты-основы, позволяют иностранным студентам расширить лингвокультурологические знания о стране изучаемого языка и понять многогранность авторской позиции публициста, которая отражается как в заглавии, так и в повествовательной структуре современного медиатекста.

ЛИТЕРАТУРА

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991.

Гоголь Н.В. Ревизор. // Гоголь Н.В. Ревизор. Мертвые души. М., 1977.

Пушкин А.С. Руслан и Людмила. // Пушкина А.С. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1995.

Пушкин А.С. Медный всадник. // Пушкина А.С. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1995.

FORMATION OF THE ALLUSIVE CITATIONS CONTAINING IN ITS STRUCTURE TOPONYMS IN THE MODERN MEDIA TEXT

Tatiana Roshchektaeva

Lomonosov MSU, Moscow, Russia

tatiana.univers@mail.ru

The article describes the formation of the allusive citations containing in its structure toponyms, discusses the functioning of allusive citations with toponyms, because are involved in the creation of intertextual connections in the modern media text.

Keywords: Media text, allusive citations, toponym, intertextual connections.

СЕМАНТИКА, КОННОТАЦИИ, СОЧЕТАЕМОСТЬ СЛОВА «СМС»

Сироткина Евгения Сергеевна

кандидат филологических наук

преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

eugeniasirotkina@mail.ru

В настоящей статье рассматривается семантическая структура слова **смс** на основе анализа словарных толкований и стандартной сочетаемости и те его прагматические характеристики, которые проявляются в коннотациях лексемы. Также по результатам анализа сочетаемости предпринята попытка описания образной составляющей данного слова в основном значении.

Ключевые слова: смс, электронная коммуникация, лексическое значение, коннотация, сочетаемость.

В процессе обучения русскому языку как иностранному важную роль играет умение преподавателя быстро и чётко семантизировать ту или иную лексическую единицу. При этом сложности могут вызывать те элементы, которые недавно вошли в лексикон русского языка. В связи с этим остаются актуальными исследования, посвященные анализу лексической семантики и прагматики имени.

Появление нового способа коммуникации привело к заимствованию русским языком аббревиатуры *sms*, с течением времени транслитерированной (*смс*) и в таком виде существующей как закрепившаяся в языке лексическая единица. Новое слово быстро осваивается русским языком, обрастая словообразовательными дериватами (*смска/эсмэска, смсний/эсмэсний, эсмэситься* и т.д.), производными значениями.

Процесс освоения заимствования *смс* еще не завершен. Прежде всего это касается орфографического оформления, которое вариативно (*СМС, SMS, sms, смс, эсемес, эсмэс*), и морфологических признаков: слово имеет колебания в родовой характеристике (*длинное/длинная смс; смс не дошла/не дошло/не дошел*).

Важной частью изучения любого явления является описание семантики и прагматической структуры его имени. Нами была поставлена задача описать понятие *смс* как фрагмент современной русской языковой картины мира. С этой целью был произведен анализ семантической структуры слова *смс* на основе словарных статей и стандартной сочетаемости (по материалам Национального корпуса русского языка [ruscorpota.ru] и данным живой речи) и его прагматических характеристик, проявляющихся в коннотациях лексемы. Эмпирическая база исследования была расширена за счет лингвистического эксперимента, заключающегося в опросе носителей языка.

Семантическая структура лексемы *смс*

Анализ семантической структуры слова *смс* на основе словарных статей и стандартной сочетаемости позволил сформулировать четыре значения:

А) ‘услуга, предоставляемая операторами мобильной связи, позволяющая посылать и принимать короткие текстовые сообщения с помощью мобильного телефона пользователя’, ср.

SMS-маркетинг означает процесс маркетинга с помощью услуги SMS.

Б) ‘текстовое сообщение, чаще всего отправляемое и получаемое через мобильный телефон с помощью услуги оператора связи’, ср.

Я тебе писала смс, и они тоже не дошли.

В) ‘канал связи, средство, обеспечивающее передачу информации’, ср.

Реклама по SMS позволяет продвигать товары и услуги.

Г) ‘особый стандарт, вид представления текста’, ср.

Существует несколько шлюзов, позволяющих дублировать письма, полученные по электронной почте, на сотовый телефон в формате SMS.

Последние два значения выявлены по данным сочетаемости и не представлены ни в одном из проанализированных нами словарей (перечень словарей приведён в библиографии).

Во всех толковых словарях, в которых представлена данная лексема, в качестве первого описывается значение (А). Это соответствует данным этимологии: слово *смс* пришло в русский язык из английского, в котором за аббревиатурой *SMS* стоит *Short Message Service* – дословно ‘служба коротких сообщений’ [Слепов 1999: 343]; это значение из языка-источника перешло и в язык-рецептор. Однако известно, что семантическая структура слова не остаётся неизменной: «Переносное, вторичное с исторической точки зрения значение может стать его [слова] основным значением» [Шмелев 2004: 107-111]. Так происходит и с лексемой *смс*: нами было установлено, что для современного состояния русского языка значение (Б) является для неё основным. Для этого мы проанализировали проявление этих значений в сочетаемости. Основание для этого теста предложил Е. Курилович: «самое важное – главное значение, то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного прибавляют ещё и элементы контекста» [Курилович 1962: 246]. Основное значение является наименее синтагматически обусловленным.

В большинстве случаев употребление слова *смс* происходит в значении (Б), а значение (А) актуализируется только в контекстах, непосредственно содержащих словосочетание *услуга смс/ смс-услуга* или *сервис смс/ смс-сервис*, ср.:

Такая услуга, как SMS, предоставляет огромные возможности для продвижения

продукта и придания ему дополнительных свойств и атрибутов.

Кроме того, в функции подлежащего (то есть при относительно синтаксически независимом употреблении) данное слово встречается в основном в словарных статьях и других контекстах, где даётся определение понятия. *Смс* в значении (Б) свободно функционирует как подлежащее:

Все SMS отправляются два раза.

Опять беда в beeline! sms не уходят!

СМС пускай разбудит, Пусть же утро добрым будет!

Всё это подтверждает верность нашей гипотезы о том, что первичное значение лексемы *смс* (*смс* как услуга) не является основным, его место заняло исторически вторичное, переносное значение (*смс* как общение). Далее, говоря об *смс*, мы будем иметь в виду именно это, основное для современного этапа развития русского языка, значение.

На основе результатов проведенного компонентного анализа [Сироткина 2012: 79-82] можно сделать вывод о наличии четырех сем, составляющих это значение слова: общение, текст, услуга, мобильный телефон. Рассмотрим подробнее, что собой представляет каждая из них.

Основной элемент значения - „**общение**“. Общение участников *смс*-диалога происходит в форме обмена сообщениями, содержащими или запрашивающими информацию.

Второй элемент значения – „**текст**“. Передаваемые сообщения обычно содержат информацию в виде текста на естественном языке. Он может включать буквенные и цифровые символы, а также знаки пунктуации и так называемые смайлы, представляющие собой «способ записи эмоций в посланиях электронной почты» [Гученко 2010: 138]. На данном этапе развития электронной техники стало возможным создавать сообщения, включающие не только текст, но и изображения (т.н. «картинки»), фотографии, музыкальные мелодии, видео. Но в таких случаях речь идёт уже не об *смс*, а об *ммс* (от англ. MMS - Multimedia Message Service) – предоставляемой сотовой связью услуге передачи и приема на дисплей телефона текста, аудио- и видеoinформации [Frehner 2008: 203].

Третий элемент значения – „**услуга**“. Чтобы дать возможность пользователям отправлять и получать сообщения, телефонные компании должны были создать специальный сервис в своей сети. Это стало возможно только после изобретения формата GSM (Global System for Mobile Communications) [Pistolesi 2009: 188]. То есть отправка *смс* в первую очередь связана с техническими возможностями телефонных сетей.

Четвертый элемент значения – „**мобильный телефон**“. *Смс* – это сервис,

предоставляемый телефонными компаниями пользователям мобильных телефонов: сообщения отправляются с одного телефона на другой. Так было на протяжении многих лет существования данной услуги. Но в последнее десятилетие стало возможным отправлять сообщения, используя компьютер, из Интернета. То есть мобильный телефон выступает в качестве принимающего устройства, а отправлено сообщение может быть при помощи телефона или другого аппарата (компьютер, планшет, смартфон и т.п.), поддерживающего телекоммуникационный стандарт GSM.

Здесь можно было бы говорить ещё об одной семе – „**краткость**“, так как почти во всех толкованиях проанализированных словарей присутствует указание на краткость сообщений, передаваемых службой смс [Слепов 1999; Дорот, Новиков 2004; Мостицкий 2000; Асланова 2010 и др.]. Н.Н. Слепов отмечает связь длины сообщения с техническими параметрами: объём передаваемых сообщений не должен превышать 1 килобит [Слепов 1999: 343]. Такие ограничения были характерны для первых смс-сообщений: они могли содержать лишь 70 (на кириллице) или 160 символов (на латинице). Сегодня сообщения могут быть длиннее, хотя при увеличении объёма соответственно увеличивается стоимость услуги. Только один из вышеуказанных словарей даёт толкование слова без указания на признак краткости. Речь идёт о словаре [Шагалова 2011]. Согласно этому изданию, «смс – система, позволяющая посылать и принимать текстовые сообщения при помощи сотового телефона» [Шагалова 2011: 514]. Мы принимаем точку зрения автора данного словаря и не выделяем сему краткости в основном (а также в других) значении лексемы. О смысле краткость речь пойдёт далее.

Коннотации слова смс

Важным аспектом исследования прагматики слова является описание его коннотаций. Данный термин мы будем понимать так, как его предложил толковать Ю.Д. Апресян: «Коннотациями лексемы мы будем называть несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [Апресян 1995: 159]. Под коннотацией понимаются не любые, а лишь устойчивые ассоциации, проявляющие себя в языке тем или иным способом¹. Существуют различные способы языкового проявления коннотаций: переносные значения, метафоры, сравнения,

¹ Отметим, что существует и иной подход к трактовке термина, в рамках которого коннотацией называется неотъемлемая и обязательная часть лексического значения [Блумфилд 1968; Васильев 1997; Винокур 1980; Стернин 1985; Телия 1986; Шаховский 1983 и др.]. Существуют и другие понимания термина: описание различных его употреблений дается в работе [Konotacja 1988].

производные слова, вхождение слова в состав фразеологических единиц, семантическое взаимодействие слов в словосочетании [Апресян 1995: 163–167].

В лингвистической традиции принято описывать коннотации основного значения лексемы. В случае с лексемой *смс* это значение (Б).

С целью выявления коннотаций слова *смс* нами был проведён лингвистический эксперимент, который состоял в опросе носителей русского языка. В эксперименте приняли участие 85 человек в возрасте от 18 до 56 лет. В анкете содержалось три вопроса, составленных таким образом, чтобы информанты проанализировали употребление в своей речи слова *смс*. Приведём эти три пункта анкеты:

1. *Какие качества смс, на Ваш взгляд, подчеркиваются в предложении "Смс есть смс"? (Что имеется в виду при произнесении этой фразы?);*

2. *Вставьте подходящее по смыслу слово в словосочетание: "...как смс" (при возникновении затруднений информанту предлагалась возможность выбрать из двух вариантов "...как смс /...как в смс");*

3. *Продолжите фразу: "Хоть это было и смс, но ...".*

Псевдотавтологическая биноминативная конструкция (пункт 1) типа N в и.п. + есть + N в и.п. (*Война есть война*), которую информантам нужно было интерпретировать, служит «естественным мерилем степени коннотативности существительного» [Апресян 1995: 167]. Второе имя в такой конструкции реализует не свое значение, а коннотацию; если коннотации у слова нет, конструкция является бессмысленной (тавтологичной). Если коннотаций несколько, интерпретировать их помогает макроконтекст (о проявлении коннотаций в биноминативных конструкциях см. [Апресян 1995: 166–167; Падучева 1985: 42; Grice 1975: 52]).

Коннотативный потенциал слова также может реализоваться в сравнительной конструкции (пункт 2) и в предложениях, содержащих словосочетания вида X <– Y, где наблюдается особый тип семантического взаимодействия: «семантической областью действия X-а является не всё лексическое (или грамматическое) значение слова Y, <...> а какая-то коннотация X-а» [там же]. Предложения со словами, несущими в себе семантику «обманутого ожидания» [Санников 1987: 252], представляют один из типов таких конструкций.

Анализ результатов опроса показал, что у большинства респондентов *смс* ассоциируется с **краткостью**. Приведём некоторые ответы на первый вопрос:

Смс есть смс, и много в нем не сообщишь.

Смс есть смс, это всего лишь короткое сообщение.

Оно может передать очень мало, оно короткое.

Краткость (а значит – много информации в сжатом виде), обычно не понятно

именно из-за сжатости.

Сравнительную конструкцию дополнили словом с элементом значения ‘юроткий’ около половины участников опроса (44 ответа из 85) (*короткий/ краткий как смс; кратко, как в смс; коротечко как в смс; сжато, как смс*). Наличие коннотации ‘краккость’ подтверждают и такие предложения, созданные информантами:

Хоть это было и смс, но...

... текст был длинным.

... сообщение заняло три страницы текста.

... мог бы поподробнее написать.

... текста там было, как в настоящем сочинении.

... написано грамотно и развернуто.

Итак, признак **‘краккость’** авторы некоторых словарей включают в толкование лексемы *смс*. Мы, однако, считаем этот смысл коннотацией, что легко можно доказать, проведя экспериментальный тест на разграничение элементов лексического значения и коннотаций, предложенный в [Иорданская, Мельчук 1980: 201-202].

Суть теста заключается в следующем: допустим, что «у лексемы L есть гипотетическая коннотация C. Если присоединение к L элемента со смыслом ‘не C’ не порождает противоречия, то C – коннотация». При возникновении противоречия C должно считаться элементом лексического значения [там же].

Итак, слово *смс* мы должны поставить в контекст со смыслом ‘не короткий’, ‘длинный’. На наш взгляд, сочетание *длинные смс* не является противоречивым. Это подтверждается многочисленными примерами использования данного словосочетания, встречающимися в сети Интернет. Ср.:

Длинные смс мужчине вредят отношениям.

Женщины пишут более экспрессивные и длинные SMS, нежели мужчины.

Таким образом, мы видим, что смысл ‘краккость’ не входит в лексическое значение лексемы, а является коннотацией.

Последний пример иллюстрирует ещё одну частотную ассоциацию – **‘нарушение орфографической и пунктуационной норм’**. Ср. комментарии, данные респондентами при интерпретации биноминативной конструкции:

Частые грамматические ошибки; отсутствие знаков препинания (часто); сокращения слов.

Короткое сообщение с сокращениями слов, и правила орфографии и пунктуации соблюдаются не всегда.

Написанное в смс может пониматься двусмысленно, т.к. много ошибок при

написании и пропуск пунктуационных знаков.

В смс есть орфографические, пунктуационные ошибки <...>.

<...> Правила пунктуации и грамматики не всегда соблюдаются.

Также может быть выделена коннотация „**простота стиля**“: *незамысловато, как в смс; просто, как смс*. О лаконичности и простоте некоторые участники опроса пишут и при интерпретации биноминативной конструкции (*однообразный, обычный стиль*).

Среди ответов участников эксперимента находим и такие комментарии:

В смс не передашь интонацию, голос... т.е. смс – казённый, сухой способ общения.

Лично для меня смс – это такой способ скрывать реальные чувства...

Не понятен подчас эмоциональный контекст.

Смс не передают всех эмоций.

Эмоциональная окраска смс не такая яркая, как при голосовом или личном общении.

Это свидетельствует о наличии у носителей языка коннотации „**недостаточная эмоциональность**“: Ср. сравнения, придуманные информантами: *сухо, как в смс; коротко и без души, как в смс; безликое, как смс; невыразительный, как смс; бесчувственное, как смс* и др. Вследствие этого, по мнению некоторых респондентов, смс с трудом может оказать влияние на эмоциональное состояние адресата сообщения:

Хоть это было и смс, но ...

... пробрало.

... я все равно обрадовалась. (выражение *всё равно* ещё более усиливает семантику обманутого ожидания союза *хоть*)

... оно разозлило меня

... может это быть приятно и выразить чувства, если у человека не было другой возможности этого сделать. (Характерно условие, указанное в придаточной части: у информанта есть представление о том, что обычно смс не передаёт чувства)

... оно было трогательным и нежным.

... оно пробудило во мне самые теплые чувства.

У многих участников эксперимента смс ассоциируется ещё и с **„быстротой“** (*быстрый, как смс; быстро, как смс*).

Помимо этого, множество ответов позволяет выявить коннотацию **„незначительности“**, **„несерьёзного отношения“** к смс. Ср.:

Хоть это было и смс, но...

... но всё равно имеет значение.

... но для меня очень много значило.

... но оно послужило причиной для расставания. (т.е. для очень серьёзного события)

... но очень важное.

... выглядело, как полноценное поздравление (обратим внимание на слово *полноценное*, то есть обычное смс-поздравление мыслится как неполноценное).

Таковы результаты проведённого нами опроса. Отметим, что мы ограничились здесь описанием только самых частотных ассоциаций, встретившихся в ответах информантов при интерпретации диагностических конструкций.

Итак, для лексемы *смс* мы обнаружили языковые проявления следующих коннотаций: *краккость*, *незначительность*, *нарушение орфографической и пунктуационной норм*, *быстрота*, *простота стиля*, *недостаточная эмоциональность*.

Сочетаемость слова *смс*

Анализ стандартной сочетаемости слова *смс* в значении *«общение»* показал следующее:

А) большинство атрибутивных сочетаний характеризуют смс с точки зрения содержания и целевой установки автора (*любовное смс, поздравительное смс, пропагандистские смс*), а также передают различные типы оценки (*хорошее смс, эффективное смс, красивое смс, важное смс, интересное смс, бесполезное смс*);

Б) сочетаемость слова *смс* частично совпадает с сочетаемостью слов *письмо* (*послать, написать, получить смс, смс о любви, смс на английском*) и *звонок* (*услышать смс, громкое смс, смс звонит*), однако в ряде случаев является специфичной именно для слова *смс*.

В) глагольная сочетаемость слова *смс* характеризуется появлением семантических неологизмов – глагольных метафор (*открыть, скинуть, сбросить смс, перекинуться смс, перебросить смс* и др.).

При анализе сочетаемости можно выделить **образную составляющую** слова *смс*. С одной стороны, смс предстает в сознании носителей русского языка как нечто неживое, достаточно твёрдое и имеющее чёткие, определённые границы (его можно *послать, спрятать, бросить* и т.п.), по-видимому, состоящее из частей (внося изменения в которые, можно *редактировать смс*). Оно имеет определённые размеры и вытянутую форму, так как можно обозначить его длину (*короткое, длинное, суперкороткое смс*). Оно может иметь вкус (*сладкое, вкусное смс*) и издавать звук (*громкое смс*, оно может *разбудить*, его можно *услышать*). При этом оно имеет свою цену (*дорогое/ дешёвое/ бесплатное/ рублевое смс, заплатить за смс*) и само может функционировать в качестве оплаты или служить средством для зарабатывания денег (*оплатить смс, заработать на смс*).

С другой стороны, смс может образно представляться как живое существо, которое *приходит* и *уходит*, может быть *добрым, мудрым, глупым, подлым* и т.п.; у него бывает

разное настроение (*веселое, грустное, игривое смс*); оно может умолять, угрожать (*умоляющие смс, угрожающие смс*).

Итак, новая заимствованная лексема, казалось бы, не должна иметь сложной семантико-прагматической структуры, однако анализ контекстов со словом *смс* и его производными показывает, что актуальность смс-коммуникации заставила лексему *смс* обрести производными значениями и коннотациями.

Смс-общение представляет собой особый тип электронной коммуникации, которая, в свою очередь, составляет неотъемлемую часть информационной культуры и современного этапа развития информационного общества. При изучении русского языка как иностранного учащиеся неизбежно сталкиваются с лексикой, описывающей такое общение. Автор выражает надежду на то, что материалы статьи помогут преподавателям в работе с данным семантическим полем на уроках русского языка.

Полученные результаты также являются значимыми для описания стратегий порождения русскоязычных смс-текстов, что позволяет использовать их в обучении письменной речи на русском языке в иноязычной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 156–178.
- Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
- Васильев Л.М. Коннотативный компонент языкового значения // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С. 35–40.
- Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
- Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Band 6. С. 190–207.
- Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике, М., 1962. С. 237–250.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М., 1985.
- Санников В.З. Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1987.
- Сироткина Е.С. Русскоязычная смс-коммуникация как объект лингвистического анализа: автореферат дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 [Место защиты: МГУ имени М.В. Ломоносова]. М., 2012.
- Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М., 1986.
- Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград., 1983.
- Шмелев Д.Н. Современный русский язык: лексика. М., 2004.
- Frehner C. E-mail – SMS – MMS: The Linguistic Creativity of Asynchronous Discourse in the New Media Age. Peter Lang, Bern; New York 2008.
- Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol.3, Speech Acts. N.Y., etc., 1975.
- Konotacja. Lublin, 1988.
- Pistolesi E. Il Parlar spedito. L'italiano di chat, e-mail e SMS. Padova, 2009.

Словари и электронные источники

- Гученко И.З. Толковый словарь по информационным технологиям: учебное пособие / Гученко И.З.; Артюшенко В.М. (ред.). М., 2010.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000 // [Электронный ресурс: <http://www.efremova.info/>]
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Ярцева В.Н. М., 1990.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс: <http://www.ruscorpora.ru/>]
- Новейший англо-русский толковый словарь по современной электронной технике = New english-russian thesaurus dictionary on modern electronic / Сост. и ред. Мостицкий И.Л.. М., 2000.
- Российский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. Кн. 1. М., 2001.
- Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века [Текст] / Шагалова Е.Н.. М., 2011.
- Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка / Сост. Асланова Л.А. М., 2010.
- Толковый словарь современной компьютерной лексики / Дорот В., Новиков Ф. БВХ-Петербург, 2004.
- Толковый словарь терминов по системам, средствам и услугам связи / Под ред. Докучаева В.А. М., 2000.
- Толковый словарь сокращений в области связи, компьютерных и информационных технологий / Слепов Н.Н., М., 1999.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2008.

SEMANTICS, CONNOTATIONS AND COLLOCABILITY OF THE WORD «СМС» IN RUSSIAN

*Evgeniia Sirotkina,
Ph.D.LomonosovMSU, Moscow, Russia
eugeniasirotkina@mail.ru*

This paper discusses the peculiarities of semantic and pragmatic structure of the lexeme **смс**. Conclusions are made according to the results of lexicographic analysis of this token, its standard collocability and connotations. A linguistic experiment consisting in a survey of native speakers was conducted and described as a part of this research. This analysis makes possible to mark out some figurative traits of the word **смс**.

Keywords: SMS, electronic communication, lexical meaning, connotation, collocability of the word

ОПЫТ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АВТОРСКОЙ РЕЧИ В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Хлопьянов Александр Владимирович

кандидат филологических наук

*доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

runlet@bk.ru

В статье приводится лингвопоэтический анализ некоторых атрибутивных конструкций, который позволяет определить их эстетическую значимость и художественную роль в тексте пушкинской поэмы. Особое внимание уделяется примерам языковой игры, наблюдаемой на страницах произведения.

Ключевые слова: лингвопоэтика, лексикология, словосочетание, языковая игра.

Посвящение как обязательный элемент романтической поэмы в «Руслане и Людмиле» носит предельно обобщенный характер, в отличие, например, от посвящений в поэме В.А. Жуковского «Двенадцать спящих дев»¹.

Атрибутивные словосочетания, отмеченные в Посвящении, принципиально отличаются от соответствующих единиц, встречаемых, например, в речи финна или Мертвой головы. Перифрастическое выражение *души моей царицы*, выраженное генитивной конструкцией, в авторской речи получает своеобразную расшифровку (*красавицы*), благодаря чему внимание читателя невольно останавливается на этом словосочетании. Компоненты, составляющие данную конструкцию, получают новое осмысление именно при их сочетании.

Существительное *душа*, семантика которого достаточно абстрактна, не является, на первый взгляд, определением существительного *царицы*, а обозначает объект владения (ср. *хозяйка дома*). Однако переход объектного значения в атрибутивное вполне возможен (ср. *домашняя хозяйка*). Слово *царица* включает в себя ряд значений («монархический титул; жена царя; женщина, которая превосходит всех в чем-либо – ср. *королева красоты*; обладающая властью»), ни одно из этих значений не предполагает в качестве определения существительного *душа*, понимаемого в прямом значении (ср. перен. *душа компании*, *мертвые души* и другие случаи). С другой стороны, слово *душа* может выступать как мыслимый материальный объект во фразеологических контекстах: *душу можно продать* или *заложить*, *душа может уйти в пятки* и т.д. Если предположить, что слово *душа* выступает в Посвящении в значении «внутренний мир человека» (в нашем случае – автора), а *царица* – властительница, возникает вопрос, чем была покорена душа автора. Ответ на него следует

¹ Поэма «Руслан и Людмила», как считают многие исследователи, была вызовом В.А.Жуковскому, который признал свое поражение в этом литературном «поединке».

строкой ниже – красотой, причем красотой внешней, что соответствует значению существительного *красавицы*. Буквально с первых строк поэмы читатель вовлечен в языковую игру поэта, построенную на контрасте смыслов, смене семантических планов: внутренний мир (автора) подвластен внешней красоте женщины. Возможно также семантическое сближение этой перифразы, на самом деле означающей «возлюбленные», с выражением *задушевный друг, сердечный друг*.

Мы вынуждены признать, что данное словосочетание, скорее всего, является поэтическим клише, одним из тех заимствованных символов фразеологии молодого поэта в период становления его творчества, о которых писал В.В. Виноградов в работе «Стиль Пушкина». Так, например, Жуковский называет А.А. Воейкову, адресата поэмы «Двенадцать спящих дев», *сердце очарованьем*. Признаем также, что использование данной генитивной конструкции не просто слепое подражание образцам, но осознано обыгрываемый элемент текста, своего рода удачная пародия на ориентальный стиль.

Необыкновенно емко выражение *шопот старины болтливой*. Оно пронизано дерзостью юного лицеиста, пропитано легкой иронией:

*В часы досугов золотых,
Под шопот старины болтливой,
Рукою верной я писал.*

На фоне предполагаемых былинных событий значение этого выражения может ускользнуть от взгляда читателя, что объясняется не столько его невниманием, сколько сложностью самого значения. Заметим, что само это выражение является обособленным обстоятельством в предложении *В часы досугов золотых рукою верной я писал*; в этом отчасти кроется ключ к его пониманию. Данное словосочетание является сложнейшим перифрастическим оборотом со значением «муза, повествующая юному поэту о событиях давно минувших лет, преданьях старины глубокой». В целом Пушкин не отступает от канонов романтической поэмы: в посвящении традиционно следует отдать дань музе, вдохновившей к написанию такого рода сочинения¹.

Атрибутивное словосочетание *шопот старины болтливой*, являясь развернутым олицетворением, соотносится, с одной стороны, с сочетанием *часы досугов золотых* – только в такие часы муза приходит к поэту, с другой стороны – с сочетанием *рукою верной писал*. Рассматриваемое словосочетание становится своеобразным концептуальным (смысловым) ядром, от которого следует отталкиваться читателю в понимании поэмы, ведь она не что иное, как *труд игривый*.

Языковая игра Пушкина, на наш взгляд, допускает и иное толкование данной

¹ В указанной поэме В.А.Жуковского муза названа *воздушной подругой юных дней*.

атрибутивной конструкции. Выбор сказочного сюжета для поэмы может быть рассмотрен как романтическая традиция, следовательно, и опыт старших поэтов-романтиков понимается как *шопот старины болтливой*.

Как своеобразный повтор Посвящения звучит начало «Песни шестой» поэмы, которое также раскрывает смысл перифраза *шопот старины болтливой*:

На лире легкой и небрежной
Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...

Обращает на себя внимание параллельное употребление сходных атрибутивных конструкций *часы досугов золотых* и *часы бесценного досуга*, в которых контекстуальными синонимами становятся атрибуты *золотой* и *бесценный*. Близкие по своему значению, эти прилагательные хорошо сочетаются со словами темпоральной семантики (ср., *бесценные минуты, золотые годы, золотой век*), что является еще одним объяснением их семантического сближения. Таким образом, эти атрибутивные конструкции имеют важное композиционное значение, поскольку являются элементами своеобразной композиционной рамки поэмы. Эту же роль играют сочетания с прилагательным *верный* в ближайших к ним контекстах – *верная рука, муза верная*.

Авторские отступления в поэме «Руслан и Людмила» нередко представляют собой монологическую речь, обращенную либо к Музе, либо к читателю, и носят, как правило, отвлеченный характер философских наблюдений над жизнью. С точки зрения употребления атрибутивных конструкций в авторской монологической речи нам представляется интересным эпилог поэмы.

Так, *мира житель равнодушный,*
На лоне праздно тишины,
Я славил лирою послушной
Преданья темной старины.

Эпилог в отличие от сюжета самой поэмы менее динамичен, тяготеет к философским наблюдениям над жизнью. Отчасти этим объясняется и «понижение тональности»: исключительно мажорное звучание всей поэмы завершается минорным эпилогом, что отражается не только в содержательном плане, но и на формальном уровне, в частности в выборе атрибутивных словосочетаний.

Например, авторская самооценка проявляется в словосочетаниях *мира житель*

равнодушный, на лоне праздной суеты. Рассмотрим эти конструкции.

В словосочетании *мира житель равнодушный* представлены два атрибута: *мир* (генитивная конструкция) и *равнодушный*, которые в сочетании с существительным *житель* реализуют часть потенциально заложенных в них значений. Так, соединение со словом *мир* создает общий, абстрактный фон, в котором частично утрачивается конкретность значения слова *житель*, и у читателя возникает ощущение оторванности автора от мира повседневной суеты. Прилагательное *равнодушный*, изначально имеющее оценочный компонент стилистического значения, усиливает общий тон отрешенности, оторванности от бытовых ситуаций (поэт, живущий в своем особом, малодоступном мире, не должен обращать внимания *на праздную суету*). В целом это словосочетание в эпилоге утрачивает оценочный компонент, значение атрибута *равнодушный* в данном контексте является своего рода промежуточным звеном в градации толкований этого прилагательного, предложенной в «Словаре языка Пушкина»: от «спокойный, чуждый волнения, хладнокровный, невозмутимый» (ср. *С ним Искра тихой, равнодушный, / Как агнец, жребию послушный* «Полтава») до «выражающий безразличие, отсутствие интереса к кому-, чему-либо» (ср. *Но дева скрылась от меня, / Промолвя с видом равнодушным: / «Герой, я не люблю тебя»* «Руслан и Людмила»). Последнее словосочетание, *на лоне праздной суеты*, являясь клишированным (ср., например, у К.Ф. Рылеева *На лоне праздности дремавший долго гений, / Стрелами зависти был пробужден от лени.* «Послание к Н.И. Гнедичу», 1821), также усиливает эстетическую значимость первой атрибутивной конструкции.

Пушкин часто использует комбинированные словосочетания для образования перифрастических оборотов, характерных для авторских отступлений.

Обратимся к некоторым наиболее ярким примерам:

Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,
Внезапным свистом оглушен,
Уж ничего не видит он.

Соперники другого рода,
Вы, *рыцари парнасских гор,*
Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор

Так видел я, средь летних дней,
Когда за курицей трусливой

*Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал;
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый*

Приведенные в качестве примера атрибутивные образования с перифрастическими значениями очень характерны для раннего Пушкина как продолжателя традиций карамзинской школы. В.В. Виноградов отмечал, что «красивая фраза или перифраза, созданная по французскому образцу, <...> часто заслоняли живую реальную сущность предмета. Этот «формализм» характерен и для пушкинского стиля до начала двадцатых годов» (Виноградов 1999:151). Сам поэт понимает искусственность такого употребления, однако довлеющая языковая мода требует усложнения поэтического текста. Именно этим можно объяснить то, что Пушкин нередко раскрывает перифразы (*султан курятника спесивый, цыплят селенья старый вор*), нарушая тем самым каноны языка современной ему поэзии и выказывая ироническое отношение к сложившейся традиции. Ироническая оценка подобного языкового приема будет мимоходом выражена в одном из писем к брату Л.С. Пушкину «Пришли мне бумаги почтовой и простой, если вина, так и сыру, не забудь и (говоря по-делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки – т. е. штопер» (Пушкин 1937, т.13:130-131).

Таким образом, становится понятно, что атрибутивные словосочетания, входящие в состав перифрастических оборотов, часто раскрываемых самим автором, используются исключительно в усилительном плане; они реализуют своеобразную орнаментальную функцию. Развернутые «гомерические» сравнения, изначально сконцентрированные вокруг перифрастического оборота, разрастаются в самостоятельные эпизоды, которые расширяют предметно-тематические и хронологические горизонты поэмы: *плохой питомец Мельпомены* – сравнение, интересное не столько с точки зрения описания художественного пространства поэмы, сколько для характеристики пушкинской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1999.
Жуковский В.А. Собрание сочинений в 4-х томах, М., 1959.
Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 16 т. – М.-Л., 1937–1959.

**EXPERIENCE LINGUOPOETICS ANALYSIS OF THE AUTHOR'S SPEECH
IN A.S. PUSHKIN'S POEM "RUSLAN AND LYUDMILA"**

Aleksandr V. Khlopyanov

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

runlet@bk.ru

The article provides linguopoetics analysis of some attributive constructions, which allows to determine their aesthetic significance and the role of art in the text of Pushkin's poem. Special attention is paid to examples of language play, see on the pages of the work.

Keywords: linguopoetics, lexicology, collocation, word-play.

ПОТЕНЦИАЛ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА БЛОГА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА БЛОГА М.Н. ЗАДОРНОВА)

Параккини Лайла

*кандидат филологических наук,
научный сотрудник секции славистики кафедры русского языка,
Миланский государственный университет, Милан, Италия
laila.paracchini@unimi.it*

Юмористический текст блога рассматривается в качестве материала для преподавания русского языка как иностранного; описываются различные подходы к анализу данного материала в аудитории.

Ключевые слова: преподавание РКИ, юмористический текст блога, дидактические принципы преподавания иностранных языков.

Опыт преподавания РКИ все больше убеждает в необходимости, особенно на среднем и продвинутом этапах обучения, не ограничиваться учебником, а дополнять его материалом из живых языковых источников. Этот материал позволяет представить студентам, изучающим русский язык не в России, неадаптированный для иностранцев язык, специфические лексико-стилистические средства выражения и разные возможности структурирования текста в зависимости от коммуникативной ситуации.

В данной статье рассматривается юмористический текст блога и демонстрируется его потенциал как материала для студентов, обучающихся вне языковой среды¹.

Материал, о котором идет речь, – это не просто анекдоты или каламбуры, а более структурированные тексты, в которых автор может затрагивать общественно значимые вопросы или события, комментировать их и через юмор² выражать свое отношение к поставленной проблеме.

Такие тексты позволяют учащимся работать на разных языковых уровнях: лексико-стилистическом, грамматическом, структурном, а также лингвострановедческом.

В качестве примера³ были выбраны отрывки из текста М.Н. Задорнова о реформе образования в России, опубликованные в его блоге в Живом Журнале в феврале 2011 года [Задорнов 2011]. Преимущество данного материала в том, что он насыщен элементами

¹ Уточняем, что, на наш взгляд, предложенную в данной статье работу можно вести со студентами, которые владеют русским языком на уровне не ниже В1.

² Для анализа разных научных направлений в исследованиях о юморе см. монографию Лауры Сальмон «Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова». Уточняем, что в рамках данной статьи мы не будем исследовать разные типы юмора. «Юмор», как и «комичность», будем понимать обобщенно, как источники различных типов смеха. Этот смех может возникать в результате применения разных приемов так называемого «риторического юмора» (сатира, пародия, анекдоты), где наблюдается вертикальное положение адресанта и адресата по отношению к объекту осмеяния (об этом см. [Сальмон 2008: 98-100]), или возможных элементов «юморизма», где «юмористическая развязка вызывает как удовольствие..., так и сожаление...» [Там же: 95].

³ Представленный в этой статье пример мог бы служить моделью для работы и с другими текстами того же рода на уроке по РКИ.

разговорной речи¹.

Опыт показывает, что использование таких текстов, которые обычно не входят в стандартные методологические инструменты для преподавания иностранных языков, существенно повышает интерес студентов к занятиям. Изучая язык вне России и не имея постоянной возможности слышать живую речь, иностранные учащиеся обычно воспринимают этот материал как средство, способное компенсировать им отсутствие настоящей языковой среды. Он обогащает словарный запас учащихся, позволяет показать структуры разговорной речи, повторить грамматику, познакомить студентов с современными проблемами России, заинтересовать их и организовать дискуссию.

Отметим также, что такой материал отличается от традиционного блога – обычно простого онлайн-дневника, описывающего события частной жизни отдельного человека.

Несомненно, материалы этого типа сложны для инофона, но, чтобы избежать излишних трудностей в процессе обучения, можно предлагать учащимся фрагменты текстов, в которых языковые сложности не затрудняют понимание общего смысла высказывания.

Приведём примеры конкретного использования данных текстов на уроке. Проанализируем начало выступления Задорнова: «Вот вам и –евобода слова». Мечтали о ней, за неё боролись... И получили! За что боролись, на то и напоролись! Все учителя, педагоги вузов, писатели, режиссёры, актёры <...> возмущены реформой образования. Пользуясь тем, что у нас –евобода слова», негодуют, возмущаются, высказывают своё мнение где только могут... Пишут письма – открытые, закрытые... Собирают подписи... А что толку? Да, у нас есть сегодня свобода слова. А у власти – свобода на это слово не обращать внимания» [Задорнов 2011].

Этот отрывок содержит определенный лексико-стилистический и грамматический материал.

Сразу следует обратить внимание на поговорку *За что боролись, на то и напоролись*, прямой перевод которой может вызвать у студентов трудности.

Даже если значения глаголов *бороться* и *напороться* им известны, дословный перевод не передаёт смысла высказывания. Важно объяснить, что в данном случае глагол *напороться* приобретает переносное значение.

Стоит сначала дать студентам толкование и контексты использования обоих глаголов, затем представить выражение как целостную смысловую единицу и объяснить его значение: *сами виноваты во всем* [Мокиенко, Никитина 2007], *необходимость терпеть неприятности*

¹ Данное явление связано с тем, что, очень часто тексты рассмотренного типа предназначены для представления публике и в форме устного выступления самим автором.

из-за собственной активности, инициативности; получение результата, обратного ожидаемому [Белянин, Бутенко 1994].

Также надо обратить внимание учащихся на разговорный, иронический, отчасти саркастический оттенок фразы и на контекст её употребления¹.

Целесообразно ознакомить студентов и с похожими устойчивыми выражениями, часто используемыми носителями языка, как например, *Хотели, как лучше, а получилось как всегда*², или *выйти боком*.

Интерес представляют и глаголы *мечтать, бороться, возмущаться, негодовать, пользоваться*. Учитывая высокую частотность этих глаголов и некоторых устойчивых глагольных словосочетаний из текста (*въехать в ситуацию, вступить в силу* и т.д.), на наш взгляд, стоит их выделить, уточнить их управление, дать их толкование и предложить студентам синонимы (см. [Laufer, Nation 1995; Paribakht, Weshe 1999; Кулибина 2015]).

Опыт преподавания РКИ вне России показывает, что иностранные студенты (даже среднего и продвинутого уровня) нередко совершают ошибки в употреблении глаголов в активной коммуникации, неточно представляя себе их значение или управление (например, вместо *мечтать о поездке*, или *мечтать совершить поездку*, можно встретить некорректную конструкцию **мечтать поездку*, или **мечтать делать поездку*³).

Особого объяснения и анализа требуют чисто жаргонные слова, которые нередко могут встретиться в материалах этого типа, как, например, в выбранном тексте глагол *кошмарить*.

Чтобы лучше объяснить вышесказанное, в таблице 1, размещенной в конце статьи, предлагаем пример, показывающий, каким образом можно организовать и представить упомянутые глаголы в рамках практического курса русского языка для иностранцев.

Полезно обратить внимание студентов на специфические лексемы и выражения, которые обычно не включаются в уроки по РКИ (практика показывает, что студенты могли бы их узнать, только обучаясь или живя в России). Примерами могут служить не только глагол *кошмарить* и выражение *За что боролась, на то и напоролась*, но и другие элементы рассматриваемого текста.

Например, в следующих предложениях: «...даже не смогут⁴ посчитать, сколько фyuэте...

¹ Можно сослаться на Национальный корпус русского языка (www.ruscorgo.ru), где даны примеры из разных источников (устная речь, газеты, публицистика), а также опираться на перевод данных выражений на родной язык учащихся.

² Давая это выражение студентам, стоит также объяснить его происхождение, подчеркивая, что его произнес Виктор Степанович Черномырдин (советский и российский политический деятель, председатель Правительства Российской Федерации с 1993 по 1998) по поводу проведения денежной реформы 1993 г.

³ Эту ошибку можно нередко найти, например, в разговорах или в работах итальянских студентов, которые калькируют итальянское выражение *Sognare di fare un viaggio* и дословно переводят на русский итальянский глагол «fare» («делать») – **Мечтать делать поездку*.

⁴ Здесь автор имеет в виду студентов творческого вуза.

сделали, потому что математике не обучались... Крутить фуэте им придётся со счётчиком, вставленным в трико...» [Задорнов 2011] – слова *фуэте*, *трико* и *счётчик* выходят за рамки обычного словарного запаса студента; первые два слова вряд ли понадобятся инофону¹, а *счётчик*, наоборот, может оказаться полезным в повседневной коммуникации.

В процитированном фрагменте интересна также структура *кому-то придётся что-то делать*, которая, как показывает Национальный корпус русского языка, широко распространена как в устной, так и в письменной речи.

При презентации данной конструкции можно не только дать синонимические варианты (*несмотря на то, что не планировал или не хотел, кому-то надо / нужно / ничего не остаётся кроме / нельзя не + инфинитив*), но и объяснить или повторить структуру безличного предложения, которое представляет собой данный пример и большинство его синонимов², т.е. существительное в дательном падеже + глагол *придётся* или его синонимические варианты + инфинитив.

В тексте содержится много лексики, относящейся к сфере образования и культуры. Речь идёт о следующих лексемах и словосочетаниях: *учителя, педагоги вузов, писатели, режиссёры, актёры, преподаватели, министерство образования, вузы, театральные вузы, творческие вузы, колледжи, выпускники, актёры-бакалавры, актёры-магистры, право преподавания, система школьного обучения, предмет, русский язык, математика, реформа, письменный вступительный экзамен, программа, учебники, уровень образования*. Несмотря на то, что часть этой лексики может быть известна студентам, стоит на ней коротко остановиться, чтобы её интегрировать и активизировать лексемы пассивного запаса.

Предлагается пять видов учебных заданий.

1) **Опознавание в тексте слов, относящихся к сфере образования.**

2) **Классификация лексем по подгруппам согласно принципам наглядности и сознательности** [Глухов, Щукин 1993]. Например, возможно выделить такие группы лексики, как наименование лиц, участвующих в образовательном процессе (на организационном и на методическом уровнях); названия разных типов образовательных учреждений; названия учебных дисциплин. Можно также группировать глаголы или прилагательные, которые соединяются с существительными и формируют устойчивые словосочетания.

3) **Интеграция, с помощью преподавателя, лексем со сформированными**

¹ Как нам кажется, эти слова относятся к группе лексем, которые, с методической точки зрения, достаточно ввести в пассивный словарный запас иностранного студента, чтобы он мог их узнать в речи носителя языка и понять смысл высказывания.

² В ряд синонимов можно также включить выражение «несмотря на то, что не планировал или не хотел, кто-то должен что-то делать», обращая внимание студентов на то, что этот синонимический вариант не строится на основе структуры безличного предложения.

подгруппами других лексем того же семантического поля, которые отсутствуют в тексте. Например, в группу лексем, обозначающих наименование лиц, которые на разных уровнях участвуют в образовательном процессе, можно добавить следующие существительные и словосочетания: *лаборант, старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой, декан факультета*. К лексемам, обозначающим разные типы образовательных учреждений, можно добавить: *техникум, училище* (например, медицинское), дать разделение факультетов (технические/гуманитарные) и их названия. Также можно ознакомить студентов с часто используемыми носителями языка лексемами, которые образуются при соединении частей прилагательного и существительного (*филфак, юрфак, медфак, матфак*). Особого объяснения требует слово *подфак*, так как понятие «подготовительный факультет» может быть известно не всем иностранным студентам. Можно добавить и названия степеней академической карьеры (*кандидат наук, доктор наук*) и, соответственно, обратить внимание на акронимы, связанные с этой сферой (см., например, *ВАК* → *Высшая аттестационная комиссия*).

4) **Толкование новых слов.** Покажем на примере, как мы представляем себе эту часть работы, используя лексему *выпускник*, присутствующую в анализируемом тексте. Во-первых, надо объяснить, что это слово обозначает человека, окончившего определённое образовательное учреждения. Во-вторых, в целях расширения словарного запаса целесообразно обратить внимание студентов также на однокоренные лексемы и на их сочетаемость, разделяя их на глаголы, существительные и прилагательные. Материал может быть представлен следующим образом: (глагол) → *выпускать/выпустить* → отчислять из образовательного учреждения человека окончившего курс обучения (*В этом году наш университет выпустил 600 молодых инженеров*), дать возможность, разрешить движение кого-либо или чего-либо в каком-либо направлении (*До того как войти в автобус, выпустите прибывающих пассажиров*), издать/печатать (*Эту книгу выпустили в прошлом году*); (существительное) → *выпуск* → издание (*Выпуск новой книги планируется через месяц*); (прилагательное) → *выпускной* (*Чтобы поступить в университет нужно получить хорошую оценку на выпускном экзамене*). Такую же работу можно вести и на основе новых слов, представленных преподавателем, интегрируя их с уже присутствующими в тексте лексемами.

5) **Активизация лексики¹ при помощи упражнений, демонстрирующих функционирование слов в контексте.** Чтобы активизировать анализируемую лексику, можно создать упражнения разного типа. Первый тип, т.е. упражнения направленные на

¹ Речь идёт о новой лексике и о лексике, которую студенты могли бы держать только в пассиве.

приобретение новой лексики, частично совмещается с этапом презентации материала (это упражнения на наблюдение и на классификацию/систематизацию новых лексических единиц). Второй тип упражнений включает, например, заполнение пропусков подходящими по смыслу лексемами, составление предложения с новыми словами, упражнения на развитие языковой догадки, перевод (с русского языка на родной язык и наоборот).

В текстах анализируемого типа очень распространены выражения, характерные для разговорной речи («вот вам и свобода слова»), содержащие простые структуры прямого обращения к собеседнику («вот вам»). Именно такая структура открывает выступление Задорнова.

Выражение «вот вам и свобода слова» важно прокомментировать по двум причинам: во-первых, оно позволяет представить разные значения и примеры использования лексемы «вот», во-вторых, оно представляет собой прием, сокращающий коммуникативную дистанцию между автором и читателем¹.

Стоит объяснить, что слово «вот» может указывать как на недалеко находящийся предмет (*вот моя машина*), так и на определённый факт (*вот и ушли*). Оно используется также для усиления и уточнения (*вот ты какая, вот в чём дело*), при вводном слове (*вот например*), как временное наречие (*вот-вот*) и в целом ряде устойчивых словосочетаний разного значения (*вот если, ну вот, вот это да, вот ещё, вот так вот, вот и всё*).

В рамках коммуникативного подхода к обучению, следуя принципу сознательности в методике преподавания [Глухов, Щукин 1993], мы обращаем внимание учащихся на разные семантические возможности слова и способствуем формированию у них точного представления о контекстах употребления рассматриваемой лексемы.

Все вышесказанное показывает, что анализ указанного текста позволяет значительно расширить словарный запас и, следовательно, коммуникативные возможности учащихся².

Как подчёркивает ряд исследователей, работа над лексикой (толкование новых лексических единиц, подбор синонимов, повторение языковой единицы в разных семантических контекстах, упражнения, стимулирующие развитие семантико-референциальной способности, особенно важной на среднем уровне изучения иностранного языка) – одно из основных средств для развития речевых навыков [Gass, Varonis 1994; Laufer, Nation 1995; Paribakht, Weshe 1999]. Такая работа над лексическим материалом облегчает понимание сложного содержания текста, позволяет избежать механического запоминания

¹ Об этом мы будем говорить в части нашей статьи, посвященной авторским приемам создания данного типа текстов.

² Немаловажно и то, что, как было показано, предложенный материал даёт возможность углубить и другие языковые уровни (см. например стилистику и, частично, грамматику).

новых слов и упрощает выход в коммуникацию [Ellis, Tanaka, Yamazaki 1994; Gass, Varonis 1994; Loschky 1994; Ellis 1995, 2010].

Предложенный текст, прокомментированный преподавателем, также предоставляет учащимся богатый страноведческий материал, всегда привлекающий внимание студентов.

Например, в тексте можно найти разные акронимы типа ПТУ, ОБЖ, ЕГЭ, ВЦИОМ. На наш взгляд, в преподавании РКИ эти примеры являются важным материалом: если для носителя русского языка данные акронимы почти всегда естественны и употребительны, то для иностранного студента они представляют трудность. Их надо, во-первых, расшифровать (ПТУ → профессионально-техническое училище, ОБЖ → основы безопасности жизнедеятельности, ЕГЭ → единый государственный экзамен, ВЦИОМ → всероссийский центр изучения общественного мнения) и, во-вторых, объяснить иными словами. Это важно не только с точки зрения языка, но и с точки зрения лингвострановедения, так как позволяет ознакомить студента с реалиями русского общества и показать, как данные понятия выражаются в коммуникации.

Страноведческий комментарий необходим также для понимания других фрагментов текста. Речь идёт, например, о поговорке «Нет худа без добра» и о шутке «Актёр-бакалавр сможет играть Колобка и Репку, и только актёр-магистр будет иметь право задушить Дездемону» [Задорнов 2011], которая содержит ссылки на элементы русской культуры (сказки про Колобка и Репку).

В первом случае, кроме объяснения значения поговорки («можно найти позитивный элемент и в неблагоприятной ситуации»), полезно найти эквивалент в родном языке студентов. Например, в итальянском языке аналогами являются «non tutto il male viene per nuocere» (дословно переводится «не все зло приходит, чтобы навредить»), «dopo il cattivo viene il buono» (дословно переводится «после плохого придёт хорошее»). Это позволяет получить более чёткое представление о контекстах, в которых используется данное выражение.

Что касается шутки об актёрах-бакалаврах и актёрах-магистрах, то для её правильного понимания студенты должны знать истории Колобка и Репки. Затем надо обратить внимание на то, что в одном контексте встречаются принадлежащие к разным культурным пластам герои детских сказок Колобок и Репка и персонаж высокой трагедии Дездемона.

Этот прием, как и другие, рассмотренные ниже, создает комический эффект. Носитель языка сразу замечает странность такого соседства и реагирует смехом.

В страноведческом аспекте стоит также рассказать студентам о структуре русской (и советской) образовательной системы на разных исторических этапах. Для тренировки навыков активной продукции можно попросить учащихся описать систему образования в их

стране, указать её сильные и слабые стороны.

В предлагаемом упражнении реализуется так называемый принцип креативности [Глухов, Щукин 1993], в соответствии с которым учащийся самостоятельно вступает в коммуникацию и поддерживает её, используя полученные знания.

Работая с иностранными учащимися над текстом блога, нам кажется целесообразным обратить их внимание также на некоторые специфические авторские приёмы.

Речь идёт о способах сокращения коммуникативной дистанции между автором и читателем (прямое обращение к публике, риторические вопросы, имитация диалогов), об особом использовании знаков препинания, о роли многоточий и о комическом эффекте.

Стремление к сокращению коммуникативной дистанции замечается уже в начале выступления.

В процитированном отрывке «Вот вам и «свобода слова». Мечтали о ней, за неё боролись... И получили! За что боролись, на то и напоролись!», как было сказано, автор обращается к публике напрямую, начиная своё выступление без какого-либо введения, как будто это простое, логичное продолжение уже выраженной ранее мысли.

Только после этого он ставит проблему («Все учителя, педагоги вузов, писатели, режиссёры, актёры <...> возмущены реформой образования. Пользуясь тем, что у нас «свобода слова», негодуют, возмущаются, высказывают своё мнение где только могут ... Пишут письма – открытые, закрытые... Собирают подписи...») и снова обращается к читателю с прямым вопросом и замечанием: «А что толку? Да, у нас есть сегодня свобода слова. А у власти – свобода на это слово не обращать внимания».

Сразу бросается в глаза типичный для рассмотренного жанра риторический приём. Автор выступает с монологом, для которого характерна однонаправленность речи [Васильева 2012]. Но благодаря риторическому вопросу и прямому обращению к публике граница между монологом и диалогом размывается. У слушателя или читателя возникает ощущение, что автор хочет начать с ним диалог. Этот прием помогает сократить коммуникативную дистанцию и удерживать внимание публики. Со своей стороны, публика как будто участвует в диалогах, отвечая на реплики автора смехом.

Вот еще примеры такого же рода: «Как это может быть, чтобы русский язык или история стали необязательными???! А математика???!», «Что такое «ОБЖ»??! А «Россия в мире»??! Сознайся, это шутка беспощадного сатирика?» [Задорнов 2011].

В цитируемых примерах можно отметить и другой прием – специфическое использование некоторых знаков препинания. Речь идет о повторяющейся комбинации вопросительных и восклицательных знаков, позволяющая передать и на письме такую же интенсивность эмоций (например, удивление), которая в устном выступлении выразилась бы

через интонацию и мимику.

Интересным примером может служить и уже рассмотренный фрагмент: «Пользуясь тем, что у нас –евобода слова», негодуют, возмущаются, высказывают своё мнение где только могут... Пишут письма – открытые, закрытые... Собирают подписи... А что толку?» – в котором несколько предложений соединены многоточиями. С одной стороны, они объединяют в восприятии читателя отдельные фразы, с другой стороны, создают паузы, замедляют коммуникацию и выделяют в тексте глаголы, обозначающие действия, рожденные недовольством сложившейся ситуацией (*негодуют, возмущаются, высказывают своё мнение, пишут письма, собирают подписи*).

В некоторых случаях многоточие используется также для усиления комического эффекта.

Например, объясняя, как разделение курсов обучения на бакалавриат и магистратуру будет проводиться и в творческих вузах, Задорнов пытается представить себе балетного танцора-бакалавра: «Чем он отличается от танцора-магистра? Бакалавр делает 20 фуэте, а магистр – 35?» [Задорнов 2011].

Раздается смех, который усиливается при продолжении высказывания: «Правда, <...> они даже не смогут посчитать, сколько фуэте они сделали, потому что математике не обучались... Крутить фуэте им придётся со счётчиком, вставленным в трико...».

Многоточия после глагола *обучались* и в конце цитаты совпадают с моментами максимальной комичности, которая подчеркивается соответствующими паузами.

Еще одним приемом создания и усиления комического эффекта, который можно показать учащимся, является отступление автора от основной темы и затрагивание других вопросов с последующем возвращением к исходной теме.

Приведем пример. «Оказывается, многие в реальную ситуацию ещё не –въехали» <...> Кто-то не читает газет – понимаю, надоели лицемерие и ложь. Кто-то не смотрит теленовости – настроение от них портится, поскольку все они построены по принципу –начала ужасы у нас», потом коротко –ужасы у них», и далее о погоде, которая ещё ужасней» [Задорнов 2011].

Это отступление вызывает смех публики, который поддерживает ее симпатию к автору и готовит почву для возвращения к главной теме: «А кто-то не въезжает в то, что творится, просто потому, что ... не может в это поверить!» [Задорнов 2011].

Комичность возникает также в результате соотнесения анализируемой ситуации с элементами мировой культуры. О сравнении учащихся театральных вузов с шекспировскими персонажами мы уже говорили, но в качестве примера можно рассматривать и следующую цитату: «В библейской главе –Апокалипсис» есть рассказ ясновидца о том, что настанет время, когда четыре зверя перед концом света вылезут из-под земли. Вот она, разгадка! ... четыре зверя – оставшиеся четыре обязательных для изучения предмета!» [Задорнов 2011].

Внимание фокусируется на словах «вот она разгадка!», как будто речь идет о существенном открытии. Публика ощущает преувеличение ситуации¹ и реагирует смехом.

Ещё один прием создания комического эффекта – использование несуществующих акронимов.

Автор обращается к экономическим вопросам: «...Каждый день по телевизору дикторы хвастливо заявляют о возросших ценах на нефть, о том, каков золотой запас России и как поднялись в цене бумаги типа ШПД, ВКК и ЁКЛМН» [Задорнов 2011].

Серьёзность затронутых тем, таких как рост цен на нефть, определение золотого запаса страны и стоимость ценных бумаг, контрастирует с несуществующими названиями этих ценных бумаг. Смех вызывают не только придуманные автором акронимы ШПД и ВКК, но прежде всего слово ЁКЛМН – междометие, используемое в разговорной речи и выражающее досаду. Полезно представить студентам синонимы этого слова, такие, как *чёрт поберу*, *ё-моё*, *тьфу ты, что ж такое* и др.

Таким же образом можно анализировать различные комические моменты в тексте, а также приёмы их создания.

Интересным упражнением может стать сравнение анализируемого материала с текстами другого жанра на ту же тему, например с газетной статьёй. Можно показать, как меняются приёмы создания текста и лексико-стилистические средства в зависимости от коммуникативной ситуации. Иной подход к теме предполагает совсем иную организацию материала. В данном случае он соответствует стандартным канонам написания информационного текста².

В качестве примера мы выбрали статью, опубликованную в «Российской газете» в мае 2010 года [Ивойлова 2010], где анализируются некоторые финансовые аспекты реформы образования и затрагивается вопрос об обязательных и необязательных предметах.

«Госдума одобрила в третьем чтении закон, реформирующий бюджетные учреждения, в том числе - образовательные. Некоторые государственные школы получают право совершенно законно проводить платные уроки <...> По новому закону все учреждения поделят на три большие группы - казенные, бюджетные и автономные <...> Для казенных будут очень четко прописаны все статьи затрат. <...> Деньги для них будут, как и сейчас, перечисляться через казначейство и строго в определенное время. <...> Бюджетным организациям деньги станут выделять не с четкой разбивкой по статьям расходов, а в виде субсидий. <...> По-прежнему школы, которые останутся в «бюджетном» статусе, смогут предлагать услуги платных

¹ Речь идёт и о выражении «вот она разгадка», и о том, что публика знает, что обязательными для изучения являются более чем четыре предмета.

² См. Казак М.Ю. Язык газеты. Белгород, издательский дом, 2012; Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: МГУ, 1971.

кружков и дополнительных занятий, хотя в части прав распоряжения прибылью для них будут некоторые оговорки. <...> Автономными станут самые сильные, конкурентоспособные организации, которые получают наибольшую финансовую свободу» [Ивойлова 2010].

При анализе отрывка можно заметить отсутствие структур устной речи, прямого обращения автора к читателю, разговорных конструкций и поговорок, отклонения от главного вопроса или ссылок на аргументы, непосредственно не связанные с ним. Отсутствуют также многократные паузы и нестандартное использование знаков препинания.

Размещённая в прессе информационная статья выступает как источник новостей, она не исключает возможности выразить мнение автора, но не ориентирована на диалог с читателем.

Следует отметить, что в газетной статье этого типа автор обычно не проявляет прямой заинтересованности в поддержке со стороны своей аудитории. Формирование определённого читательского отношения к проблематике газетной статьи возможно, но не обязательно.

В этом случае, как нам кажется, можно говорить о наличии коммуникативной дистанции между автором и читателем.

Подводя итог, можно сказать, что материал блога, содержащий лексику повседневного общения и различные элементы устной речи, помогает студентам обогатить их лексический запас, запомнить и использовать структуры повседневной коммуникации, углубить страноведческие знания.

Сравнение блога с информационной статьей позволяет ярче продемонстрировать студентам разные подходы к одной и той же теме в зависимости от коммуникативной установки.

Таблица № 1

Глагол или глагольные словосочетания	Управление	Толкование	Синонимические варианты такого же оттенка	Примеры
Мечтать	о чём-то	Представлять себе то, чего нет в настоящем.	Сильно желать или хотеть что-то иметь или совершить. Фантазировать.	Всю жизнь мы мечтали об этой поездке. Всю жизнь мы желали совершить эту поездку.
Бороться	за что-то	Активно действовать, чтобы добиться чего-либо.	Воевать за что-то, биться за что-то.	Бороться за идеологию. Воевать за идеологию. Биться за идеологию.
Возмущаться	чем-то	Испытывать чрезвычайное недовольство кем-либо или чем-либо.	Сердиться, злиться из-за чего-то, негодовать.	Он возмутился твоим поведением. Он сердился / злился из-за твоего поведения.
Негодовать	по поводу кого-чего	Испытывать сильное недовольствие.	Возмущаться.	Он начал негодовать по поводу этой ситуации.
Пользоваться	чем-то	Использовать определённые условия или случай, чтобы получить какой-то результат.	Использовать что-то	Пользуясь его доверием, его несколько раз обманули. Используя его доверие, несколько раз его обманули.
Въехать в ситуацию	во что	Анализировать и понимать суть определенной ситуации.	Понимать ситуацию.	Некоторые ещё не въехали в ситуацию. Некоторые люди ещё не поняли ситуацию.
Вступить в силу		Начать действовать.	Становиться действительным	Новый закон вступил в силу. Новый закон стал действительным.
Кошмарить (жарг.)	кого-то	Создать кому-то очень сложные условия, пугать.	Притеснять.	Преступник кошмарил район, пока его не поймали.

ЛИТЕРАТУРА

Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. Москва, Русский язык, курсы, 2002.

Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма/ под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2007.

Белянин В.П. Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М.: ПАИМС, 1994.

Глухов Б.А., Щукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М.:

Русский язык, 1993.

Васильева Е.В. Дискурсивные особенности информационно-аналитической статьи: лингводидактический аспект // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2012. Вып.15. Ст. 106-112.

Задорнов М.Н. Реформа образования. <http://mzadornov.livejournal.com/33704.html#cutid1> (посл. обращение 09.10.2015).

Ивойлова И. Школа выросла в цене. Будут ли уроки в государственных школах платными? <http://www.rg.ru/2010/05/05/shkola.html>

Казак М.Ю. Язык газеты. Белгород, 2012.

Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во МГУ, 1971.

Кулибина Н.В. Зачем, что и как читать на уроке. СПб.: Златоуст, 2015.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

Сальмон Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2003.

Ellis R., Tanaka Y., Yamazaki A. Classroom interaction, comprehension, and the acquisition of L2 word meanings // Language learning. 1994. 44 (3). Pp. 449-491.

Ellis R. Modified oral input and the acquisition of word meanings // Applied Linguistics. 1995. XVI. Pp. 409-441.

Ellis R. Second language acquisition, teacher education and language pedagogy // Language Teaching. 2010. XVIII (2). Pp. 182-201.

Gass S.M., Varonis E.M. Input, interaction and second language production // Studies in second language acquisition. 1994. XVI. Pp. 283-302.

Laufer B., Nation P. Vocabulary size and use: lexical richness in L2 written production // Applied Linguistics. 1995. 16 (3). Pp. 307-322.

Loschky L. Comprehensible input and second language acquisition. What is the relationship? // Studies in second language acquisition. 1994. XVI. Pp. 303-323.

Paribakht Sima T., Wesche Bingham M. Reading and incidental L2 vocabulary acquisition. An introspective study of lexical inferencing // Stud. Second language acquisition, 1999. XXI. Pp. 195-224.

THE POTENTIAL OF HUMOROUS TEXT OF BLOG IN THE LESSONS OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE TEXT OF M.N. ZADORNOV'S BLOG)

Laila Paracchini

PhD, State University of Milan, Italy

laila.paracchini@unimi.it

The paper presents the humorous text of blog as new material for teaching Russian as foreign language and describes the different approaches to the analysis of this material during the lesson.

Keywords: teaching of Russian as foreign language, humorous text of blog, didactic principles of teaching.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

ИНВАРИАНТНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ РУССКОГО *НЕТ* И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ТЕКСТЕ (МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ)

Безяева Мария Геннадьевна

*доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
russlang@philol.msu.ru*

Статья посвящена наличию инвариантных параметров различных частей речи, позволяющих им выступать в качестве единой коммуникативной единицы, подчиняясь алгоритму развертывания.

Ключевые слова: говорящий, слушающий, ситуация, коммуникативный уровень языка, целеустановка, конструкции, средства, инвариантные семантические параметры, алгоритм развертывания, *нет*.

Данная статья посвящена анализу коммуникативных параметров русского *нет*.

Как известно такая единица, как *нет*, связываясь с отрицанием, рассматривалась А. Вежбицкой как один из семантических примитивов, т.е. слов универсально понятных и следовательно в толковании не нуждающихся [Вежбицкая 1996, 1999]. Однако, как показывает анализ материала, подавляющее большинство слов из данного списка в своём бытовании в системе того или иного языка обладают ярко выраженной спецификой, что видно даже в традиционных словарных описаниях.

Цель данной статьи состоит в выявлении инвариантных параметров русского *нет* как члена системы коммуникативного уровня русского языка.

Коммуникативный уровень в отличие от номинативного, передающего информацию о действительности, преломленную в языковом сознании говорящего, представляет собой систему, отражающую соотношение позиций говорящего, слушающего и квалифицируемой ими ситуации. Данная система организуется такими единицами, как **целеустановки**, **вариативные ряды конструкций**, им соответствующие, и группы **средств**, формирующих данные конструкции.

Инвариантные же параметры **средств** выявляются, исходя из параметров конструкции, которые они формируют, и при учёте параметров иных средств – соседей по конструкции. Это рабочий инвентарь для выявления коммуникативной семантики.

Каждое из средств коммуникативного уровня (от междометий и интонации, лексем до грамматических категорий и синтаксических приёмов) обладает набором инвариантных параметров, подчиняющихся особому закону, алгоритму их реализации. Он заключается в том, что инвариантные параметры коммуникативных средств имеют антонимическое развёртывание, а также могут относиться только к позиции говорящего, только к позиции слушающего или ситуации либо быть распределёнными между ними. Алгоритм включает варьирование по разным временным планам и реальности – ирреальности. Параметры могут относиться к данной конкретной ситуации или норме её развития, к позиции говорящего и слушающего в данной ситуации или к норме их поведения. При этом возможно одновременное сосуществование двух реализаций инвариантных параметров в одной конструкции. Это резко отличает семантические возможности коммуникативных средств от номинативных. О данных понятиях см. подробнее [Безяева 2002 и др].

В настоящее время можно выделить две **группы средств**. В первую входят средства **"урождённо" коммуникативные** (интонация, междометия, ряд сегментных средств, не выполняющих фонологическую роль, синтаксические приёмы). Во вторую включаются средства, которые **могут формировать номинативное содержание, но способны осложняться коммуникативными** параметрами (грамматические категории, базовые члены ЛСГ и т.д.).

Вторая группа часто связывалась в истории лингвистики с проблемой полифункциональности, в частности актуализировался переход полнозначных слов в частицы, союзы, что связывалось с приёмом десемантизации и выдвигало на первый план потерю словом номинативного содержания. Вопрос о приобретаемых значениях и механизмах их реализации долгое время оставался открытым. [Виноградов 1972].

Однако, как показывает анализ коммуникативной семантики, констатация перехода слова в другую часть речи, в частности частицу, являлась лингвистической попыткой, в данном случае на морфологическом уровне, отразить включение единицы в систему коммуникативных средств. При этом единица может не переставать выполнять и номинативную функцию, осложняясь коммуникативными параметрами, а может и терять номинативное содержание, сохраняя те же коммуникативные параметры. Таким образом, часто две разные единицы для исследователя, анализирующего их с точки зрения выполнения ими номинативной функции, являются одной единицей на коммуникативном уровне, так как имеют идентичные коммуникативные параметры. Иначе говоря, две единицы, занимающие разные синтаксические позиции и имеющие формально разную частеречную принадлежность, могут обладать едиными коммуникативными параметрами.

Отметим, что в лексикографической практике семантическая характеристика таких полифункциональных слов часто даётся в одной словарной статье, однако при полном разрыве описания номинативных и коммуникативных значений (например, значения наречия и частицы, имени и частицы и т.д.).

При этом в разных группах полифункциональных слов (термин Брызгуновой Е.А. [Брызгунова 1997]) могут возникать разные типы отношений. Так, как мы уже показывали в ряде работ при анализе группы собственно полнозначных слов – базовых членов ЛСГ (см. например [Безяева 2005]), может актуализироваться вопрос о номинативной мотивированности коммуникативных значений, т.е. быть представлен семантический вектор «номинативное → коммуникативное», заявленный в диахроническом плане В.В. Виноградовым, но понимаемый в нашей работе в собственно синхронном, системно-семантическом плане.

Однако существует и другое направление взаимодействия. Ситуация, когда ведущими становятся коммуникативные характеристики при возможности слова выполнять и номинативную функцию, вектор «коммуникативное → номинативное» [Безяева 2008]. Русское *нет* относится именно к этому типу.

Это косвенным образом отражается и в традиционном словарном описании данной единицы [см. Ожегов, Шведова 2006], где значение частицы ставится на первое место, связываясь, в частности, с отрицательным ответом на вопрос. Затем отмечается способность данной единицы выступать в качестве сказуемого, передавая значения "не имеется в наличии, отсутствует, не существует" и значение противопоставления. Затем описывается функционирование *нет* в роли союза в значении "однако ж, при всём том". Снова возвращаясь к частице, авторы словарной статьи вводят её возможность подчёркивать переход к теме, мысли, перерыв в течении речи, мысли, а также выражать удивление, сомнение, недоверие, употребляться в лозунгах, призывах в значении отказа, категорического несогласия, а также в поговорках. Кроме этого приводятся примеры так называемых фразеологизмов.

Необычность строения словарной статьи и сложность описания налицо.

Анализ коммуникативной семантики русского *нет* позволяет выявить инвариантные коммуникативные параметры этого средства, которое, как и все другие средства данного уровня, подчиняется упомянутому выше алгоритму развёртывания, что и предопределяет её функционирование.

Инвариантные параметры *нет*.

1 Исключение ранее ведённого варианта – возвращение к ранее введённому варианту.

2 Неприятие ранее введённого варианта развития ситуации – принятие ранее введённого варианта.

3. Отношение в норме как ранее введённому, известному варианту.

4. Отношение к данным вариантам и норме как бенефактивным или небенефактивным.

Как следствие совпадение – отсутствие совпадения позиций собеседников, отбрасывание – принятие позиции слушающего, своей прежней позиции, исключение позиции собеседника и возвращения к своей позиции.

В соответствии со своими параметрами русское *нет* входит в коммуникативное *поле соотношения позиций, поле нормы и поле бенефактивности*. (О понятии коммуникативного поля см. [Безяева 2014]).

Заметим, параметры *нет* не дают ему быть использованным в ответе на вопрос с экспликацией противопоставления *Ты уезжаешь завтра³ / или послезавтра²?*, так как *нет* исключает весь ранее ведённый вариант целиком.

Номинативное отсутствие

Если говорить о номинативных возможностях *нет*, то шаг от номинативного к коммуникативному значению связан с параметром нормы.

Номинативное «нет» обозначает отсутствие варианта, при этом фоново маркируется потенциальная возможность наличия варианта в соответствии с нормой развития данной ситуации, нормой прогнозируемого развития, которая не реализуется, исключается.

В доме нет окон. Хлеба нет.

Иначе говоря, когда утверждается, что чего-то нет, есть предположение, что оно должно быть, т.е. должен реализован некий вариант, соответствующий предполагаемой норме (в доме окна бывают, обычность наличия хлеба), который в данном случае исключается. При этом фоново реализуется и параметр бенефактивности, кратко определяемой (*как хорошо – для плохо для*).

Отсюда фразы *Он ушел, а я нет* базируется на той же реализации параметров. Различие заключается лишь в экспликации предшествующего варианта на номинативном уровне.

Впрочем, и функционируя на номинативном уровне, *нет* активно участвует в формировании различных целеустановок, например *отказа*:

- М! О! / Малова то! / Дёшево хочешь дело повернуть, Александра Васильевна.
- Да ты что? / Что ж вам, / обожра ться, что ль? / Ведь тут два ли тра.
- А народу-то! / Я, / тракторист, / Гусёк.
- Ладно. / Вечером отдам. / А сейчас / нет.
- Ну смотри!

(к/ф «Простая история»)

Именно благодаря коммуникативным параметрам исключения и апелляции к норме

русское номинативное *нет* часто используется для выражения эмоций, например взаимодействуя с *повтором*, реализующим инвариантные параметры процесса воздействия, отклонения от нормы и бенефактивности – небенефактивности.

Жалоба.

- 2/ΛΛ
 - Плохо мне, / Надюха!
 3 2 2 1 -
 - Ух ты бедный какой! / Пожалейте его! / Гляньте, не допил! / Сейчас [ш'ас] пойду
 2 2/ΛΛ 2
 жене-то вон/ расскажу, как по дворам шляешься! / Попрошайничаешь!
 2 1 2 2 2
 - Да нету её, / Санечки моей, / нету! / Всё! / Нету!
 2 2
 - Куда ж она это у тебя, интересно, / подевалась?
 (к/ф «Любовь и голуби»)

Упрёк.

- 6
 -- А остальные (гильзы для тракторов) когда будут?
 2
 - А кто их знает?
 1 3 3²
 - Слушай-ка, / а может, можно/как-нибудь побыстрее.
 6
 - Да вон их сколько стоит./Никто..
 2 х 2 2 3 3
 - Ой! /Черти вас обдирают!/Чтобы я с вами/ ещё раз связалась с ремонтом!/Да у
 2 2 - -
 себя всё/в колхозе будем делать.
 6 2
 - Да баба с возу, / кобыле легче.
 2/ΛΛ 4, 4
 - Сказала б я тебе./ А чего ты стоишь как пень? / Ну-ка объясни ему.
 1 6 1 2
 - А чего объяснять./ На нет и суда нет./ Подождём.
 х[а] 2 2 6 2 2\ 6
 - Ой! , Егор, Егор!/Ну нету у тебя/ никакой боли за дело! Ну не ту!/ Что мне с
 1 5 \
 тобой делать/не знаю./ Ну не знаю.
 (к/ф «Простая история»)

Однако возможности *нет* кратно увеличиваются в собственно коммуникативной функции.

Коммуникативное нет.

1. Исключение ранее введённого варианта.

1.1.Исключение говорящим ранее введённого слушающим варианта как небенефактивного.

Противоположность позиций, неприятие позиции собеседника.

Данная реализация формирует конструкции *возражения, отказа, несогласия и др.*

Возражение.

- 2 3 2 2
 - Так вот что! / В таком виде/ я тебя на манеж не выпущу./ Я сейчас же пойду/к
 3 1 2
 директору и/ и заявлю, / что я снимаю с себя всякую ответственность.
 3/Λ
 -Что ?
 2 2
 -Да, да? / Пусть отменяет представление!
 3/Λ 3 2\ 2
 - Что ?/ Вы понимаете, что вы говорите? / Я всё равно войду в клетку.

- Нет, не пущу.

- А я вам говорю, войду.

- Нет.

- Не смейте! / То есть как «нет» / Да вы понимаете, / что вы говорите? /

Я войду в клетку!

- Не пойдёшь!

- Нет, / вой / ду!

- Вот это характер! / Молодец, Лена!
(к/ф «Укротительница тигров»)

Исключение варианта собеседника как небенефактивного.

Возражение.

... Но видите, / вы действительно не в курсе маминых дел!

- Нет, / я боюсь, / что я теперь в курсе. / Так что вот, милая племянница, ничего у вас не вышло.

- У кой-то (У кого это) / у вас? / И что не вышло? / Ну знаете! / Я, пожалуй, пошла. / И привет вам от дяди!

(к/ф «По семейным обстоятельствам»)

В данном случае говорящий осознал небенефактивность занятой собеседницей позиции и исключает вариант знакомства.

Возражение.

- Свёкла есть. / Ещё. / Так. / Уй! / Ах ты, господи! / Что ты..

- Раиса Захаровна! / Я чуток хотел подсолить. / Ну совсем в горло-то не лезет.

- Ни в коем случае. / Соль - это / белый яд.

- Так сахар же белый яд.

- Сахар - это сладкий яд.

- Раиса Захаровна, / может, с хлебушкм, / а?

- Хлебушек / - это вообще отравка.

- Не, / я сейчас горбушечкой бы отравился бы. / Ну правда, / жрать охота.

(к/ф «Любовь и голуби»)

Особо оговорим семантическую специфику усечённой формы **нет** – **не**, которая, как и аналогичные формы, например **во**, **от**, связаны с личной сферой говорящего. В случае с **не** это средство апеллирует к личной норме говорящего в его представлении о небенефактивности-бенефактивности, осложняя инвариантные параметры **нет**.

Отказ.

- Вы не возражаете?

- Что?

- Это / вино / сухое / грузинское. / Мне друг / прислал из Грузии.

- Не. / Я цветное не пью.

(к/ф «Родня»)

Отказ.

- Может, ³хоть чемоданы помогу занести?
- Да нет, / не надо, / я сама.
- **Нет**, я просто потому, что ³сейчас тронется. / Мам, / ²слышишь?
- ¹Слышу, / ¹слышу.
- Надеюсь, / ты на меня не ³сердишься?
- Да нет, дочка. / ⁷Чего там ⁷сердиться! / ⁷Всякое бывает.
(к/ф «Родня»)

В конструкции **да нет да** маркирует неадекватность позиции собеседника, преувеличивающего небенефактивность позиции говорящего и ситуации, **нет** исключает введённый собеседником вариант, ИК-7 маркирует расхождение позиций.

В структуре **Ну нет** начальное **ну** с параметром ожидаемого выступает в реализации несоответствия ожидаемому собеседником, **нет** исключает вариант трактовки ситуации слушающим как небенефактивной или бенефактивной.

Возражение.

- ¹Ах, ⁶Евгений Анатольевич! / Вы уж ³извините, что я вас так ³напрягаю. / Но, как сказала мама, когда собираются только свои...
- Ну нет! / Ну что ²вы, Настенька! / Мне ¹даже очень приятно.
(к/ф «Ребро Адама»)

В конструкции **Ну уж нет уж** в соответствии со своими параметрами выступает в реализации учёта интересов говорящего и знания объективных обстоятельств, которые, дают возможность исключить (реализация **нет**) этот вариант как не соответствующий бенефактивной норме, вопреки ожиданиям слушающего (реализация **ну**)

- Ты ³пойдёшь к ней?
- **Ну уж нет.**

Конструкция **Да нет же** типично формирует конструкции раздражённого, неподтверждения или недовольства.

- У тебя ³в четверг экзамен?
- **Да нет же!** / ²в среду.
(р/р)
- Ногу ³выше / и ²влёво! / **Да нет же!** / ²Влёво!
(р/р)

В данной конструкции **да** вносит смысл неадекватности позиции собеседника, **нет** исключает вариант собеседника как не соответствующий бенефактивной норме, а **же** выступает в реализации по позиции слушающего: должен понять, но не понимаешь, должного, не имеющего места.

В соответствии с алгоритмом развёртывания реализация параметров русского *нет* раскрывается по позиции слушающего.

1.2 Слушающий исключил (не принял, отбросил) позицию говорящего, говорящий не принимает позицию слушающего как нарушающую бенефактивную норму. Говорящий апеллирует к возвращению к норме.

Эта реализация инвариантных параметров *нет* формирует конструкции **возмущения, упрёка, досады.**

Возмущение.

- А вы что¹, / уходите³?

- Да¹, / завтра рано вставать³.

- Интересно! / Для нас² / ты не хотела уйти с работы, / ни для меня, / ни для внучки. / Нам ты не хотела помочь. / Нет, / зачем же! / А для постороннего человека³...

- Лида! / Как тебе не стыдно перед дядей Колей¹!

- А тебе², тебе² вот перед Игорем / не стыдно? / Для нас ты была / незаменимый работник! / На тебе³ / только на тебе⁵ держалась вся московская промышленность. / А потом, / теперь / ты уже не командир производства, / ты просто / женщина. / Вдруг / вспомнила².

- Да, вспомнила. / Вспомнила. / А что я могла вспомнить с вами вспомнить? / Пелёнки, / кастрюли, / магазины... / И ты хотела мне оставить этот удел? / И чтобы я тебе потом ещё спасибо говорила? / Нет! / Нет, дорогая моя! / У нас есть ещё и другое³ предназначение / и оно не заказано / ни одной из нас! / Скажут, возраст, смешно⁶...

- (т/с «По семейным обстоятельствам»)

Досада- упрёк.

- Вот². / Совсем², было, с мамой / отговорил от цирка. / Так нет, / вы тут и подвернулись со своим мотоциклом¹.

- Что значит: «подвернулся»? / Ты, знаешь, / тоже слова выбирай¹.

- Да что ж слова выбирать! / Просто, считай, под мотоцикл угодила! / Ну как же! / Артисткой стала. / Уедет. / Да / и вообще!

(х/ф «Укротительница тигров»)

Упрёк.

- А всё река, / Фёдор Николаевич!

- А зачем ты через неё прыгал? / Не мог в брод пройти / как все люди делают?

- Ну так в брод! / Дистанцию думал вы..

- Дистанцию!²/ Мировой рекорд-/³ прыжок через Ниага² ру.
- На.
- Да ладно!¹
- Эх ты!²/ Сын полка!²/ Ты ж мальчишкой был/³ на фронте/¹ чудеса² показывал./
- Чего ж ты сейчас-то растерялся?²
- Ну так то ж на фронте.³
- На фронте..¹
- Эх, было дело!³/ А теперь,¹ Фёдор Николаевич!²/ Вы всё на земле,⁶/ а я всё на³ воде.¹/ От работка досталась!⁷/ Уйдём в плаванье месяца на два¹
- Ф.Н. (поёт) «Прощай любимый город...» и
- Фёдор Николаевич!²/ Ну а вы решили?²/ Остаётесь у нас?³
- Да не знаю,¹ Петя./ Вот поработаю годок,⁶/ присмотрюсь,³/ там видно будет.⁷
- Ну/⁶ женим и так далее..¹
- Вот про тебя действительно говорят,¹/ что ты за девушкой ухаживаешь.²/ Дай-ка²
- ключ./ А нет того, чтоб своего старшего товарища, командира, так сказать,¹
познакомить.²/ В гости бы пришла, что ли.³
- Да некогда ей сейчас.²
- А что она у тебя/² ответственный работник,³ что ли?
- Да ладно,² Фёдор Николаевич!
- Подарок.
- Ну смейтесь,¹/ Я хотел ещё посоветоваться/¹ ни слова ни скажу.¹
- У!⁶/ да ты я вижу совсем по уши.²
- Зайдём ко мне,²/ чайку попьём.²
- Да нет,¹/ спасибо.¹/ Мне пора домой.²/ Да и хозяйка у вас!³
- Зато хозяин душа человек.³/ Пойдём!²
- Нет./² До свиданья,²/ Мне некогда.¹
- Ну будь здоров.²
- Спасибо./¹ До свиданья.¹

(к/ф «Укротительница тигров»)

Упрёк-возмущение.

(Пастор нечаянно отрывает дверной колокольчик Слуга:)

- Ой!³/ Господи!²

- Конечно!/² Дёргать мы все³ умеем./ Висит р⁶чка,^{2¹} чего не дёрнуть.^{2¹} Люди
 вон стараются,² вешают./² Нет,³ а нам дела нет.² Каждый хочет свою силу^{2/ΛΛ}
 показать!/² Руки у них чешутся./ Возьми,² спокойно,^{∩ 2} тихонько,^{∩ 2} потяни./² Нет,²
дёргать, так уж со всей силой.² В своем^{2/ΛΛ} доме так дёргать не будешь,² а в чужом³
 доме - пожалуйста,^{2/ΛΛ} всё, что под² руку попадётся./ Новый кряк вбить/³ или
 скажем, кольцо преремнить/³ - этого от них не дождёшься,² а вот глупые надписи³
 на стенах писать - это мы мастера,² это мы умеем.² Ну вот,^{3²} теперь нормально,^{3²}
 можно звонить.¹

- Ой!²

- Ну вот,^{∩ 4} другое дело.⁴ Господин пастор,⁶ прошу вас.⁴

(к/ф «Тот самый Мюнхгаузен»)

1.3 Исключение, неприятие прежней позиции говорящего как небенефактивной.

Противопоставленность нынешней и прежней позиции говорящего.

Русское *нет* может разворачиваться только по позиции говорящего, при этом реализуется оппозиция *я нынешний* – *я прежний*.

- Ой, догнала!² Поймала его!² Стоит,⁶ губы трясутся./ Сказала,³ и
 закивал.¹ Закивал,¹ /головой-то!/² Закивал./ И молчит.¹ Послезавтра ждёт.

- Не пой-ду!⁷

- Ты чо?²

- О!/⁷ А ничо!³ Ишь ты!^{3\Λ} Какой ходок/² на курортах оказали!² Я-то
 сначала, дура,^{3⁶} /ой,² пожалела! А теперь нет,⁴ /ничо!⁴ Другу себе найдёт,⁴
 раз научилси!¹

- Да ты чо,² /Надь!² Так и будете сидеть в конрах,³ /а?/(...)

(к/ф «Любовь и голуби»)

Если *нет* исключает предшествующую позицию говорящей, то ИК-4; подчёркивает соотношение позиций.

1.4. Принятие позиции собеседника при том, что он может считать, что говорящий его позицию не принимает как небенефактивную, и исключение такого варианта. При этом говорящий часто фоново возвращается к своей ранее введённой позиции, рассматривая её как бенефактивную, так и небенефактивную.

Пояснение при противоположности позиций

- Может, хоть чемоданы помогу занести?³

- Да нет,⁷/ не надо,¹/ я сама.¹
- Нет, я просто потому, что сейчас тронется.³/ Мам,²/ слышишь?³
- Слышу,¹/ слышу.¹
- Надеюсь,⁴/ ты на меня не сердишься?³
- Да нет,⁷ дочка.²/ Чего там сердиться!⁷/ Всякое бывает.

(к/ф «Родня»)

Согласие.

- Ну всё?³
- Нет.⁴/ Вот/³ самое главное.¹
- Что это?²
- Годовой отчёт/³ и опять раньше срока.⁶
- У!²/ А слону на подпись не носили?³
- Да,¹/я, понимаете./ вам смешно,³/а я был лишён премии.²
- Ну,²/ это безобразие!²/ А кто же распорядился?¹
- Я не знаю,¹ так сказать./ Подпись была неразборчива,³/ но/⁶ утверждают, что вы.²
- Я?³/ Клевета!²/Это интриги.³
- Нет./ Я и подумал так, что интриги.¹
- Но вот через слоновник/³носить не советую.¹
- Вы знаете,³/ как я сейчас слоновник обхожу.../¹Просто.. аб-аб-абаб..³

(х/ф «Укротительница тигров»)

Эта реализация параметров *нет* часто сопровождается *да* в реализации адекватности в трактовке ситуации говорящим и собеседником.

Пояснение.

- Вы не возражаете?³
- Что?²
- Это/вино сухое/грузинское./ Мне друг/¹ прислал из Грузии.¹
- Не./Я цветное не пью.¹
- Да нет,¹/ я тоже/¹ вообще-то/¹ не очень./И курить бросил./Но иногда/⁶ помогает./ Успокаивает.¹
- Да?/³ Тогда/⁶ плесните.¹
- Вам тоже?³
- Мг./¹ Хватит,¹

(к/ф «Родня»)

Пояснение.

- Да я не понимаю.²/ Неужели у вас дома никаких дел нет?²
- А вас что?³/ В завком избрали?²

— Ну!/³ При чём здесь это? А чего это вы моими семейными обстоятельствами² стали интересоваться?

— Да нет!/^{2³} Ну действительно!/¹ Вот женщины./ Женщины как звонок,/² так их фу!/² Как тайфун их всех отсюда уносит!/⁴ А вы?

— А вы?

— Я?/³ Да что я?/² Я из уважения к вам,¹ из солидарности,^{2³} так сказать,¹ этой... деловой./ Да и то,^{3⁶} сидишь как на иголках./ Мне жена/¹ вон сколько написала.³

(т/ф «По семейным обстоятельствам»)

В последнем случае анализируемая реализация *нет* взаимодействует с реализацией возвращения к ранее введённому варианту, о чём ниже.

Впрочем эта реализация может взаимодействовать с прямо противоположной, формируя иронию.

(Лётчик обращается к начальнику вовремя войны)

— Хочу жениться.⁶ Прошу разрешить.¹

— Нет,/^{2⁷} это ты хорошо придумал./^{2⁷} Главное, во время.¹

(к/ф «В бой идут одни старики»)

Если первый коммуникативный пласт говорит о принятии позиции собеседника, то вторая сосуществующая реализация говорит об отклонении введённого варианта от нормы.

В конструкции *нет так нет* говорящий принимает отказ (вариант) собеседника как соответствующий норме и не влияющий на бенефактивность–небенефактивность ситуации, при этом актуализируются и параметры *так*: норма и бенефактивные–небенефактивные следствия, и повтора – процесс воздействия, отклонение–соответствие норме и бенефактивность–небенефактивность в реализации отсутствия воздействия на говорящего и на дальнейший процесс развития ситуации небенефактивной позиции собеседника.

2. Возвращение к ранее введённому варианту, в том числе к нарушенной норме как к небенефактивной, так и бенефактивной.

2.1. Отношение в норме как ранее введённому, известному варианту.

Возвращение, к ранее введённому варианту, неприятие ранее введённого варианта развития ситуации как небенефактивного.

При этом говорящий хотел бы исключить такой вариант.

В отличие, например, от реализаций, исключаящих вариант собеседника, связанных с формированием реплик-реакций, эта реализация параметров *нет* типично связана с передачей эмоционального состояния говорящего, из которого говорящий не может выйти сразу. Отсюда и возможность функционировать в коммуникативных блоках, например ссоры. Рассмотрим ряд примеров.

Для понимания иллюстрации этой реализации *нет* необходимо учесть его функционирование в достаточно больших отрывках текста.

Повторный раздражённый вопрос.

- Девочки, / ² **вы не видели**, / ³ **где мой зелёный шарфик**, / ¹ **а?** / ³
- Мамуленька, я прохожу практику / ³ во взрослом коллективе, / ¹ и потому должна быть на уровне. / ¹ А потом у меня не ПТУ, / ³ а школа торгового ученичества. / ¹
- Лидуничка... / ³
- Куда же он мог ² **подеваться?**
- Тебе двух рублей ³ **хватит**, / ³ **а?** / ¹ Дочка?
- ¹ **Хватит**, ¹ **хватит**. / Я ещё, может быть, ¹ **отпускные** получу. / ⁶ Вам завтра чего-нибудь дам.
- Так, это тебе, ⁶ о господи, ⁴ **два**. / **Значит**, я возьму себе ⁴ **пять** рублей.
- ² **Трёшки** достаточно было бы.
- Да ¹ **нет**, / ¹ **трёшки-то** мне не **хватит**.
- ² **Лид**, / ¹ **твой** приехал.
- **Нет, ну где же мой зелёный шарфик, а?** / ⁵ **Настя!** Ты не ³ **видела**, / ² **где мой** ³ **зелёный шарфик, а?** / ³ **Настя?**
- ¹ **Слушай**, / ² **на**, ² **забери!** / ³ **Нужен** он мне!

(к/ф «Ребро Адама»)

Возражение.

- ³ **Откровенно** говоря, / я от вас этого не ² **ожидал**. / И ² **когда!** / В ² **день отъезда!** / Ну ⁵ **почему** вы не ¹ **поговорили** со мной! / ² **Почему** не ² **посоветовались!** / Ну ⁵ **как так** можно, ¹ **Лена!**
- Ну не ² **сердитесь** на меня, / ² **Фёдор Николаевич**.
- А ² **-и!** И не ³ **утешайте** меня, / я не ² **ребёнок!**
- ² **Не можете** вы **меня** ¹ **понять!**
- ³ **Нет, это вы** **меня** **не можете** **понять.**
- ³ **Нет, я вас** / ⁴ **отлично** **понимаю.** / **Значит**, вам ваш ⁶ **номер** / ¹ **дороже** / ¹ **моей** ² **судьбы.** / **Вот** ⁴ **это я** **понимаю.** / **Чего** вы ² **хотите?** / **Вот** вы мне ² **скажите!** / **Чтобы** я всю ² **жизнь** / **была бы** ² **у вас** **ассистенткой** / **в номере**, / ² **да?** / И ³ **чистила** Вам ⁵ **мотоцикл!**
- ¹ **Ле-на!**
- Ну ⁴ **конечно!** / **Чем** же вы **тогда** **лучше** **Казимира** **Алмазова?** / ⁴
- ³ **Лена!**
- Он же ³ **ведь** **меня** / ³ **тоже** **хотел** **всё** / **время** **держат** на **конюшне** / ² **с метлой!**

- Да вы ^{3'}соображаете, что вы сейчас говорите?

- Соображаю.²

- Как вам не стыдно!⁵

- Ничего мне/ не ³стыдно./ И вы// просто, значит, ²эгоист!// Ну не ²кидайте, пожалуйста, мои вещи в сундук.¹

- Нет, / это просто смешно. / Ну, честное слово, смешно! / Какая вы ²укротительница!//

Вы посмотрите на себя в ^{2\}зеркало!// Вы/ в клетке с тиграми!// ²Пигалица!

- ^{3\}Пигалица!// Ну, ³знаете!// Нам с вами ^{3^2}просто больше не о чем разговаривать!// Я ⁵никогда / ⁵никогда не ²думала, / что мы с вами вот так вот / ²расстанемся.

- ²Лена! / ²Лена!!

(х/ф «Укротительница тигров»)

Обида-возмущение.

(Реакция на неудачное ухаживание Новосельцева):

- Что ²же это, / ¹выходит, / все меня считают таким же ²чудовищем, что ли?

- Не надо преувеличивать, / не...не... не ²все, / и не таким уж ²чудовищем.

- Нет, это невозможно, / Ей Богу, это невозможно! / ⁵Уходите, / я не хочу вас ²видеть, не ²слышать!

(к/ф «Служебный роман»)

Возмущение.

- Мам, / ³Гена- / это ¹товарищ / по ³работе. / Мы с ним ³работаем вместе, / ³понимаешь?

- А кто это такой ²Гена, / ³а? / ²Нин!

- Я вот ³здесь сижу, / а он ¹здесь. / ³Понятно тебе?

- / \
↓ Мг.

- Нет, / мне это / вообще нравится. / ¹Один ³раз / человек ³позвонил, / ⁷уже кто такой ¹Гена. / ³Кто-кто, / ³конь в пальто. / ¹Гена, хь, / ¹Гена, / ³Крокодил. / ³Чебурашку видала?

(к/ф «Родня»)

Возмущение.

(Через некоторое время после бурной семейной сцены по поводу скошенного декоративного хмеля)

- Нет, / ну надо же! / Я этот ²хмель ²растила, / ²растила.

(р/р)

Возмущение.

(Обиженный после выговора муж:)

- Нет, главное дело, я виноват!

(р/р)

Досада.

- Нет, ну надо! / Пóлконтинéнта проташить, / чтобы на приёмке была такая лажа!
(т/с «Бригада»)

Жалоба-возмущение.

- √А! / Конечно не для всех это праздник.

- Ну что ты говоришь, / ма!

- Я знаю, / что я говорю.

- Нет, / это такое напряжение! / Это такое напряжение! / Когда ты всё время
должна быть / кому-то обязана.

- Тихо.

- Ужас!

- Если я даже что-то и сделала в доме, / так это рассматривается под
микроскопом.

- Мг.

- Я ей говорю: / Я очень, очень уважаю Колиного папу.

- Мг.

- Но, Слава Богу, я тоже не сирота.

- Конечно.

- Почему я должна подражать чужим родителям? / Ой! [с] (Выдох) Вы представляете,
Игорь! / В конце концов, я тоже мать,

- Да.

- Но я никогда не заставляла свою дочь / жить по своей мерке. / Нет, / это
удивительно, / это просто удивительно, почему старики / никогда не вспомнят,
какие они САМИ были в молодости, или скажем, зрелые годы. / Вот если бы люди
помнили свои собственные ошибки. / они никогда б не замечали чужих. / Вы не
находите, / Игорь?

- Нахожу, я / и раньше находил.

- АХ! (Вздых) / Да что вы сра вниваете! / Вы бы побыли / на моём месте...

- Я уже побыл / на своём.

(т/ф «По семейным обстоятельствам»)

Возмущение.

- Малахову дали Тэффи. / Ну это вообще!

Через день

- Нет, Малахову дали Тэффи!

(через день) Ну Малахов ну! Ну это просто! Ну!
(р/р)

Возвращение к ранее введённому небенефактивному варианту, отклоняющемуся от нормы.

Возмущение.

(Реплика "женсовета" по поводу Клочковой.)

- Нет, вы видели! / Ей опять всё с рук сошло!

(т/с «Не родись красивой»)

Возмущённое возражение.

- Дарья Ивановна не извинилась.

- Нет, а почему это, интересно, я должна извиняться?

(р/р)

Возмущение.

-... Я вот что предлагаю./ Во-первых, извинитесь./ Это раз./ Во-вторых, скажем я вот выйду/ и расскажу/ о перспективах животноводства/ в свете решений последнего пленума. Очень хорошо.

- А я/ об архитектуре новых городов.

- Вот.

- Полагаю, будет очень интересно.

- Чрезвычайно./ Люди пришли на концерт, а попали в лекторий./ Думаю, что после этого нас вынесут на руках до ближайшего колодца.

- И он ещё критикует! / Нет, / я его убью! / У меня тромб. / Я клянусь!

(к/ф «Верные друзья»)

Возражение говорящего и возвращение им слушающего к ранее введённому варианту, который слушающий хотел исключить, а говорящий каузирует возвращение к нему.

Возмущение, обвинение.

- Ушёл./ Ду... / Смеёшься?/

- Обрато звать пришла?/ Обрато/ не пойду.

- Я не нравлюсь/ или ребёнка испугался?/ Или, может, ждешь, чтоб в ножки упала?

- Стешка...

- Была Стешка./ Была, / да вот что осталось./ Наглядишься/ да полюбуйся./ Нет, / Ты

полюбуйся! / Да запомни, как я у тебя жена, / чтоб потом с товарищами, да с ...

посмеяться:»²Дурочка, мол, попалась».

(к/ф «Чужая родня»)

2.2. Возвращение к ранее введённому варианту.

Отношение в норме как ранее введённому, известному варианту.

Принятие ранее введённого варианта как отклоняющегося от нормы вбенефактивную сторону.

Исключение иной трактовки ситуации, кроме как бенефактивной.

Эта реализация параметров *нет* отражает позитивное эмоциональное состояние говорящего, близкое к целеустановкам *удовлетворения, одобрения, восхищения.*

Удовлетворение.

(Разговор членов семьи за городом у источника)

²
– Быстро как набрали!

– Мг.

– (Дома) Нет, ²хорошо, что воды набрали. /Теперь недели на ^{2/\\/\} две.
(р/р)

Русское *нет*, держа определённый эмоциональный настрой текста, способно выступать в композиционной функции, играя эстетическую роль. Причём это возможно не только в художественных, но и в разговорных текстах, где отсутствие намерения произвести тот или иной комический или трагический эффект не снимает вопроса их реализации.

Таков текст диалога в передаче «Квартирный вопрос», где в качестве подарка обновляется кухня заслуженной военной лётчицы, личности явно неординарной во всех отношениях, в том числе и коммуникативном. Добрая улыбка зрителей вызывается в первую очередь использованием нашей героиней многочисленных и разнообразных коммуникативных средств, из которых в нашем комментарии мы выделим функционирование *нет* в анализируемой реализации. Приведём весь текст целиком.

– Это квартирный ³вопрос./ Мы переделывали ³кухню/ для Елены ¹Мироновны ¹Кульковой./ В ¹Далеком ³военном ³прошлом/ она была ⁶лётчицей./Ну а сейчас ⁶замечательная ⁶женщина,/ которая за ¹время ¹отсутствия ¹здесь ¹отпраздновала ⁶девяностолетний ⁶юбилей./ Бодрая/, ⁶весёлая/, ещё достаточно у неё ⁶сил и ⁶азарта/ ³участвовать в таком ⁶проекте,/как наш../ ¹Здав ^{2/^^}с твуйте, Елена Мироновна!

– ²Здрасьте/, ²Слава Богу, я ²дома.

– ²Да уж./ ²Да!/ ²Заставили мы Вас подождать немножко.

– ¹Спасибо.

- 2
- Как вы пережили расставание с домом-то?
- 1
- Всё прекрасно.
- 4
- А как юбилей прошёл?
- 5 \
- Отлично!
- 3
- Отлично?
- 1
- Да.
- 2 6 2
- Ну как вы себя/ чувствуете-то?
- 2 2 2
- Стоило дожить до этого возраста...
- 2
- Да.
- 2 2 2 2
- На десятом десятке/ как чувствуете себя?
- 2
- Очень хорошо.
- 3
- Хорошо?
- 1
- Да.
- 1 6 6 2/\
- Ну кухню/ мы для вас сделали./ Вот сейчас/ показать вам должны./ У вас/
6 6 6
какие-то вот мысли,/ идеи,/ волнения...
- 6 2
- Мыслей никаких,/ но я трясусь уже сутки.
- 3
- Да?
- 2 2
- Боюсь,/ ей Богу.
- 2
- А чего боитесь?
- 1
- Не знаю.
- 1
- Просто волнение такое.
- 1
- Да.
- 3 3 3 1
- Давайте ждать не будем,/ просто пойдём посмотрим.
- 1 2
- Пойдёмте./ Боюсь.
- 6 2
- Про-хо-дите, пожалуйста.
- 6 5 \ « х 5 \ 1 2 1
- Ребята!/ Именины сердца!/ Ох!/ Боже мой! Нет,/ сказка/ венского леса!/
2 2 2
Сказка!/
4 , 4
- Вот она/ ваша кухня.
- 1 1 6 1
- Ой,/ ребят!/ Спасибо Вам!/ не знаю какое!
- 3 2 6 6
- Видите потолок-то какой у вас:/ ромашки/ да бабочки...

- ¹ ⁶ ² ² ² ²
 - Вижу ./Да!/Нет, /ну вообще, конечно. / Надо привыкать! / Такое ещё пока
²
 чужое.
- ³ ⁶ ³ ⁶ ⁶
 - Да? / Дверь вашу переделали. / Вот ваша / дверь осталась. Отреставрировали
⁴
 просто, / подновили.
- ⁶
 - Я смотрю окно....
- ⁶
 - Окно новое поставили...
- ⁵ \ ^{3²} ^{2¹} ⁵ \
 - Цветы! / Ну / вообще / Ва-а-бще!
- ¹ ² ⁴
 - И главное, всё на прежнем месте. / Всё, как вы привыкли. / Плита здесь.
- ^{2¹}
 - Да.
- ⁴ ² ³ ³
 - Там мойка. / Как у вас было. / Холодильник только переехал. / Заметили? / Вот
³ ²
 здесь же нет его, / где он был-то.
- ² ²
 - А где холодильник-то?
- ³ ^{2³}
 -А / нету.
- ^{3²} ^{3²}
 -Где холодильник?
- ² ¹ ^{2¹}
 -Вот он, Елена Мироновна, / вот он, /встроенный.
- ³ \ ²
 - М! / Как хорошо-то!
- ²
 - Сюда встроили.
- ²\
 - Бле ск!
- ¹ , ⁴ , ^{1²} ² \ \ ³
 - Да. / Мусоропровод / замаскировали. / Там дверка есть. / Если что, / у вас в
¹ ² \ \ ³
 доме сказали. / может быть заново всё сделают. / Если что, / у вас там / дверка
⁴ ⁶ ³ ³ ¹
 есть, /а / вот пока / так вот /красиво.
- ¹ ¹ ² \ ² ¹
 - Нет, / роскошно, конечно. / ¹Здравствуй кухня // незнакомая!!!
- ²
 - Да!
- ¹ ²
 - Нет, конечно. / Интересно очень.
- ⁴ ³ ⁴ ³
 - Да. / Варочная панель / у вас отдельно теперь. / Видите, как сейчас делают. /
⁶ ² ⁶ ⁶ ⁶
 Духовой шкаф / отдельно вот здесь вот. / А... / программ несколько / Гриль даже
⁶
 есть. / Э... Можно курицу делать.
- ⁴
 - А-а зажигать газ / где?
- ³ ³ ² \ \ ³ ¹
 - Электро/поджиг! / Вот у вас. / Оп! / Вот.
- ¹ ³
 -А! / Значит вот это я?

- Вот здесь поворачиваете/ и всё./ Оно зажигается./ Попробуйте, Елена Мировна./ Очень просто./ Ра.../ Нет,/ в эту сторону,/ в эту/ Сюда.../ нет, нет.
- Ах, не надо нажимать!/ А!
- Мг// И всё/ И зажигаете./ Вот/ Духовка/ тоже у вас там./ Специальная программа/ чтоб пирог пропекался есть./ Сверху греть,/ снизу греть.
- А программу где ставить?
- Всё вот здесь вот/ вот здесь вот/ ручка/ такое есть/ инструкция/ подробная.
- А есть,/ да?/ Ага!
- Ну я думаю до сто лет/ ещё мне десять лет/ я буду осваивать./ Боже!/ И часы!/ Нет,/ конечно, мне надо на знакомство/ неделю.
- А вот тут у вас/, видите,/ мойка./ Ну/ как бы тут, всё просто:/ горячая-холодная,/ как и бывает.
- Да,/ это хорошо.
- А это что за кран?
- Питьевая вода./ Прямо к фильтрам вам там поставили,/ вот видите?/ вот/ и питьевая вода.
- А картриджи менять самой?
- Меняет,/ да,/ возможно менять.
- Да?
- Там очень просто./ Всё тоже инструкция есть.
- Да?
- Здесь вот.
- Роскошно! (Героиня открывает шкафчик и видит новую посуду)! Ах!/ «Боже мой!»
- И посуду сушить,/ тут..
- Слушайте!
- ... шкафчик.
- Роскошно!
- Да.
- Непри вычно.
- Непривычно?

- Непривычно./ Не моё./ Да./ Как будто не моё ещё. Ну/, я думаю,/ что я привыкну.
- Привыкнете.
- К хорошему/ всегда быстро привыкают.
- Ну не раздражает так.../ Как вообще ощущения?
- Нет, нет, нет, нет./ Спокойно очень./ Хорошо./ Светло./ Спокойно./ То,/ что я хотелось.
- Ну,/ Слава Богу!
- Без всяких выкрутасов.,/ Хорошо./ Спасибо вам большое.
- Да.
- Очень хорошо./ Такой подарок мне сделали.
- Елена Мироновна!/ Есть один секрет.
- Да.
- Вот вы говорили не надо,/ а мы вам поставили./ Посмотрите.
- Посудомоечную.
- Да.
- Ой,/ не надо.
- Не надо?/ А почему?
- Нет.
- Так удобно!
- Не буду/я пользоваться,/ ник.../ Одна / живу / две тарелки/ в день!
- А всю посуду.../ говорите/ много./ Вот её перемыть-то/ как ?/ А если гости?
- Нет,/нет!
- Тут всё очень просто.
- Ну// ну уж раз сделали, так чего уж.
- Ну сделали.
- Раз уж.
- Подумали, что пригодится./ Я почему-то думаю,/ что вы вот/ будете пользоваться./ Вот один раз только попробуете,... один раз.
- Если замуж/ буду выходить...

6 1
- А ! Вот так.

6 2
-... тогда на свадьбе/ посуда будет.

3 3⁷ 1 1 3 1
- Тут вам рецепты написали./ Ну так, для красоты/ просто./ Один-то ваш./

1
Тесто для пирожков.

-смех.

2 1 1
-Ой,/ ребята./ Даже не верю..

4 1
- Салат «Ромашка»/ тоже.

1 1 4 6
- Не верю.,/ Хорошо, конечно./ Необычно./ Непривычно./ В течение сорока лет

3 3 3
была кухня,/ на которую я изо дня в день смотрела. аж представляете!// Потому

3 1 2³ 2
сейчас (щас) мне/ надо ещё привыкнуть. К хорошему тоже надо привыкать./ Меня

1 1 2 3 6 2
устраивает/всё./ Очень хорошо./ Такое впечатление,/ что/ ну по мне это всё.

2 3
- По вам./да?

- По мне / Да.

2
- Ваше настроение такое на этой кухне.

2
- Да, да, да, да.

2
- Ну вот нам тоже кажется,..

1
- Да.

3 6 2 1
-... что эта кухня/ она вам/ подходит./ Она вам соответствует.

2 2
- Вполне,/ вполне.

6 6 6
- Она такая весенняя,/ молодая какая-то,/светлая.

1 1 2\ 2\ 2 6
- Да, хорошо./ Не т./ хорошо !/ Ничего сказать не могу./ Даже/я вот

1 6 2 2
удивляюсь,/за что мне такой подарок.

2 2
- Ну за что?/ Как вы думаете?

6 2 2
-Ну думаю/ не за что./ Просто подвезло.

2 6 6
- Елена Мироновна!/ Ну я вам желаю тут пироги вкусные печь,/ гостей

6
принимать,/ посуду мыть в посудомоечной машине,/ Ну и вообще чувствовать себя

6 6 6 6
прекрасно/ и/ как бы свой столетий юбилей встретить в бодром настроении.

3
- Это вы о столетии говорите?

4 1 2 3
- Да./ Ну что ж!/ Девяносто вы отпраздновали.

2 2
- Конечно./ Даже и не сомневаюсь./ Но мне бы хотелось,/ чтобы когда я

3 6 5 \
обживусь вот здесь/, пирогов напеку,/ чтоб вы пришли.

- Ну мы придём с удовольствием/ Ну мы едим много./ Нас команда/ большая.
- х2 Господи!/ Так это ж хорошо!
- Ну хорошо./ Ловим вас на слове/в гости придём./ А вам желаем здоровья/ и хорошо себя здесь чувствовать/ на этой вашей кухне.
- Спасибо, спасибо,/ спасибо вам/ не знаю какое.
- Спасибо вам огромное.

Этот текст, содержащий каскады коммуникативных средств, часто контрастных по сферам использования, буквально пронизан использованием *нет* в значении возвращения к варианту, отклоняющегося от нормы в позитивную сторону.

Вспомним примеры,

- Ребята!/ Именины сердца!/ Ох!/ Боже мой! Нет,/сказка/ венского леса!/ Сказка!/ Не верю даже,/ что это моё.

Отражение позитивного впечатления такими единицами, как *ИК-5* с параметром высокой степени, в данном случае, бенефактивности, *ой* со значением неготовности к такого рода изменениям, *Боже мой* в реализации сокращения дистанции между говорящим желаемым объектом завершается коммуникативным *нет*, маркирующим возвращение к высказанной позитивной оценке и принятие бенефактивного варианта. Однако столь близкое соседство средств вовсе не обязательно.

В следующем высказывании мы видим, казалось бы, алогичное сочетание средств, впрочем с абсолютным согласованием их семантических реализаций.

- Видите потолок-то какой у вас:/ ромашки/ да бабочки..
- Ви жу. /Да./ Нет,/ну вообще, конечно./ Надо привыкать!/ Такое ещё пока чужое.

Если *да* говорит об адекватности реализованного варианта позиции говорящей, то *нет* в очередной раз маркирует возвращение к воспринятому бенефактивному варианту, отклонившемуся от нормы, и принятие его. Следующее за *нет ну* вводит реализацию несоответствия ожидаемому, *вообще* говорит о резком позитивном сломе нормы, *конечно* об отклонении от нормы.

- Нет,/ роскошно, конечно./ Здравствуй кухня// незнакомая!!!
- Да!

- ¹ Нет, конечно. / ² Интересно очень.

Очередное *нет*, композиционно продолжая прежнюю линию принятия очередного бенефактивного отклонения от нормы, семантически осложняется некоторым небенефактивным аспектом восприятия ситуации (непривычно), впрочем вполне преодолимым.

- Ну я думаю до сто лет/ ещё мне десять лет/ я буду осваивать./ ² Боже!/и
² часы!/ ² Нет,/ конечно, мне надо на знакомство/ ² неделю.

(аналогично)

В следующей реплике мы опять видим согласование реализаций казалось бы контрастных *да и нет*. На этом этапе осмысления ситуации *да* говорит об адекватности развития ситуации позиции говорящей, *нет* о принятии варианта, отклонившегося от нормы в бенефактивную сторону.

- ¹ Да.

-... что эта кухня/ она вам/ ² подходит./ Она вам ¹ соответствует.

- ² Вполне,/ ² вполне.

- Она такая ⁶ весенняя,/ ⁶ молодая ⁶ какая-то,/ ⁶ светлая.

- ¹ Да, ¹ хорошо./ ^{2\} Нет,/ ^{2\} хорошо!/² Ничего сказать не могу./ ⁶ Даже/я вот
¹ удивляюсь,/за что ⁶ мне ² такой ² подарок.

В этом тексте *нет* выступает и в других реализациях, но даже в реализации исключения варианта собеседника, не противоречит позитивному настрою.

- Ну не раздражает так.../ Как вообще ⁴ ощущения?

- ¹ Нет, ¹ нет, ¹ нет, ¹ нет./ ² Спокойно очень./ ¹ Хорошо./ ¹ Светло./ ¹ Спокойно./ ³ То,/ ¹
что я ¹ хотелось.

И лишь в одном фрагменте текста мы видим активное неприятие говорящей предложения дизайнеров – посудомоечной машины, что вызывает реализацию *нет*, исключаящую небенефактивный вариант, и поддерживается во втором случае *повтором* с параметрами прекращения небенефактивного воздействия на говорящую.

Таким образом, в реализации возвращения к варианту, нарушившему норму в небенефактивном или, как в данном случае, в бенефактивном аспекте, русское *нет* является композиционным показателем эмоционального состояния говорящего на значительном отрезке звучащего текста.

Впрочем реализация возвращения к ранее введённому варианту может относиться и к

непосредственно воспринимаемому процессу развития ситуации, что типично вызывает взаимодействие анализируемого средства с таким коммуникативным приёмом, как *повтор*. Это создаёт в конструкции эффект непосредственного слежения за ситуацией и отражения эмоционального состояния говорящего, апеллирующего к отклонению от нормы, как бенефактивному, так и небенефактивному (параметры *нет* и *повтора*). В этом случае типично использование и усеченного *не*, подчёркнуто апеллирующего к личной норме говорящего (слушающего, третьего лица). Эта реализация может активно использоваться в художественном тексте, создавая, например, комический эффект, впрочем полностью имитируя разговорную речь.

(Семейство Бутько из засады наблюдает над беспомощным в сельских условиях поведением городских родственников).

Злорадство.

- ²О!²О!²О!²О!²! Варюха!/ ⁶Сори!⁶сори,⁶ сори!⁶ (Смотри) ⁶Туристы-то наши ²забежали./
Засуетились. ¹Не,¹ не,¹ не,¹ не!¹ / ³А-ха!²То-то/⁴ А то, ¹ правда./ ³Приехали на всё
готовенькое. ¹Не,¹ не,¹ не,¹ не!¹ / ²Анат²олич/ на ²грядки/пошёл./ ¹Добытчик!/ ¹Куда ты
²смотришь?/ ²Вот!

- ²О!>/ ²Ой , /²мамочки!/ ²Куда!</ Он же мне все ²грядки вытопчет.

- Не переживай/² Как говорил Кутузов,/ ²лучше сего́дня отда́ть врагу́
³огород,/ ⁶чем завтра потерять всю ²Россию.

(т/с «Сваты3»)

Не выступает в реализации возвращения к только что воспринятому варианту развития ситуации, (активного наблюдения, "слежения" над страданиями городских родственников в сельской местности) и апелляции к личной норме говорящего и собеседников, столь резко расходящихся. При этом *повтор* в соответствии со своими инвариантными параметрами вводит реализацию воздействия на говорящего бенефактивного развития ситуации при явном небенефактивном воздействии развивающейся ситуации, отклоняющейся от нормы, на городских родственников. Отметим, что параметр личной сферы и бенефактивности объединяет такие присутствующие в тексте средства, как *то, вот, модальную 2Л, диминутив, правда, ой*, входящие в соответствующие поля.

Нет, взаимодействуя с повтором, может функционировать и в нарративных текстах, передавая возвращение третьего лица (говорящего, собеседника) к нарушенной, отвергнутой на определённом этапе норме или факту.

Нет, нет, да и закурит. Нет, нет, да и вздохнёт. Нет, нет. да вспомню.

В этом случае *нет* возвращает, отсылает к прежней норме третьего лица (в ряде случаев говорящего, собеседника), которая была исключена, отвергнута на определённом этапе; **повтор** вводит процесс воздействия на третье лицо прежней бенефактивной или небенефактивной нормы, **да** говорит о неадекватности поведения третьего лица существующей современной норме, **и** вводит параметр неаналогичности двух ситуаций.

Таким образом, русское *нет* способно функционировать и в диалоге, и в монологе; быть репликой – реакцией и отражать эмоциональное состояние говорящего; в одной и той же реализации держать эмоциональный настрой целого текста, передавать непосредственность реакции говорящего либо формировать нарративную коммуникативную конструкцию с воспроизводимым согласованием смыслов, связанную с воспоминанием о давно прошедшем.

Всё это позволяет рассматриваемой единице создавать разнообразные эстетические эффекты, например, актуализировать комизм ситуации, как в художественных, так и в разговорных текстах.

Выявление коммуникативных инвариантных параметров с присущими им семантическими реализациями позволяет не запомнить, а понять логику функционирования средств русской коммуникативной системы с, казалось бы крайне разнородным спектром значений в традиционном словарном описании.

В работе используется система интонационных единиц и транскрипция, предложенная Е.А.Брызгуновой.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е.А. Интонация и полифункциональные словоформы // Современный русский язык. М., Азбуковник, 1997.
- Брызгунова Е.А. Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке, М.: "Русский язык за рубежом", №1, 2, 1973, стр.74-84, 44-58.
- Брызгунова Е.А. // Русская грамматика. 1-2, 150-171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125-2127, 2223-2230, 2629- 2640, 3189-3194, М., 1980. 1981.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. // Избранные труды, исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка, М.: МГУ, 2002.
- Безяева М.Г. О номинативной мотивированности коммуникативных значений. // Вестник МГУ. 2005. №4. С.9-41
- Безяева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского *тут*. // Язык культура человек. М.: МГУ. 2008.
- Безяева М.Г. К Коммуникативное поле как единица языка и текста // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск XV. М., 2014.

**THE INVARIANT COMMUNICATIVE PARAMETERS OR RUSSIAN «HET»
(MATERIALS FOR DICTIONARY OF COMMUNICATIVE MEANS)**

Maria Bezyaeva

doct. Of Sci, Lomonosov MSU, Russia. Moscow

russlang@philol.msu.ru

The article is devoted to the existence of invariant parameters of different parts of speech, allowing them to act as a unified communicative units, subject to the algorithm deployment.

Keywords: communicative language level, invariant parameters of funds, the algorithm deployment.

О КОММУНИКАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ ДВУХ ДИАЛОГОВ В КИНО

(к/ф «Судьба человека» и «Мы из будущего»)

Коростелева Анна Александровна

кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
korosteleva.a@gmail.com

В статье прослеживается роль средств коммуникативного уровня русского языка в формировании семантики двух диалогов, объединенных культурно-исторической связью (кинофильмы «Судьба человека», 1959, и «Мы из будущего», 2008), в аспекте преподавания русского языка как иностранного. Показано, что важнейшие эстетически значимые смыслы прописываются в этих эпизодах на коммуникативном уровне (в первую очередь – при помощи частиц, междометий, интонационных средств и невербальных коммуникативных единиц), что делает их недоступными для понимания иностранных учащихся без обращения к семантическому коммуникативному анализу звучащего текста в учебной аудитории.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, эстетическая нагрузка коммуникативных средств, звучащий кинодиалог, стратегии коммуникативного поведения, русский язык как иностранный.

Применение метода семантического коммуникативного анализа, предложенного М.Г. Безяевой [Безяева 2002, 2005, 2012, 2013б, 2014], к преподаванию русского языка иностранцам представляет собой одно из перспективных современных направлений в РКИ.

Согласно базовым положениям метода, *коммуникативный уровень языка* представляет собой особую систему, противопоставленную *номинативному уровню*. В то время как семантика номинативного уровня связана со введением информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего, коммуникативная семантика связана с *соотношением позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации*.

Коммуникативный уровень русского языка объединяет чрезвычайно разнородные единицы – от *собственно коммуникативных* (наклонения, частицы, междометия, интонация, другие средства звучания, порядок слов) до *средств, способных выполнять наряду с коммуникативной и номинативную функцию* (словоформы полнозначных лексических единиц, части речи, грамматические категории). Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целеустановки, вариативного ряда структур*, ее выражающих, и *инвариантных параметров средств*, формирующих эти структуры.

В конструкции соединяются не базовые инварианты в своем «идеальном» виде, но их конкретные реализации, подчиненные особому *алгоритму развертывания параметров*. Большинство параметров русских средств обладает способностью к антонимическому развертыванию; кроме того, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции

говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, распределяться между ними и т.д. Возможно варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности.

Использование достижений семантического коммуникативного анализа в преподавании русского языка как иностранного ведет к знакомству учащихся с системой значений, описывающей соотношение позиций говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации. Очевидно, что это именно тот пласт значений, который в первую очередь должен вводиться на уроках РКИ и овладение которым устранил множество затруднений, традиционно испытываемых учащимися и касающихся как понимания ими русской речи, так и ее продуцирования.

Учитывая, что естественной средой бытования языка является звучащий диалог, чрезвычайно логично обучать иностранцев организации русского коммуникативного уровня именно на звучащем киноматериале в ходе киноуроков, что дает студентам возможность наблюдать русские коммуникативные средства в их естественном функционировании. Коммуникативные единицы, включенные в кинодиалог, получают в контексте фильма эстетическую нагрузку (во многом за счет этих средств создаются характеры персонажей и т.д.), что также говорит в пользу этого материала.

При анализе нами использованы разработанные М.Г. Безяевой инвариантные параметры средств коммуникативного уровня русского языка¹. В статье используется описание системы русской интонации, принадлежащее Е.А. Брызгуновой, а также разработанная ею усложненная интонационная транскрипция².

Идея связи времен в нашем кинематографе представлена в разных, иногда довольно неожиданных формах: несложно найти материал фильмов-римейков, напрямую копирующих сюжеты, обстоятельства и мизансцены из классического советского кино; другие, оригинальные способы обозначить связь с прошлым, разного рода не прямые отсылки к исторической памяти встречаются реже. При этом способ современных людей сказать, обращаясь к героям старых времен, «Мы – ваши наследники» может быть более или менее тонким и более или менее лингвистичным (что зависит от того, до какой степени на поставленную задачу работают языковые средства).

Знаменитая сцена из кинофильма «Судьба человека» (1959), в которой показан психологический поединок Андрея Соколова с комендантом немецкого трудового лагеря

¹ В данной работе мы опираемся на труды М.Г. Безяевой (см. [Безяева 2002, 2005, 2006, 2008*a, б*, 2010*a, б*, 2012, 2013*a, б*, 2014]), а также на курсы «Инвариантные параметры коммуникативных средств русского языка» и «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста», читавшиеся ею на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2006-2015 годах.

² См. [Брызгунова 1980–81]. Е.А. Брызгуновой принадлежат также первые образцы анализа интонационных средств в русском художественном тексте [Брызгунова 1984].

Мюллером, откликается эхом в 2008 году, спустя 50 лет, в спорном и тем не менее очень значимом фильме «Мы из будущего». Прямая реминисценция из «Судьбы человека» сводится к одной фразе Соколова, которую воспроизводит Сергей Филатов по прозвищу Борман (не дословно, а в той форме, в которой распространилась среди носителей языка данная киноцитата), – «После первой не закусываю». Однако в действительности параллели между старой военной драмой и кинокартиной о «черных копателях» более многочисленны. Перед нами два эпизода, объединенные сходством обстоятельств: герой в плену, он вынужден вести разговор с высоким немецким чином и за время разговора меняет отношение к себе немецкого офицера; в обоих случаях герой путем величайшего напряжения всех сил – душевных и физических – одерживает духовную победу. Еще одна деталь, связывающая два киноповествования, – и там, и там ключевым моментом сцены становится упоминание битвы за Сталинград.

В сцене из старого фильма Андрей Соколов может опираться только на себя, на свои внутренние силы. В отличие от него, Борман, явившийся из будущего, владеет информацией (в частности, он не верит, а просто знает, что война окончится нашей победой). Различаются также и образы немцев: твердолобый, лишенный эмоций Мюллер, заикливший на понятиях чести и доблести, – и думающий Бонхоф, приходящий по мере развития беседы все в большую и большую растерянность.

Начнем разбор с фильма 1959 года. Коммуникативные средства здесь используются очень скупо, но при всем коммуникативном минимализме этого отрывка прорисовка характеров идет во многом за счет данного аспекта, и разъяснить иностранным учащимся нюансы происходящего без обращения к анализу коммуникативной дорожки было бы затруднительно.

Андрей Соколов в процессе разговора как бы неприметно раскрепощается, медленно, постепенно появляется небольшое интонационное и жестовое разнообразие (в начале эпизода он держит руки по швам), его речь начинает окрашиваться различными оттенками смысла. Даже при этом используемых Соколовым коммуникативных средств очень мало, и они очень значимы.

Андрея Соколова вызывают к коменданту лагеря.

Соколов: Военнопленный Соколов Андрей по вашему приказанию, [γ]ерр лагерфюрер,
2
явился.

Мюллер: Так что же, / русс Иван, / четыре кубометра выработки – э[т⁵] мно го? 4⁷

Соколов: Так точно, [γ]ерр лагерфюрер, / мно го. 2 \ 2 \

Мюллер: А одного тебе на могилу / хватит? 2 ^ ^ 3

Соколов: Так точно, герр лагерфюрер, (кивает) вполне хватит //. Даже останется.

Мюллер: Я окажу тебе великую честь //. Сейчас я лично расстреляю тебя... за эти слова //. Здесь неудобно //. Пойдём во двор.

Соколов: Воля ваша.

Мюллер: Перед смертью... / выпей... / русс Иван //. За победу / германского оружия!

Соколов: Благодарствую... за угощение, / (пожимает плечами) но я непьющий.

Мюллер: Не хочешь пить... за нашу победу? // В таком случае... / выпей... / за свою погибель.

Соколов: За свою погибель... / и избавление от мук... / (кивает) я выпью //. (Пьёт). Я [γ]отов, [γ]ерр комендант, / пойдёте, / (машет рукой) распишете меня.

Мюллер: Да ты хоть... закуси... / перед смертью.

Соколов: Я после первого стакана... / не закусываю.

Мюллер (улыбается): Хм //. (Наливает второй стакан шнапса, Соколов пьёт). Ну закусывай //. Закусывай, / не стесняйся.

Соколов (улыбается): Извините, [γ]ерр комендант, но я и после второго... стакана («объяснительный» жест) не привык... закусывать. (Немцы смеются и аплодируют).

Мюллер: Хм. (Наливает третий стакан. Соколов выпивает и закусывает корочкой хлеба. Немцы начинают шуметь).

Немцы: Bravo! Bravo!

Мюллер: Ruhig! (Тихо!) // Вот что... / Соколов //. Ты настоящий русский солдат // Ты храбрый солдат // Я тоже солдат / и уважаю достойных противников // Стрелять я тебя не буду //. К тому же сегодня наши доблестные войска / вышли к Волге / и полностью овладели Сталинградом //. Это для нас / большая радость //. А потому я... / великодушно / дарю тебе жизнь //. Ступай в свой блок //. (Протягивает буханку хлеба и сало). Это тебе... / за смелость.

Голос Соколова-рассказчика за кадром: И на этот раз / смерть мимо меня прошла // . Только холодком от неё потянуло.

Соколов (входит с хлебом к себе в барак): Всем... поровну. (Теряет сознание).

В первых двух репликах Соколова используется только ИК-2 (в значении реализован именно этот вариант⁴), что придает ответам военную четкость, однако понятно, что это не простая солдатская привычка, а выбор, так как именно ИК-2, причем с резким падением тона, звучит в подтверждении позиции, за которую Соколову грозит немедленный расстрел (Так точно, ²[γ]err лагерфюрер, \ / ^{2\}много). Такое настаивание на введенном варианте там, где вполне оправдано было бы использование ИК-1, дает понять, что Андрей Соколов не просто обладает несгибаемым внутренним стержнем, но и рассматривает этот миг как миг напряжения всех внутренних сил, он настроен не поступиться ничем, не сломаться. Уже в третьей реплике русский солдат вводит в дополнение к ИК-2 ряд коммуникативных средств, свидетельствующих о его большом личном мужестве и несломленности:

- Так точно, ²герр лагерфюрер, \ (кивает) ^{∩2}вполне хватит // . Даже ^{1²}останется.

Модальная реализация ИК-∩2 со всплеском тона в предцентре использована здесь в значении говорящий уверен в сказанном, хотя у собеседника могли быть сомнения⁴, ИК-12 с удлинением гласного передает значение говорящий воздействует на слушающего в целях запечатлеть у него в сознании этот успокоительный факт⁴. К этому добавляется *кивок* в значении я солидаризуюсь со своей прежней позицией / с высказанным только что тобой предположением⁴.

Этот элемент интимизации, эти мирные, слегка небрежные интонации с оттенками смыслов, свойственными дружескому бытовому разговору, не соответствуют обстоятельствам, в которые они помещены. Говорящий держится так, как будто он ведет свободный разговор, без внешнего давления. Он словно бы игнорирует множество показателей угрозы в вопросах Мюллера (Так что ²же, / ³русс Иван (...): так – информация не соответствует представлению говорящего о норме, что будет иметь небенефактивные следствия для слушающего⁴, *что* – наблюдается отклонение от известной говорящему сложившейся нормы ситуации⁴, *же* – предстоит свершиться должному (пленный, который почему-то смеет рассуждать и мыслить, должен будет сейчас повторить дерзкое высказывание, в котором он уличен)⁴, ИК-4 – говорящий соотносит цитату, заключающую в себе позицию слушающего, со своей собственной позицией и маркирует дистанцию между ними⁴, ИК-7 (смычка голосовых связок) – расхождение позиций говорящего и слушающего⁴, ИК-2^{∧∧} (А ^{2∧∧}одного тебе на могилу / ³хватит?) – учти следствия из вводимой информации (этот один кубометр и будет выделен тебе на могилу)⁴.

Далее эффект интимизации, разговора «по-приятельски» (идуший вразрез

с номинативным наполнением реплик) будет только усиливаться:

3
- За свою погибель... / и избавление от мук... / (кивает) я выпью // . (Пьёт) .
6 \ ∩2 ∩1
Я [γ]отов, [γ]ерр комендант, / пойдёте, / (махнет рукой) распишете меня. 1²

(ИК-3 – говорящий сориентировался на подходящий, с его точки зрения, вариант; *кивок* – солидаризация с позицией адресата (твое предложение подходит); модальная реализация ИК-∩1 со всплеском тона в предцентре – сходство позиций говорящего и слушающего при фоновом расхождении: слушающий / третье лицо может предполагать, что я не соглашусь за это пить, но я соглашусь; модальная реализация ИК-∩2 – несмотря на то, что вам (и/или мне), возможно не хочется, я все-таки предлагаю это сделать; жест *махнуть рукой* – я отвлекаюсь сам и вам предлагаю отвлечься от возможных препятствий (от желания помедлить еще) во имя оговоренного прежде действия – пойти на расстрел).

Как видим, здесь множество параметров разворачивается по позиции говорящего и слушающего одновременно, что дает «объединяющий» эффект. Удивительной и совершенно неожиданной, сбивающей с толку немца оказывается способность русского военнопленного при сохранении полной официальности на номинативном уровне (использование формул «[имярек] по вашему приказанию явился», «так точно», обращений *герр комендант, герр лагерфюрер* и др.) очень скромными средствами языка настолько мощно сократить дистанцию между собой и собеседником, что, когда Соколов наклоняется к уху коменданта, прикрыв ладонью рот, чтобы сообщить, что он «и после второго стакана не привык закусывать», Мюллер подается ему навстречу как замороженный, как если бы и вправду ожидал услышать некую информацию «не для чужих ушей». Коммуникативная интимизация, неприметное и тонко выстроенное «уравнивание» собеседников оказывается тем психологическим оружием русского, которое заставляет немца – также незаметно для себя самого – отойти от введшегося в его разум представления о своем «превосходстве». То, что у Мюллера «сбивается внутренняя программа», очень хорошо показывает реплика:

3 1
- Да ты хоть... закуси... / перед смертью.

(*да* – говорящий маркирует неадекватность ситуации его представлениям; ИК-3 – я хочу сориентировать тебя на норму в данной ситуации и одновременно – я сам пытаюсь сориентироваться на норму твоего поведения – и не могу (отсюда – оттенок удивления); *хоть* – рекомендуемое поведение (закусить) окажет некоторое небольшое бенефактивное влияние на ситуацию (все-таки последнее маленькое удовольствие в жизни) при негативном отношении говорящего к отказу слушающего реализовать это поведение).

Такое стечение коммуникативных параметров очень показательно: Мюллер, едва ли сам осознавая это, начинает реагировать на позицию русского солдата, анализировать эту

позицию, пытаться соотнести ее с ситуацией, со своим опытом и представлениями и так далее. До этого Мюллер, как казалось ему, все время очень хорошо понимал психологию собеседника, ход его мысли, движения души, и не без самолюбования демонстрировал это:

- Не хочешь пить... за нашу победу?

ИК-2 здесь используется в значении реализован именно этот вариант (из ряда возможных обоснований отказа верно именно сформулированное мной)¹. Таким образом, здесь на месте потенциального вопроса представлена констатация факта. Мюллер мог бы гордиться своей проницательностью, когда Соколов действительно принял от него стакан, но развитие событий озадачивает немца всё больше и больше. После обоих разъяснений Соколова относительно привычки не закусывать Мюллер вводит структуру X_M ¹ (оба раза – в значении говорящий, пропуская информацию через свои знания о мире и об этой конкретной ситуации, оценивает личность собеседника и его позицию и делает выводы относительно собственной дальнейшей стратегии поведения¹. Соколов вынуждает Мюллера присматриваться, взвешивать, сопоставлять, соотносить что-то – словом, сойти с пьедестала сверхчеловека, на который комендант сам себя помещает в начале разговора. Когда пьедестал уже основательно расшатан, следует резюме Мюллера:

- Вот что... / Соколов // . Ты настоящий русский солдат.

(*вот* – сейчас будет реализован вариант, соответствующий моим (и твоим) целям¹; ИК-2 – данный вариант будет реализован на фоне всех прочих возможных вариантов и в отличие от них¹; *что* – знание говорящим ситуации, в том числе сложившейся нормы ситуации (когда встречаешь достойного противника, необходимо вести себя благородно)¹; модальная реализация ИК-2^{^^} с сильными колебаниями тона в постцентре – говорящий учел следствия из полученной информации, каковой явилось все поведение Соколова, и делает вывод¹). Использование настоящей фамилии Андрея Соколова вместо принятого у Мюллера насмешливого унифицирующего обращения «русс Иван» одновременно и сокращает дистанцию между собеседниками (до этого немец не показывал, что имя русского для него настолько значимо, чтобы запомнить его и держать в голове), и придает вводимой информации некоторую торжественность.

Отметим, что без анализа встретившихся нам собственно коммуникативных средств описать настоящую причину перелома ситуации в этом противостоянии довольно сложно; можно заметить, что Андрей Соколов смело держался, не выказал страха, поразил немцев своей стойкостью и т.п., однако все это – лишь поверхностная оценка показанного на экране. Подлинный ответ на вопрос о том, что именно произошло, кроется в значениях и оттенках

значений используемых в этой беседе коммуникативных единиц языка.

Обратимся к эпизоду из фильма «Мы из будущего» (2008), который сложным образом коррелирует с разобранной выше сценой. С первых реплик понятно, как для героя из будущего, попавшего вдруг в каноническую ситуацию допроса пленных, выглядит его задача: сказать в разговоре все, что необходимо, все то, чего солдаты Великой Отечественной сказать не могли или не имели возможности, *договорить за них, от их имени*, и сказать это так, как должно. Заметим, что длительную беседу с глазу на глаз здесь инициирует русский – первоначально она не входила в намерения полковника Бонхофа.

Курт Бонхоф: Утром / вас расстреляют // . Во имя победы великой / Германии.

Борман: Deutschland wird nicht siegen. (Германия не победит).

Немецкий лейтенант: Was erlaubst du dir? (Что ты себе позволяешь!)

Курт Бонхоф: Lassen einlich. (Оставь его). Русский солдат-/патриот // . Красиво...

/ но скучно // . А кто победит?

Борман: Советский Союз // . В мае сорок пятого // . Полковник! // В сорок третьем

году вы попадёте в плен // . Но в сорок восьмом году вы вернётесь в Германию / и станете крупным... историком.

Курт Бонхоф: Сумасшедший.

Борман: Вы напишете книгу о Второй Мировой войне... / и получите престижную премию в области литературы.

Курт Бонхоф: Это бред.

Борман: В своей книге / напишете / о том, что после того как вы... / допросили здесь советских разведчиков, / вас вызовут в Берлин / для получения боевого..

ордена // . Господин полковник / Курт / → Бонхоф // . И сюда вы больше / не / вернётесь.

Курт Бонхоф: Woher kann er das wissen? (Откуда он это знает?) (Лейтенант пожимает плечами). Lieutenant, die anderen abführen. (Лейтенант, остальных увести).

Лейтенант: Jawohl! (Есть!)

Курт Бонхоф: Müssen wir unter vier Augen sprechen. (Нам надо поговорить с глазу на глаз).

Лейтенант: Вы, / трое! // За мной! // Wache! (Охрана!)

Курт Бонхоф: Кто подпишет... капитуляцию?

Борман: Со стороны Советского Союза - / маршал Жуков, / со стороны США - / генерал Паттон, / со стороны Франции...

Курт Бонхоф: Что? // Франция? // И эти трусливые полужиды... / тоже нас

3
победили?

Борман: Конечно // . Она же входит в антигитлеровскую коалицию.

Бонхоф наливает Борману стакан шнапса.

Курт Бонхоф: Пей // . Ты храбрый солдат // . (Борман выпивает) . Ешь .

Борман: После первой... / не закусываю. (Бонхоф наливает второй стакан) .

Курт Бонхоф: А фюрер?

Борман: Да застрелится ваш фюрер // . В подвале рейхсканцелярии.

Курт Бонхоф: Как это может произойти? // Как вы можете нас победить? // Ты, // щенок! // Ты представляешь себе, / что такое германская / военная / машина? // Майнштайн, / Гудериан, / Паулюс, / фон Кляйст!

Борман: Здесь, / в Сталинграде, / с осени сорок второго года / по январь сорок третьего / пройдут... / крупные бои, в которых ваш хваленый Паулюс окажется в плотном кольце / и попадёт в плен // . (Двигается вдоль карты) . А мы, в свою очередь... начиная с волжской воды, / пойдём наступать, / и потихонечку, / потихонечку, / потихонечку / пойдём... / на Берлин.

Борман, он же Сергей Филатов, начинает разговор по-немецки (несмотря на то, что Курт Бонхоф обращается к пленным на русском языке), и в этом видится некий «ответ» «Судьбе человека», где комендант лагеря Мюллер прекрасно говорил по-русски. Затем противостояние русского историка и немецкого полковника разворачивается быстро и предельно просто оформляется интонационно – каждый из них настаивает на вводимом им варианте (значение ИК-2): только у Бормана это – перспективы развития ситуации, хорошо известные ему из будущего (Советский Союз // . В мае сорок пятого; В сорок третьем году вы попадёте в плен; ...получите престижную премию в области литературы), а у Бонхофа – оценка позиции собеседника (Сумасшедший; Это бред). Борман говорит о несостоявшихся еще событиях как о фактах; вначале он отчеканивает этот ряд данных, не привнося интонационно никаких дополнительных смыслов, однако по мере перечисления исторических фактов успокаивается (ИК-2 в его речи дважды вытесняется ИК-1 со значением «я ввожу информацию, находящуюся в пределах нормы») и начинает варьировать интонационное оформление. В речи его появляются признаки легкого браваживания своим знанием:

- Господин полковник / Курт / → Бонхоф.

(ИК-6 и движение тона по типу ИК-6 – «я ввожу известную мне информацию, относительно

которой ты полагал, будто она мне неизвестна'; отодвинутые назад гласные в имени Бонхоф – 'я придаю особую значимость этой информации, советую вам обратить на нее внимание').

- И сюда ³ вы больше / ⁶ не / ² вернётесь.

(ослабленная ИК-3 – 'ориентируйтесь на мое дальнейшее повествование, оно вас заинтересует'; ИК-6 – 'я ввожу информацию, скрытую пока от вас, зато известную мне').

В данном случае немецкий офицер, в отличие от солдафона Мюллера, тоже историк: помимо того что ему кажется пугающей непонятная осведомленность русского пленного (например, о его имени или о склонности его к составлению исторических записок – возможно, часть мемуаров Бонхофа уже существует в черновиках), его как историка вообще задевают, по-видимому, некоторые детали и подробности хода будущих событий в изложении Бормана. Благодаря этому между ними длится довольно странная беседа, в процессе которой Курт Бонхоф начинает возражать Борману так, как если бы русский сообщал ему сведения бесспорные (хотя и возмутительные) – такие, от которых никак нельзя отмахнуться. Позиции собеседников довольно быстро распределяются таким образом, что на стороне Бормана оказывается компетентность, заслуживающее доверия знание (негласно признаваемое немцем), а на стороне Курта Бонхофа – в основном эмоции и эмоциональные аргументы. Вначале в речи Бонхофа сквозит еще легкое недоверие:

- Кто ^{2^^} подпишет... капитуляцию?

(модальная реализация ИК-2^^ – 'учти следствия из вводимой информации: я задал тебе непростой вопрос, и ты попадешься в ловушку и как-нибудь выдашь, что не всезнающ').

Однако недоверие быстро сменяется реакцией чистого возмущения (а залогом появления этой целеустановки является принятие слов собеседника за истину):

Борман: Со стороны Советского Союза – / ⁶ маршал Жуков, / ¹ со стороны США – / ⁶ генерал Паттон, / ¹ со стороны Франции...

Курт Бонхоф: ⁷ Что? // ^{3\\} Франция? // И эти ⁶ трусливые ^{\\} полужиды... / ³ тоже нас победили?

Борман: ² Конечно // ² . Она же входит в антигитлеровскую коалицию.

Бонхоф использует целый ряд единиц, работающих на искреннее возмущение (в высказывании есть и оттенок презрения, но оно адресовано не собеседнику, а французам): *что* – 'резкий отход от известной говорящему сложившейся нормы ситуации: французы не умеют воевать'; ИК-7 – 'радикальное расхождение позиции говорящего с воспринятой им только что позицией слушающего'; модальная реализация ИК-3\\ – 'слом нормы (Франция, с

точки зрения говорящего, – последняя страна, которая могла бы войти в этот ряд)‘; *и* – нарушение нормы предполагаемого‘; *эти* – недолжная качественная характеристика объекта (французы отнюдь не победители)‘; ИК-3 – не могу сориентироваться на описанное положение дел‘). Заметим, что при все своем возмущении Бонхоф говорит о победе над Германией как о свершившемся факте.

В отличие от чем дальше, тем больше распяляющегося собеседника, Борман, напротив, постепенно обретает спокойствие и некую развязность, которая в большей степени, чем даже содержание реплик, выдает в нем пришельца из XXI века (*конечно* – указание на предварительно известную норму: Францию не могли не включить в список стран-победителей, так как она входила в число союзников‘; *же* – слушающий сам должен был это сообразить, но почему-то не сообразил‘). Апофеозом этой развязности становится его ответ Бонхофу о будущем фюрера.

Бонхоф наливает Борману стакан шнапса.

Курт Бонхоф: ²Пей // . Ты ²храбрый солдат // . (*Борман выпивает*) . ³Ешь .

Борман: ⁶После ²первой... / не ²закусываю . (*Бонхоф наливает второй стакан*) .

Курт Бонхоф: ³А ³фюрер?

Борман: ¹Да ²застрелится ¹ваш ¹фюрер // . В ¹подвале ¹рейхсканцелярии .

Реплика Бонхофа, предлагающего угощение, является сжатой реминисценцией слов Мюллера, обращенных к Андрею Соколову в «Судьбе человека». Тогда как Бонхоф проживает эту ситуацию впервые, для Бормана вся сцена по понятным причинам оказывается отмечена вторичностью (немецкий офицер подносит русскому военнопленному стакан водки и предлагает пить и закусывать – это «Судьба человека»). Сходство двух ситуаций запускает в сознании Бормана механизм, диктующий ему тактику дальнейшего поведения. Подражая ответу Андрея Соколова (*я после первого стакана... / не закусываю*), Борман повторяет его не слово в слово, а в том виде, в котором он закрепился в современной русской речи, войдя в золотой фонд русских крылатых выражений, однако интонационный рисунок 6 / 2 с паузой он воспроизводит идеально (*После первой... / не закусываю*). В следующей его реплике о судьбе Гитлера не сформированы ни вызов, ни злорадство, ни презрение – только безразличие и пренебрежение (начальное *да* – твоя позиция неадекватна реальности: никого не интересует судьба фюрера (во-первых, она всем известна, во-вторых, он сам по себе ничтожен)‘; ИК-1² – будет реализован именно этот вариант (ИК-2), причем все сказанное

находится в пределах нормы (ИК-1)'; *ваш* – маркируется расхождение сферы интересов говорящего и слушающего (личность Гитлера, так остро интересующая слушающего, для говорящего лишена всякой значимости)'.

Наконец, последний взрыв возмущения немецкого полковника вызывает к жизни финальную тираду Бормана, которая по мере опьянения дается ему все труднее, но которую он тем не менее завершает с достоинством:

Курт Бонхоф: Как это может произойти? // Как вы можете нас победить? // Ты, // щенок! // Ты представляешь себе, / что такое германская / военная / машина? // Майнштайн, / Гудериан, / Паулюс, / фон Кляйст!

Борман: Здесь, / в Сталинграде, / с осени сорок второго года / по январь сорок третьего / пройдут... / крупные бои, в которых ваш хваленый Паулюс окажется в плотном кольце / и попадет в плен // . (Двигается вдоль карты). А мы, в свою очередь... начиная с волжской воды, / пойдём наступать, / и потихонечку, / потихонечку, / потихонечку / пойдём... / на Берлин.

Здесь требует комментария в первую очередь яркое интонационное противопоставление двух позиций. Ключевыми для Курта Бонхофа оказываются ИК-2 (не

может быть реализован такой вариант' – Как это может произойти? // Как вы можете нас победить? / вот такой реализован вариант' – Майнштайн, / Гудериан, / Паулюс, / фон

Кляйст!), ИК-6 (я не представляю этого, от меня скрыта эта информация' – Как вы можете

нас победить? / ты не представляешь себе, о чем говоришь: за моими словами стоит

колоссальное количество скрытой от тебя информации' – ...что такое германская / военная /

машина) и, наконец, единожды употребленная им ИК-3 (я хочу сориентироваться на твою

позицию, понять, откуда у тебя такая самоуверенность' – Ты представляешь себе...?). Из этого

видно, что перед нами последний отчаянный эмоциональный всплеск на фоне полной

(почему-то) веры в справедливость сказанного загадочным русским пленным (дважды

повторенное начальное *как* – у говорящего нет представления о том, каким образом

реализуется такой вариант развития ситуации'; при этом показателей сомнения в том, что он каким-то образом реализуется, нет).

Борман, напротив, окончательно переходит на базовую ИК-1 (всё, что я говорю,

находится в пределах нормы'), а ИК-3 использует в реализации «ориентируйся на реальное положение дел, на то, что для моего социума является нормой». Действительно, в том мире, из которого Борман попал в прошлое, все эти сухие факты являются общеизвестной нормой, элементарным объединяющим всех знанием. Для Курта Бонхофа такое звучание должно выглядеть пугающе: ведь он не понимает, где этот социум (общество будущего) и откуда собеседник черпает силы и непреходящую уверенность в истинности своего знания.

Особого внимания заслуживает последняя фраза эпизода, которую Борман выговаривает с особенно большим трудом и преувеличенно тщательно (в силу наступившего опьянения), продвигаясь вдоль карты военных действий и при этом, с одной стороны, действительно показывая будущее перемещение линии фронта, с другой же – преодолевая головокружение и держась за стену, чтобы не упасть (А мы, в свою очередь... начиная с волжской воды, / пойдём наступать, / и по тихонечку, / потихонечку, / потихонечку / пойдём... / на Берлин). Здесь начальное *a* означает «хочу ввести вас в новую для вас ситуацию», ИК-6 – «сейчас будет введена информация, хорошо известная мне и пока неизвестная вам», ИК-1 – «то, что мы начнем наступление, – это факт в пределах нормы для меня», *по-* в *пойдем* – «проойдет перелом в обстоятельствах – от небенефактивных к бенефактивным для нас и наоборот – для вас», *и* – «маркируется развитие ситуации в соответствии с предполагаемым: после Сталинградской битвы уже можно будет предположить, что война окончится нашей победой». *По-* в *потихонечку* означает постепенный сдвиг ситуации от небенефактивной к бенефактивной (то есть «постепенно сдвигая ситуацию в сторону бенефактивной для нас, мы пойдём на Берлин»).

Разнообразно интонируемое *потихонечку* относится одновременно к двум планам: к будущему продвижению советских войск на запад и к продвижению вдоль карты самого Бормана, едва стоящего на ногах, но собравшего остатки сил, чтобы с честью завершить речь. Интонация первого *потихонечку* (движение тона по типу ИК-6, затем – ИК-1²) содержит указание на неизвестность впереди (ИК-6), а затем на реализованный вариант (ИК-2), лежащий в пределах нормы (ИК-1). ИК-4 (с параметром соотношения, сопоставления) на втором *потихонечку* дает понять, что говорящий осторожно соотносит свои возможности с необходимостью дальнейшего продвижения вперед. Третье *потихонечку* победно произносится с ИК-6 («впереди открывается известная мне перспектива – пока ее суть не раскрыта, но вскоре главное будет названо»). К этому времени Борман добрался до нужной ему части карты, повторив при этом путь наступления советских войск. Наконец, смысл звучащего оформления слов *на Берлин* и истолковывается как «ориентируйся на очевидное

для меня, на норму нашего социума, то есть социума будущего (ИК-3): будет реализован именно этот вариант (оттенок ИК-2)‘.

Таким образом потомок, пришедший из будущего, завершает спор, начатый в прошлом: у Андрея Соколова не было возможности возразить Мюллеру, заявлявшему, что фашистские «доблестные войска вышли к Волге и полностью овладели Сталинградом», однако его соотечественник из будущего с наслаждением и со знанием дела расправляется с этой неправдой.

ЛИТЕРАТУРА

- Безяева М.Г. Инвариантные коммуникативные параметры русского вон (материалы к словарю коммуникативных средств)// Язык, культура, коммуникация. М., 2013а.
- Безяева М.Г. Коммуникативная семантика звучащего художественного текста// IV Международный конгресс «Русский язык. Исторические судьбы и современность». М., 2010а.
- Безяева М.Г. Коммуникативная семантика как объект филологического исследования// Филология вечная и молодая. М., 2012.
- Безяева М.Г. Коммуникативное поле как единица языка и текста// Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014.
- Безяева М.Г. О знаковой природе звучащих средств коммуникативного уровня. ИК-7. Материалы к словарю коммуникативных средств// Теория и практика изучения звучащей речи. Вильнюс, 2006.
- Безяева М.Г. О коммуникативных параметрах сакральных единиц русского языка (Господи, Боже). Материалы к словарю коммуникативных средств// Слово, Грамматика Речь. Вып.10. М., 2008а.
- Безяева М.Г. О номинативном и коммуникативном в значении слова. На примере русского «тут»// Язык, культура, человек. М., 2008б.
- Безяева М.Г. О семантических основаниях коммуникативной моды// Вопросы русского языкознания. Выпуск 13. Фонетика и грамматика. Настоящее, прошедшее, будущее. М., 2010б.
- Безяева М.Г. О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта)// Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. №2, 2013б.
- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
- Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия)// Слово. Грамматика. Речь. Вып.VII. М., 2005.
- Брызгунова Е.А. Интонация// Русская грамматика. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982.
- Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
- Коростелева А.А. Диалогизация монологической речи в процессе создания образа (К.Ю. Хабенский в —Утлой охоте”)// Язык, литература, культура. Вып. 6. М., 2010.
- Коростелева А.А. О возможностях русских коммуникативных средств при создании принципиально противоположных образов в кино (коммуникативное противопоставление персонажей в к/с «Небесный суд»)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIV. М., 2013.
- Коростелева А.А. О введении семантических параметров коммуникативных единиц при обучении РКИ на начальном этапе// Язык, литература, культура. Вып. 8. М., 2012.
- Коростелева А.А. О применении метода семантического коммуникативного анализа к описанию невербальных средств языка в преподавании РКИ// Русский язык @Литература @Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: III Международная научно-практическая интернет-конференция... Труды и материалы. М., 2011а.

Коростелева А.А. Об одном из приемов преподавания коммуникативной системы русского языка в иностранной аудитории (переводы зарубежных фильмов)// Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 7. М., 2011б.

ON THE COMMUNICATIVE SEMANTICS OF TWO MOVIE DIALOGUES ("DESTINY OF A MAN" & "BLACK HUNTERS")

Anna Korosteleva

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

korosteleva.a@gmail.com

The article describes the role of Russian language communicative level means in semantics formation of two dialogues, jointed by cultural & historical bond (the movies —"Destiny of a Man", 1959 and —"Black Hunters", 2008) in the aspect of teaching Russian as foreign language. It shows that in these episodes the most important aesthetically meaningful points are shown on the communicative level. Foremost, it is done with the help of particles, interjections, intonation and non-verbal communicative means and cannot be fully mastered by the foreign students without having made a full semantic communicative analysis of a spoken text in a class.

Keywords: communicative semantics, aesthetic function of communicative means, spoken film dialogue, strategies of communicative behaviour, Russian as a foreign language

ФОНЕТИКА И ИНТОНАЦИЯ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА И ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ ЕГО НОСИТЕЛЕЙ

Акишина Елена Олеговна

*старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
rkinature@cs.msu.ru

Рождественская Ольга Васильевна

*специалист по учебно-методической работе кафедры русского языка для иностранных
учащихся естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*
olga-rojdestvenskaya@yandex.ru

Рассматривается интерферирующее влияние фонетической системы родного языка на русское произношение носителей японского языка и дается вариант последовательности приемов, имеющих целью перенастроить произношение учащихся в соответствии с правилами русской фонетики.

Ключевые слова: фонетика, произношение, артикуляционные зоны, глухие и звонкие согласные, твердые и мягкие согласные, интонационные конструкции, интонационный центр.

При обучении звучащей речи особую трудность представляет интерференция фонетической системы и особенности артикуляционной базы родного языка учащихся. В связи с этим, говоря об обучении русскому языку японцев, необходим учет различного расположения и различной нагрузки зон артикуляции в русском и японском языках, рассмотрение функциональных и произносительных ошибок носителей.

Известно, что при обучении взрослых учащихся необходимо все учебные действия довести до их сознания. Так, объясняя артикуляцию звуков, мы опираемся на зрительную модель – схему речевых органов, предварительно проиллюстрировав все ее детали.

Если объяснение звука с опорой на схему речевых органов невозможно, используются так называемые звуки-помощники, например звук [ы], который отсутствует в японском языке, следует поместить после [к], артикуляция которого вызовет нужное положение языка.

Нагруженность зон артикуляции в русском и японском языках различна.

В губной зоне для японцев характерно смешение пар согласных [б] – [в] и [п] – [ф]. Губно-зубные щелевые [в], [в'] японцы заменяют губно-губными щелевыми или губно-губными взрывными, например, был – [п]ил, удобнее – удо[в]нее, братъ – врач и т.п.

Эти ошибки объясняются тем, что в японском языке, по сравнению с русским, звук [b] более слабый и отличается от соответствующего русского ослабленной смычкой и неполной

звонкостью. Японский звук [b] напоминает нечто среднее между русскими [б] и [в] при ослабленном мускульном напряжении, что делает его более глухим, чем он должен быть, поэтому очевидна разница образования звуков в артикуляторном аппарате. Русский [б] – звонкий, губно-губной, образуется при плотной смычке губ. Типичная ошибка японцев – отсутствие плотной смычки губ, губы пассивны, воздух не разрывает губную смычку, а пассивно проходит между губами, поэтому звук получается слабый, нечеткий, похожий на выдох.

Кроме того, у носителей японского языка наблюдается смешение звуков [м] – [н] в конце слова после гласного или после гласного перед согласным. Это может быть обусловлено тем, что знак каны *h*[n] перед звуками [п], [б], [м] читается как [м]. Таким образом, словосочетание «он был» будет звучать как [ом бил]

Наблюдается неразличение [ф] – [х] (например, отдых – [отдыф]), так как японские заднеязычные звуки расположены глубже аналогичных русских звуков [к], [г], [х]. Звук [х] обычно заменяется фарингальным, звучание которого похоже на выдох: нахо'дится – на'одится. Чтобы сделать произношение более «передним», необходимо использовать противопоставление [хи – хы].

Русские переднеязычные [т], [д], [н] имеют дорсальное произношение; японские – апикальные, что также легко объяснить при помощи схемы.

Согласные [щ], [ж] в японском языке отсутствуют. Необходимо использовать схему речевых органов. Для выработки произношения [щ] можно использовать артикуляцию [и] после [ш]: и-ши-щи-ищи.

Звук [ж] – произносится так же, как [ш], только с голосом. Если положить руку на горло, чувствуется вибрация (ощутимый момент).

В японском языке отсутствует различение фонем [л] и [р]: дело – [дера], ладно – [радно]. Происхождение этой ошибки объясняется отсутствием отдельных фонем [л] и [р] в японском языке, два этих звука как бы слиты в один, близкий к одноударному [р] (соответственно в паре мягких звуков). Таким образом, слова «рубль» и «люблю» будут звучать практически одинаково - [рубуру] и [рубурью]. При постановке звуков [л] и [р] необходимо использовать схему речевых органов. Работая над произношением [л], возможно форсировать произнесение звука [л], фиксируя при этом кончик языка зубами. При отработке звука [р], полезно использовать схему речевых органов и звуки-помощники [т], [д] и [з]: [т...ра – д...ра – з...ра].

Для японской фонетики характерно смешение переднеязычных звонких [д] – [з] – [д'] – [з']; замена [ж] аффрикатой [дж] (в мягком варианте), например, *жизнь* – *джизинь*. После объяснения артикуляции (с опорой на схему) следует дать упражнение на

противопоставление этих звуков.

Звук [т] перед гласным «и» читается как [ʧi], например, *тихо* - [ʧiɦa]. Кроме того, наблюдается смешение переднеязычных [т'] – [ч'] – [ц], [с] – [ш], [з] – [ж]. Твердые [ш] и [ж] заменяются мягкими, вместо звуков [ш] и [с'] японцы произносят переднеязычный щелевой мягкий глухой согласный, средний между [ш] и [с'], например, в словах [с→ш]есть, [ж→з]енщина. Решая эти проблемы произношения, мы используем объяснение артикуляции, то есть схему речевых органов и различные упражнения на противопоставление.

В области гласных наибольшие трудности у японцев вызывают гласный «ы» (он отсутствует в японском языке), а также гласные «о» и «у». Артикуляция гласных «о» и «у» в японском языке очень близка и раствор рта почти не отличается, что приводит к их смешению, поэтому, после их постановки, необходимо найти показатель, который поможет закрепить различие в их артикуляции. Например: при помощи графической модели, демонстрирующей раствор рта при произнесении этих гласных (большой круг – «о», маленький – «у») или предложить учащимся приложить палец к подбородку – при произнесении гласного «у» подбородок «уходит».

Приступая к работе над артикуляцией звуков, необходимо приучить учащихся к русским произносительным движениям. Для этого существуют разного рода предпостановочные упражнения. Данные упражнения учащиеся должны выполнять молча и обязательно вместе с преподавателем, привыкая контролировать себя (например, б – в – в – б).

Для постановки мягких звуков необходимо отработать движение всего тела языка вперед–назад (противопоставление [и–ы]).

Подготовкой произнесения русских звонких согласных можно считать слитное произношение глухих и звонких фрикативных [ф – в – ф – в – ф].

Имея представление о речевых органах и привыкнув к русским произносительным движениям, учащийся сможет понять объяснение артикуляции (объясняются обычно только те движения и положения произносительных органов, которые учащийся может почувствовать – осязаемые моменты по Е.А.Брызгуновой).

Для того чтобы научить говорить на иностранном языке, следует научить учащихся не только произносить звуки, но и слышать их, так как известно, что, если в языке учащегося отсутствует определенное противопоставление звуков, то он не сможет различать их на слух, то есть необходимо развивать фонетический слух, параллельно включая тактильные и зрительный анализаторы.

Переходя от звуков и слогов к слову, сразу встает проблема – ударение. В русском языке ударение динамическое, оно характеризуется мышечным усилением, повышением частоты тона и увеличением длительности звучания ударного гласного, а в японском языке ударение

музыкальное, характеризующееся только частотой основного тона; в русском языке только один ударный гласный, а в японском языке «ударение» может распространяться на несколько слогов. Кроме того, звук [n] в японском языке является слогаобразующим, то есть, подобно гласному, может иметь самостоятельный тон (например, まん[man] МАН – 10000, すん[sun] СУН – японская мера длины, равная 3,03см).

В области ритмики слова наблюдается резкое нарушение принципов распределения длительности, интенсивности и мускульной напряженности между гласными ударного и безударных слогов. В силу этих особенностей, при постановке ударения нужно поставить динамику и научить учащегося слышать динамически выделенный слог.

В японском слове все слоги произносятся одинаково четко. В русском произношении японцев отсутствует ослабление напряженности в безударных слогах и свойственная русскому произношению качественная редукция гласных. Кроме того, жесткая структура японского слога и тенденция к его открытости во многих случаях исключает возможность многоконсонантных сочетаний, например: *В каком смысле? [Фу каком смысле?]*. Более точная транскрипция японского произношения выглядела бы следующим образом: *[Фу каком сумисули?]*, но дело в том, что японский редуцированный [y] русские не слышат, поэтому особого внимания это не требует. Очевидно, что необходимы упражнения на развитие фонетического слуха, на отработку произношения редуцированных гласных в безударных слогах.

Как уже было сказано выше, структура слога в японском языке не допускает консонантных сочетаний. Это приводит к появлению гласных-вставок (книга – кунига) или, наоборот, полному выпадению соответствующих гласных. Например, слова *совет* и *свет*, *долг* и *долг* произносятся японскими учащимися одинаково.

Обучение ритмической организации слова направлено на выработку правильного ударения, на умение редуцировать гласные в безударном положении, что не характерно для японской речи.

Часто используется приём «простукивания» ритмических моделей или «пропевания» для правильного ударения и редукции. Кроме того, разницу между ударным и безударным слогом можно показать, сжимая и разжимая руки.

Отработка типов русских интонационных конструкций.

Японцы заменяют интонационную систему русского языка системой родного. Коммуникативные значения в японском предложении выражены грамматически. Для японского языка характерна «рубленая» речь, и этот навык переносится на русское произношение.

«Рубленая» речь, характерная для японского языка, связана с членением японского речевого потока по актуализаторам (показателям падежности: «ва», «га», «то» и др.).

Японцы не делают понижение тона к концу фразы в простом повествовательном предложении (ИК-1), что приводит к нарушению коммуникации (теряется смысл высказывания).

Реализация мелодики частного и общего вопросов в русской речи отлична от японской. Для японского языка характерна двувёршинность вопросительных интонаций. Кроме того, у японцев наблюдается неумение выделить интонационный центр, что влечет за собой непонимание русских вопросительных предложений с ИК-3.

Неумение правильно выделять логический центр и членить фразы на синтагмы приводит к разрушению речевого потока.

На уровне предложения различие в звучании русских и японских структур определяется тем, что ухо говорящего на японском языке «настроено на тон».

Работая с учащимися – японцами, необходимо поставить все типы русской интонации, отрабатывая при этом слитность произношения и дать представление о смысловозначительных возможностях интонации, а также отработать противопоставление повествовательности и вопросительности. Особое внимание следует обратить на отработку произношения ИК-3 и противопоставление ИК-1 и ИК-3. Следует развивать фонетический (интонационный) слух. Система упражнений должна быть идентичной последовательности заданий других уровней звучащей речи.

Предвосхищение, предупреждение, анализ и умение исправлять артикуляционные и интонационные ошибки в определенной национальной аудитории – это учебная модель уроков фонетики и залог продуктивного обучения русскому языку в целях реальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударова Е.Л. Ритмическая организация русского звучащего текста в свете обучения произношению // Слово. Грамматика. Речь. М., 2015. Вып.16. С.68–70.
- Лебедева Ю.Г. Звуки, ударение, интонация (учебное пособие по фонетике русского языка для иностранцев). М., 1986.
- Нечаева Л.Т. Японский язык для начинающих. (Учебник в 2-х томах). М., 2002.
- Одинцова И.В. Звуки. Ритмика. Интонация. М., 2004.
- Рогозная Н.Н. Лингводидактика: О постановке трудных случаев произношения в русской речи японцев // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей. / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2001.
- Рыбин В.В. Фонетика японского языка. СПб., 2012.
- Цветкова Е.В. Материалы по фонетике и интонации для стажеров из Японии. М., 1981.

PHONETIC FEATURES OF JAPANESE LANGUAGE AND TEACHING IT TO JAPANESE-SPEAKING STUDENTS

Elena Akishina
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
rkina@cs.msu.ru

Olga Rozhdestvenskaya
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
olga-rojdestvenskaya@yandex.ru

Interfering influence of native phonetic system of Japanese-native speakers on their Russian pronunciation, is taken in consideration as well as variants of exercise's sequence aimed at of correcting student's pronunciation in Russian/.

Keywords: phonetic, pronunciation, articulation, articulation's zones, voiced and unvoiced consonants, soft and hard consonants, intonation constructions, intonation center.

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО АКЦЕНТА В РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Короткова Ольга Николаевна

кандидат филологических наук

*доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва Россия*

korolga@mail.ru

В статье рассматриваются особенности обучения японских студентов русскому консонантизму, проводится сопоставление систем консонантизма русского и японского языков, определяются источники интерференции, классифицируются и анализируются ошибки, допущенные японскими учащимися в процессе изучения русской фонетики.

Ключевые слова: РКИ, иностранный акцент, интерференция, анализ ошибок.

Изучение иностранного акцента предполагает проведение сопоставительного исследования фонетических систем родного и изучаемого языков, а также анализ ошибок, наблюдающихся в речи инофона. Цель данной статьи – сопоставить консонантные системы русского и японского языков и проанализировать наиболее существенные особенности японского акцента в русской звучащей речи в области консонантизма.¹

Сопоставительное изучение русского и японского консонантизма, проведённое с точки зрения МФШ, позволило выявить ряд особенностей как в составе согласных фонем, так и в особенностях их функционирования².

Русская и японская консонантные системы различаются по составу входящих в них фонем. В отличие от русского языка, насчитывающего 37 согласных фонем (из них 29 шумных и 9 сонорных), в японском языке 28 согласных фонем, из которых 20 шумных и 8 сонорных. Однако в обоих языках согласные противопоставляются по основным дифференциальным признакам: твёрдости-мягкости, глухости-звонкости, по способу и месту образования. Это даёт основание провести сопоставительное описание языков с одинаковых позиций.

По глухости-звонкости в японском языке представлены 7 пар согласных: <p> – , <p'> – <b'>, <t> – <d>, <k> – <g>, <k'> – <g'>, <s> – <z>, <ch> – <dz>. В русском языке насчитывается 11 пар звонких и глухих согласных. Следует отметить, что японские согласные, как и русские, полнозвонкие.

По твёрдости-мягкости в японском языке различают 7 пар: согласных: <p> – <p'>, – <b'>, <k> – <k'>, <g> – <g'>, <m> – <m'>, <n> – <n'>, <r> – <r'>. В русском языке по этому признаку насчитывается 15 пар согласных. Сопоставительный анализ показывает, что как в

¹ Сопоставительный анализ проводится на основе теоретических положений, изложенных в работах У.Вайнрайха [1979], А.А.Реформатского [1970], Е.А.Брызгуновой [1963] В.А. Виноградова [1971],

² Описание системы японского консонантизма проводится на основе работ Сайто Сумио, Нихонго Онсей Хёгэнхо, [1997] и А.П.Шеманаева [1953]

русском, так и в японском языках по твёрдости-мягкости противопоставлены сонорные носовые, шумные губные и заднеязычные согласные. Шумные зубные согласные имеют мягкие пары только в русском языке.

По месту образования японские согласные, в отличие от русских, делятся на четыре группы: губные, язычные, язычковые и гортанные. При этом губные согласные могут быть только губно-губными: <p>, <p'>, , <b'>, <m>, <m'>, <f>, <w>. Язычные фонемы, как и русские, делятся на переднеязычные (<t>, <d>, <n>, <n'>, <s>, <z>, <ts>, <r>, <r'>, <dž'>, <š>, <ch>), среднеязычные (<j>, <ç>) и заднеязычные (<k>, <r'> <g>, <g'>). В отличие от русского, в японском языке есть язычковая фонема <N> и гортанная фонема <h>.

По способу образования японские согласные, подобно русским, делятся на щелевые (<f>, <s>, <z>, <š>, <ç>, <h>) и смычные, которые в свою очередь, подразделяются на взрывные (<p>, <p'>, , <b'>, <t>, <d>, <k>, <k'>, <g>, <g'>), хлопковые (<r>, <r'>), аффрикаты (<ch>, <ts>, <dž'>) и носовые (<m>, <m'>, <n>, <n'>). Характерной особенностью японского языка является наличие аппроксимантов (<w>, <j>) и отсутствие дрожащих.

Итак, по всем четырём дифференциальным признакам сходны лишь 13 русских и японских фонем. Это русские <п> – <п'> и японские <p> – <p'>, русские <б> – <б'> и японские – <b'>, русские <к> – <к'> и японские <k> – <k'>, русские <г> – <г'> и японские <g> – <g'>, русские <м> – <м'> и японские <m> – <m'>, русские <н> – <н'> и японские <n> – <n'>, русская аффриката <ц> и японская <ts>.

Все остальные японские фонемы отличаются от русских. Например, японская фонема <f> является губно-губной, в отличие от русской губно-зубной <ф>. Признак глухости является для японской фонемы интегральным, так как в японском языке нет парной звонкой <v>. Интегральным для японской <f> является и признак твёрдости в связи с отсутствием в японском консонантизме соответствующей мягкой согласной. В русском же языке глухость и твёрдость фонемы <ф> являются дифференциальными признаками, так как имеются парные по этим признакам согласные – звонкая <в> и мягкая <ф'>.

Таким образом, различия в составе фонем, в составляющих их дифференциальных и интегральных признаках являются источником интерференции.

Интерференцию вызывают также различия в функционировании фонем в русском и японском языках. В японском языке функционирование фонем определяется жёсткой структурой слога, которая диктует строгие запреты на реализацию согласных фонем в определённых позициях. Например, в конце японского слова возможен или открытый слог, или оканчивающийся на [N] – особый звук, при произнесении которого воздух выходит через ротовую и носовую полость одновременно. Фонемы <g> – <g'>, сходные во многом с русскими, реализуются не только звуками [g] – [g'], которые, как правило, произносятся в начале слова, но

и носовыми сонантами [ŋ] – [ŋʹ], которые возможны в середине слова. Фонема <f> реализуется в своём основном варианте только перед [u], перед остальными гласными согласный [f] возможен лишь в немногих иностранных словах, заимствованных из европейских языков. В исконных же японских словах перед [a], [e], [o] произносится гортанный [h], а перед [i] – среднеязычный [ç]. Особенности функционирования касаются не только отдельных фонем, но и категорий согласных. В частности, парные по твёрдости – мягкости японские согласные фонемы реализуются в мягком варианте только перед гласным [i].

Третьим источником интерференции являются различия в артикуляционных характеристиках звуков. Так, при произнесении японского [š] кончик языка лишь чуть-чуть приподнят, губы нейтральны. Японский [š] – это мягкий шипящий звук с небольшим свистом, что-то среднее между [сʹ] и [шʹ]. А при произнесении русского [ш] кончик языка поднят к альвеолам, губы вытянуты вперёд. Ещё один пример. Японские фонемы <r> и <rʹ>, в отличие от русских <p> и <pʹ>, не являются дрожащими. Для того чтобы произнести звуки [r] и [rʹ], необходимо «кончиком языка произвести мазок по передней части нёба за зубами, при этом кончик языка напряжён и несколько загнут вверх» [Шеманаев 1955: 46].

Таким образом, различия в составе фонем и их функционировании, а также различия в артикуляционных характеристиках звуков стимулируют интерференцию, являются её источниками. Анализ отклонений, наблюдающихся в звучащей речи японских студентов, позволил выявить ряд типичных ошибок. Остановимся лишь на некоторых из них.

В зависимости от источника интерференции все ошибки можно разделить на три группы.

В *первую группу* входят ошибки системного характера. Они вызваны отсутствием в системе японского консонантизма фонем, характерных для русского языка. Приведём несколько примеров.

1. При произношении губно-зубного щелевого [в] отмечаются следующие отклонения:

а) замена губно-зубного русского [в] губно-губным аппроксимантом [w], наиболее часто это ошибка встречается в начале слова перед согласным: *[w]ремя–время.

б) замена губно-зубного [в] губно-губным [б], что приводит к смешению слов: *вас-бас, ваза-база, буква «В»–буква «Б»*.

Данные отклонения стимулируются отсутствием в фонетической системе японского языка губно-зубного согласного [v]. Наличие так называемых «пустых клеток» в системе способствует их активному заполнению близкими по образованию звуками. Этим можно объяснить субституцию японского губно-губного [w], который отличается от [в] местом образования и отсутствием шума, или появление на месте [в] губно-губного смычного [б].

2. Вместо мягкого зубного [тʹ] произносится передненёбная аффриката [ch]. В

результате происходит смешение слов: *затем* – *зачем*, *мать* – *мяч*. Это вызвано отсутствием мягкого [t'] в японском языке. А так как на эти отклонения накладываются ещё и другие, вызванные, например, неразличением согласных [в] и [б] а также [р] и [л], то в произношении учащихся наблюдается целый букет ошибок: *брат* – *блат* – *брать* – *врать* – *врач* чаще всего произносится как *б[r]a[ch], но возможны и другие варианты, ведущие к полному отсутствию противопоставления указанных согласных.

Во *вторую группу* входят ошибки, вызванные различным функционированием фонем в русском и японском языках. Как уже отмечалось, в японском языке во многом это определяется структурой слога. В речи японцев на русском языке звонкие согласные не оглушаются в конце слова или перед последующим глухим. Это объясняется тем, что в японском языке преобладают открытые слоги, поэтому в конце слова или между согласными учащиеся произносят гласный, и оглушения не происходит: **горо[дъ]* – *город*, *[*вь*]Токио – *в Токио*.

Третью группу составляют ошибки, в основе которых лежит субституция. Это случаи, когда учащиеся вместо русских звуков произносят звуки своего родного языка. Это не фонологические ошибки, а фонетические. Они не ведут к смешению слов. Например, произношение японского [t] вместо дорсального русского [т] в слове *Тома* не приводит к непониманию.

Мы рассмотрели далеко не все ошибки в области консонантизма, которые наблюдаются в речи японцев, изучающих русский язык. Для этого нужна не одна статья. Важен сам подход к изучению акцента: на основе сопоставительного анализа, проведённого на единой основе, определяются источники интерференции, затем классифицируются и объясняются замеченные в речи инофонов отклонения, и на заключительном этапе создается национально-ориентированный курс для данного контингента учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

- Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М. 1963.
Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979
Виноградов В.А. Консонантизм и вокализм русского языка. М. 1971.
Реформатский А.А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
Сайто Сумио, Нихонго Онсэйгаку нюмон. Введение в японскую фонетику. Сансэйдо, 1997.
Шеманаев П.Г. Курс фонетики современного японского языка. М., 1955.

THE JAPANESE ACCENT IN RUSSIAN SPEECH

Olga Korotkova

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

korolga@mail.ru

This article concerns the teaching of Russian consonants to Japanese students. The Russian phonetic course is based both on the comparative analysis of Russian and Japanese phonetic systems and analysis of the mistakes Japanese students make when studying the Russian language.

Keywords: RFL, foreign accent, interference, analysis of errors.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ТРАНСГУМАНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА:

ПОЭТ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ

Ковалевская Татьяна Вячеславовна

доктор философских наук

зав.кафедрой европейских языков факультета теоретической и прикладной лингвистики

Института лингвистики РГГУ, Москва, Россия

tkowalewska@yandex.ru

В статье анализируется стихотворение Велимира Хлебникова «Одинокий лицедей» как пример проявления в творчестве Хлебникова характерного как для европейской культуры в целом на всем протяжении ее развития, так и для русского Серебряного века в частности, трансгуманистического поиска. В поэзии Хлебникова, как и в поэзии М. Цветаевой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, поиск выхода за пределы человеческой природы осмысляется в мифологических категориях. Поэт последовательно трактуется как культурный герой, ответственный за устроение мира. В творчестве Хлебникова поэт также предстает первочеловеком, материалом для собственного сотворения вселенной, пророком и освободителем человечества от оков судьбы, основы прежнего мироустройства, что должно вывести людей на новый, не только сверхчеловеческий, но и сверхбожественный уровень бытия.

Ключевые слова: космогония, первочеловек, судьба, самообожение, поэт-пророк, Серебряный век.

В данной статье будет проанализировано стихотворение Велимира Хлебникова «Одинокий лицедей» как один из примеров трансгуманистического поиска русской поэзии Серебряного века. Насколько нам удалось установить, в базе данных Elibrary работы, где творчество Хлебникова анализируется в контексте темы культурного героя, отсутствуют.

Может показаться, что поэзия Хлебникова, часто трудная для восприятия даже для носителей русского языка, является неожиданным материалом для студентов, изучающих русский язык как иностранный. Однако в курсе поэзии Серебряного века, предложенном смешанной группе из студентов с русским языковым наследием (heritage speakers) и англоязычных, единственным студентом, выбравшим стихотворение Хлебникова как материал для написания курсовой работы, был именно американец, владевший языком даже не на продвинутом уровне. Однако принципы поэзии Хлебникова оказались ему ближе, чем, казалось бы, более легкая для восприятия символистская и акмеистская поэзия Серебряного века. Таким образом, при всем его своеобразии, творчество Хлебникова представляет собой большой интерес для преподавания русского языка как иностранного для студентов с самым разным уровнем владения языком.

Тема трансгуманистических исканий человечества является предметом моего давнего научного интереса. Вначале она была сформулирована как проблема самообожения в

европейской культуре в нашей монографии под тем же названием [Бузина, 2011]. Одновременно стало ясно, что мифологические искания поэтов Серебряного века, в которых поэт предстает в сложном образе со-творца мироздания, одновременно ответственного за его деградацию, возможную гибель и спасение, которые мы прослеживали в творчестве М. Цветаевой [Бузина, 1997], Н. Гумилева [Бузина, 2005] и О. Мандельштама [Бузина, 2007], относятся к явлениям того же порядка. Термин «трансгуманизм», использованный в заглавии статьи, позволяет распространить это явление на внерелигиозные и аметафизические явления современной культуры. Вопрос о том, какой термин наиболее подходит для характеристики творчества Хлебникова, сложно решить однозначно. С одной стороны, проблема соотношения божественного и человеческого явно присутствовала в сознании Хлебникова (ср.: «Боги улетели, испуганные мощью наших голосов» [Хлебников, 1986: 485]), а также иные многочисленные отсылки к различным мифологическим системам (М. Гаспаров, например, утверждает, что пьеса «Боги», заканчивающаяся смертью Бальдра от ножа Локи, посвящена именно гибели богов [Гаспаров, 2000]), но столь же обоснованно можно утверждать, что образы языческих богов были символом трансгуманистических устремлений Хлебникова, основанных скорее на точных науках (в понимании Хлебникова), нежели на каких бы то ни было религиозных воззрениях.

Также хотелось бы сделать оговорку о том, что творчество Хлебникова представляется весьма условным материалом для филологических и культурологических исследований, как и любое исследование текстов, связанных с заумью полностью или частично. Предпринятые попытки анализа зауми у того же Гаспарова и отслеженные им связи зауми с фольклором [Гаспаров, 2000], а также попытки распространить понятие зауми на творчество поэтов, традиционно с ней не связанных [Ронен, 1991], не отменяют того факта, что каково бы ни было происхождение и предназначение зауми, ничто из этого не дает читателям дополнительных инструментов для ее понимания. Читатель все равно остается наедине со сферой собственных ассоциаций, которые могут варьироваться бесконечно. Принципы толкования букв и звуков у самого Хлебникова также непостоянны, поэтому его собственные тезисы мало чем могут помочь в этом предприятии. Тем не менее, некоторые тексты Хлебникова, менее наполненные заумью, чем другие, могут стать адекватным материалом для анализа. В числе таких текстов – и выбранный нами «Одинокий лицедей».

Представление о том, что боги уступают место (возможно обожившимся людям) следует из процитированного нами фрагмента из «Зангези» («Боги улетели, испуганные мощью наших голосов»). Представление о роли поэта в обожении человечества проступает во многих фрагментах. Например: «Судьба! Не ослабла ли твоя власть над человеческим родом, оттого что я похитил тайный свод законов, которым ты руководишься...?» [Хлебников,

1986: 589]. Здесь поэт предстает своего рода Прометеем, не просто уподобляющим человечество богам, но даже ставящим его выше богов, потому что во всех традиционных мифологических системах боги столь же подвластны судьбе, сколь и люди, и поэтому, освободившись от судьбы или даже ослабив ее власть над собой, люди в чем-то становятся выше богов.

Однако Хлебников видит себя не только культурным героем. В стихотворении «Вши тупо молилися мне...» (осень 1921) есть следующие строки:

Мой белый *божественный* мозг

Я отдал, Россия, тебе:

Будь мною, будь Хлебниковым. [Хлебников, 1986: 161. Курсив мой - Т.К.]

Здесь поэт – не культурный герой, но первочеловек, основа и материал для сотворения мира. Подобные мифы присутствуют в индийской мифологии (Пуруша [Мифы народов мира, 1980: т. 2, 351]), у скандинавов, где мир сотворен из частей тела первовеликана Имира [Мифы народов мира, 1980: т. 1, 510]. Можно предположить, что аналогичные представления были и у славян. Например, в духовном стихе «Голубиная книга» присутствуют представления о сотворении человека из земли в своеобразном преломлении:

Кости крепкия от камня,

Телеса наши от сырой земли;

Кровь-руда наша от Черна моря [Бессонов, 1861: 318] .

Они также сочетаются со следующим представлением о сотворении мира:

А зачался у нас белый свет

От свята духа, самого Христа,

Самого Христа, царя небесного;

Солнце красное от лица его <...>

Млад-светел месяц от груди его <...>

Зори светлые от риз его <...>

Звезды частые от очей его <...>

Ночи темные от волос его <...>

Дробен дождик от слез его. [Бессонов, 1861: 307]

Учитывая высокую степень сугубо номинальной христианизации восточных славян (номинальной как в фигуральном, так и в буквальном смысле; язычество было практически полностью вытеснено на уровне *имен* языческих богов, однако христианские святые благополучно взяли на себя их функции; о чрезвычайно сильных языческих элементах в народном христианстве писал Г. Федотов [Федотов, 1991]), логично предположить, что этот пассаж появился в «Голубиной книге» под влиянием какого-то исконного славянского мифа,

находящего четкие параллели в других мифологических системах. Лирический герой Хлебникова (хотя, возможно, учитывая специфику личности и творчества поэта, здесь можно писать просто «Хлебников») явно видит себя аналогичным первочеловеком, отдающим России свой мозг, т.е. свои знания, раскрывающие тайны мироздания и обоживающие человечество.

Наиболее любопытным образом представления Хлебникова о себе как о культурном герое раскрываются в стихотворении «Одиноким лицедей», которое мы процитируем полностью, пронумеровав для удобства строки:

1. И пока над Царским Селом
2. Лилось пенье и слезы Анны Ахматовой,
3. Я, моток волшебницы разматывая,
4. Как сонный труп, влачился по пустыне,
5. Где умирала невозможность,
6. Усталый лицедей,
7. Шагая напролом.
8. А между тем курчавое чело
9. Подземного быка в пещерах темных
10. Кроваво чавкало и кушало людей
11. В дыму угроз нескромных.
12. И волей месяца окутан,
13. Как в сонный плащ, вечерний странник
14. Во сне над пропастями прыгал
15. И шел с утеса на утес.
16. Слепой, я шел, пока
17. Меня свободы ветер двигал
18. И бил косым дождем.
19. И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
20. И у стены поставил.
21. Как воин истины я ею потрясал над миром:
22. Смотрите, вот она!
23. Вот то курчавое чело, которому пылали раньше толпы!
24. И с ужасом
25. Я понял, что я никем не видим,
26. Что нужно сеять очи,
27. Что должен сеятель очей идти! [Хлебников, 1986: 166]

Строки 1-2 задают конкретное историческое время, совпадающее с биографическим временем Хлебникова. Эти строки также задают определенную географию, одновременно конкретную и обобщенную, литературную географию. Вспомним, что сама Ахматова писала о Царском Селе: «Так много лир повешено на ветки» [Ахматова, 1976: 229]; то есть Царское Село – это не просто реальное место жизни Ахматовой, но и локус основной поэтической русской традиции. Однако строка 3 уже совмещает текущее время с мифологическим. «Моток волшебницы» напоминает об Ариадне и ее нити и переносит лирического героя/Хлебникова (в стихотворении постоянно идет перебивка первого и третьего лица) во время мифологических героев, совпадающее с современным (см. аналогичные мотивы в стихотворении Н. Гумилева «Современность» [Гумилев, 1991: 163]), и это совмещение продолжится в строках 8-11. В строке 4 совершается очередной временной скачок – в XIX столетие, в эпоху А.С. Пушкина, потому что строка 4 безошибочно напоминает именно о его стихотворении «Пророк». Это перемещение во времени возвращает нас к географии первой строки, к Царскому Селу. Теперь лирический герой оказывается пророком, пространство и время соединяются. В строке 5 «труп» из «Пророка», поэт перед перерождением, превращается в «смерть невозможности». Эта смерть происходит, длится, совершается. Несовершенный вид глагола «умирала» подчеркивает процессуальность действия. Если так можно выразиться, «смерть невозможности» находится в процессе становления, и, как и «смерть» пророка в стихотворении Пушкина, как любая смерть в мифологической системе координат (в христианской тоже, но Хлебников далек от христианства) является лишь переходом в иную форму существования. Можно даже предположить, что «невозможность» здесь представляет собой все ограничения, тайны и загадки человеческой природы, которые умирают, перерождаясь в новое, божественное или даже сверхбожественное состояние.

Строки 6-7 вводят образ лицедея, актера. Вероятнее всего, Хлебников предпочитает исконное русское слово заимствованному, в том числе и по причине его внутренней формы. Если слово «актер» связано только с идеей действия, то слово «лицедей» имеет в своем составе элемент «лицо, лик», связанный с понятием образа во всех смыслах, от образа художественного до образа как иконы, и, как следствие, крайне насыщенный в символическом, ассоциативном, художественном и религиозном планах.

Столь же многозначен и образ странника из строки 13. В нем можно увидеть отсылки к религиозным феноменам: мотив религиозного странничества играл большую роль в русской литературе XIX в., ср., например, образ Макара Долгорукого в «Подростке» Ф.М. Достоевского; существовала раскольничья секта странников [Таевский, 2003: 49-50]; уход в странники был частью не только творчества, но и жизни: ср. предсмертный уход из дома Льва Толстого. В этом образе также присутствуют художественно-мифологические

мотивы: например, именно в образе Странника фигурирует в «Зигфриде», третьей части «Кольца нибелунга» Р. Вагнера, Вотан, который в этом образе направляет будущего драконоборца (типичная функция культурного героя – уничтожение хтонических чудовищ) Зигфрида, который должен преодолеть лежащее на богах и их мире проклятье (надо сказать, что ни Зигфриду, ни Вотану это не удастся, хотя изначально Вагнер задумывал сделать историю Зигфрида счастливой). Образ странника снова возвращает нас к Пушкину, который от пророка переходит к образу странника в одноименном стихотворении. Возможно, странник – это лирическое «я» Хлебникова, возможно, это и некий его антагонист, но скорее всего, это сам лирический герой, еще находящийся на человеческой стадии бытия, на что указывает строка 12. Если «странник» окутан «волей месяца», он находится под влиянием планет и, следовательно, судьбы, от которой, как мы знаем, Хлебников мечтает освободить человечество. О том же говорит и место блужданий странника. Горы напоминают о более раннем (декабрь 1913) стихотворении Хлебникова «Ночь в Галиции», где есть строки:

Он живет

На горах с высокой Мавкой. [Хлебников, 1986: 90].

(Мавки – злые духи, по происхождению связанные со смертью [Мифы народов мира, 1980: т. 2, 87]).

Горы также фигурируют в очень коротком стихотворении «Чудовище, жилец вершин...» (<1908-1909>) [Хлебников, 1986: 56] о похищении чудовищем девушки. Такой зачин допускает два варианта развития событий: превращение чудовища в человека, т.е. переход, с мифологической точки зрения, на более совершенный уровень бытия, либо освобождение девушки, т.е. совершение подвига эпического или даже культурного героя.

Таким образом, горы оказываются местом обитания хтонических чудовищ, местом для совершения подвигов культурного героя, горы – своего рода хтонический мир, который надо преодолеть и победить. Так исподволь начинается спор с Пушкиным – странник оказывается не высшей степенью духовного развития человека, а всего лишь промежуточной стадией на пути человека к миссии пророка/культурного героя.

Строки 16-18 снова напоминают нам о Пушкине («Раскрылись вещие зеницы // Как у испуганной орлицы»), но это снова полемическая аллюзия. Лирический герой Хлебникова слеп, что должно напомнить читателю о знаменитом слепом пророке Тересии из греческой мифологии. Таким образом, здесь от христианского пророка мы возвращаемся к мифологии. Начиная со строки 19, где герой превращается в Тезея, победившего минотавра, мы наблюдаем трансформацию персонажа в эпического героя. В строке 21, где появляется упоминание истины, возникают и первые аллюзии на культурного героя. Истина – это уже категория именно культурно-устроительного поиска. Минотавр – не просто смертельно

опасное чудовище, но носитель ложного мировоззрения, суть ложного мироустройства. Минотавру греческой мифологии никто не поклонялся. Минотавру Хлебникова именно поклоняются, его челу «пылают толпы», и культурное деяние состоит не просто в том, чтобы уничтожить угрозу физическому существованию людей, но в том, чтобы уничтожить ложного пророка. В двух заключительных строках, 26-27, эта трансформация завершается: пророк в пустыне → эпический герой → культурный герой, который должен дать людям знание, способность видеть.

Можно также отметить здесь характерную для Серебряного века полемику с авторитетом Пушкина-поэта. Всем известны эпатажные призывы футуристов бросить Пушкина с парохода современности [Пощечина общественному вкусу], но полемика велась и более тонким образом, как, например, в стихотворении В. Брюсова «Раб», где Брюсов путем сложной системы поэтических ассоциаций представляет своего лирического героя проигравшим соперником Пушкина. Возможно, «курчавое чело», которому «пылают толпы» - это и намек на Пушкина и его поэтический, т.е., в рамках русской культуры, неизменный и пророческий, авторитет. И борьба с Минотавром – это и борьба с предшествующими формами искусства, которые несли миру только ложь.

Итак, Хлебников видит себя в мире сложной фигурой, состоящей в различных отношениях с разными частями вселенной. Он – одновременно наследник и разрушитель предшествующей культурной традиции. Взамен ее лжи он несет человечеству истину. Эта истина должна освободить человечество от оков предшествующей структуры мироздания и вывести его на новый, не только надчеловеческий, но и надбожественный уровень. Таким образом, Хлебников – культурный герой, заново цивилизующий и обустроивающий человечество. Но, возможно, в этом процессе он будет не только воином истины, уничтожающим прошлое, но и священной жертвой будущему, новым первочеловеком, который ляжет в основание нового мира, своей смертью дав ему новое, высшее существование.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., Советский писатель, 1976.
Бессонов П. Калеки переходные. М., 1861. Ч. 1, кн. 2.
Бузина Т.В. От адамитов к адамистам – Мандельштам и Босх. // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 9. Москва, изд-во МГУ, 2007, сс. 236-254.
Бузина Т.В. Поэтическая мифология Николая Гумилева // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 7. Издательство МГУ, 2005, сс. 266-272.
Бузина Т.В. Самообожение в европейской культуре. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011.
Бузина Т.В. Цикл Марины Цветаевой «Двое» // *Russian Language Journal*, Winter-Spring-Fall 1997, volume LI, Numbers 186-170, pp. 157-176.
Гаспаров М. Считалка богов. // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911–1998. М., Языки русской культуры, 2000. С. 279–293.

Гумилев Н. Собрание сочинений в 4-х тт. М., Terra-Terra, 1991. Т. 1.
Мифы народов мира. В 2-х тт. М., Советская энциклопедия, 1980.
Пощечина общественному вкусу. // Энциклопедия футуризма. URL: <http://www.futurism.ru/a-z/manifest/slap.htm> (дата обращения 28.03.2016)
Ронен О. Заумь за пределами авангарда. // Литературное обозрение. 1991. № 12, с. 40–43.
Таевский Д.А. Христианские ереси и секты I-XXI веков. Словарь. М., Intrada. 2003.
Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991.
Хлебников В. Творения. М., Советский писатель, 1986.

TRANSHUMANISM IN THE WORKS OF VELIMIR KHLEBNIKOV: THE POET AS A CULTURAL HERO

Tatiana Kovalevskaya
Doct. Of Sci., RSUH, Russia, Moscow
tkowalewska@yandex.ru

The article analyzes the poem by Velimir Khlebnikov "Lone Actor" as an example, typical for the development of European culture in general and the Russian Silver Age, in particular, in the research of transhumanism. Therefore, the sequence is interpreted as a cultural hero, responsible for the ordering of the world. In the work of the poet Khlebnikov also appears the first man, material for self-creation of the universe, prophet and liberator of humanity from the shackles of fate, the foundations of the old world order, which should bring people to a new, not only superhuman but over divine level of being.

Keywords: cosmogony, first man, fate, self-deification, the poet-prophet, silver Age.

КОНЦЕПЦИЯ «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА» В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ¹

Лилеев Юрий Сергеевич

*кандидат филологических наук
преподаватель кафедры германской филологии, ИФИ РГГУ, Москва
j.lileev@gmail.com*

В статье дается характеристика основных принципов культурного трансфера в контексте концепции В.Н. Топорова «петербургский текст». Описываются некоторые механизмы восприятия этой концепции в немецкой культуре.

Ключевые слова: культурный трансфер, диалог культур, русско-немецкие контакты, семиотика, культурная память, петербургский текст, культурная идентичность.

Исследование культурных контактов между Германией и Россией уходит своими корнями еще в донаучные формы XVIII в., когда Россия открылась навстречу Западу, при том, что в центре внимания тогда стояло информативное описание фактов культурного влияния и воздействия (прямого или обратного).

К примеру, немецкие ученые и сложившиеся в Германии исследовательские структуры оказали существенное влияние на учреждение Академии наук Петром I и на открытие первого Московского университета в 1755 г., что хорошо задокументировано на фактическом уровне «влияния» и «воздействия». В толковании западноевропейских исследователей оба события еще со времен Просвещения описывались как попытки «запоздалой» и «копирующей» нации установить связь с Западной Европой. Однако какими представляются эти реформы с внутренней перспективы тогдашней русской культуры? Точнее говоря, какое обратное воздействие обнаружили немецко-русский культурный контакт и культурный трансфер на способ самоописания русской культуры, вынужденной теперь иначе и по-новому определять себя с учетом опыта чужой культуры, т.е. немецкого воздействия.

Научно-теоретическая концепция диалога между научными вариантами родной и чужой культуры всесторонне разработана в сфере русско-немецкой германистики [Kemper/Žerebin/Väcker 2011]. Научные традиции различных культурных пространств приносят в международное сотрудничество новые формы научной социализации из своих собственных, обусловленных их культурной средой научных систем, определяющих их подходы к анализу проблем и работе с текстом. Как следствие, «одна и та же» наука (напр., славистика, германистика) обнаруживает в своем варианте в рамках родной культуры (напр., германистика в немецкоязычных странах) и чужой (напр., германистика в России) отличия

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-24-49005.

касательно определения своего предмета, горизонта своих методов и теорий, а также целей своего познания. Эти различия не должны сниматься или нейтрализовываться, – напротив, в диалоге между различными культурными и научными вариантами должен раскрыться их продуктивный потенциал.

Традиционно взаимовлияние и контакт культур рассматриваются как явление диалогическое. К подобному типу исследований относятся в первую очередь семиотика культуры (Лотман/Успенский и др.), исследования культурного трансфера (Эспань/Вернер и др.), а также культурологическое исследование памяти (Ассман и др.). При этом задействованные в условиях научно-культурного трансфера ученые приносят в рамках проводимых ими отдельных исследований собственные инновационные подходы.

Культурный контакт (*culture contact*, *cross-culture contact*), будучи одной из центральных категорий антропологии и этнологии как «науки о Чужом» [Stagl 1981: 97, 103] предстает семантически менее содержательным, чем понятие «культурного трансфера», так как описывает контакт между культурно различающимися формациями на сугубо фактическом уровне [ср. Bitterli 1992; Pries et al. 2013], не предполагая процессов трансфера и не учитывая обратного влияния на модусы культурного самоописания. Категория подвергается критике еще с 1970-х гг. в рамках авторефлексивных дебатов этнологии, так как ее использование способствует утверждению внутренних «отношений власти»: Чужое нельзя «лишать его чуждости», нельзя «одомашнивать и тем самым нейтрализовывать» переводом в категории Своего [Duerr 1978: 152, цит. по Stagl 1981: 98].

Выходящее за рамки культурного контакта и вбирающее его в себя понятие *культурного трансфера* было в свое время разработано М. Эспанем и М. Вернером для построения «социальной истории немецко-французских культурных связей» [Espagne/Werner 1985: 507] и может считаться инновационным развитием исторической компаративистики, семиотики культуры и рецептивной теории, расставляющим, однако, новые акценты. Исследователи, соединяя область фактов с модусами культурного самоописания, центр внимания переносят в первую очередь на предпосылки культурного трансфера. Терминологически в этой точке исследований к феномену культурного трансфера подключается категория «встречных течений» А.В. Веселовского [Веселовский 1889; Веселовский 2010]: культурный трансфер предполагает как минимум частичные точки соприкосновения мотивов и интересов, которые инициируют трансфер и регулируют трансформацию трансферируемого. Систематический анализ таких точек соприкосновения доказывает, что аспекты фактологической стороны культурного трансфера связаны с уровнями культурного самоописания. По мысли Ю.М. Лотмана, внешний обзор ретроспективной истории культуры следует дополнять внутренним взглядом участвующих в

трансфере формаций. С позиций археологии знания реконструировать привилегированность ценностей и структур необходимо в той же мере, что и их функциональность для самопонимания культуры [ср. Лотман/Успенский 1977]. Исследование культурного трансфера основывается на семиотико-коммуникативном определении культуры, согласно которому культура состоит из ансамбля семиотических кодов, несущих символические значения, причем складываются они из взаимоотношений субъекта с миром своего опыта.

Исследование культурного трансфера также подразумевает не только процесс перевода и нострификации Чужого в целевой культуре, но и различную дискурсивную функциональность такого феномена в различных контекстуальных системах обеих культур, которая и позволяет ему интегрироваться в палимпсест «культурной идентичности». Применяемое здесь понятие «встречных течений» А.В. Веселовского позволяет анализировать диалогичность процесса трансфера, так как движение этих потоков всегда обусловлено «предрасположенностью» и «готовностью» обеих культур отдавать Свое и принимать Чужое [Веселовский 1889: 115; Веселовский 2010: 61]. Такая нюансировка открывает изучение культурного трансфера не только навстречу историческому анализу семантики в духе идей Никласа Лумана, но и навстречу русской семиотике культуры, а также культурологически переориентированному переводоведению, опирающемуся на русский структурализм и формализм и расширяющему понятие перевода или трансляции (см. Bachmann-Medick 2006; Dizdar 2006; Prunč 2007; Menzel/Engel 2011).

В российской науке этому подходу соответствует семиотическая модель культуры, разработанная Ю.М. Лотманом [Лотман 1999: 193-206]. Согласно теории Лотмана любая национальная культура представляет собой метатекст, определяющийся сопряжением как минимум двух субтекстов, своего и чужого, и развивающийся лишь через их взаимообмен. Культура понимается им как система, вовлеченная в окружающий мир, вбирающая в себя и «переваривающая» его явления, перекодировав их по правилам внутреннего семиотического «языка». Элементы чужой культуры «перевариваются» либо как образцы для подражания для собственных зреющих в принимающей культуре тенденций; либо чужеродные элементы воспринимаются как критические образцы для контрастного осознания самобытности принимающей культуры и ее противоположному чужой культуре оформлению. В обоих случаях чужие рецепируемые тексты служат своего рода необходимым «топливом» для поддержания производства текстов. Новые тексты, возникающие на основе этой энергии, могут затем в трансформированном виде трансферироваться назад в отдающую культуру и ассимилироваться в ней.

Одним из способов описания национальных моделей культуры может быть исследование её ключевых метатекстов во взаимовлиянии с инокультурными кодами.

Для русской культуры Имперского периода таким метатекстом особого рода является «Петербургский текст». Именно он является блестящим подтверждением и воплощением идеи о комплексном взаимодействии и взаимовлиянии своего и чужого в рамках становления национальной культурной идентичности, на примере которого можно выявить все основные принципы трансфера культур (конкретно – русской и немецкой) в широком общеевропейском контексте.

Начиная с Петровского времени, русское общество должно было жить в обязательном состязательном соревновании с Западом. Как следствие, определение собственной культурной «значимости» происходило или с оглядкой на западную модель, или сознательно отталкивалось от нее (спор западников и славянофилов может быть назван здесь только как самое яркое, но не единственное противостояние). Среди всего набора русских литературных мифов, через которые происходила культурная самоидентификация, «Петербургский миф» является одним из самых значимых. Именно С.-Петербург, с момента своего основания ставший воплощением двух разных ипостасей - «российского» и привнесенного извне и насильственно привитого «западного» – оставался видимым выражением названной амбивалентности. Одна из особенностей «мифа о Петербурге» – соединение и взаимовлияние реального и выдуманного, фактического и художественного. Образ самого города переплетается с текстом о нем. Этот уникальный симбиоз и создает «петербургский текст русской литературы».

Этот термин был введен в научный оборот В.Н. Топоровым в его исследованиях в рамках тартуско-московской семиотической школы. После выхода в свет его статьи [Топоров 1984] он получил широкое распространение и стал использоваться другими исследователями.

Под «Петербургским текстом русской литературы» понимается смысловое единство художественных текстов русской литературы, духовно и тематически связанных с пространством Петербурга, это «... некий синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели. Только через этот текст Петербург совершает прорыв в сферу символического и провиденциального» [Топоров 1984: 13]. В этой связи в отечественном литературоведении стали использоваться термины «свертхтекст» [Купина 2004] и «интертекст» [Тюпа 2006].

В исследованиях концепции Петербургского текста немецкого специалиста Р. Лахманн предлагается иной, более детально разработанный терминологический подход. В них речь идет о «жанре городского текста» („Statdttextgattung“), который – подобно волшебной сказке в теории В. Проппа – может быть описан по совершенно четким критериям: «Он располагает определенной топикой, описываемым синтаксисом, [...] постоянной семантикой и может быть утверждён через множество своих вариантов. Граммати́зация, то есть упорядочивание и укрощение этого буйного

текста русской семиотикой есть свидетельство опыта восприятия города, воплощение в тексте которого связано со смысловой конструкцией, чьи противоречивые составляющие, кажется, намечают модель целой культуры» [Lachmann 2000: 233].

Таким образом, Петербургский текст русской литературы представляет собой единство содержательного и структурного характера с повторяющимися ключевыми мотивами, философскими смыслами и мифологемами и может быть прочитан и интерпретирован, как и любой художественный текст. Мы можем предположить, что немецкий реципиент (исследователь), выделит в нем как ключевые и метафизические совсем не те смыслы, или не совсем те, которые увидел бы в них русский читатель и исследователь. Описать и сопоставить динамическое взаимодействие самоописания культуры (Петербургский текст русской литературы) и инокультурное (немецкое) видение феноменов этой культуры является ключевой и в высшей степени интересной задачей для исследователей. Важно подчеркнуть, что Петербургский текст русской литературы является смысловым и структурным единством.

В каком-то смысле Петербургский текст русской литературы может быть интерпретирован как уникальное текстовое (точнее, *сверхтекстовое*) воплощение основных парадигм русской культуры, как ее квинтэссенция. Он может иметь множественность прочтений, разнообразие рецепций, как внутри своей собственной культуры, так и чужой (в данном случае – немецкой) культуры.

Следует обозначить принципиальное разделение двух понятий, порой забывающееся исследователями:

- а) *Петербургский текст* и
- б) *Петербургский текст русской литературы*.

Первое из них по Топорову, как уже было отмечено, «некий синтетический сверхтекст», а обращение к русской литературе важно потому, что это помогает определить Петербургский текст «эмпирически указанием круга основных текстов русской литературы, связанных с ним, и соответственно хронологических рамок его» [Топоров 1984: 13-14]. Очевидно, что «тогда речь <...> идет о двух разных текстах, один из которых текстом в прямом смысле не является и может быть назван «текстом» лишь условно; к нему, возможно, более подходил бы термин дискурс, понятый как семиотический процесс» [Муратов 2005: 16].

Особый интерес в аспекте исследования русско-немецкого трансфера представляет и тот факт, что несмотря на всю кажущуюся «узаконенность» и правомерность концепции Петербургского текста, по-прежнему ведутся многочисленные дискуссии по поводу этого термина (как в отечественном, так и зарубежном литературоведении). В этом смысле рассмотрение инокультурного подхода к этой проблематике может лишь обогатить уже

существующие теории и внести бóльшую ясность в характеристику самого понятия.

Для русского читателя и исследователя Петербург – архитектурное и духовное воплощение образа Европы в русской культуре, это культурная, экономическая и политическая рецепция европейского мира, по преимуществу немецкого. Петербургский текст перерабатывает, осмысляет «чужое» (европейское), превращая его в «свое» (русское). Для немецкого сознания Петербург – символическое воплощение русской имперской культуры, немецкий исследователь, описывающий русскую культуру, русский Петербургский текст, выделяет, сохраняет в культурной памяти, совсем не те феномены или не в той последовательности, которую предлагает русская культурная иерархия.

Мы можем предположить, что «немецкий Петербургский текст» предлагает свою систему культурных текстов, кодов и иерархию ценностей. Отметим очевидное: в данном случае речь идет не об упомянутом выше различии культурных контактов на микроуровне (на уровне города – «немецкий Санкт-Петербург»), а о гораздо более комплексном явлении.

В немецкоязычном научном пространстве последних десятилетий рецепция произведений, составляющих классический корпус Петербургского текста русской литературы, изучена довольно скупо. Безусловно, существует целый ряд работ, посвященных разным аспектам в творчестве Пушкина, Гоголя и Достоевского, однако не существует последовательного анализа «петербургской тематики» в произведениях указанных авторов: можно перечислить некоторые труды обобщающего характера [ср. Kluge 1998; Lebedeva 2004; Gerigk 2000; Gerigk 2010] или работы по отдельным произведениям, среди которых не встречается «петербургских» [ср. Schneider 1997, Keil 2011].

Значительный вклад в изучение концепции Петербургского текста, в том числе в его теоретико-поэтологическое осмысление, помимо уже упомянутой Р. Лахманн, внесли прежде всего работы А. Ханзен-Лёве [Hansen-Löve 1999; Hansen-Löve 2014] и Р. Николози [Nicolosi 2002]. Однако указанные и другие публикации [например: Groys 1995; Ingold 2009] написаны прежде всего в области славистики и не предполагают компаративистский подход, а также не учитывают все необходимые аспекты культурного трансфера. Что, однако, не означает, что проблематика Петербургского текста оставалась незамеченной, а присущая ему компонента, связывающая две культуры (русскую и немецкую) была вне научных изысканий и размышлений о собственной национальной культурной идентичности. В этом смысле показательным является вышедший в 2005 году сборник (изданный университетами С.-Петербурга и Гамбурга) «Существует ли Петербургский текст?» – в нем дается попытка, заново изложить и рассмотреть всю концепцию Топорова, которая, казалось, уже давно канонизирована и не может быть пересмотрена в критическом аспекте. Хотя в указанном сборнике и видны некоторые признаки компаративистского метода [Потапова 2005; Ходель

2005], вопрос рецепции не исследуется вообще, а петербургская тема вновь остается вне рассмотрения в рамках теории культурного трансфера.

Тем не менее, указанный сборник является важным шагом в инокультурном (немецком) рассмотрении концепции Петербургского текста, которое во многом представляется гораздо более критическим, чем отечественные подходы [ср. Шмид 2005]. Тем более удивительно, что это издание осталось почти незамеченным, а сформулированные в нем вопросы и дискуссионные моменты за последующие десять лет так и не получили развития.

Следует также отметить, что и в отечественном литературоведении практически не существует работ, целью которых было бы систематическое рассмотрение концепции Петербургского текста в рамках современных теорий взаимодействия культур, культурной памяти и национальной идентичности. Теория культурного трансфера, лежащая в основе настоящего исследовательского проекта (в данный момент он проводится Институтом русско-немецких литературных и культурных связей при РГГУ), также остается на периферии современных подходов к этой тематике [ср. Жаднова 2013; Анциферов 2012].

Результаты предлагаемого исследования могут быть использованы в различных областях гуманитарных знаний, и в частности в практике преподавания РКИ немецким учащимся филологам и русско-немецким билингвам.

ЛИТЕРАТУРА

- Анциферов Н. П. (2012) Филология прошлого и будущего: по материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения. Москва.
- Веселовский А.В. (2010): Избранное. На пути к исторической поэтике. Москва.
- Веселовский А.В. (1889): Разыскания в области русского духовного стиха. Сборник отделения языка и словесности Имп. Академии наук. Т. 46. №. 6. Санкт-Петербург.
- Жаднова Е.Н. (2013): Современные подходы к изучению проблемы Петербургского текста русской литературы. // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. Т 13, вып. 4.
- Купина Н., Битенская Г. (2004): Сверхтекст и его разновидности. Екатеринбург.
- Лотман Ю.М. (1999): Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. Москва.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. (1977): Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Литературоведение. Вып. 414. Труды по русской и славянской филологии. XXVIII. Тарту. С. 3-36.
- Муратов А.В. (2005): Действительно ли существует Петербургский текст? // Существует ли Петербургский текст? / Под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. – СПб. (Петербургский сборник. Вып. 4)
- Потапова Г. (2005): Город Петра как город Фауста. // Существует ли Петербургский текст? / Под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. – СПб. (Петербургский сборник. Вып. 4)

- Топоров В.Н. (1984): Петербург и «Петербургский текст русской литературы». // Труды по знаковым системам. Вып. XVIII: Семиотика города и городской культуры: Петербург (Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 664).
- Тюпа В.И. (2006): Фрагменты Петербургского интертекста. // Анализ художественного текста.
- Ходель Р. (2005): Петербургский текст в свете «Трансцендентальной диалектики» И. Канта. // Существует ли Петербургский текст? / Под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. – СПб. (Петербургский сборник. Вып. 4).
- Шмид В. (2005): Что такое «Петербургский текст»? // Существует ли Петербургский текст? / Под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. – СПб. (Петербургский сборник. Вып. 4).
- Vachmann-Medick, Doris (2006): Translational Turn // *Dies., Cultural Turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften*. Reinbek, S. 238-283.
- Bitterli, Urs (1992): *Alte Welt – neue Welt. Formen des europäisch-überseeischen Kulturkontakts vom 15. bis zum 18. Jahrhundert*. München.
- Dizdar, Dilek (2006): *Translation. Um- und Irrwege*. Berlin.
- Duerr, Hans Peter (1978): *Traumzeit. Über die Grenze zwischen Wildnis und Zivilisation*. Frankfurt a.M.
- Espagne, Michel, Michael Werner (1985): *Deutsch-französischer Kulturtransfer im 18. und 19. Jahrhundert. Zu einem neuen interdisziplinären Forschungsprogramm des C.N.R.S.* // *Francia* 13, S. 502-510.
- Gerigk, Horst-Jürgen (2000): *Dostojewskij, der "vertrackte Russe": die Geschichte seiner Wirkung im deutschen Sprachraum vom Fin de siècle bis heute*. Tübingen.
- Gerigk, Horst-Jürgen (2010): *Ein Meister aus Russland: Beziehungsfelder der Wirkung Dostojewskijs; vierzehn Essays*. Heidelberg.
- Groys, Boris (1995): *Die Erfindung Russlands*. München.
- Hansen-Löve, Aage (1999): *Zur Kritik der Vorurteilstkraft; Rußlandbilder*. // *Transit. Europäische Revue* 16, Frankfurt a. M. S. 167-185.
- Hansen-Löve, Aage (2014): *Die Erfindung Sankt Petersburgs: Gründungsmythen und ihre Metamorphosen*. // *Maha El Hissy, Sascha Pöhlmann (Hg.) Gründungsorte der Moderne*, Paderborn.
- Ingold, Felix Philipp (2009): *Die Faszination des Fremden. Eine andere Kulturgeschichte Rußlands*, München.
- Keil, Rolf Dietrich (2011): *Puškin und Gogol Studien*. Köln.
- Kemper, Dirk, Aleksej Žerebin, Iris Bäcker (2011) (Hg.): *Eigen- und fremdkulturelle Literaturwissenschaft*. München (= Schriftenreihe des Instituts für russisch-deutsche Literatur- und Kulturbeziehungen an der RGGU Moskau, 3).
- Kluge, Rolf-Dieter (1998) (Hrsg.) *F. M. Dostojewski: Dichter, Denker, Visionär*. Tübingen.
- Lachmann, Renate (2000): *Stadt als Phantasma. Gogols Petersburg- und Rommentwürfe*. // *Die Stadt in der europäischen Romantik*. Würzburg.
- Lebedeva, Ol'ga (2014): *Aleksandr S. Puškin: sein literarisches Werk in russischen und europäischen Kontexten*. Köln.
- Menzel, Birgit, Christine Engel (2011): *Kultur und/als Übersetzung. Russisch-deutsche Beziehungen im 20. und 21. Jahrhundert*. Berlin.
- Nicolosi, Riccardo (2002): *Der Petersburg-Panegyrik. Russische Stadtliteratur im 18. Jh.* Frankfurt a. M.
- Pries, Andreas H. et al. (2013) (Hgg.): *Rituale als Ausdruck von Kulturkontakt. „Synkretismus—zwischen Negation und Neudefinition. Akten der interdisziplinären Tagung des Sonderforschungsbereiches „Ritualdynamik—Heidelberg, 3.–5. Dezember 2010. Wiesbaden (= Studies in Oriental Religions, 67)*.
- Prunč, Erich (2007): *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft*. Berlin.

Schneider, Martin (1997): Postmeister und Stationsaufseher: eine Studie zur deutschen Puškin-Rezeption. München.

Stagl, Justin (1981): Die Beschreibung des Fremden in der Wissenschaft // Hans Peter Duerr (Hg.), Der Wissenschaftler und das Irrationale. Beiträge aus Ethnologie und Anthropologie. Bd. 1. Frankfurt a.M., S. 96-118.

THE CONCEPT OF THE "PETERSBURG TEXT" IN THE CONTEXT OF STUDIES OF CULTURAL TRANSFER BETWEEN RUSSIA AND GERMANY

Yuri Lileev

PhD, RSUH, Russia, Moscow

j.lileev@gmail.com

The report gives an overview of the basic principles of cultural transfer theory and describes some of the mechanisms in the perception of the "Petersburg text" of Russian literature in the German culture.

Keywords: dialogue of cultures, Russian-German contacts, cultural memory, cultural transfer, cultural identity, Petersburg text.

К ИСТОРИИ НАЗВАНИЯ РОМАНА БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»: ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лилеева Анна Георгиевна

кандидат педагогических наук

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

anna_lileeva@mail.ru

В статье говорится о стратегии представления художественного текста на занятиях РКИ и о семантической значимости названия художественного произведения. Комментируя название романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», культурный компонент значения слов доктор, живой, живаго, историю возникновения названия, можно понять замысел романа и своеобразие стилистической манеры автора в целом.

Ключевые слова: художественный текст, интерпретация на занятиях РКИ, роль заглавия, специфика поэтического слова, лингвострановедение.

Роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» является одним из ключевых романов русской литературы XX века. Он вызывает неизменный интерес исследователей [Иванов 2015; Тюпа, коллектив авторов 2014], читателей и иностранных учащихся. Роман входит в учебные планы филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова («История русской литературы XX века») и в план лекционно-практических занятий для иностранных магистрантов («Язык русских писателей начала XX века») [Магистерская программа 2015]. Но ограниченность учебного времени и рамки занятий вынуждают знакомиться с романом фрагментарно. Перед преподавателем стоит не простая методическая задача выбора фрагмента художественного текста для интерпретации и стратегии его представления на занятии по русскому языку как иностранному. Короткий фрагмент должен предоставить учащимся возможность, как в капле воды, увидеть структуру всего романа и особенности его стиля.

Роман «Доктор Живаго» относится к романам особого типа, исследователи до сих пор спорят о своеобразии жанра романа – что это: роман или развернутое на сотни страниц стихотворение.

В данном споре мы выбираем позицию тех авторов, которые сближают язык романа с языком поэзии Бориса Пастернака. Стихи и проза поэта существует по одним и тем же законам. «Он (Пастернак) объединил поэзию и прозу как единое искусство слова» [Лихачев 1989:26].

Поэтический язык в художественном мире романа Бориса Пастернака – единственный инструмент создания смыслов и образов. В процессе словесного творчества «Соотношение сил, управляющих творчеством, как бы становится на голову. Первенство получает не

человек и состояние его души, которому он ищет выражение, а язык, которым он хочет его выразить». [Борис Пастернак 1989:328]. И если мы поймем поэтические смыслы, возникающие в словах названия романа «Доктор Живаго», мы сможем приблизиться к пониманию замысла автора.

Как известно, в структуре художественного произведения заглавие обладает высокой степенью семантической значимости. «Обычно заглавие произведения, будучи элементом его композиции, служит своеобразным авторским ключом к его художественному миру» [Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении. 2014: 18]. Можно утверждать, что название романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго», которое совпадает с именем главного героя, включает в себе дополнительные художественно-философские смыслы. Комментируя название романа «Доктор Живаго», культурный компонент значения слов доктор, живой, живаго, историю возникновения названия, можно понять своеобразие стилистической манеры автора и дать ключ к пониманию литературного произведения в целом.

Специфика идиостиля романа – сосуществование в нём на равных «бытового» и «бытийного дискурсов». Эта черта стиля проявляется на словесном и образном уровнях поэтических и прозаических частей романа Бориса Пастернака [Аверинцев 1990; Иванов 2015; Лилеева 2011; Седакова 2002]. Размышляя о значимости, новизне евангельских текстов один из героев романа, Николай Николаевич Веденяпин, говорит: «До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии нравственные изречения и правила, заключенные в эпизодах, а для меня самое главное то, что Христос говорил притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. В основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна» [Пастернак 1989: 43]. Эти слова в равной мере относятся и к содержанию, и к повествовательной манере романа «Доктор Живаго». Роман создан в той же повествовательной манере, в которой написано Евангелие. Две стратегии повествования символическая и повседневная; бытовая и бытийная сосуществуют в романе на равных, «просвечивая» одна сквозь другую.

Борис Пастернак не сразу выбрал название романа. Вариантами названия были: Мальчики и девочки; Свеча горела, Рыньва (река, раскинутая настезь); Смерти не будет. Последний вариант – Доктор Живаго – появился к осени 1946 года, через год после окончания Великой Отечественной войны, принесшей неисчислимое количество смертей, когда стремление к жизни было самым пронзительным чувством времени. В этом названии сохранились отголоски названия первоначальной, 1936 года прозы Пастернака «Записки Патрика Живульта».

По свидетельству писателя В. Шаламова, Борис Пастернак так объяснял выбор фамилии для своего главного героя. «– Фамилия героя романа? Это история непростая. Еще в

детстве я был поражен, взволнован строками из молитвы церковной православной церкви: «Ты есть воистину Христос, сын Бога Живаго». Я повторял эту строку и по-детски ставил запятую после слова «Бога». Получалось таинственное имя Христа «Живаго». Но не о живом Боге думал я, а о новом, только для меня доступном его имени «Живаго». Вся жизнь понадобилась на то, чтобы это детское ощущение сделать реальностью — назвать этим именем героя моего романа. Вот истинная история, «подпочва» выбора. Кроме того, «Живаго» — это звучная и выразительная сибирская фамилия (вроде Мертваго, Веселаго). Символ совпадает здесь с реальностью, но не нарушает ее, не противоречит ей» [Пастернак 2005 т.11: 645].

Необходимо подчеркнуть, что эта форма «Христос – сын Бога Живаго» встречается не в каждой молитве, и не во множестве молитв, а в одной единственной молитве – молитве перед самым мистическим таинством в русской православной церкви – причастием, в котором верующий должен участвовать хотя бы один раз в неделю. И значит, каждую неделю верующий человек слышит эту форму «Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго...», которая, оставаясь символически и литургически значимой, в силу своей еженедельной повторяемости превращается для носителя православной культуры в слово с привычным, почти повседневным значением.

В современном русском языке прилагательное «живой» вступает в привычные связи с существительными, реализуя своё прямое (повседневное) и переносное (символическое) значение:

Живой человек (не мертвый)

Живой ребёнок (подвижный)

Живой характер (активный)

Живое слово (художественное, выразительное, обладающее силой воздействия, индивидуальное)

Живой ум (способный воспринимать что-то новое, неожиданное)

Живая вода (в сказках – обладающая силой воскрешения героев)

Живая жизнь (здоровая, активная, наполненная событиями, творческая, свободная, антитеза живой жизни – жизнь, подчинённой схемам и механически повторяемая, как ритуал).

В христианской традиции и в богословии: живой – связанный с животворящей силой Бога. Живое слово, живая вода, живая жизнь – слово, жизнь и вода, наполненные силой Божьей. Например, эпизод встречи Христа и самаритянки у колодца, где Христос новое учение сравнивает с живой водой, в Богословии так и называется «Притча о живой воде» (Евангелие от Иоанна). Живой Бог – Бог вочеловечившийся, воплотившийся.

То есть, сама форма слова Живаго (Живаго – родительный падеж от слова *живой* в

церковно-славянском языке), его этимология и значение дают возможность толкования его как слова с повседневной и литургической семантикой одновременно.

В самом тексте романа фамилия Живаго возникает на первых страницах, и сразу же в своих двух формах: символической и буквальной, бытовой, повседневной.

1. «Прохожие пропускали шествие, считали венки, крестились. Любопытные входили в процессию, спрашивали: «Кого хоронят?» Им отвечали: «Живаго». «Вот оно что. Тогда понятно». – «Да не его. Её». – «Всё равно. Царствие небесное. Похороны богатые» [Пастернак 1989: 15].

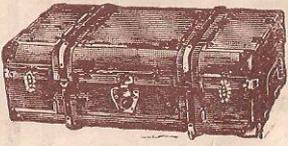
В этих словах, безусловно, звучит, аллюзия на слова ангелов, обращенных к женщинам, которые пришли ранним утром в субботу к гробу Господню, чтобы похоронить его: «Вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они (женщины) были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: что вы ищите живого (живаго) между мертвыми? Его нет здесь...» [Евангелия от Марка, 24].

2. А через несколько страниц читатель встречается фамилию Живаго в контексте рассказа о повседневности: «маленьким мальчиком он (Юра) застал ещё то время, когда именем, которое он носил, называлось множество саморазличнейших вещей. Была мануфактура Живаго, банк Живаго, дома Живаго, способ завязывания и закалывания галстука булавкою Живаго, даже какой-то сладкий пирог круглой формы, вроде ромовой бабы, под названием Живаго, и одно время в Москве можно было крикнуть извозчику «К Живаго!», совершенно, как «к черту на кулички!», и он уносил вас на санках в тридесятое царство, в тридевятое государство» [Пастернак 1989: 16].

«Контекст повседневности», возможно, основан на исторических воспоминаниях автора романа, а фамилия героя романа (отца Юрия Живаго) имеет некоторые исторические корни. Можно предположить, что фамилия Живаго – не просто «звучная и выразительная сибирская фамилия», как рассказывал Борис Пастернак Варламу Шаламову, а также и московская фамилия, или фамилия, которая была достаточно популярна в Москве начала XX века. Так, эту фамилию, например, носила известная купеческая семья из Рязани, чей магазин находился в Москве на Тверской улице в доме 12. Как любой магазин, существующий уже много лет, магазин Живаго имел подобающую вывеску с именем владельца – «Живаго. Офицерские и гражданские вещи. Дорожный и спортивный отделы». В детстве и юности семья Пастернака жила в центральной части Москвы и Борис Пастернак мог много раз проходить мимо этого магазина по пути в университет, в консерваторию или в гости к сестрам Сняжковым, поселившимся на Тверском бульваре в доме 9. Об этом доме и квартире Пастернак вспоминает в «Охранной грамоте» [Сергеева-Клятис А.Ю., Смолицкий В.Г., 2009:362].

Название магазина и фамилию владельца магазина можно было прочесть и в рекламе. Например, на программке балета «Конек-Горбунок или Царь-Девушка» (волшебный балет в 4-х действиях и 11-ти картинах. Музыка Цезаря Пуни), который давался в Большом театре в сезон 1914-1915 годов, на странице, где объясняется содержание третьего акта балета. Премьера балета состоялась в Большом театре 12 декабря 1914 года, спектакль стал ярким театральным событием сезона. Декорации к балету делал художник Константин Коровин. Борис Пастернак мог быть на балете, мог читать программу, и фамилия Живаго могла промелькнуть рядом с множеством других слов либретто.

Магазинъ ЖИВАГО. Существует съ 1822 г.
 МОСКВА, Тверская, № 12. Телеф. № 9-98.

**ОФИЦЕРСКІЯ
и
ГРАЖДАНСКІЯ
ВЕЩИ.**

== ДОРОЖНЫЙ и СПОРТИВНЫЙ ОТДѢЛЫ. ==

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Картина VII. Время идетъ; Ханъ ждетъ Иванушку съ красавицей, а ихъ все нѣтъ да нѣтъ. Ханъ все больше и больше сердится на окружающихъ. Вдругъ все впадаетъ въ глубокой сонъ. Является Иванушка съ Царь-Дѣвицей, будитъ Хана и отдаетъ ему свою плѣнницу. Царь-Дѣвица проситъ Хана отпустить ее:

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ

„ПАУЛЬ КАРЛСОНЪ“.

Сущ. съ 1855 г.

КОТЕЛКИ, ГАЛСТУКИ, ЗАПОНКИ, ТРОСТИ, ЗОНТЫ.

МОСКВА,
Петровка, 10.
С. ПЕТЕРБУРГЪ,
Невскій (д. Зингеръ).

Владелец магазина – тверской купец Сергей Афанасьевич Живаго (1794–1866) и его потомки имели в Рязани «Банк Живаго» (до 1918 года), а в Москве мануфактуру – «Фабрику по производству офицерского и гражданского обмундирования, названную в документах «волочильной, меди позолоченной, посеребренной и эполетной» и магазин, где продавалась

продукция фабрики [Сайт, посвященный истории Рязани <http://rounb.ru/kraeved/ryazan-region/daty/1915/>].

Родной брат Сергея Афанасьевича Живаго Семен Афанасьевич Живаго (1805–1863) был академиком, профессором исторической живописи, известным своими полотнами на библейские темы. С.А. Живаго участвовал в росписи Исаакиевского собора. Он был автором эскизов мозаики «Тайная вечеря» и росписи «Моление о чаше» третьего яруса главного иконостаса Исаакиевского собора. В настоящее время работа «Моление о чаше», выполненная Семеном Живаго, – один из наиболее известных и цитируемых образов на эту тему.

«Моление о чаше» в Гефсиманском саду – ключевой сюжет романа, тема и содержание первого и последнего стихотворений Юрия Живаго «Гамлет» и «Гефсиманский сад».

На меня наставлен сумрак ночи
Тысячью биноклей на оси.
Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.
(Гамлет)

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом для житья.

И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца.
(Гефсиманский сад)

Вряд ли Борис Пастернак знал имена и фамилии всех художников, участвовавших в росписи Исаакиевского собора, но фамилия эта могла попадаться ему в книгах по искусству, которые выписывал его отец, известный художник и профессор Училища Живописи Ваяния и Зодчества. Атмосфера живописи была главенствующей в доме Бориса Пастернака в детстве. Александр Пастернак, брат поэта, пишет в своих воспоминаниях: «Над всем доминировала живопись <...>. Все было подчинено живописи – участок, здание, квартира и

мы сами! <...> Всё происходящее осенял, как громадными крылами, мир Живописи. А музыка, которая так решительно действовала на наше развитие и с нами срасталась, без которой я вдвойне стал сиротой, признавалась всем ходом нашей жизни и этими могущими крылами лишь как дополнение. Всеми придатками этих крыл – вроде периодического появления у нас кого-нибудь из библиотечных служителей или швейцаров, нагруженных кипой фолиантов по искусству <...> [Александр Пастернак, 2005: 6]. Мог Борис Пастернак эту фамилию также услышать и запомнить, гуляя по Петербургу в свои гимназические каникулы, – «Гимназистом третьего или четвертого класса я по бесплатному билету, предоставленному дядей, начальником петербургской товарной станции Николаевской железной дороги, один ездил в Петербург на Рождественские каникулы. Целые дни я бродил по улицам бессмертного города, точно ногами и глазами пожирая какую-то гениальную книгу <...>». [Пожизненная привязанность, 2000:8].

Представляется интересным, что в исторической повседневности конца XIX и начала XX веков фамилию Живаго носили два человека, представляющие две сферы человеческой деятельности, практическую и художественную, и, таким образом, фамилия Живаго оказывается связанной с двумя культурными кодами: с бытовым (фабрикант и банкир Живаго) и бытийным, символическим (Живаго – художник).

Не стоит утверждать, для этого нет достаточных аргументов, что во время написания романа Борис Пастернак был знаком с историей купеческой семьи Живаго, но, безусловно, эта фамилия могла сохраниться в детской и юношеской памяти поэта, так же, как и слова причастной молитвы «к Богу Живаго». А потом «всплыть в памяти» через много лет, как «всплыл в памяти» Юрия Живаго через много лет образ свечи, увиденный им в Камергерском переулке, и превратился в ключевое стихотворение романа «Зимняя ночь». Возможно, что точно также «всплыли» в памяти Бориса Пастернака детские, давно забытые впечатления: вывеска магазина, реклама магазина, имя владельца – Живаго и фрески Исаакиевского собора, имя художника – Живаго, и превратились в фамилию и заглавие романа «Доктор Живаго». Ставить равенство между процессом творчества вымышленного героя и реального автора нам позволяют неоднократные ссылки самого Бориса Пастернака и исследователей его творчества на то, что Борис Пастернак отдал своему герою свои чувства и мысли. В письме к Ольге Фрейденберг от 13 октября 1946 года Борис Пастернак писал: «...эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое. Роман пока называется "Мальчики и девочки". Атмосфера вещи – мое христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское и толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным. Это все так важно и краска так впопад ложится в задуманные очертания, что я не протяну и года, если в течение его не

будет жить и расти это мое перевоплощение, в которое с почти физической определенностью переселились какие-то мои внутренности и частицы нервов» [Пожизненная привязанность 2000: 286].

Дмитрий Лихачев, подчеркивая жанровое своеобразие романа «Доктор Живаго», писал: «Перед нами вовсе не роман, а род автобиографии самого Пастернака – автобиографии, в которой удивительным образом нет внешних фактов, совпадающих с реальной жизнью автора. И, тем не менее, автор (Пастернак) как бы пишет за другого о самом себе. Это духовная автобиография Пастернака, сбивающая неопытного читателя с толку своим тяготением к лирической поэзии <...> Пастернак пишет о себе как о постороннем и придумывает себе жизнь, в которой он мог бы вывести себя перед читателем с наибольшим раскрытием своей внутренней жизни» [Лихачев 1989].

Роман «Доктор Живаго» – это одновременно и притча о судьбе русского интеллигента, поэта доктора Живаго, и инобытие русского Бога Живаго, а также – «лирический дневник» автора романа, написанный его героем. Автора и героя романа объединяют не только историко-биографические совпадения жизни (которых не много), а, прежде всего, манера думать, чувствовать и выражать свои мысли в поэтической форме.

История возникновения названия романа «Доктор Живаго» убедительный пример того, что любой художественный текст – это, с одной стороны, жестко организованная самодостаточная система, в которой главенствует язык и его законы, а, с другой стороны, – это часть духовной культуры общества и языка, на котором он написан, а также отражение «личной истории» автора [Иванов 2015: 194]. Художественный текст входит в системные связи разного уровня как со словесными текстами культуры, так и с широким контекстом других видов искусств. Понять художественный текст – значит прокомментировать эти связи.

ЛИТЕРАТУРА

- Борис Пастернак. Полное Собрание Сочинений в одиннадцати томах. М.: «Слово», 2005.
- Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989.
- Аверинцев С.С. Пастернак и Мандельштам: опыт сопоставления. Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1990, № 3 (49). С. 213–217.
- Борисов В.М. Река, распахнутая настежь / Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: Книжная палата, 1989. С.409-429
- Иванов Вяч. Вс. Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015.
- Пожизненная привязанность. М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000. 416с.
- Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении. Коллективная монография/ под. Ред. В.И. Тюпы. М.: Intrada, 2014.-512с.
- Лилеева А.Г. Б. Пастернак «Рождественская звезда». Лингвостилистический анализ. / Русская словесность, 2011, № 1.
- Лилеева А.Г. Поэзия и проза в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»/ Русская словесность, 1997, № 4.
- Лихачев Д.С. Борис Леонидович Пастернак / Вступительная статья к СС Бориса Пастернака. М.: 1989.

Пастернак А.Л. Из воспоминаний / Борис Пастернак. Полное Собрание Сочинений в одиннадцати томах, т.11. М.: «Слово», 2005.

Седакова О. ««Неудавшаяся Епифания»: два христианских романа – «Идиот» и «Доктор Живаго»// Континент. 2002, № 112.

Сергеева-Клятис А.Ю., Смолицкий В.Г Москва Пастернака. М.: Совпадение, 2009.

Варлам Шаламов Пастернак/ Борис Пастернак. Полное Собрание Сочинений в одиннадцати томах, т.11. М.: «Слово», 2005.

Сайт, посвященный истории Рязани и истории купеческого рода Живаго:
<http://rounb.ru/kraeved/ryazan-region/daty/1915/>

THE HISTORY OF THE TITLE OF BORIS PASTERNAK'S NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO": LINGUOCULTURAL ASPECT

Anna Lileeva

Phd, Lomonosov MSU, Moscow, Russia

anna_lileeva@mail.ru

The article refers to the semantic significance of an artwork title. By commenting on the title of Boris Pasternak's novel "Doctor Živago", the cultural components of such words as —*doctor*”, —*žvoj*”, —*žvago*” and the history of the title one can get a more complex understanding of the novel and the originality of the stylistic mannerisms of the author in general.

Keywords: Artistic text, text interpretation in the process of teaching Russian as a foreign language, novel titles, the specificity of the poetic word, linguoculturology.

ОБРАЗ ГЕРОЯ РОМАНА Г. ГАЗДАНОВА «ВЕЧЕР У КЛЭР»: КАТАСТРОФИЧНОСТЬ СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОТряСЕНИЙ

Тан Мэн Вэй (Тайвань)

магистр филологических наук,

*аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

vasily.tang@gmail.com

В статье анализируются жизненный путь и духовное становление главного героя дебютного романа Г. Газданова «Вечер у Клэр». Революции, войны, раскол нации – все эти трагические события начала XX века в России не только радикально изменили судьбу самого писателя, но и во многом определили художественное своеобразие его прозы, оказали сильное воздействие на его творческую манеру. Основываясь на реальных фактах раннего периода своей жизни, Газданов в романе «Вечер у Клэр» создает уникальный образ героя-эмигранта, тонко описывает его внешние жизненные обстоятельства и внутреннее душевное состояние перед лицом колоссального исторического потрясения.

Ключевые слова: Г. Газданов, «Вечер у Клэр», литература русского зарубежья, первая «волна» русской эмиграции, младшее поколение писателей-эмигрантов, катастрофичность сознания.

Первая треть XX столетия – один из самых сложных и противоречивых периодов в истории России. Это эпоха больших перемен и потрясений: революция 1905 года, первая мировая война, обе революции 1917 года, гражданская война, НЭП – все эти события оказали влияние не только на развитие политической ситуации мира в целом, но и, в частности, на культуру, язык и дух русского народа. Родившиеся в самом начале XX столетия, катастрофическое сознание и хаотичное мировоззрение витали в воздухе, их возникновение и развитие можно проследить в художественном опыте поэтов серебряного века (в стихотворениях А.А. Блока, А. Белого). Далее, после раскола нации в 1920-е годы, они продолжали утверждаться в творчестве русских писателей внутри страны (в поэзии – О.Э. Мандельштам, А.А. Ахматова; в прозе – М.А. Булгаков, А.П. Платонов) и в эмиграции, являлись примечательными чертами литературы этого периода.

Апокалиптические темы и мотивы занимают довольно заметное место в работах культурных деятелей первой волны русской эмиграции (например, в статьях Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева). По сути дела, национальная трагедия, вызванная Октябрьской революцией и последующей Гражданской войной, обернулась, кроме колоссальных человеческих жертв, и к уходу миллионов русских людей, покинувших Родину. Масштаб ухода в эмиграцию можно сравнивать с библейским Исходом. На чужбине русских изгнанников встречали полная нищета, страшное одиночество, вечная тоска, новые мучения и страдания. Они, вместе с тем, остро переживали и европейский кризис, эпоху безвременья, которую В.Ф. Ходасевич назвал «европейской ночью». Осознание переживаемой

исторической и человеческой катастрофы и предчувствие катастрофы грядущей проникает в психологию изгнанников – в частности, писателей русского зарубежья, – влияет на их творческое видение и поведение.

Практически во всех произведениях Гайто Газданова как писателя, полностью выросшего и поднявшегося в эмигрантской среде, остро ощущается катастрофичность бытия, которая оказывает сильное воздействие на его творческую манеру. Один из первых исследователей творчества Газданова в России Ст. Никоненко утверждает, что «мир, созданный воображением Газданова, был отличен от других миров. Истоком этого мира служил богатейший собственный несладкий жизненный опыт, который мало кому выпадал на долю в столь короткие сроки. И дело даже не во внешних перипетиях, эмигрантских мытарствах, постоянном хождении по грани между жизнью и смертью в период Гражданской войны, в стремлении выжить во что бы то ни стало в чужом и чуждом зарубежье без средств к существованию, без профессии и связей. Вся эта как бы внешняя жизнь сочеталась с напряженнейшей жизнью духа, с осмыслением судьбы собственной и судеб тех русских, кого забросило в Европу, почти для всех неприятную, чуждую, чужую» [Никоненко 1996: 27].

Как и большинство изгнанников первой волны русской эмиграции, Гайто Газданов вышел из среды интеллигенции. Он родился в культурной столице России – в Петербурге, в состоятельной осетинской семье. Отец Газданова – Баппи (Иван) Сергеевич Газданов – выходец из большой осетинской семьи, переселившейся во Владикавказ с начала XIX столетия, известной в Осетии своими военными и культурными традициями. Он был человеком чрезвычайно энергичным, открытым и жизнерадостным, служил в лесном ведомстве, увлекался биологией и географией. Его самыми любимыми занятиями были наука и путешествия; большей радости, чем заниматься этим, он в жизни себе не находил. Открытость всему новому и любознательность сделала его очень большим интеллектуалом своего времени и интереснейшим собеседником. Вот так Гайто Газданов вспоминает о своем отце в романе «Вечер у Клэр»: «Он всегда был занят химическими опытами, географическими работами и общественными вопросами. Это всецело его поглощало, и об остальном он нередко забывал – точно остального и не существовало» [Газданов 1996: 53]. Отец был самым близким человеком для маленького Гайто, по вечерам он рассказывал своему сыну продолжение бесконечной сказки, передавал ему необыкновенный дар фантазировать. Мальчик привязывался к этим сказкам так, что огорчался до слез, когда отец был в отъезде. К большому сожалению, глава семьи покинул свой земной путь в 1911 г. после сильной простуды. Гайто больше никогда не видел отца, и фантастические рассказы больше никогда не звучали в его комнате. Можно предположить, что раннее столкновение со смертью поразило писателя до глубины души, это событие зародило в душе Газданова особое

ощущение катастрофичности бытия, которым пронизаны все его произведения. Болезненные воспоминания об утраченном прошлом будут одной из центральных тем в дальнейших творческих исканиях писателя.

Мать Газданова – Вера (Дика) Николаевна Абадиева – росла и воспитывалась в доме своего дяди в Петербурге. Их дом, расположенный по адресу: Кабинетская улица, дом семь, долгое время служил центром своеобразной осетинской общины в русской столице, являлся культовым местом в жизни нескольких поколений осетинской интеллигенции. С самого детства для нее приглашали лучших учителей, она прекрасно знала несколько иностранных языков, обладала хорошим литературным и музыкальным вкусом. Отличное образование и интеллигентная среда породили высокообразованную для своего времени женщину. Гайто Газданов всегда с восхищением рассказывал о своей матери, считая ее удивительной женщиной: «Петербург, в котором она прожила до замужества, чинный дом бабушки, гувернантки, выговоры и обязательное чтение классических авторов оказали на нее свое влияние. (...) По-французски и по-немецки она говорила с безукоризненной точностью и правильностью, которая могла бы, пожалуй, показаться слишком классической; но и в русской речи моя мать употребляла только литературные обороты и говорила с обычной своей холодностью и равнодушно-презрительными интонациями. (...) Она любила литературу так сильно, что это становилось странным. Она читала часто и много; и, кончив книгу, не разговаривала, не отвечала на мои вопросы; она смотрела прямо перед собой остановившимся, невидящими глазами и не замечала ничего окружающего. Она знала наизусть множество стихов, всего "Демона", всего "Евгения Онегина", с первой до последней строчки» [Газданов 1996: 62-64].

Семейный мир и быт в доме Газдановых были постоянно пронизаны любовью к науке и словесному искусству. Культ образования и физических упражнений, постоянное путешествие по городам, совершенно свободное поле мышления сыграли заметную роль в формировании мировоззрения маленького Гайто, оказали большое влияние на творческую манеру будущего писателя. С самых ранних лет он впитывал в себя многовековые осетинские обычаи и тысячелетнюю европейскую культуру, наследовал лучшие традиции русской интеллигенции – это переплетение культур сформировало разностороннюю личность, активную и волевою, судьбой которой стала жизнь писателя-эмигранта. Об этом пишет О.М. Орлова: «Древние осетинские корни и европейское воспитание родителей Гайто были реальным отражением причудливого переплетения людских судеб эпохи *fin de siecle* (конец века. фр.)» [Орлова 2003: 12]. Судьба однажды бросила его на самое дно, но он поверил в себя и свои силы, гордо сохранил благородство души и стремлений, завоевал признание и уважение среди своих соотечественников на чужбине. Хотя сам Газданов осетинским языком

практически не владел, он крайне бережно относился к своему осетинскому происхождению, каждое свое произведение он подписывал только осетинским именем – Гайто, а не официальным именем при крещении – Георгием. Наличие двух имен с рождения, по мнению О.М. Орловой, имеет свое символическое значение, словно заранее уже определяя главную тему его творчества – тему двойственного начала существования, в котором события внешней и внутренней жизни находят точки соприкосновения [Орлова 2005: 8].

«Я привыкал жить в прошедшей действительности, восстановленной моим воображением. Моя власть в ней была неограниченна, я не подчинялся никому, ничьей воле; и долгими часами, лежа в саду, я создавал искусственные положения всех людей, участвовавших в моей жизни, и заставлял их делать то, что хотел, и эта постоянная забава моей фантазии постепенно входила в привычку» [Газданов 1996: 50-51]. – сообщает о себе Николай Соседов – герой-рассказчик романа «Вечер у Клэр». Основанный на реальных фактах раннего периода жизни самого писателя, роман «Вечер у Клэр» Газданова сочетает в себе документальность и вымысел. В нем отражены не только личный житейский и духовный опыт писателя, но и его богатейшая авторская творческая фантазия. Как и его создатель, с детства герой романа много читал, мечтал о кругосветных путешествиях, жаждал открыть для себя новый мир. Родители с большой любовью воспитывали своего единственного сына, пытались обеспечить все условия для семейного благосостояния, хотя наверняка они уже чувствовали, что их мир разрушался с каждым днем: шло время совершенно непростое – первые два десятилетия XX века – время больших перемен и потрясений в истории России. Незадолго до войны жизнь семьи кардинально изменилась: умерла главная опора семейства – любимый муж и любящий отец Сергей Александрович, умерли еще и две сестры. Герой остался вдвоем с матерью. Он был отправлен учиться в кадетский корпус, затем, не привыкший к суровой дисциплине и грубым окрикам, вскоре перешел в гимназию в Харькове. Уходя из семейного круга, еще в период учебы, герой начал формировать новое, особое отношение к окружающему миру: он смотрел на все происходящее только со стороны, как наблюдатель, он никогда не был активным участником событий, не пытался вписаться в настоящую реальность. Он немного отстранялся от людей, живущих и действующих рядом, хотя тонко и остро улавливал характер и настроение каждого из всех, кто окружал его. Мир манил его, но он смотрел на него, как вдумчивый философ.

Стоит отметить, что такое отношение героя к окружающему миру отражало отношения с миром самого Газданова, герой унаследовал черты характера своего создателя. Удивительно, но писатель не изменил своего внешнего поведения до конца жизни, оставался таким, каким он себя описывал в свои 26 лет. «Газданов был человеком замкнутым, –

вспоминала Т.А. Осоргина в письме Ст. Никоненко 26 апреля 1989 года – Жизнь его была очень трудная и матерьяльно, и лично. Он об этом не говорил. (...) Человек был умный, но умом острым и ехидным. Не был совершенно злым, но иногда очень метко подмечал смешные стороны у человека» [Никоненко 1996: 20].

Для полноты раскрытия взглядов на жизнь в романе нужен был диалог, который будет постепенно вести читателя к глубоким мыслям, а для диалога нужен был тонкий и умный собеседник. Героя с таким сложным, глубокомысленным характером мог понять только человек того же духовного склада, и этим человеком в романе оказался дядя Виталий – скептик и романтик, отставной драгунский офицер. Эпизоды их бесед являются ключевыми моментами романа «Вечер у Клэр», в котором выражены авторские оценки истории и судьбы русского народа на фоне колоссального переворота начала XX века. В пятнадцать лет, не заканчивая среднего образования, герой романа решил идти на Гражданскую войну, сражаться на стороне Добровольческой армии. В Кисловодске, где летом герой проводил свои каникулы у родственников по отцовской линии, он рассказывал своему дяде, чем руководствовался при решении вступить в армию белых: «Мысль о том, проиграют или выиграют войну добровольцы, меня не очень интересовала. Я хотел знать, что такое война, это было все тем же стремлением к новому и неизвестному. Я поступал в Белую армию потому, что находился на ее территории, потому, что так было принято; и если бы в те времена Кисловодск был занят красными войсками, я поступил бы, наверное, в Красную армию» [Газданов 1996: 111]. Выбор Газданова, таким образом, не был связан с каким-то политическим убеждением или идеологической направленностью. И главное, что определило это событие: в его жизни наступило время самостоятельно принимать важные решения, чему посвятить себя. Он всегда стремился к неизвестному, жаждал открыть для себя мир, увидеть его своими глазами, и на войне он надеялся встретить то, что постоянно искал в этой жизни.

« – Это гимназический сентиментализм, – терпеливо сказал Виталий. – Ну, хорошо, я скажу тебе то, что думаю. Не то, что можно вывести из анализа сил, направляющих нынешние события, а мое собственное убеждение. Не забывай, что я офицер и консерватор в известном смысле и, помимо всего, человек с почти феодальными представлениями о чести и праве. – Что же ты думаешь? Он вздохнул. – Правда на стороне красных» [Газданов 1996: 113-114].

Дядя Виталий – человек с непростой и необыкновенной судьбой. Пятилетняя жизнь в заключении и печальная семейная история изменили его характер, после чего он стал задумчивым, равнодушным, мрачным, в нем порой проявлялись мизантропические настроения. Он жил довольно одиноко, все время все и всех ругал и критиковал. Все, даже родственники, считали его жестоким человеком, только герой хорошо его понимал, видел в

нем громадные способности. Они были близки по духу и одинаково развиты интеллектуально, оба имели богатый духовный внутренний мир. Виталий был настоящим эрудитом в области искусства, философии и социальных наук. По его убеждению, командование Белой армии не знает законов социальных отношений. Ведь Россия – страна крестьянская, и в данный момент эта страна «вступает в полосу крестьянского этапа истории, сила в мужике, а мужик служит в Красной армии» [Газданов 1996: 111]. Дядя считает такую смену власти совершенно естественным природным явлением, как процесс образования коралловых островов: «Белые представляют из себя нечто вроде отмирающих кораллов, на трупах которых вырастают новые образования. Красные – это те, что растут» [Газданов 1996: 113].

Еще в начале XX века, в самый разгар Гражданской войны, дядя Виталий уже предвидел всю тенденцию развития событий, точно предсказывал вероятность переосмысления и переоценки истории, которые будут происходить в последующее столетие в России: «Если ты останешься жив после того, как кончится вся эта резня, ты прочтешь в специальных книгах подробное изложение героического поражения белых и позорно-случайной победы красных – если книга будет написана ученым, сочувствующим белым, и героической победы трудовой армии над наемниками буржуазии – если автор будет на стороне красных» [Газданов 1996: 113]. Такие практически пророческие слова мог высказать только человек с настоящим живым, острым умом, богатым жизненным опытом и философскими взглядами на жизнь. Неслучайно Осоргин в своей рецензии назвал «Вечер у Клэр» настоящим «романом эпохи», при этом обращая особое внимание на роль «дяди Виталия», который по духу и характеру автору несомненно близок [Осоргин 1930].

Так, в конце 1919 г., простившись с родными и друзьями, герой отправился на фронт к добровольцам «без убеждения, без энтузиазма, исключительно из желания вдруг увидеть и понять на войне такие новые вещи» [Газданов 1996: 119-120]. Николая, оказавшегося на борту бронепоезда «Дым» в рядах артиллерийской команды, прежде всего поражала трусость окружающих его людей. Честь, дисциплина и боевой дух у добровольцев таяли с каждым днем, когда одно поражение следовало за другим. Ощущение катастрофичности бытия царило в воздухе, пронизывало душу Белой армии. Чувство покинутости, отчаяния и бессилия выражается не только в описании душевного состояния рядовых-добровольцев, но и в изображении самого образа бронепоезда: «Целый год бронепоезд ездил по рельсам Таврии и Крыма, как зверь, загнанный облавой и ограниченный кругом охотников. Он менял направления, шел вперед, потом возвращался, затем ехал влево, чтобы через некоторое время опять мчаться назад. На юге перед ним расстилалось море, на севере ему заграждала путь вооруженная Россия. А вокруг вертелись в окнах поля, летом зеленые, зимой белые, но

всегда пустынные и враждебные» [Газданов 1996: 139-140]. Создавалось ощущение, что впереди дороги уже больше нет, и нет выхода из этой ужасной войны. Как загнанные звери, обреченные на гибель, дрались эти добровольцы.

Как и предсказывал дядя Виталий, герой, попав на поле сражений, осознал, каков же размер пропасти между интеллигенцией и народом, между ним самим и простым сельским жителем. «Я не умел разговаривать с крестьянами и вообще в их глазах был каким-то русским иностранцем» [Газданов 1996: 128]. Герой не понимал многих, по мнению крестьян, простых, элементарных вещей. Хотя он с детства получил лучшее образование, увлекался природными и социальными законами, владел хорошим литературным русским и некоторыми иностранными языками, все это не пригодилось ему в общении с большинством населения страны. Ему даже не удалось выполнить приказ командира купить свинью в деревне, поскольку его «особая» языковая манера и поведение сразу вызвали недоверие и насторожили простой народ. «И всегда бывало так, что там, где мне приходилось иметь дело с крестьянами, у меня ничего не выходило; они даже плохо понимали меня, так как я не умел говорить языком простонародья, хотя искренне этого хотел» [Газданов 1996: 129]. Такое настроение героя полностью отражало тогдашнее нелегкое положение интеллигенции в России. Долгое время интеллигенция занимала довольно высокое место в российском обществе: ее ценили, уважали, признавали как неформального лидера в истории развития страны, ее деятельность оказывала большое влияние на все сферы жизни России. Еще в начале XIX века интеллигенция уже понимала, что одной из самых острых проблем в развитии страны оставались взаимоотношения высшего сословия с крестьянским миром. Она пыталась ввести реформы в общественно-социальную структуру страны, старалась снять дистанцию между двумя опорными силами государства, стремясь «слиться с народом», однако все эти попытки были напрасны. Ее «хождение в народ» потерпело неудачу, противоречие между двумя силами общества не разрешалось, а наоборот, усугублялось и обострялось с каждым днем. Наступил XX век и пробудилась «сила мужика», которая стояла на стороне Красной армии. Рабочему и крестьянину лозунги и пропаганда компартии были намного ближе и яснее, чем призывы интеллигенции. Бурное течение последующих исторических событий уничтожило старый строй страны, немалая часть интеллигенции вынуждена была покидать Родину, плыть по открытому океану и отыскивать пристанище на чужой земле.

«В Севастополе яснее, чем где бы то ни было, чувствовалось, что мы доживаем последние дни нашего пребывания в России. Приплывали и отплывали пароходы, уходили с берега английские и французские матросы, и их корабли скрывались в море – и, казалось, возвращаться отсюда назад в Россию невозможно» [Газданов 1996: 145]. Предчувствие

грядущей катастрофы, грозящей гибелью уходящей России, с каждым днем становилось все сильнее и острее. Герой тонко чувствует внутренние волнения и переживания жителей этого прибрежного города, в нем царят глубокая тоска и чувство безнадежности: «Вся грусть провинциальной России, вся вечная ее меланхолия наполняла Севастополь» [Газданов 1996: 146]. Весь город, его пейзаж, атмосфера и люди вызывают у героя апокалиптические чувства и настроения, напоминая библейские сюжеты: «Черное море представлялось мне как громадный бассейн Вавилонских рек, и глиняные горы Севастополя – как древняя Стена Плача» [Газданов 1996: 146]. Именно такой дух охватил ряды Белой армии, когда началось последнее наступление.

Осенью 1920-го года бронепоезда «Дым» уже больше не было, он был захвачен Красной армией, команда его разбежалась. Герой с отступающими войсками стал пробиваться к побережью Крыма, готовиться к эвакуации. Он отчетливо осознал, что наступило время расстаться с Родиной, которую любил всей душой. Он знал даже, что в своей оставшейся жизни, вероятно, больше не увидит любимую мать, семейный очаг и землю, где похоронены отец и сестры. Хотя его внутренние переживания не получали внешнего проявления, но сердце его было полно неизмеримой грусти и печали. Настал, пожалуй, самый темный и мрачный момент всего романа «Вечер у Клэр»: «Однажды я убил из винтовки нырка; он долго качался на волнах и должен был, казалось, вот-вот подплыть к берегу, но прибрежное течение снова относило его, и я ушел только тогда, когда стемнело и нырок стал не виден. С таким же бессилием и мы колебались на поверхности событий; нас относило все дальше и дальше – до тех пор, пока мы не должны были, оставив зону российского притяжения, попасть в область иных, более вечных влияний и плыть, без романтики и парусов, на черных угольных пароходах прочь от Крыма, побежденными солдатами, превратившимися в оборванных и голодных людей» [Газданов 1996: 145]. Здесь герой сопоставляет разгромленную Белую армию с трупом нырка, который всё дальше относит от берега течением. Хотя всех тянет родной берег, Россия, в которой они родились, выросли и проявили себя на войне, выступая защитниками старого мира и ценностей, однако народ, как и история, оказываются против них, всеми силами отталкивают этих, ненужных новому времени, людей. С этого момента тело и воля Белой армии уже больше от нее не зависит. Прежняя жизнь белогвардейцев закончилась вместе с горящей Феодосией. На родной земле для них больше нет места. Их выбросило на самое дно.

Обращаясь к этому фрагменту, заметим, что, несмотря на всю горечь и тяжесть воспоминаний героя, которые наполнены апокалиптическим чувством, на протяжении всего романа «Вечер у Клэр» он довольно сдержанно выражает свои эмоции, спокойно относится к внешним событиям и смотрит на все происходящее как бы со стороны, как наблюдатель. И

только в этот момент, когда герой вынужденно покидает родную землю, он открывает нам свое истинное лицо – насколько ему больно бросать свою Родину.

«Долго еще потом берега России преследовали пароход. (...) Все дальше и слабее виднелся пожар Феодосии, все чище и звучнее становился шум машин; и потом, впервые очнувшись, я заметил, что нет уже России и что мы плывем в море, окруженные синей ночной водой, под которой мелькают спины дельфинов, и небом, которое так близко к нам, как никогда» [Газданов 1996: 152]. Как и в библейском сюжете о Ноевом ковчеге, старый мир разрушился, превратился в пепел. Отправляясь в путь к неизвестному будущему, в этот темный отчаянный момент, человек начинает копаться внутри себя, разбираться в своем прошлом. Он старается освободить свою душу от оков, сбросив с себя тяжкое бремя, и только тогда он может заметить неявный свет вокруг него, который дает новую надежду, новый заряд энергии жизни. И под этим светом стоит Клэр:

« – Клэр, – сказал я про себя и тотчас увидел ее в меховом облаке ее шубы. (...) И я стал мечтать, как я встречу Клэр в Париже, где она родилась и куда она, несомненно, вернется. Я увидел Францию, страну Клэр, и Париж, и площадь Согласия; и площадь представилась мне иной. (...) Она всегда существовала во мне; я часто воображал там Клэр и себя – и туда не доходили отзвуки и образы моей прежней жизни» [Газданов 1996: 151-152]. Имя Клэр в переводе с французского языка означает «светлый, чистый и ясный». Несмотря на то, что в гимназические годы эта загадочная француженка принесла герою не самые сладкие, радостные переживания, а, напротив, настоящие мучения и страдания – тем не менее в самые трудные, темные минуты жизни мысль о встрече с ней освещает жизнь героя, указывая ему новый путь, и спасает его от отчаяния, одиночества и даже самоуничтожения. «Уже на пароходе я стал вести иное существование, в котором все мое внимание было направлено на заботы о моей будущей встрече с Клэр. (...) И когда я думаю о ней, все вокруг меня звучит тише и заглушеннее, – что эта Клэр будет принадлежать мне» [Газданов 1996: 153]. Мысль о встрече с Клэр согревает душу героя и становится спасительным маяком в океане тьмы, который помогает ему выбраться из бездны горя и отчаяния. Их война уже окончена, и обратного пути в Россию уже нет, но на том берегу океана их ждет новая жизнь, в которой все только начинается.

Думается, что такая концовка романа с явным стремлением добиваться чего-то высшего, прекрасного, ранее недостижимого на новой земле отражает желания самого Газданова. Как верно отмечает Л. Диенеш: «Можно думать об эмиграции не как о несчастье, а как о новой жизни, о новой задаче, даже как о некоем освобождении. (...) Да, работать без стимула, ни для кого – тяжелая доля, но, как всегда, есть и оборотная сторона медали: можно отнестись к этому как к "вызову", как к борьбе за преодоление препятствий, как к задаче –

духовной, душевной, даже художественной – найти смысл жизни внутри себя, если ничто вокруг не помогает, если ничто кругом этого смысла не придает» [Диенеш 1996: 8]. И действительно, пройдя через все испытания, в Париже герой романа нашел свою любовь, Клэр, провел с ней вечера, о которых раньше он мог только мечтать. А сам создатель романа, найдя «смысл жизни внутри себя», после выхода «Вечер у Клэр» приобрел всеобщую славу на чужбине, занял заметное место в молодой русской эмигрантской литературе. Их несчастье одновременно было и их удачей.

Проанализировав жизненный путь и духовное становление молодого героя романа Газданова «Вечер у Клэр», можно сделать вывод о том, что уже дебютный роман писателя воплощает в себе катастрофичность сознания, которая характерна для всего его творчества. Заметнее всего она проявляется в сценах, связанных с Гражданской войной: и в прямом высказывании (диалог героя с дядей Виталием), и в образности (бронепоезд, убитый нырок), и в пейзаже (плачущий Севастополь, горящая Феодосия). Косвенным выражением этой черты мироощущения стал и уход повествования в глубины внутренней жизни героя, часто дающее знать о себе отстранение от событий жизни внешней. Истоком формирования этого мироощущения служил тяжелейший собственный жизненный опыт, который выпал на долю Газданова на фоне больших исторических перемен и потрясений. Революции, войны, раскол нации – все эти трагические события начала XX века в России не только радикально изменили судьбу самого писателя, но и во многом определили его художественную направленность, оказали сильное воздействие на его творческую манеру. Основываясь на реальных фактах раннего периода своей жизни, Газданов в романе «Вечер у Клэр» создает уникальный образ героя-эмигранта, тонко описывает его внешние жизненные обстоятельства и внутреннее душевное состояние перед лицом колоссального исторического потрясения. Роман по праву считается одним из лучших среди произведений о Гражданской войне, в нем показаны метания и поиски души русского интеллигента после трагического разрыва с Родиной, обретение внутренней силы и воплощение мечты на чужой земле.

ЛИТЕРАТУРА.

- Газданов Г.И. Вечер у Клэр // Собрание сочинений в 3 томах. – М.: Согласие, 1996. Т. 1.
Диенеш Л. Писатель со странным именем // Гайто Газданов. Собрание сочинений в 3 томах. – М.: Согласие, 1996. Т. 1. С. 8.
Никоненко С.С. Загадка Газданова // Гайто Газданов. Собрание сочинений в 3 томах. – М.: Согласие, 1996. Т. 1.
Орлова О.М. Газданов. – М.: Молодая гвардия, 2003.
Орлова О.М. Проблема автобиографичности в творческой эволюции Гайто Газданова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О.М. Орлова; Мос. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва: 2005.
Осоргин М.А. Вечер у Клэр // Последние новости. 1930. 6 февраля.

**THE HERO OF GAITO GAZDANOV'S "AN EVENING WITH CLAIRE" NOVEL:
CATASTROPHICITY OF CONSCIOUSNESS IN THE ERA OF HISTORICAL SHOCKS**

Tang Men Wei

*Master of Philology, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
vasily.tang@gmail.com*

The paper analyses the life and spiritual formation of the lead character of G. Gazdanov's 'An Evening with Claire' debut novel. Revolutions, wars, split of nation – all these tragic events in Russia of the early 20th Century not only radically changed the fate of the writer, but also in many aspects determined the imaginative distinctness of his prose and had a profound effect on his creative style. Basing on real facts of his early period of life, in 'An Evening with Claire' novel, Gazdanov created a unique figure of emigrant and delicately described his outer life circumstances and inner state of mind in the face of a terrific historical shock.

Keywords: G. Gazdanov, "An Evening with Claire", Russian émigré literature, first wave of Russian emigration, the younger generation of émigré writers, catastrophicity of consciousness.

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ Н.ЗАБОЛОЦКОГО

Окулова Софья Николаевна
аспирант ИМЛИ РАН, Москва, Россия
zubkova.son@gmail.com

В статье рассматриваются особенности «Городских столбцов» Николая Заболоцкого. Их лексика входит в активный запас современного русского языка. Знакомство студентов, изучающих русский язык как иностранный, с поэтическим словоупотреблением помогает расширить понимание значения этих слов, нюансы их использования в литературной и разговорной речи.

Ключевые слова: русская поэзия, Николай Заболоцкий, городской текст, лексика.

Стихотворный цикл «Городские столбцы» был создан Николаем Заболоцким в 1926–1930 гг. Это самый развернутый городской текст русской поэзии того времени. Стихотворения цикла отражали картины окружающего мира, фантазмагоричные и отвратительные. Здесь в полной мере проявилась изобразительная сила таланта Заболоцкого. Созданный в его произведениях мир был вполне реален и узнаваем, однако предметные, бытовые детали соседствовали с необычным видением. «Городские столбцы» (раздел книги «Столбцы») строятся как монтаж эпизодов, каждый из которых, в свою очередь, членится на достаточно четкие монтажные планы.

Название раздела обозначает общий план (город в целом); далее он распадается на более мелкие планы — отдельные стихотворения. Все стихи озаглавлены; почти каждое заглавие указывает на конкретный элемент городского пространства или жизни. Итак, большинство стихотворений «Городских столбцов» — описание одного из «подпространств» города. Многие из них строятся по одному принципу: в первом стихе или двустишии обозначается место действия, затем следуют отдельные планы — детали:

В уборе из цветов и крынок
Открыл ворота старый рынок.
Здесь бабы толсты, словно кадки,
Их шаль невиданной красы,
И огурцы, как великаны,
Прилежно плавают в воде.
Сверкают саблями селедки,
Их глазки маленькие кротки...
.....
Вон бабка с неподвижным оком
Сидит на стуле одиноком...

.....

А вокруг – весы, как магелланы,
Отрепья масла, жир любви...
(«На рынке»).

По той же схеме построены «Пекарня», «Рыбная лавка», «Цирк» и др. Часто Заболоцкий показывает частную жизнь через такие маркеры пространства, как *двор*, *окно*, *дверь*. Например, «Свадьба» так и начинается: «Сквозь окна хлещет длинный луч». Чаще переход от общего к частному происходит в конце стихотворения: внезапно в «Футболе» и «Офорте», закономерно — в «Бродячих музыкантах»:

Но что был двор? Он был трубою,
Он был тоннелем в те края,
Где был и я гоним судьбою,
Где пропадала жизнь моя.
Где сквозь мансардное окошко
При лунном свете, вся дрожа,
В глаза мои смотрела кошка,
Как дух седьмого этажа.

Подобные кадры можно видеть, например, в «Человеке с киноаппаратом» режиссера Дзиги Вертова: дверь и площадь, тень от двери и площадь. Как у Вертова, так и у Заболоцкого преграда между общим и частным пространством преодолевается в основном посредством окна, роль которого в пейзаже, особенно городском, была отмечена М.Б. Ямпольским [Ямпольский 2013: 25–26]. При этом у Заболоцкого, как правило, взгляд направлен внутрь (в частное пространство), у Вертова, в целом, – наружу (метафора «киноглаза»), но есть и обратные примеры: в «Человеке с киноаппаратом» камера через окно показывает спящих, у Заболоцкого в «Обводном канале» внешнее пространство врывается во внутреннее, заполняя его:

В моем окне на весь квартал
Обводный царствует канал.

В стихи входит и такой неизбежный образ города, как завод, фабрика, важный для «Городских столбцов»: «А вокруг черны заводов замки...» («Обводный канал»), «Седые полчища заводов» («Свадьба»). Замечу, что Яуза в районе Электrozавода и ниже играла в московском пространстве начала XX в. ту же роль, что Обводный канал в петроградском: водная черта, отсекающая дальнюю окраину.

Любопытна трактовка у Заболоцкого и его современников такого элемента городского пейзажа, как трамвай. У Заболоцкого подчеркнуто медленное движение трамваев –

вместилища «трамвайной публики», т. е. мещанства:

На службу вышли Ивановы
В своих штанах и башмаках.
Пустые гладкие трамваи
Им подают свои скамейки.
Герои входят, покупают
Билетов хрупкие дощечки,
Сидят и держат пред собой,
Не увлекаясь быстрою ездой.
(«Ивановы»)

И по трамваям рай качается -
Тут каждый мальчик улыбаётся,
А девочка наоборот -
Закрыв глаза, открыла рот
И ручку выбросила теплую
На приподнявшийся живот.
Трамвай, шатаясь, чуть идет.
(«Народный дом»).

Быстрое движение скорее связано с лошадьёю: «то снова восемь ног сверкают в его блестящем животе» («Движение»). Это стихотворение давно принято сопоставлять с новыми принципами изображения движения в живописи начала века, в частности, с работами П. Филонова.

Алогичность происходящего прорывается в город, хотя и в более метафизическом плане это можно видеть в концовке «Белой ночи» Заболоцкого:

И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздымает дыбом волоса...

У Заболоцкого введение таких ракурсов, несомненно, соотносится с выявленной Ю.М. Лотманом системой оппозиций его поэзии: «верх-далекое-добро» и «низ-близкое-зло» [Лотман 1972: 257–259]. В «Обводном канале» поэт смотрит сверху на беспорядочное движение обывательской жизни. В «Фокстроте» вознесенный над толпой «герой // В дыму гавайского джаз-банда» связан с этой толпой, но его появление создает возможность прорыва из пошлости. Видимо, так же следует трактовать и финал «Красной Баварии»:

Над башней рвался шар крылатый

И имя Зингер возносил.

«Низ» – мир мещанства – изображен крупными, но нерезкими планами.

Отношение к городу у Заболоцкого существенно отличается от «футуристов» в широком смысле этого слова. Но все они видят город как сложно устроенную систему, создаваемую в искусстве пересечением разных точек зрения (сверху, снизу, изнутри), контрастами высоких домов, узких дворов и широких площадей, наполненную неосмысленным (до сумасшествия) движением толпы, которая в фильмах Дзиги Вертова и на некоторых фотографиях Александра Родченко может превратиться в стройные колонны, движущиеся к новой жизни. У Заболоцкого этого не происходит.

В заключение подчеркну, что одним из важнейших аспектов художественной революции авангарда можно считать осознание городской среды как особым образом сконструированного пространства, состоящего из взаимопересекающихся подпространств, возникающих при смене точек зрения наблюдателя. Как писал Н.И. Харджиев, «... Уже в первых вещах Маяковского ... мы видим урбанистические пейзажи, в которых элементы живописного кубизма транспонированы в систему поэтических образов» [Харджиев 1997: 61]. В 20-е гг. эти процессы получили дальнейшее развитие. В кино, поэзии и фотографии используются одни и те же приемы визуализации, какую бы конструктивную и смысловую функцию они при этом ни несли: контраст крупного и общего планов, монтажный принцип построения текста, метафоры, основанные на сходстве композиции, резкие неожиданные ракурсы.

ЛИТЕРАТУРА

Лотман, Ю.М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение. 1972.

Харджиев, Н.И. Статьи об авангарде в двух томах. Т. 1. М.: Издательство «РА». 1997.

Ямпольский, М.Б. 1920-е: Кино и город // КиноФотоЛюдогусь: каталог выставки. М.: ГММ. 2013.

REFERENCES

Kekova, S.V., Izmailov, R.R. (2003). Sokhranivshie traditsiiu [Maintaining the tradition]: N. Zabolotskii, A. Tarkovskii, I. Brodskii. Saratov, Litsei publ., 192 p.

Lotman, Iu.M. (1972). Analiz poeticheskogo teksta [Analysis of the poetical text]. Leningrad, Prosveshchenie, 270 p.

Michelson, A. (1990). Dr. Crase and Mr. Claire. Kinovedcheskie zapiski, Moscow, VNII kinoiskusstva, no. 8, pp. 151-167.

Khardzhiev, N.I. (1997). Stat'i ob avangarde [Articles on Avant-garde], vol. 1. M., «РА» publ., 388 p.

Iampol'skii, M.B. (2013) 1920-е: Kino i gorod [1920th: Film and City]. KinoFotoLiudogus' : katalog vystavki, Moscow, GMM, pp. 25-33.

Film and Photo Art in 1920th and Nikolai Zabolotskii's *Stolbcy*

THE “CITY TEXT” IN NIKOLAY ZABOLOTSKY’S POETRY

Sofya Okulova

IMLI RAS, Russia, Moscow

zubkova.son@gmail.com

The article examines specificity of Nikolay Zabolotsky’s —Gorodskie Stolbtsy” [City Columns] poetic cycle. The lexis of that belongs to active vocabulary of contemporary Russian language. The acquaintance with poetic word usage helps to expand the understanding of these words and nuances of their usage in literature and spoken language for students who study Russian as a foreign language.

Keywords: Russian poetry, Nikolay Zabolotsky, city text, lexis.

ЧТЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. СОРОКИНА ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ

Илюшин Евгений Александрович

*кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва Россия
ilyushin.evg@mail.ru*

В статье говорится об опыте чтения в иностранной аудитории рассказов Сорокина, об использовании на занятиях примечаний к ним, опубликованных в хрестоматии по современной русской прозе. Анализируются вопросы, которые могут быть заданы учащимся, читающим эти рассказы. Предлагаются варианты интерпретации данных произведений.

Ключевые слова: Сорокин, «Кухня», «Опала», «Сахарный Кремль».

Комментарии к двум рассказам В. Сорокина – «Кухня»¹ и «Опала»² – уже были подготовлены нами и опубликованы в издании «Современная русская проза – XXI век»³. Выбор пал на эти рассказы по следующим причинам: небольшой объем текста, приемлемый для данного издания; отсутствие характерных для творчества Сорокина описаний различных «неприличностей», «мерзостей», жестокостей, извращений (все это может быть непонятно неподготовленному читателю-иностранцу), отсутствие ненормативной лексики. Впрочем, в рассказе «Опала» есть одно нецензурное слово; оно по решению редакции Хрестоматии было заменено на подходящее по смыслу цензурное.

После публикации Хрестоматии автор данной статьи использовал это издание при занятиях с иностранными аспирантами и стажерами по аспекту «художественный текст». Опыт показал, что составленные нами комментарии помогают учащимся понять содержание и стилистические особенности рассказов. После прочтения произведений и комментариев к ним учащиеся могли отвечать на вопросы, участвовать в обсуждении их проблематики и пытаться их интерпретировать.

Мы уже назвали некоторые причины, почему для включения в Хрестоматию были выбраны именно эти рассказы. Пока это были причины «негативного» характера: рассказ выбран потому, что он маленький; рассказ выбран потому, что в нем нет натурализма, и т. д. Теперь о «позитивных» причинах, о том, что могут узнать из этих текстов иностранцы, изучающие русский язык.

¹ Рассказ напечатан в сборниках «4» (2005) и «Моноклон» (2010). Два варианта имеют некоторые отличия. В хрестоматию вошел вариант из сборника «Моноклон».

² Рассказ является частью романа «Сахарный Кремль» (2008), который также можно считать сборником рассказов.

³ Современная русская проза – XXI век: Хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный. Ч. II / Под общей редакцией И. В. Ружицкого. – М.: «ИНФОТЕХ», 2013.

В рассказе «Кухня» изображен быт советского времени, описаны многочисленные предметы, которые были почти в каждой московской кухне 60-70 гг. Начинается он словами:

Да, Смотрящий Сквозь Время, дверь в кухню недавно покрасили (в 7-й раз за ее шестидесятидвухлетнюю жизнь).

Далее идет описание всего, что есть в кухне – от двери, холодильника и буфета до мелких украшений, газовой плиты, раковины с грязной посудой, помойного ведра и матового плафона. И, наконец, окно. Заканчивается он так:

Окно чужой кухни. Там стоит мальчик со стаканом в руке, прижав нос к стеклу.

И смотрит. На нас с тобой.

На занятиях, посвященных чтению этого рассказа, преподаватель и учащиеся говорили, что этот мальчик – alter ego автора, сам автор в детстве¹. Автор смотрит сквозь время на самого себя, каким он был несколько десятилетий назад, мальчик же смотрит на него в будущее.

Рассказ интересен тем иностранным читателям, которые хотят составить представление о быте советского человека недавнего прошлого.

Рассказ «Опала», завершающий книгу «Сахарный Кремль», знакомит читателя, в том числе наших учащихся, с более далеким прошлым и, одновременно, с предполагаемым будущим (2028-й год), где есть государь, опричники, земства, вотчины, тягловый закон и т. д. Имеется много историзмов и архаизмов, разговорной, грубой и просторечной лексики, окказионализмов. Иностранным читателям не обязательно запоминать все эти слова, но благодаря комментариям и объяснениям преподавателя содержание рассказа становится понятнее. Приведем примеры комментариев, содержащих вопросы к учащимся, читающим рассказ.

опала – немилость, нерасположение царя; **опальный** – находящийся в опале. *Что означает выражение попасть в опалу?*

(Предлагается, зная значение слова, объяснить значение выражения).

мгла – мрак, темнота; **хмарь** – обл. низкое серое небо, сырость. *Что общего и в чём различие в зн. сл. мрак, сумрак, мгла, тьма и темень?*

аллея – дорога в саду или в парке с деревьями по обеим сторонам. *В чём различие в зн. сл. аллея, бульвар, набережная, тропя, тропка, тропинка, дорожка?*

(Предлагается, воспользовавшись словарем, разобраться в тонкостях значений слов какой-либо семантической группы).

¹ Одна деталь говорит о том, что возраст этого мальчика, вероятно, меньше, чем возраст автора. Это упоминание сушилки для тарелок, купленной «папой совершенно случайно на выставке «Бытхимпром-76»». Сорокин же родился в 1955 г., т. е. в 1976 г. ему был 21 год. Впрочем, это не опровергает того, что мальчик – это автор в детстве. Может быть, сушилка была куплена, когда он уже вырос.

малодушие – отсутствие мужества, твёрдости духа. Каково зн. корней в этом сложном сл.?

Что означают сл. великодушный, великодушие?

худородный – разг. бедный, малопродуктивный. Как образовано это сл.?

Дальнеговоруха – окказ. мобильный телефон; у людей будущего, созданного Вл. Сорокиным, не телевизор, а *новостной пузырь*, не компьютер, а *умная машина*, так как заимствованные слова находятся практически под запретом. *Как образовано сл. дальнеговоруха?*

(Предлагается выяснить, как образовано слово).

головушка – ласк. к **голова**. *Как вы думаете, какой оттенок зн. придаёт этому сл. суфф. -ушк-?*

водичка; водица – уменьш.-ласк. к **вода**. *Какой оттенок зн. придают суфф. -ичк- и -иц-?*

(Предлагается выяснить значение частей слова).

Тракт – устар. большая дорога. **Ярославский тракт** (Ярославское шоссе) – дорога, соединяющая Москву и **Ярославль**. *Знаете ли вы, на какой реке расположен город Ярославль? Почему он так называется? С каким историческим периодом Древней Руси он связан?*

На царствие меня уговаривал – уговаривал меня стать царём; мотив **уговаривания на царствие** является одним из популярных в русской литературе. *Какие произведения, в кот. отражён этот мотив, вы знаете?*

(Вопросы по общей эрудиции в области русской истории и литературы).

После прочтения рассказа, разбора всех слов и выражений преподаватель задавал учащимся вопросы, как они понимают весь его сюжет, как интерпретируют действия персонажей. Учащиеся уже составили представление о созданном Сорокиным мире будущего-прошлого, в котором опричник Комяга, на «мерине» с собачьей головой, приезжает в терем к опальному окольничему Кубасову, чтобы о чем-то посоветоваться: «Батя арестован. <...> Не то, чтоб арестован, а токмо задержан по приказу государя на сутки для выяснения. Опричнину возглавить государь Потыке поручил. Стало быть, молодому крылу государь опричнину доверил. И слава Богу». «Государь наш дело великое затевает. И слава Богу». А окольничий неожиданно даёт ему пощечину, потом мимо своей вооружённой охраны тащит его в комнату нюхать кокаин и пить водку, говорит: «Новый обруч нужен, дабы стянуть страну, а? Об этом же он, а? Понял, а?» <...> «Государь наш – крыса помойная! Четвертовать его на Лобном, а? А можно и шестировать, а? Или девяносторовать, а?».

Теперь можно задать вопрос: как вы думаете, почему Кубасов застрелил Комягу? Поскольку финальная сцена рассказа действительно очень неожиданна, то и предположения

читателей могут быть самыми разными. Попробуем коротко изложить свои соображения на этот счет, которые обычно сообщаем учащимся.

Для начала следует сказать, что поступки героев Сорокина часто бывают абсолютно немотивированными. Зачем Роман из одноименного романа убил топором абсолютно всех, и какой смысл имели все его последующие действия? Для чего были нужны все приключения четверки героев романа «Сердца четырех», если результат таков: из их сердец сделали игральные кости, которые остановились, показав цифры 6, 2, 5, 5? И т. д.

Но, на наш взгляд, выстрел Кубасова в Комягу имеет свои причины. Из всего разговора между двумя персонажами мы понимаем главное: Комяга очень боится за свою жизнь, боится, что и его, как Батю, арестуют, «задержат для выяснения» и т. д. И он изо всех сил старается придумать какой-нибудь ход, план действий для спасения. «Послушай, Кирилл! – Комяга повысил голос. – Завтра мы будем жить в другой стране. Завтра будет поздно! Новую метлу государь готовит. А в ней прутья-то зело часты. Тебе же не веки здесь затворничать! Время дорого! Что тебе сказал государь?». Видимо, спасение – это минимум того, к чему стремится Комяга. А максимум – занять в новых условиях хорошее положение; и для этого он зовет Кубасова в союзники: «...не веки затворничать», «время дорого». Что же касается деталей – что именно хочет сделать Комяга, чтобы спастись и добиться успеха, – мы не знаем. Непонятно также, чего он ожидает от Кубасова: ведь тот сам является опальным, его самого, вероятно, ждут большие неприятности. Вступить за Комягу перед государем Кубасов не смог бы, если бы даже захотел. А может Комяга хочет устроить заговор против государя? Тоже вряд ли. О государе он отзывался в самых восторженных выражениях, обязательно прибавляя «и слава Богу». Кстати, роман «День опричника», в котором Комяга являлся повествователем и главным героем, также заканчивался словами «И слава Богу». Таким образом, видно, что Комяга абсолютно лоялен государю, неспособен на какой-нибудь смелый поступок, думает только о том, как спастись.

Характер Кубасова представляется совсем другим. Он может сказать, что государь – это «крыса помойная», что его надо четвертовать или «девносторовать». Он хвалится своими пушками: «Три грации мои. Люблю их». Он стреляет из этих пушек по газону, готовится дать отпор, когда за ним придут: «Добро пожаловать, крысюки!». Охранники и стрелки Кубасова, по-видимому, ему преданны. Конечно, когда государь отправит на терем Кубасова войска, последнего, скорее всего, ждет гибель, но настроен он бескомпромиссно и сдаваться не собирается.

Поэтому Кубасов презирает Комягу за трусость и недостойное поведение. Его раздражает, что тот ищет у него помощи: «На тебе же припёку нет! Чего ж ты ко мне припёрся? Думаешь, подскажу – к кому бы заложиться, а?».

И еще одно предположение. Кубасов мог подумать, что Комяга приехал к нему по поручению государя, что он шпион или провокатор. Таким образом, поводов плохо относиться к Комяге у Кубасова предостаточно. Плюс сознание, что все равно терять нечего. Убийство Комяги не ухудшит положение Кубасова; точно так же отказ от убийства его не улучшит. В силу всех этих причин и был сделан этот на первый взгляд неожиданный выстрел.

В финале рассказа есть два высказывания Кубасова, которые требуют подробных комментариев и одновременно порождают вопросы и дают материал для обсуждения. Первое из них Кубасов произнес после того, как выстрелил сначала в лоб Комяге, а потом – в сахарный Кремль.

Он выстрелил по Кремлю. От Кремля полетели сахарные куски.

– Вот... – вздохнул Кубасов и положил маузер на стол. – В питье не запью, в еде не заем, во сне не засплю. Аминь.

Поскольку «сахарный Кремль» едят, пьют с ним чай, то слова «не запью» и «не заем» объяснить легко. Своим выстрелом он испортил продукт, теперь его нельзя съесть, выпить с ним чай. Глагол «заспать» (прост.) означает «забыть во сне». Получается, что во сне Кубасов не забудет расстрелянный им Кремль. А может быть, все высказывание было произнесено ради тройного параллелизма, повторения одной и той же синтаксической конструкции: *в + предложный падеж + не + глагол будущего времени 1-го л., ед. ч. с приставкой «за-».*

Вторая финальная реплика Кубасова, последняя прямая речь в рассказе, – это библейская фраза «Не прелагай пределов вечных».

Вот комментарий к ней:

Не прелагай пределов вечных – Сл. из Библии (Книга притчей Соломоновых):

22. 28 **Не прелагай предел вечных**, яже положиша отцы твои.

23. 10 **Не прелагай предел вечных** и в стяжание сирот не вниди.

В Библии, переведённой на современный русский язык: *Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои. / Не передвигай межи давней, и на поля сирот не заходи.*

Таким образом, предел понимается как граница земельных участков, а прелагать – передвигать; понимать это можно не только в прямом, но и в перен. смысле. Как вы думаете, что имел в виду Кубасов, только что застреливший Комягу, говоря эти сл.?

Предложим свою интерпретацию этих слов. Понятно, что земельные участки не имеют отношения к происходящему, надо искать переносный смысл. Допустим, что под «пределами вечными» Кубасов понимает некоторый давно сложившийся порядок вещей, который Комяга нарушил своими действиями. Этот сложившийся порядок заключается в том, что он, Кубасов, бывший «вельможа в случае», а теперь опальный, никогда не имел

отношения к презираемой им опричнине, к «псам», «собакам» государя. Он уважает себя и не уважает Комягу, типичнейшего опричника. И вдруг этот самый Комяга является к нему, пытается вести с ним какие-то переговоры, предлагает совместные действия. Это и есть нарушение «границы», «пределов вечных». Это объясняет финальную реплику и составляет еще одну причину убийства Комяги.

ЛИТЕРАТУРА

- Сорокин В. Четыре: Рассказы. Сценарии. Либретто. М.: Захаров, 2005.
Сорокин В. День опричника. М.: Захаров, 2006.
Сорокин В. Сахарный Кремль. М.: Астрель: АСТ, 2008.
Сорокин В. Моноклон. М.: Астрель: АСТ, 2010.
Современная русская проза – XXI век: Хрестоматия для изучающих русский язык как иностранный. Ч. II – М.: «ИНФОТЕХ», 2013.

READING OF WORKS BY V. SOROKIN BY FOREIGN STUDENTS

Evgeny Ilyushin
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
ilyushin.evg@mail.ru

The article says about the experience of reading Sorokin's stories in a foreign audience, about the use on the lessons comments to them, published in the anthology of contemporary Russian prose. We analyze the questions that can be given to students who read these stories. We offer variants of the interpretation of these stories.

Keywords: Sorokin, —Kitchen”, —Disgrace”, —Kremlin Made of Sugar”.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

РОЛЬ И МЕСТО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В КУРСЕ РКИ

Добровольская Валерия Васильевна

*доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
rkinature@cs.msu.ru*

В статье рассматриваются роль и место словообразования в практическом курсе РКИ, задачи изучения словообразовательного материала курса, связь его с другими аспектами языка и видами речевой деятельности, специфические особенности представления словообразовательного материала курса. В качестве иллюстрации конспективно излагается материал подачи фрагмента темы «Словообразование» – словосокращение.

Ключевые слова: роль и место словообразования в курсе РКИ, связь словообразования с другими аспектами языка и видами речевой деятельности, специфические особенности изложения материала темы.

Изучение словообразования в курсе РКИ представляет для иностранных учащихся значительную трудность главным образом в силу двух причин. Первая заключается в том, что русский язык отличается богатством словообразовательной системы, большим разнообразием аффиксальных морфем (суффиксов и префиксов) разнообразием способов словосложения и словосокращения. Вторая причина состоит в том, что в системе современного русского языка число производных слов значительно преобладает: на одно непроизводное слово приходится в среднем семь производных слов. Это обстоятельство не может не усложнять отбор словообразовательного материала для анализа и изучения в рамках практического языкового курса.

Мы знаем, что словообразование занимает особое место в русской языковой системе. Объектом его изучения так же, как в лексике и морфологии, является слово. Но, если в лексике слово рассматривается со стороны его лексического значения и места в системе языка, а в морфологии изучается система словоизменения, то предметом исследования в словообразовании является производное слово в соотношении с производящим и их системные отношения.

Главная задача при работе по русскому словообразованию в иноязычной аудитории состоит в том, чтобы познакомить учащихся с основными способами образования слов, со значением аффиксов и их ролью в слове, показать, как функционируют производные слова в речи, как они участвуют в решении коммуникативных задач общения, сформировать у учащихся навыки углублённого и точного понимания текста и в конце концов – помочь развитию языкового чутья, творческому овладению языком.

Словообразование занимает особое место на каждом из этапов обучения языку, и место это неординарно. Если любая грамматическая тема курса имеет в программе каждого этапа обучения своё начало и конец, то материал словообразования делится как бы на кванты, связанные с той или другой грамматической или (и) информативной темой курса. И каждое такое вкрапление словообразовательного материала имеет свой уровень глубины изучения. Так, на начальном этапе обучения анализ набора однокоренных слов, подсказанных изучаемым на занятии текстом для чтения или аудирования, имеет целью выработать у учащихся первое общее представление о структуре слова, о его составных частях. На основном этапе обучения в поле зрения учащихся появляются типовые словообразовательные модели, реализующие возможности изучаемой грамматической и информативной темы. (Например: отглагольные существительные при изучении активного и пассивного оборота в рамках информативной темы «Профессия, исследование, специальность»). На завершающем этапе изучаются паронимы, словообразовательные гнезда, многозначность глагольных приставок и т.п.

Иными словами говоря, во всех продуктивных типах русского словообразования (префиксации, аффиксации, словосложении, словосокращении) как бы просматриваются три этапа темы «Словообразование»:

- общее представление о составе слова и словообразовательных морфемах, о некоторых закономерностях языка, осмысление этих закономерностей;
- длительный период накопления деривационных моделей и вписывание в них изучаемых производных слов, а затем – обобщение и систематизация общеобразовательных средств русского языка;
- активная работа по пополнению лексического запаса учащихся путём образования новых слов и морфемного анализа потенциального словаря.

Трудно переоценить значение темы «Словообразование» в курсе РКИ. Она даёт учащимся:

- представление о структуре слова и, следовательно, о формах его изменения;
- представление о словообразовательных моделях, то есть об определённых законах языка;
- понимание лексики: пассивный словарь расширяется, потенциальный вступает в действие, активный словарь следует за изучением словообразовательных моделей;
- раскрытие семантических нюансов текста;
- осознание многих законов русской грамматики, её осмысленное запоминание;
- повышение информативной и страноведческой компетенции учащихся в ходе объяснения словообразовательного материала.

Тема «Словообразование» в курсе РКИ, взятая в полном объёме, обладает широкими возможностями как в представлении самого языкового материала, так и в процессе реализации интенций, образующих смысловую основу реальных курсов обучения РКИ. При этом словообразование не только граничит с другими аспектами языка, но, как уже говорилось выше, входит, включается в эти аспекты и реализует, объединяясь с ними, речевые задачи.

Так, в грамматике оно даёт представление о структуре слова и, следовательно, о законах его изменения, закрепляет знание предложного и беспредложного управления, помогает усвоить категорию рода, направляет законы глагольного управления и синтаксической сочетаемости, помогает осознать структуру русского предложения и конкретизирует многие грамматические правила.

В лексике оно обеспечивает расширение активного, пассивного и потенциального словаря учащихся, вскрывает смысловые нюансы текста, расширяет лексический запас за счёт осознанного использования словообразовательных моделей, даёт представление о языке как о развивающейся системе, показывает узусные нормы употребления слова, вызывает интерес к слову как единице смысла.

С точки зрения коммуникативного подхода к словообразованию, основной единицей в процессе обучения РКИ выступает не словообразовательный формант, и даже не словообразовательная модель, а производное слово как компонент высказывания и текста. Это слово следует рассматривать как единицу, относящуюся не только к производящей основе и соотнесённым с ней словообразовательным формантом, но и с текстом, в котором оно функционирует. При этом, поскольку словообразовательные модели обладают однотипными функционально-коммуникативными характеристиками, они функционируют в тексте определённого типа (жанра, вида), реализуя определённые коммуникативные установки в речевом общении.

Стоит отметить, что словообразовательный анализ способствует повышению орфографической грамотности учащихся, поскольку морфологический принцип русского правописания требует одинаково писать любые значимые части слов, независимо от их произношения.

Таким образом, системное представление русского словообразования выявляет связь производных слов с лексикой, морфологией, синтаксисом, стилистикой и лингвистикой текста, что в целом позволяет представить динамическую модель функционирования языка.

Представление словообразовательного языкового материала имеет при этом некоторые специфические особенности. Во-первых, задачу обучения словообразованию не следует замыкать в рамки продуцирования новых слов. Словообразование – это так называемая

сквозная тема, материал которой накапливается в ходе учебного процесса и не всегда подлежит обобщению. Обобщением того или иного фрагмента темы может являться чёткость, продуманность, порционность подачи самого языкового материала, а также учёт его связей с лексикой, грамматикой, стилистикой и информативным материалом конкретного курса РКИ.

Другой особенностью организации и подачи словообразовательного материала курса РКИ является тот факт, что при изучении его как бы несколько сдвигается соотношение понятий актива и пассива. Сама словообразовательная модель может оставаться в пассиве в том смысле, что учащийся нечасто употребляет производное слово в продуктивных видах речевой деятельности, но в то же время она активна в том смысле, что, присутствуя в сознании учащихся, она обеспечивает для них понимание текста любой трудности в рецептивных видах речевой деятельности, служит важным ориентиром анализа и понимания текста.

Интересно проследить связь изучения словообразовательного материала с различными видами речевой деятельности в процессе обучения. При чтении и аудировании мы учим осознанно отличать производное слово от непроизводного, опознавать известную словообразовательную модель и на основе этой модели, мотивирующей основы и аффиксов определять значение незнакомого слова. При этом при аудировании формируется также навык определения значения слова по формальным показателям, что помогает лучше понять содержание высказывания и текста в целом.

В говорении и письме учащийся отталкивается от слова, которое выступает в роли производящей основы, и выбирает необходимый формант среди аффиксов, которые могут присоединяться к данной основе. Естественно, что базой этих умений является отработка на занятиях словообразовательных моделей.

Усвоение производной русской лексики опирается на систему заданий, направленных на установление парадигматических связей (подбор словообразовательных синонимов/антонимов, различение паронимов), актуализацию синтаксических связей (особенно синтаксической сочетаемости производных слов), образование производных лексических единиц с заданными значениями (лица, процесса, качества и др.).

Продвижение в теме в каждом фрагменте тренировки идёт, как правило, в направлении от образования слова к словосочетанию, а затем к предложению и контексту.

Следует отметить особую роль таблиц в системе представления словообразовательного материала. Анализ таблиц нередко предшествует работе над той или иной словообразовательной моделью, так как в них бывает чётко представлен материал для анализа связи производящего и производимого слова. К таблицам прилагается развёрнутый

комментарий, носящий характер правила-инструкции и снабжённый примерами. Непосредственно за таблицей может следовать раздел «Лексика для справок», где учащийся может выбрать материал для анализа, соотнося его с пунктами таблицы.

Группировка словообразовательного материала в ходе учебного процесса проводится на смысловой основе, что даёт возможность его включения в ткань практического курса РКИ. Отметим, что при введении материала важно уделять внимание контекстным условиям употребления производных слов и особенностям коммуникативной установки в их речевой реализации. В результате этого система заданий, в которых отрабатывается определённый материал, обеспечивает владение словообразовательными средствами, выражающими то или иное значение.

В качестве иллюстрации сказанного рассмотрим примерную последовательность работы по одному из разделов словообразования – словосокращению. Тема «Словосокращение» занимает особое место в словообразовательной системе русского языка. Дело в том, что она не может быть представлена как выражение, вставка в грамматическую или информативную тему курса РКИ, как это имеет место с большей частью словообразовательного материала курса. Систематическое изучение этой темы может быть предложено лишь учащимся с достаточно высокой языковой компетенцией, на широком диапазоне лексики, учащимся, знакомым с узусными нормами словоупотребления и закономерностями употребления слов в контексте. Поэтому активное овладение этой темой в полном объёме и обобщение её языкового материала приходится, как правило, на завершающий этап обучения. Исключение может составлять лишь язык специальности некоторых категорий учащихся, где слова – сокращённые единицы языка входят в базовый материал языковой компетенции учащихся.

Однако с учётом этого обстоятельства можно сказать, что словосокращение изучается в том же ключе и в той же последовательности, что и другие словообразовательные темы.

Изучение темы начинается с анализа таблицы, представляющей способы словосокращения. Таблица может иметь, например, такой вид:

Сложносокращённые слова

Исходные слова	Способ сокращения слов	Сложносокращённое слово
универсальный магазин филологический факультет	Часть прилагательного + часть существительного	универмаг филфак

заработная плата педагогическая практика	Часть прилагательного + существительное	зарплата педпрактика
заведующий учебной частью профсоюзный организатор	Первый слог первого слова + первый слог второго слова	завуч профорг
биология, электроника радио, станция	Первый слог первого слова + окончание второго слова	бионика рация
медицинское управление самооборона без оружия	Части слов, взятых в основу словосочетания	медупр самбо
кинематограф метрополитен	Усечение слов	кино метро
средства массовой информации Российский университет дружбы народов	Начальные буквы слов, входящих в словосочетание	СМИ РУДН

Таблица, как уже говорилось выше, снабжается подробными комментариями к каждому пункту, включающими в себя правило-инструкцию и иллюстрирующие его примеры. Они могут быть сформулированы, например, следующим образом:

– Сложносокращённые существительные могут быть образованы из частей слов (прилагательного и существительного). Например: *универсальный магазин – универмаг; главный бухгалтер – главбух; филологический факультет – филфак;*

– Они могут быть образованы из части слова (прилагательного) и целого слова (существительного). Например: *заработная плата – зарплата; педагогическая практика – педпрактика;*

– Они могут быть образованы из первого слога первого слова и первого слога второго слова. Например: *заведующий учебной частью (в школе) – завуч; профсоюзный организатор – профорг;*

– Они могут быть образованы из первого слога первого слова и окончания второго слова. Например: *биология, электроника – бионика; радио, станция – рация;*

– Они могут быть образованы из частей слов, взятых в основу словосочетания. Например: *медицинское управление округа – медупр; самооборона без оружия – самбо;*

– Они могут быть образованы путём усечения слова. Например: *метрополитен – метро; кинематограф – кино;*

– Сложносокращённые слова могут быть образованы из начальных букв слов, которые входят в словосочетание. Такие существительные, как правило, пишутся заглавными буквами. Например: *средства массовой информации – СМИ; факультет повышения квалификации – ФПК*. Род этих существительных определяется по главному слову словосочетания. Например: *Московский государственный университет – МГУ* – мужской род; *Государственная экзаменационная комиссия – ГЭК* – женский род; *острое респираторное заболевание – ОРЗ* – средний род.

– Сложносокращённые слова (аббревиатуры), образованные от имён собственных, также пишутся большими буквами. Например: *Государственный академический Большой театр – ГАБТ; Театр юного зрителя – ТЮЗ*.

Вслед за комментарием к таблице предлагается «Лексика для справок», в которой представлен языковой материал для анализа и соотношения с рубриками таблицы. Лексика организуется по пунктам таблицы, а внутри каждого пункта может быть расположена по алфавиту. Лексика даётся в достаточно большом объёме, из которого преподаватель может выбрать слова, коммуникативно значимые для конкретной категории учащихся. Предполагается также, что в ходе работы этот список может быть пополнен аббревиатурами последних лет.

Знакомство с таблицей, комментариями к ней и лексикой для справок, взятые вместе, составляют первый шаг в изучении темы «Словосокращение» и могут представлять собой особое задание для самостоятельной работы учащихся.

Вторым шагом в изучении темы «Словосокращение» может служить выполнение комплекса заданий, расположенных, как об этом уже говорилось выше, в направлении от слова к словосочетанию, а затем к предложению и тексту, компонентом которого и становится изучаемое сложносокращённое слово.

Задания могут быть расположены, например, в такой последовательности:

● Блок заданий на анализ состава производного слова, которые могут быть представлены в вариантах:

– определите, из каких слов образованы данные ниже сложносокращённые слова;

– определите, из каких слов образованы выделенные в предложении (в тексте) сложносокращённые слова;

– опираясь на таблицу, определите, каким способом образованы выделенные в тексте сложносокращённые слова;

– опираясь на таблицу и «Лексику для справок», образуйте сложносокращённые слова из данных ниже словосочетаний.

● Блок заданий на взаимозамену исходного словосочетания и сложносокращённого

слова в контексте:

- замените выделенные в тексте сложносокращённые слова словосочетаниями;
- замените выделенные в тексте словосочетания сложносокращёнными словами.

● Блок заданий на использование сложносокращённых слов в контексте:

– объясните разницу в значении данных ниже сложносокращённых слов (*специкола/спортшкола, детсад/детдом* и др.);

– используя данные ниже сложносокращённые слова, расскажите о... (*детсад, детдом, специкола, спортшкола, педучилище, пединститут, подпрактика* и др.);

– используя данные ниже сложносокращённые слова, закончите высказывание (*Мне срочно нужны деньги (сбербанк). Проблема транспорта встает перед многими большими городами (метро)* и др.).

Мы конспективно описали один из возможных вариантов представления темы «Сложносокращённые слова», который, разумеется, может сокращаться или дополняться в зависимости от языковой компетенции реальной группы учащихся. Практика преподавания этой темы в аудитории показывает, что, познакомив учащихся со способами сокращения слов и объяснив им на наглядных примерах, как функционируют эти слова в рамках предложения и контекста, мы достигаем цели, обогащая словарь учащихся и расширяя их знание законов русского языка.

В заключение нашего рассуждения следует остановиться на перспективах разработки темы «Словообразование» в курсе РКИ. Представляется, что основное направление этого аспекта работы просматривается во включении темы «Словообразование в системном изучении» в программу курсов РКИ и распределении словообразовательного языкового материала по временным параметрам программ с учётом вышеописанных его особенностей и в связи с решением конкретных коммуникативных задач курса языковыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

Белова Н.А. Взаимодействие функций словообразовательных средств в художественном тексте // В сб. «Язык, литература, культура», вып. 12. М., МАКС Пресс, 2006.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранцев-филологов. М., МАКС Пресс, 2011.

Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.

Тихонов А.Н. Морфемика. Словообразование. Морфология. М., 2002.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

THE ROLE AND PLACE OF WORD FORMATION IN THE RFL COURSE

Valeria V. Dobrovolskaya

Lomonosov MSU, Russia, Moscow
rkinature@es.msu.ru

The article deals with the role and place of word formation in the course RFL, the task of studying of the course material of word-formation, its connection with other aspects of language and modes of speech activity, specifics presentation word-forming material of the course. As an illustration, a fragment of the material, "Abbreviations of words" is represented.

Keywords: the role and place of word formation in the course, derivation relationship with other aspects of language and modes of speech activity, specific features of the presentation of the material topics

МИНИ-ИГРЫ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ

Моргунова Елена Вильевна

*Специалист по учебно-методической работе
кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
almor11@yandex.ru*

В статье описываются возможные варианты использования мини-игр на уроках грамматики для иностранных учащихся на начальном и среднем этапах обучения.

Ключевые слова: мини-игра, грамматика, методика, русский язык как иностранный.

С вступлением России в 2003 году в Болонский процесс у студентов появилось много возможностей для обмена по программам академической мобильности. Иностранные студенты включенного обучения приезжают в Россию по этим программам на достаточно короткое время, обычно на семестр. Они уже какое-то время изучали русский язык в родных вузах как первый или второй иностранный язык, обладают определенным багажом знаний и приехали в российские учебные заведения улучшить, прежде всего, свои коммуникативные навыки. Часто для них русский язык – лишь один из ряда изучаемых предметов, вспомогательная, а не основная дисциплина, лишь инструмент для общения и обучения. Поэтому студенты хотят говорить, а не заниматься «скучной и трудной» грамматикой.

Также необходимо отметить, что современные учебно-методические комплексы, особенно зарубежные, предполагают интерактивное обучение (онлайн-задания, веб-приложения), заявляя при небольшом количестве аудиторных часов большой объем самостоятельной, с использованием интернет-ресурсов, работы учащегося. Например, учебное пособие *Beginner's Russian: A Basic Russian Course with interactive online workbook*. [Kudyma, Miller, Kagan 2010] с веб-сайтом <http://www.russian.ucla.edu/beginnersrussian/>.

Учащемуся предлагается самостоятельно проработать и запомнить материал, в том числе грамматический. На уроке дается лишь общее представление об изучаемом материале, объясняются основы, задается «направление» для дальнейшей самостоятельной работы. Основной акцент на занятии делается на устное общение, развитие коммуникативных навыков. Доля грамматики в общем объеме занятия, таким образом, сокращается до минимума. Времени на закрепление изученного грамматического материала не хватает.

Но методисты говорят, «чтобы запомнить, надо много раз повторить, а чтобы появился навык, надо много раз совершить речевое действие, т.е. мотивированно употребить ту или иную фразу». [Акишина 2011: 7]. Простое заучивание грамматических форм и

самостоятельная работа студента не всегда позволяют продемонстрировать выученное на практике, ведь важно не только знание грамматических форм и конструкций, но и умение использовать их в речи.

Таким образом, «для закрепления грамматических навыков необходимо увеличить количество условно-речевых и собственно речевых упражнений и заданий. Наиболее эффективным в данном случае будет использование разнообразных грамматических игр, направленных на отработку грамматических навыков в значимом, коммуникативно-ориентированном контексте» [Соловова 2002: 114–115]. Включение в план урока грамматических мини-игр¹ – это один из способов обучения грамматике без скучных повторений. Они не отнимают много времени на уроке, легко адаптируются под любой лексический материал и под любой уровень владения русским языком. Конечно, подобного рода мини-игры актуальны, в большей степени, при обучении на начальном и среднем этапах, так как позволяют учащемуся связать грамматику с конкретной языковой ситуацией, мотивируя студента на практике, в речи использовать по максимуму все полученные знания без скучных упражнений и механического повторения форм и слов.

Практически любую дидактическую игру можно адаптировать под изучение и закрепление грамматики. Также хочется отметить, что такие игры не требуют больших материальных затрат, можно использовать любые подручные средства.

Подобные мини-игры могут быть как письменными, так и устными.

В качестве примера письменных мини-игр можно привести, например, следующие:

– среди множества слов студенту нужно найти и отметить (обвести или подчеркнуть) слова в определенной форме, к примеру, в том или ином падеже, лице или числе.

– задания, где нужно, соединять линиями два или несколько слов, например, слова, отвечающие на вопросы *Где? – Куда? – Откуда?*, отрабатывая употребление падежных форм или слова с противоположным значением и т.п.² Преподаватель сам без труда сможет подобрать или самостоятельно подготовить такие задания, исходя из нужд своей группы.

Популярны также различные варианты «пазлов», когда из слов и словосочетаний на карточках студентам нужно составить или восстановить высказывания. Это могут быть предложения с определенными грамматическими конструкциями или фразеологизмы. Такие задания полезнее для учащихся, чем аналогичные упражнения, где нужно составлять предложения из слов в нескольких столбцах; они более спонтанны, нет списка слов, которому

¹ Конечно, эти игры комплексные, отрабатывающие и изученную лексику, и коммуникативные навыки, и этикетные формулы, но основной акцент в нашем случае делается именно на повторение и закрепление грамматического материала.

² Много рабочих листов с подобного рода заданиями представлено, например, на сайте www.urya.ru

можно следовать, составляя предложения последовательно, по порядку. Элемент неожиданности заставляет студента мобилизоваться. Можно усложнить задание, предложив выполнить его на время.

Актуальны для обучения иностранных студентов и разнообразные настольные игры. В качестве примера можно привести «грамматическое» лото, где вместо цифр на карточках можно использовать грамматические формы слов. Очень интересен опыт использования специально разработанной дидактической игры «Македония», позволяющий выучить и использовать в речи такую сложную для иностранных учащихся тему, как глаголы движения, представленный в [Волкова 2016: 89-92].

Также можно «путешествовать» по городу с помощью карты (условной или настоящей). В качестве примера можно привести следующую мини-игру: студенту нужно провести своих товарищей по определенному маршруту. Он устно называет направление или описывает свой маршрут, остальные учащиеся рисуют в своих картах путь движения, в конце игры проверяется, все ли дошли до конечной точки. В таких играх хорошо отрабатывать глаголы движения, направление движения и т.п.

Очень интересны устные мини-игры наподобие грамматического «снежного кома» или «Кто назовет больше слов?», когда учащиеся повторяют сказанные ранее слова, добавляя к ним новое слово.

Нужно отметить, что подобного рода повторы или переспросы очень эффективны для автоматизации грамматических форм и могут быть использованы в качестве отдельной мини-игры. Например, можно попросить студента повторить сказанное («Я не расслышал, повторите, пожалуйста») или заменить в ответной реплике слова на антонимы. К примеру, при изучении темы «Магазин» можно к названиям продуктов или вещей добавлять местоимения, числительные и прилагательные, обозначающие цвет или ту или иную характеристику товара.

– *Сколько стоят эти большие красные/вкусные/красивые яблоки?*

В ответной реплике «продавец» повторяет реплику покупателя.

– *Вы хотите купить эти большие красные/вкусные/красивые яблоки?*

Или заменяет слова на антонимы.

– *Вы хотите купить те маленькие некрасивые/невкусные груши?*

Таким образом можно отрабатывать с учащимися любую грамматическую тему.

Популярны и игры-загадки, когда студенты должны отгадать задуманное. Задания могут быть самыми разнообразными. Например, *угадайте, о чем / о ком я думаю? Что я делал вчера? Из чего я готовлю суп?* и т.д. Форма вопроса подсказывает форму ответа, а повторение грамматической модели позволяет автоматизировать ее употребление.

Многие методисты отмечают, что «неизменным успехом у учащихся пользуются упражнения, связанные с передвижением студентов по кабинету, перегруппировкой, переключением их с одного вида работы на другой <...>». [Николенко 2015: 197].

Например, при изучении направления движения можно устраивать «путешествие» по классу, когда один студент закрывает глаза и двигается в направлении, которое ему указывают его одноклассники. Или студенты, разделившись на команды, просят соперников выполнить те или иные действия (встать, сесть, прыгать и т.п.).

Интересны для учащихся всевозможные викторины с грамматическим уклоном. Например, назови 3 слова в нужной форме за 30 секунд. При составлении вопросов преподаватель может использовать пройденный лексический материал.

Мини-игры помогают повторять и закреплять знания по грамматике, избегая традиционных упражнений, при этом позволяют связать грамматическую форму, конструкцию, модель с языковым контекстом. Таким образом в игровой форме мы достигаем поставленной цели: отработываем и автоматизируем грамматику и навыки общения, что является приоритетом для студентов.

Полноценная коммуникация не может осуществляться без грамматики, вне грамматики. По словам Г.И. Рожковой, чей юбилей мы отмечаем в эти дни, «Принципиальное значение имеет <...> признание грамматики основой изучения языка» [Рожкова 1985: 7]. А мини-игры, благодаря своей адаптации под любую грамматическую тему, позволят сделать процесс обучения неутомительным и нескудным, при этом помогут преподавателю отработать и автоматизировать нужный материал. Особенно, это важно при обучении студентов начального и среднего уровня, т.к. их грамматическая «база» еще недостаточно сформирована.

ЛИТЕРАТУРА

Акишина А.А. Русский язык в игра. Учебное пособие (методическое описание). М.: Русский язык. Курсы, 2011.

Николенко Е.Ю. Игры при обучении грамматике. // **Русский язык в поликультурном мире / отв. ред. Е.Я. Титаренко. Сборник научных статей. В 2-х частях**. Т.2, Симферополь, 2015.

Рожкова Г.И. Обучение русскому языку нерусских. М.: МГУ, 1985.

Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. М.: Просвещение, 2002.

Kudyma Anna S., Miller Frank J., Kagan Olga E. Beginner's Russian: A Basic Russian Course. 2010.

MINI-GAMES AS A FORM OF LEARNING GRAMMAR FOR FOREIGN STUDENTS

Elena Morgunova

Lomonosov MSU, Russia, Moscow

almor11@yandex.ru

The article describes the possible use of mini games at grammar lessons for foreign students at primary and secondary stages of education.

Keywords: mini game, grammar, methodology, Russian as a foreign language.

О СИСТЕМЕ ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЕ

Гу Цянь

*старший преподаватель
зав. кафедрой русского языка факультета русского языка,
Чанчуньский педагогический университет, Чанчунь, КНР
68471186@qq.com*

Для студентов, которые изучают русский язык в вузах Китая, очень важным является тестирование по русскому языку (четвертый и восьмой уровни). В Китае функционирует единая государственная система тестирования по русскому языку. Эта система обеспечивает объективный и независимый контроль и позволяет определить и сертифицировать уровни владения русским языком у студентов-русистов. В статье рассматриваются все виды тестирования (начиная с четвёртого уровня), цели тестирования, а также описываются особенности тестовых заданий и трудности, с которыми сталкиваются студенты-русисты при прохождении тестирования. Отдельно рассматривается субтест по письму.

Ключевые слова: студенты-русисты, государственная система тестирования, субтест.

1. Тест по русскому языку

По мере быстрого развития отношений в различных сферах между Китаем и Россией в настоящее время во многих вузах Китая открываются факультеты русского языка. По статистике в Китае имеется более 120 вузов, где есть специальность «Русский язык». Там функционирует единая государственная система тестирования по русскому языку. Эта система тестирования была создана в 1999 г. На тот момент университетов-участников было мало, и результаты тестов проверяли сами преподаватели университетов-участников, поэтому можно сказать, тогда тест ещё не был по-настоящему значимым единым тестом по русскому языку. В течение нескольких лет система тестирования развивалась и совершенствовалась. С 2003 года тестовые задания по русскому языку были созданы группой специалистов, и центр тестирования начал приглашать преподавателей русского языка для проверки результатов тестов. Сегодня тестирование по русскому языку проводится в вузах. В случае успешной сдачи теста выдаётся сертификат, подтверждающий уровень владения русским языком.

Китайская государственная система тестирования предполагает создание типовых стандартизированных тестов по русскому языку для студентов, которые изучают русский язык на факультете русского языка в вузах.

2. Виды тестов

В системе модульных тестов есть два теста на определение уровня владения русским языком:

1) тест четвёртого уровня по русскому языку;

2) тест восьмого уровня по русскому языку.

Тест четвёртого уровня предназначен для студентов второго курса факультета русского языка и проводится каждый год в конце мая. Тест восьмого уровня для студентов четвёртого курса проводится в конце марта.

Тест является комплексным и состоит из нескольких специализированных субтестов, каждый из которых ориентирован на определённый объект тестирования:

В тест четвёртого уровня включаются следующие субтесты:

Субтест 1. Говорение (10 баллов, 8 минут);

Субтест 2. Диктант (5 баллов, 15 минут);

Субтест 3. Аудирование (15 баллов, 22 минуты);

Субтест 4. Грамматика и лексика (20 баллов, 25 минут);

Субтест 5. Речевой этикет и страноведение (5 баллов, 5 минут);

Субтест 6. Заполнение пропусков (5 баллов, 10 минут);

Субтест 7. Чтение (20 баллов, 30 минут);

Субтест 8. Письмо (15 баллов, 35 минут).

В тест восьмого уровня входят следующие субтесты:

Субтест 1. Аудирование (15 баллов, 20 минут);

Субтест 2. Знания по русскому языку (грамматика, лексика, стилистика, литература и страноведение) (15 баллов, 20 минут);

Субтест 3. Чтение (20 баллов, 35 минут);

Субтест 4. Перевод (20 баллов, 45 минут);

Субтест 5. Письмо (20 баллов, 40 минут).

3. Цели теста

Цели теста – проверка уровня сформированности языковой компетенции, необходимой для решения определённых коммуникативных задач в соответствии с учебной программой по русскому языку, способствующей осуществлению реформы преподавания и повышению качества преподавания русского языка. Самое главное – проверить языковые навыки по аудированию, говорению, чтению, письму, переводу и оценить знания по литературе и страноведению.

Сертификат четвёртого уровня владения русским языком свидетельствует о том, что студенты способны удовлетворять основные коммуникативные потребности в реальных ситуациях общения с носителями языка в бытовой и социально-культурной сферах, так как достигли первого сертификационного уровня владения русским языком (ТРКИ-1).

Сертификат восьмого уровня свидетельствует о том, что студенты достигли более высокого уровня коммуникативной компетенции в различных сферах общения и достигли третьего уровня владения русским языком (ТРКИ-3).

4. Трудности и особенности заданий

Заметная разница между четвёртым и восьмым уровнями присутствует в субтесте по аудированию. Это касается содержания, темпа и стиля речи.

Тестовые задания четвёртого уровня по аудированию читают специалисты по русскому языку, а задания восьмого уровня включают оригинальные звуковые материалы, в том числе новостные программы радио или телевидения. Темп речи предъявления информации более быстрый. Иногда запись содержит шумовые эффекты, что представляет существенную трудность при восприятии информации студентами.

На примере текста четвертого уровня рассмотрим особенности структуры заданий.

1. Процентное соотношение заданий на выбор правильного ответа и других типов заданий (таблица 1).

Таблица 1.

Типы заданий	Тест по русскому языку (процент/балл)
<i>Задания на выбор правильного ответа</i> (аудирование, грамматика и лексика, речевой этикет и страноведение, заполнение пропусков, чтение)	70% / 70
<i>Другие типы заданий</i> (говорение, диктант, письмо)	30% / 30

Процентное соотношение баллов между заданиями на выбор правильного ответа и другими типами заданий – 7/3.

В настоящее время в тестах по иностранным языкам применяются эти типы заданий, , эти задания могут дополнять друг друга. Некоторые эксперты предложили распределять проценты следующим образом: задания на выбор правильного ответа должны занимать 60%–70%, другие типы заданий - 30%–40%. Тест четвёртого уровня по русскому языку абсолютно соответствует этому стандарту.

3. Устные задания в тесте по русскому языку.

Необходимо отметить, что в настоящее время в Китае из всех тестов по иностранным языкам только в тесте по русскому языку есть устные задания. Устный экзамен для проверки

уровня владения иностранным языком является прекрасной формой экзамена, так как конечная цель изучения иностранного языка – это овладение речевыми навыками, включая такие виды речевой деятельности, как говорение, аудирование, чтение, письмо. В преподавании иностранного языка обучение говорению является приоритетным.

В тесте четвёртого уровня устные задания занимают 10%. Такие тестовые задания также способствуют продуктивному преподаванию русского языка, потому что преподаватели уделяют большое внимание развитию устной речи. В субтесте по говорению проверяются навыки и умения, необходимые для общения в форме диалога.

4. Как лучше выполнить субтест по письму

Письмо является важной формой проверки навыков владения языком. Способность речевого выражения, логика, рациональное создание нового абзаца и переход от абзаца к абзацу проявляются в статье.

Субтест по письму часто является трудным для студентов. Как можно написать идеальную статью? Чтобы развить эти навыки, нужно регулярно упражняться, постепенно увеличивая сложность заданий. Сначала надо написать статью о человеке, о природе, о каком-либо случае и так далее, потом написать что-то потруднее, например, мнение о каком-либо случае.

Чтобы максимально успешно выполнить задания субтеста по письму, необходимо иметь в виду следующее.

1. Понимать задачу.

Необходимо писать статью, исходя из конкретной задачи, не отрываясь от темы, которую требуется всесторонне раскрыть. Например, в статье о человеке мы должны описать его характер, внешность, хобби и так далее. Описывая случай, мы должны указать время, место, главных героев этой ситуации и подробно описать последовательность событий. Если мы пишем критическую или научную статью, надо помнить об аргументах и доказательствах, ссылаться на проверенные данные. Понимание задачи – это ключ к успеху написания статьи.

2. Выстраивать рациональную структуру и логичный переход от абзаца к абзацу.

Как правило, структура статьи включает в себя три части: вступление, основную часть и заключение. Если в начале употребляется фразеологизм, пословица или вопросительное предложение, то статья вызывает интерес у читателя. В качестве примера приведём одно вступление: *—Что такое счастье? Каждый отвечает на этот вопрос по-разному.*”

Главная часть статьи – самая важная. В ней происходит развитие темы.

Заключение статьи должно быть связано со вступлением.

Таким образом, при соблюдении требований полноты и логики, структура текста будет цельной.

Логический переход между частями текста является для тестируемого, который хочет получить хорошую оценку, главным условием. Такой переход необходим не только между абзацами, но и между фразами.

3. Правильно употреблять слова, выражения.

На элементарном этапе в изучении русского языка китайская культура и китайский язык влияют на речевые навыки и мышление китайских студентов. Они очень легко пишут, ориентируясь на китайское мышление. Поэтому, по мере возможности, надо избегать влияния лингвострановедческой интерференции.

4. Учитывать разнообразие грамматических форм и избегать грамматических ошибок.

В хорошей статье почти нет грамматических ошибок. Как бы ни были красивы предложения, студент не сможет получить высокую оценку из-за обилия грамматических ошибок. Знание грамматики является основой овладения иностранным языком.

В статье необходимо как можно чаще употреблять выразительные средства языка (сравнения, метафоры, метонимию); стилистические фигуры (например, параллелизм), а также использовать простые и сложные, безличные, личные и инфинитивные предложения.

В Китае тестирование по русскому языку является государственным. Сертификаты четвёртого и восьмого уровней являются документами, которые не только подтверждают уровень владения русским языком, но и помогают в поиске работы. Студенты должны уделять больше внимания решению тестовых заданий, а преподаватели должны улучшить уровень обучения, исходя из результатов тестов и отзывов о тестах.

ЛИТЕРАТУРА

史铁强.测试对教学的导向作用—俄语专业四、八级考试改革的思路 [J]. 中国俄语教学. 2008 (2).

刘素梅.《高校俄语专业四级考试大纲》释析. 中国俄语教学. 2005 (2).

Аутлева Ф.А. Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. № 3.

ABOUT RUSSIAN LANGUAGE TESTING SYSTEM IN CHINA

Gu Qian

Changchun Normal University of China, Changchun, China

68471186@qq.com

For students who study Russian at universities in China, it is very important to have professional tests at level four and eight in Russian. In China, a nationally unified Russian testing system is an objective, independent process that tests students' level of knowledge in Russian. This article discussed all levels tests (starting from level four) and the purpose of the tests, with special attention paid to the specific problems faced by students majoring in Russian, especially when tackling the composition portion of tests.

Keywords: Russian philology's students, national testing system, subtest.

ПРАКТИКУМ РКИ

ОПЫТ ЧТЕНИЯ РАССКАЗА В.Г. РАСПУТИНА «ЧТО ПЕРЕДАТЬ ВОРОНЕ?» В АУДИТОРИИ ИНОФОНОВ-НЕФИЛОЛОВ

Кузьмич Ирина Петровна

*доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
irina_kouzmitch@mail.ru*

В статье предлагается опыт интерпретации рассказа В.Г. Распутина в аудитории инофонов-нефилологов.

Ключевые слова: интерпретация художественного текста, мир рассказчика, нравственные ценности, система образов, языковые средства.

В.Г. Распутин – значительная фигура как для русской литературы, так и для общественной жизни России второй половины XX века. Знакомство с его творчеством может быть важно для всех, кому интересны Россия, русская литература, культура, русский язык. Это относится и к тем иностранным учащимся-нефилологам, которые заботятся не только о расширении профессиональной компетенции, но и своего кругозора.

Учитывая аудиторию, цели и задачи иностранных учащихся-нефилологов, оптимальным жанром художественной литературы, используемым в учебном процессе, как с точки зрения объёма, так и с точки зрения времени, которое возможно уделить этому аспекту работы, принято считать рассказ.

Выбор для чтения и последующего анализа рассказа В.Г. Распутина «Что передать вороне?» определяется рядом обстоятельств. Во-первых, в этом произведении описывается весьма обычный эпизод, какой может припомнить в своей жизни почти каждый человек: непонимание, конфликт, вызванные тем, что ребёнок не может принять складывающуюся ситуацию, а взрослый не хочет (не имеет возможности) ничего менять в силу причин, которые читает важными. Такое, безусловно, знакомо многим людям. Второе: композиция рассказа проста и понятна. Кроме того, как показала практика, язык В.Г. Распутина для инофонов-нефилологов нетруден, интересен и способствует расширению словаря учащихся.

В рассказе В.Г. Распутина «Что передать вороне?» речь идёт о незначительном, казалось бы, случае из жизни семьи писателя. Писатель-рассказчик, обычно работающий в уединении на берегу Байкала, приезжает в город по делам. Вечером он заходит в детский сад за дочерью, они вместе гуляют по набережной, но отец торопится: у него билет на последний автобус. Дочь не понимает, почему отец должен так срочно уезжать, она обижается,

замыкается в себе и отстраняется от него. Рассказчик уходит из дома с тяжёлым чувством. Обратная дорога на Байкал становится для него чередой весьма неприятных препятствий. В следующий день, на который писатель возлагал большие надежды (ему казалось, что «работа <...> наконец пошла» и «кое-что получалось»), он не мог найти себе места, не мог работать. А наутро отец узнал, что дочь тяжело заболела. Обычная житейская ситуация, но за ней стоит большое содержание, которое хотелось бы продемонстрировать и читателям-инофонам.

Прежде всего важно обратить внимание учащихся на главного героя рассказа, на то, что писатель-рассказчик находится на пересечении нескольких «миров». С одной стороны, эти «миры» существуют параллельно друг с другом в сознании рассказчика. С другой стороны, он активно действует в каждом из них.

Уже в первых абзацах повествования рассказчик-писатель даёт представление о том, что он считает главным в своей жизни – это его мир писателя, мир его творчества, напряжённой внутренней жизни, мир трудной работы: чтение, раздумья, поиски «нужного голоса», поиски слов, «необходимых для полного и точного звучания». В этом мире рассказчик-писатель критичен и требователен по отношению к себе, ответственен перед собой и своей работой. Он дорожит этим миром уединения.

Второй мир – это внутренний мир рассказчика, много и мучительно размышляющего о себе самом. В собственной классификации людей рассказчик отводит себе роль человека «случайного», «подменного», то есть занимающего не своё место в жизни. Он постоянно мучается какой-то «невольной виной» и ищет себя «изначального, основного». Он боится не успеть завершить главное дело жизни, «особое задание»: «Наши дни во времени не совпадают с днями, отпущенными для дел; время обычно заканчивается раньше, чем мы поспеваем, оставляя нелепо торчащие концы начатого и брошенного; над нашими детьми с первых же часов огромной тяжестью нависает не грех зачатия, а грех не исполненного своими отцами».

Другой мир, который обозначает рассказчик-писатель, – это мир дома, мир семьи. Он у рассказчика на втором плане: «побыть, *сколько удастся* [здесь и далее курсив наш – И.К.], дома». Этот мир не входит ни в мир его творчества, ни в его внутренний мир, он относится для рассказчика к «посторонней жизни». Но тем не менее для него мир семьи очень интересен и ценен. В этом мире его дочь, которой он гордится («кто была *моя* дочь») и взросление, становление характера которой он внимательно наблюдает. А ещё в этом мире была «*своя* ворона... <...> *свой* домик, *своя* гора, *свой* ключик, <...>. Во дворе <...> стояли *свои* лиственницы, тополя и березы и *свой* большой черемуховый куст». И *свои* отношения отца и дочери. Кажется, что это мир гармонии и тепла, который существует и будет существовать всегда. Но он мал для рассказчика. Вопрос, что важнее: отцовский долг или

долг писателя, сначала решается рассказчиком однозначно: конечно, приоритет отдаётся миру писателя.

А в конце повествования рассказчик находит себя в том «светоносном» мире, где существуют вместе и одновременно небо, земля, вода, сам рассказчик, всё зримое и голоса умерших друзей. В этом мире он приходит к Богу: «Господи, поверь в нас: мы одиноки». Отец одинок без дочери, дочь одинока без отца. «Господи, поверь в нас», потому что мы учимся, мы извлекаем уроки из того, что происходит с нами, мы меняемся, мы движемся по «очистительной дороге».

Мировоззрение рассказчика меняется, поэтому в повествовании можно найти, по крайней мере, две точки зрения: рассказчика, каким он «*был вчера*» («Работа у меня, наконец, пошла, и я боялся сбоя...») и каким он «*стал сегодня*» («Тут бы мне и дрогнуть: это была не просто просьба, каких у детей на каждом шагу, – нет, это была мольба, высказанная сдержанно, с достоинством...»). Интересно вместе с учащимися проследить изменение взглядов писателя-рассказчика. Здесь важно отметить, что он ставит перед собой трудные вопросы и ищет ответы на эти мучающие его вопросы.

Вопросы, сформулированные эксплицитно (уже в название рассказа вынесен вопрос) и не сформулированные явно, проходят через всю ткань повествования: «Не знаю, не смогу объяснить, почему, но с давних пор живёт во мне уверенность, что если и существует связь между этим миром и не-этим, так в тот и другой залетает только она, ворона, и я издавна с тайным любопытством и страхом посматриваю на неё, тщась и боясь додумать, почему это может быть только она», почему писатель не вернулся домой?, почему он не вышел из автобуса?, какой урок должна была преподать писателю обратная дорога?, «не знаю, в котором из них подлинный «я», что мешает проснуться?, «что я, где я и зачем я здесь», «И не дано было понять мне, чья была сила, чья власть – неба над водой или воды над небом, но то, что они находились в живом и вышнем подчинении друг другу, я увидел совершенно ясно. В вышнем – для чего, над чем? Где, в какой стороне высота и в какой глубина? И где меж ними граница? Где, в каком из этих равных просторов сознание, ведающее простую из простых, но недоступную нам тайну мира, в котором мы остановились?» Поиск ответов на эти вопросы – попытки рассказчика-писателя найти себя, выстраивание им собственной системы ценностей.

В организации идейно-художественной стороны рассказа значительную роль играют образы-символы. Внимание к образам-символам, метафорам (*солнце, небо, вода, земля, крутая гора, сон, пробуждение, дорога, дом, ворона* и др.), передающим глубинные смыслы, позволяет читателю понять, как повествователь приходит к пересмотру своей иерархии ценностей.

Например, мотив *дороги*. Во-первых, это обратная дорога из города на Байкал, о которой вспоминает рассказчик: двадцать минут ждал автобуса, пятнадцать минут ждали

шофёра, «плутоватого мужичонку», неподготовленный к рейсу автобус, опоздание на теплоход, оказавшийся катером, команда катера – «парни из преисподней», страшная переправа. Это описание конкретного пути, который сопровождался для рассказчика чувством вины и который воспринимался им как урок.

Во-вторых, это дорога от домика до горы и назад. Она описывается как вполне реальный путь: «...я пошёл куда глаза глядят», «Я выбрался на поляну», «Потом я очнулся <...> Я сидел совсем в другом месте и, судя по берегу Байкала, далеко от прежнего». И вместе с тем дорога существует в воображении рассказчика: «в пустынном светоносном миру висела и уходила в горизонтальную даль незримая дорога, по которой то быстрее, то тише проносились голоса. Лишь по их звучанию и можно было определить, что дорога существует, – с одной стороны они возникали и в другую уносились. И странно, что, приближаясь, они звучали совсем по-другому, чем удаляясь: до меня в них слышались согласие и счастливая до самозабвения вера, а после меня почти ропот. Что-то во мне не нравилось им, против чего-то они возражали. Я же, напротив, с каждым мгновением чувствовал себя все приятней и легче, и по мере того как мне становилось легче, затихали и выходящие голоса». Это та дорога, увидев и услышав которую, рассказчик приходит к согласию с самим собой, к принятию себя: я «слился с собой», «соединившись с собой», «окончательно возвращаясь в себя».

Мотивы *сна* и *пробуждения*, *болезни (нездоровья)* и *здоровья* также имеют как вполне конкретное значение, так и могут осмысляться как путь от душевной слепоты (глухоты) к душевному прозрению.

Интересен образ *солнца* как символа гармонии мира, согласия человека с самим собой. Так, на прогулке дочь и отца сопровождает «низкая при боковом солнце, но полная и теплая, так располагающая к согласию, осиянность вечеряющего дня»: тёплое солнце освещает их встречу. После поездки в город рассказчик чувствовал «нездоровье», «тяжёлую пустоту», «неприкаянность и обездоленность». И стадии, особенности такого его состояния подчёркивают описания солнца: его «во сне <...> терзало солнце», «Солнце <...> лежало в комнате на полу размытым блёклым пятном», «Воздух слепил глаза каким-то мутным блеском испорченного солнца»; «Солнце сморилось окончательно и затухало уже и в воздухе». А известие о болезни дочери предваряется описанием утра, когда солнце совсем пропало: «Утро было серое и мокрое, дождь шёл не переставая».

Ситуация в мире семьи писателя коренным образом изменилась. Умиротворение начала рассказа ушло. По дороге на Байкал рассказчик мог погибнуть и уже смирился с этим. Появилась тревога. Возникло предчувствие худшего, трагедии. Гармония исчезла. Стала очевидна зыбкость безмятежного покоя, грани жизни и смерти.

А.Н. Варламов так сказал о В.Г. Распутине: «И у него была поразительно высоко

задана планка осознания философского смысла жизни через пограничье со смертью, знание, явленное наперекор советскому времени, советскому атеизму. Я думаю, что к этой границе жизни и смерти никто из писателей его поколения так близко не подходил и не осознавал, что грань между жизнью и смертью проходит ежеминутно рядом. А для Валентина Распутина это было мерилom, критерием, поэтому, кстати, он так остро чувствовал человеческий возраст и особенно хорошо умел понимать возраст стариков и старух». [Варламов]

Чтение этого рассказа в аудитории инофонов-нефилологов требует существенной предварительной языковой работы. В первую очередь необходимо активизировать группу глаголов движения (бесприставочных и с приставками, включая и глагол *плыть – плавать*), в прямом и в переносном значении (*«работа (не) пошла», уйти в себя, приходиться в голову*). Необходимо обратить внимание, например, на отдельные паронимы (*одиночество, уединение; душевный, духовный; здоровый, здоровый; болезнь, болезненность*), однокоренные слова (*незыблемость, зыбкость; (не)понимание, взаимопонимание; граница, пограничье*), неологизмы (*запределье, подменные люди, небыванье в себе*), слова, совпадающие в некоторых значениях (*собственный, свой*).

Рассказ может быть прочитан как в оригинале, так и с небольшими сокращениями, а также в адаптации. Основной метод чтения рассказа – комментированное чтение.

Задания после прочтения рассказа формулируются в основном в форме вопросов. Часть заданий помогает уяснить структурно-композиционные особенности рассказа, другие направлены на контроль его смысловой стороны, кроме того, есть задания, стимулирующие беседу.

Организованная таким образом работа над рассказом приводит иностранных учащихся к пониманию замысла писателя и даёт возможность воспитывать читателей, способных не только расширять свою профессиональную компетенцию, пользуясь литературой на русском языке, но и имеющих потребность знакомиться с произведениями русской художественной литературы, интересоваться творческими поисками русских писателей.

Задания, предлагаемые при работе над рассказом В.Г. Распутина

«Что передать вороне?» в аудитории инофонов-нефилологов

I

1. Прочитайте рассказ В.Г. Распутина «Что передать вороне?». Передайте в краткой форме содержание рассказа, восстановив логическую последовательность событий, происшедших с героем рассказа.

2. Вспомните ту часть рассказа, где описывается пребывание героя в городе. Ответьте

на вопросы, подтверждая свой ответ примерами из текста. При необходимости обращайтесь к тексту.

1) Почему герой рассказа должен был вечером обязательно вернуться в город? Что он, по-вашему, называет «посторонней жизнью»?

2) Какой показалась рассказчику его дочь при встрече? Что он думал о её характере в тот момент? Можно ли сказать, что в его оценке есть нежность к дочери? отцовская гордость? самодовольство?

3) Как герой рассказа воспринимал состояние природы во время прогулки с дочерью? Можно ли отметить гармонию природы и человека (отца, дочери) в тот момент?

4) Какую роль выполняла ворона в отношениях отца и дочери? Как воспринимала ворону дочь? А отец? Почему ворона – «наша»?

5) Что произошло, когда писатель сообщил дочери о своём намерении уехать? О каком «законном праве» шла речь?

6) Герой рассказа размышляет о правилах, «принятых в жизни», «установленных для всех», «чужих», «своих», о «правилах игры». Каково отношение к этим правилам отца? дочери?

7) Каков смысл прощального диалога отца и дочери?

3. Прочитайте описание обратной дороги рассказчика за город.

1) Вспомните, что говорит рассказчик о «законченности» дел и дней. В каком случае день, который писатель провёл в городе, «мог остаться законченным, во всех отношениях закрытым»? Почему этого не произошло?

2) Что удержало рассказчика от возвращения домой? Получил ли он удовольствие от поездки на удобном месте в автобусе?

3) О каком уроке, о какой своей вине говорит рассказчик?

4) Вспомните, как рассказчик, возвращаясь в город, ощущал себя в окружающем мире?

4. Прочитайте ту часть рассказа, где герой размышляет о себе. К какой категории людей (по его собственной классификации) он себя относит?

5. Прочитайте о пробуждении героя наутро после поездки в город.

1) Какие чувства он испытывал?

2) Что в окружающем мире настораживало героя? Можно ли говорить о гармонии человека и природы в тот момент?

3) Расскажите об обычном утреннем чаепитии рассказчика.

4) Было ли описываемое чаепитие обычным? Почему рассказчику пришлось встать из-за рабочего стола?

6. Прочитайте описание прогулки героя.

1) Как началась эта прогулка? Что заставило героя пойти к Байкалу?

2) Какое состояние переживал герой во время этой прогулки? обновления? освобождения? лёгкости? единения с природой?

3) Какие вопросы задавал в тот момент рассказчик самому себе?

4) Расскажите о «незримой», «очистительной» дороге, существование которой ощутил рассказчик.

5) Где и когда герой «полностью соединился с собой»?

6) Какое состояние испытывал рассказчик возле ключика?

7. Прочитайте заключительную часть рассказа.

1) Что почувствовал рассказчик, проснувшись ночью?

2) Было ли состояние природы созвучным настроению героя?

II

8. Прочитайте стихотворение русского поэта Ф.И. Тютчева. Как, на ваш взгляд, содержание этого стихотворения перекликается с содержанием рассказа В. Распутина?

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

9. Проследите, когда, в каких ситуациях, рассказчик чувствовал «полную слитность с собой», своё единение с окружающим миром. Когда эта гармония нарушалась?

10. Расскажите о попытках рассказчика понять самого себя, свою душу. Можно ли сказать, что герой идёт от душевной слепоты (глухоты) к душевному прозрению?

11. Сколько точек зрения, сколько взглядов на происшедшее с героем, по вашему мнению, присутствует в рассказе? Чьи это точки зрения: рассказчика, каким он «был вчера»? рассказчика, каким он «стал сегодня»? Писателя В.Г. Распутина? Подтвердите свой ответ примерами из текста.

12. Как вы считаете, этот рассказ реалистичен? символичен?

13. Как можно осмыслить понятия «сон», «пробуждение», «солнце», «здоровье», «болезнь» («нездоровье») в рамках содержания всего рассказа?

14. Прочитайте русские пословицы. Обратите внимание на то, что одно из значений глагола *каркать* – 'предсказывать неудачу, беду'. Добавляют ли эти сведения что-либо к вашему пониманию общего смысла рассказа?

1) Ворона каркает к несчастью. 2) Ворон каркает к несчастью, а ворона – к ненастью.

3) Была бы падаль, а воронье налетит.

15. Расскажите, что вы узнали а) о писателе, б) о его дочери, в) о его жене.

16. Почему, на ваш взгляд, отец и дочь не названы собственными именами?

17. Финал рассказа открытый. Почему?

18. Как бы вы ответили на вопрос, вынесенный в заглавие рассказа?

19. Познакомьтесь со следующим высказыванием Л.Н. Толстого. Сформулируйте своё отношение к этим словам великого классика.

Каждый человек – алмаз, который может очистить и не очистить себя. В той мере, в которой он очищен, через него светит вечный свет. Стало быть, дело человека не стараться светить, но стараться очищать себя.

ЛИТЕРАТУРА

Варламов А.Н. «Валентин Распутин нёс на себе тяжесть унижения русского человека». <http://www.pravmir.ru/valentin-rasputin-nes-na-sebe-tyazhest-unizheniya-russkogo-cheloveka/>

THE EXPERIENCE OF READING THE STORY OF V.G. RASPUTIN "WHAT SHOULD I TELL THE CROW?" IN THE AUDIENCE OF NON-PHILOLOGISTS

Irina Kuzmitch

Lomonosov MSU, Moscow, Russia

irina_kouzmitch@mail.ru

This article proposes interpretation experience of V. Rasputin's story in auditorium of foreign language and worldview carriers – non-philologists.

Keywords: interpretation of literary text, the world of narrator, moral values, system of images, language linguistic means.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ШАГОВ В ОСВОЕНИИ ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ РУССКИХ ЗВУКОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

Хомяков Сергей Александрович

кандидат филологических наук

старший преподаватель МГМСУ им. А.И. Евдокимова

khomjakov.sergey@mail.ru

Хомякова Елена Юрьевна

кандидат филологических наук

*доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

khomjakov.sergey@mail.ru

В статье приводятся методические рекомендации по преподаванию звуков русского языка на начальном этапе обучения, предлагается последовательная инструкция по последовательному введению фонетического материала, включая необходимую лексику для каждого шага. Статья может быть использована как план при подготовке упражнений к уроку.

Ключевые слова: фонетика, звуки речи, интонационные конструкции, методика преподавания.

Методике преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных авторов, а перед начинающими преподавателями РКИ оказывается большое количество самых разнообразных учебников и учебных пособий для иностранных учащихся, как новых, так и тех, которые стали хрестоматийными. Данная статья адресована в первую очередь преподавателям, не имеющим большого опыта в области преподавания фонетики иностранным учащимся начального этапа обучения. Кроме того, она содержит ряд необходимых рекомендаций и комментариев.

Практически все учебники и учебные пособия, представленные в настоящее время и доступные преподавателям, содержат упражнения на выработку навыков и формирование умений лексико-грамматического характера, в то время как такой раздел, как фонетика и интонация, обычно (по умолчанию) остается в ведении преподавателя, ведущего занятия.

Традиционно любое обучение иностранному языку начинается с алфавита и звуков речи. От того, как они будут усвоены, зависит не только правильное воспроизведение речи, но и понимание сказанных и услышанных реплик. Необходимо выработать звуко-различительные и произносительные навыки и умения, так как исправлять затренированные фонетические ошибки, не только крайне сложно, но и практически невозможно. Обучение русскому языку также начинается со знакомства с алфавитом, которое имеет целью сопоставление буквы и звука, и освоения звуков речи.

В вводном фонетическом курсе, с которого начинается обучение языку, учащиеся

должны овладеть базовой системой фонетики русского языка, артикуляцией русских звуков, особенностями русского ударения, ритмикой слова и основными типами интонационных конструкций (первых четырех). Лексика данного курса должна быть такой, чтобы дать учащимся возможность общаться на элементарном уровне, используя лексические единицы, которые были даны на уроках.

Особенностью ритмики русского слова является большая разница между ударным и безударными слогами по длительности, тону и напряжению: в ударных слогах гласные произносятся напряженно и длительно, а в безударных – более кратко и слабо. Ударный слог является центром слова, поэтому он произносится с максимальным мускульным напряжением. В ударных слогах все гласные сохраняют свое качество. В безударных слогах гласные редуцируются: чем дальше от ударения – тем больше (кроме позиции абсолютного начала и конца слова), а звуки «а», «о», «е» изменяются в наибольшей степени, изменяют свое качество и звучат иначе. Важно показать, что ударный гласный является ритмическим центром слова. Последовательность упражнений должна быть следующей: редуцированный звук в абсолютном начале слова, в первом предударном, в абсолютном конце, во втором предударном, в разных позициях. Редукцию гласных [а], [е] после мягких согласных можно отрабатывать только после введения произношения мягких согласных в разных позициях, в том числе и перед [е], [и], а также после знакомства со звуком [j], необходимым для произношения слов типа «язык», «яйцо», «еда» и т.д.

Звуки русского языка даются в определенной последовательности, которая зависит как от объективной артикуляционной сложности звука, так и от его частотности в русском языке. Конкретная очередность, в которой вводятся русские звуки, в «хрестоматийных» учебниках различна, но при постановке звука всегда учитывается его трудность при освоении учащимися русских артикуляций. Нам представляется наиболее универсальной следующая последовательность (в конце статьи представлен план построения занятий по фонетике, а также пример одного из уроков).

Шаг №1. Так как русский язык характеризуется довольно разнообразной системой консонантизма и сравнительно простой системой вокализма, то и в произносительной системе русского языка консонантизм является определяющим. Первыми даются твердые согласные звуки [м], [н], [б-п], [д-т]. Эти звуки есть практически во всех языках (некоторые трудности могут возникнуть, например, у носителей арабского и испанского языков, а также у представителей некоторых диалектов китайского языка). Именно в этот момент целесообразно ввести понятие глухости – звонкости, и обратить внимание учащихся на то, что, несмотря на разные буквы (б-п, д-т) место образования звуков не меняется, а разница заключается только в наличии/отсутствии голоса. Параллельно с этими согласными звуками

вводятся гласные [a], [o], [y], [э]. На этом же этапе может быть введена редукция гласных [o], [a] в двусложных словах и на очень ограниченном лексическом материале. В абсолютном начале и конце слова, а также в первом предупредительном слоге после твердых согласных «o» и «a» звучат одинаково, как [Λ], то есть как краткий, слабый [a]. В остальных безударных слогах «o» и «a» произносятся как [ь], еще более слабый и краткий звук, близкий по качеству к [ы]. Кроме того, на этом же этапе вводится схема слова: _ /, / _ и первая интонационная конструкция.

Шаг №2. После овладения учащимися предыдущим материалом можно перейти к обучению следующим твердым согласным [в-ф], [з-с]. Введение этих звуков позволяет задействовать небольшой объем простой односложной лексики. В результате этого учащиеся смогут строить простые утвердительные предложения (например, «Вот дом»).

Шаг №3. На данном этапе вводится использование букв я, ю, е, ё под ударением в двух позициях: в абсолютном начале слова и после гласного, то есть когда эти буквы обозначают 2 звука: я = [ja], ю = [ju], е = [je] (закрытое «е»), ё = [jo]. Закономерным на данном этапе является введение согласного звука [й]. Здесь же дается ИК-3.

Шаг №4. Множество сложностей вызывает согласный [р], который в некоторых языках не представлен вовсе, а во многих других – отличается от русского, поэтому целесообразно уделить особое внимание этому звуку. Закрепление данного звука происходит легче, если он находится после гласных [a, o, y].

Шаг №5. Кроме согласного [р], трудности часто вызывает гласный звук [ы], которого также нет во многих языках. Звук «ы» лучше не отрабатывать изолированно, а его освоение происходит легче, если практиковать его на слогах или в словах, где звук [ы] находится после согласных [б, п, д, т, в]. Усвоение звука [ы] требует длительной тренировки. Также очень важно наглядно показать разницу между звуками [ы - и]. Кроме того, на данном этапе вводятся заднеязычные согласные [к], [г], [х]. Здесь же дается ИК-2.

Шаг №6. Одним из наиболее трудных согласных звуков русского языка является сонорный [л]. Хотелось бы подробнее остановиться на нем. Обычно, если он и существует в родном языке учащегося, то отличается от русского по месту образования (например, в европейских языках – это средневропейский «l», воспринимающийся носителями русского языка как мягкий [л']; в японском – нечто среднее между [р] и [л] и т.д.). Кроме того, различие [л] – [л'] и [р] – [л] в русском языке очень важно, так как фонетическая ошибка влечет грамматическую (ср.: угол – уголь, лук – люк, лот – рот и т.д.). Более того, если посмотреть на «разновидности» звука [л] в различных языках, то становится понятна его «универсальная» трудность для представителей практически всех языков мира. Даже среди европейских языков существует как минимум четыре типа этого звука: [л] – [l]

(среднеевропейский) – [л´] – [ll], различающиеся по степени поднятия языка, но, помимо этого, существует еще и губно-губной [л] (например, в польском языке). Все вышеперечисленные особенности необходимо учитывать при отработке этого звука. Уместно также дать звук [р] и [л] в противопоставлении: в различных позициях, чтобы показать их смысловоразличительную роль (однако следует избегать слов, где происходит смягчение звуков). Здесь же вводится ИК-4.

Шаг №7. Обучение согласным [ш] и [ж] происходит по одной модели, как и других согласных. Эти звуки представлены в большинстве языков, но чаще всего они отличаются от русских звуков большей «смягченностью», то есть они являются полумягкими. Если твердые [ш][ж] не поставить с самого начала, то впоследствии учащиеся будут их смягчать, что приведет в дальнейшем к неразличению твердого [ш] и мягкого [щ]. Кроме того, в некоторых языках (например, испанском, греческом и некоторых других) не существует звуков [ш], [с] в нашем понимании – они реализуются в одном звуке: нечто среднее между [с] и [ш], поэтому для представителей этих языков нужны специальные упражнения на различение этих звуков. При постановке звука [ш] дается вопросительное местоимение *что*, поэтому в упражнениях может быть много диалогов в вопросно-ответной форме.

Шаг №8. Звук [ч´] обычно не вызывает трудностей, так как он существует в большинстве языков, но часто отличается от русского – обычно он более твердый и воспринимается носителями русского языка как нечто среднее между [ч´] и [ш], поэтому обязательно нужно давать упражнения на различение этих звуков. Хотя звук [ч´] – мягкий, а все мягкие согласные традиционно даются после всех твердых, нам кажется целесообразным дать его на данном этапе в силу того, что он не вызывает больших трудностей, но дает возможность задействовать определенный лексический материал.

Шаг №9. Звук [ц] обычно не представляет больших затруднений для учащихся, но стоит противопоставить его согласным [с-ш] и [з-ш] и дать соответствующие упражнения.

Далее начинается второй важный блок в преподавании фонетики, который связан со смягчением ранее изученных согласных. В русском языке все согласные могут быть как твердыми, так и мягкими (кроме только твердых [ж], [ш], [ц] и только мягких [ч´], [щ´]). На письме мягкость предыдущего согласного выражается при помощи букв е, и, я, ё, ю, ь. Мягкость согласных в абсолютном конце слова (тетрадь, уголь) и перед согласным (горько) является характерной особенностью фонетической системы русского языка. Правильная артикуляция является необходимой, так как в подобных случаях фонетическая ошибка влечет за собой смысловую (угол-уголь, горка – горько).

Шаг №10. Согласные [б´, п´, в´, ф´, м´, н´]. Параллельно обязательно должна вестись работа по оглушению [б´] – [п´], [в´] – [ф´]. Здесь же дается полное правило букв «ё», «ю»,

«я», «е». В ударной позиции (кроме начала слова и после гласного, что было дано ранее) они обозначают мягкость предыдущего согласного: ё – [‘о], ю – [‘у], я – [‘а], е – [‘е] (закрытое е). Позиция «ё», «ю», «я», «е» после букв «ъ» и «ь», когда они реализуются как два звука, в водном фонетическом курсе не отрабатывается. Этот материал переходит в сопроводительный курс фонетики.

Шаг №11. Аналогично проводится работа с другими согласными [д‘, т‘, з‘, с‘], а также вводится полная схема редукции гласных звуков, то есть происходит переход от одно- и двусложных слов к трехсложным. На данном этапе дается редукция звуков [о] и [а] в остальных безударных слогах, где они произносятся как [ъ] (редукция звуков [о] и [а] после твердого согласного в первом предударном слоге и абсолютном начале и конце слова была дана ранее).

Шаг №12. Как было сказано выше, по причине отсутствия звуков [л] и [р] во многих языках, их мягким парным звуками [л‘] и [р_] следует уделить особое внимание при формировании произносительных навыков.

Шаг № 13. Постановка заднеязычных звуков [к‘, г‘, х‘] проводится аналогично другим звукам, кроме того, необходимо отметить переход звука [г‘] в [х‘] в некоторых словах (*мягкий, легкий, мягко, легко*).

Шаг № 14. Последним вводится звук [щ‘], кроме обычных упражнений, следует дать его в противопоставлении звукам: твердым [ц], [ж], [ш] и мягкому [ч‘]. Следует обратить внимание на звуки [т‘] – [ч‘] и дать упражнения на их различие.

Сгруппировав звуки речи, необходимо обратиться к тому, какой лексический материал задействовать. Логично на уроке употреблять слова, которые будут в дальнейшем воспроизводиться учащимся и которые будут ему необходимы в той коммуникативной среде, в которой будет проходить его деятельность. Интонационные конструкции вводятся последовательно, начиная с ИК-1 и ИК-3, а по мере изучения звуков речи включается ИК-2 и ИК-4. Главная цель работы над ИК – достичь понимания и автоматического воспроизведения. Любой урок строится по цикличному принципу, когда звуки, поставленные ранее, повторяются на каждом занятии. Не стоит вводить большой объем лексики – хотя это часто зависит от учащихся (возраста, подготовленности, национальности и т.д.) – и грамматического материала. Если на данном этапе количество грамматики будет сведено к минимуму, то это позволит избежать ошибок, но, например, обозначение объекта (неодушевленные существительные), места, времени (наречия) необходимо давать по мере изучения звуков.

№ урока	Гласные звуки	Согласные звуки	Интонационные конструкции	Примерная лексика
1	а, о, у, э	м, н, б, п, д, т	ИК-1	Да, дом, он, но, там, тут, бант, том, дам, нам, это, эта, мама, папа, она, дама, дома, мода, дума, туда, батон, Анна, банан, туда, дам-там, дом-том, Дон-тон, дуб-тут, бот-пот, дот-тот, батон-потом
2	и	з, с, в, ф	ИК-3	Зуб, нос, звон, сон, два, зонт, сад, нас, вот, вон, сом, суп, мост, база, база, арбуз, запас, вода, давно, Антон, Иван, забота, завод, зовут, соус, ананас, назад, автобус, Вова, суббота, иду, идут, зуб-суп, зуд-суд, зов – сов, вон – фон, ваза – фаза.
3	я, ю, е, ё	й	ИК-2	Я, Яна, пою, поют, поём, ем, ест, май, мой, свой, твой, домой, пой, дай, юный, двое-твой, Зоя-соя.
4		р		Рак, ров, порт, ром, торт, рад, раз, рама, работа, ровно, редко, робот, спорт, страна, направо, утро, сарай, рукав, овраг, завтра, трамвай, коробка, Юра, Артур, справа, вопрос, род-рот, борг-порт, забор-собор, дар – тара, брага – Прага.
5	ы	к, г, х		Сок, бок, бак, сох, как, так, звук, круг, друг, враг, газ, кот, знак, сын, сыр, год, ты, мы, вы, урок, карта, буква, куртка, рыба, нога, подруга, каюта, маяк, когда, пока, Москва, губка, Сахара, парк, зоопарк, иногда, ухо, пирог, окно, восход, восток, закат, сумка, бумага, уксус, доктор, много, круг-друг, доска – тоска, коза – коса, старый, новый, красный, вкусный, продукты, фрукты, мост – мосты, кот – коты, зонт – зонты, арбуз – арбузы, банан – бананы и т.д.
6		л	ИК-4	Луг, лук, лоб, был, тыл, глаз, лес, класс,

				глаз, лес, лез, слог, мол, мул, лорд, клуб, горло, лампа, салат, луна, палата, была, кукла, флаг, галстук, слово – слова, злой – свой, долг – торг, зал – сало, плоды-плоты, злит – слит, блох – плох, балка – палка, дело – тело.
7		ж, ш		Шар, наш (а), ваш (а), нож, шум, шкаф, шарф, жук, жир, муж, шов, шапка, шутка, шина, машина, этаж, суша, шумно, гараж, жаба, ошибка, жарко, желтый, журнал, ужин, живу, живут, жил, жираф, уже, тоже, жена, шалаш,, ложка, груша, дружба, Маша, Наташа, Саша, Паша, Джон.
8		ч		Чай, час, чек, врач, чашка, черный, часто, хочу, чудо, чувство, читаю, читают, чеснок, чистый, обычно, учебник, вчера, ручка, изучаю, изучают, чей, дочка-точка.
9		ц, с-ш, з-ш, с-ц		Центр, цирк, яйцо, царство, цена, цукаты, цензура, цитрус, концерт, цифра цветы,
10		мягкие б, п, в, ф, м, н		Миг, миф, метр, мёд, мяч, Пётр, писк, пès, вид, век, верх, свет, бинт, бег, снег, нет, милый, место, метод, минута, мясо, мята, пиво, пена, первый, пенсия, пешка, пятый, пятка, ответ, вирус, алфавит, вена, вечер, светлый, весна, красивый, билет, живёт, пишу, битва, биржа, бизон, обед, белый, пешком, сюда, небо, нервы, упражнение, проспект, нès, няня, меня, дядя, завет, привет, совет, до свидания, Дèма, Тèма и т.д..
11		мягкие д, т, з, с		Тетрадь, тигр, тихо, тело, текст, тема, театр, тèтя, тёмный, Артём, костюм, хотя, читать, мать, знать, отдыхать, работать, покупать, изучать, завтракать, обедать,

				ужинать, писать, звать, делать, кровать, Надя, сегодня, сила, символ, север, сектор, сера, осёл, учился, письмо, спасибо, хорошо, пожалуйста, магазин, зебра, музей, газета, зёрна, зять, взять, университет, здесь, Максим, квартира, день, очень, Нина, один, Витя, карандаш, хорошо, шоколад, шахматы, творог, холодно, комната, завтрак, город, утром, колбаса, голод, голос, молодой, золотой, потолок, вместе, извините, понимать,
12		мягкие л, р		Лес, лилия, лист, малина, билет, балет, хлеб, слева, лёг, полёт, люблю, люди, земля, эмаль, сильный, февраль, июль, фильм, фильтр, четыре, человек, слева, налевл, больница, пальто, рубль, соль, преподаватель, большой, три, смотрите, рис, рейс, адрес, орех, репа, рёв, верёвка, рюмка, говорить, рядом, прямо, тряпка, дверь, вратарь, теперь, близко, далеко, река, переулок, лифт, мода,
13		мягкие к, г, х		Кефир, кино, киоск, кислый, сладкий, Кира, кедр, кекс, кепка, хитрый, химия, гитара, мозги, богиня, гимн, гелий, ген, когда, русский деньги,
14		щ, ж, ш, ч, ц		предложение, проспект, чаша, щи, щит, ещё, щётка, ищу, щука, плащ, овощ - овощи, борщ, по-шведски, перерыв, здесь, перерыв, конечно, общежитие, Кремль, Красная площадь, француз, его,

Пример урока. Урок № 14 (Lesson № 14)

Согласные (consonants): Щ, Ш, Ж.

Интонационные конструкции (intonation constructions) № 1, 2, 3, 4.

Упражнение №1. (Exercise №1). Прочитайте.

бы-би-бы-би; пы-пи-пы-пи; мы-ми-мы-ми; вы-ви-вы-ви; фы-фи-фы-фи
би-бы-би-бы; пи-пы-пи-пы; ми-мы-ми-мы; ви-вы-ви-вы; фи-фы-фи-фы
ты-ти-ты-ти; ды-ди-ды-ди; ны-ни-ны-ни; сы-си-сы-си; зы-зи-зы-зи
ти-ты-ти-ты; ди-ды-ди-ды; ни-ны-ни-ны; си-сы-си-сы; зи-зы-зи-зы

Упражнение № 2 (Exercise №2). Прочитайте.

Кефир, кино, киоск, кислый ≠ сладкий, Кира, кедр, кекс, кепка, хитрый, химия, гитара, мозги, богиня, гимн, гелий, ген, когда.

Упражнение №3 (Exercise №3). Прочитайте слова.

Понимать, обычно, предложение, адрес, проспект, деньги, переулок, мода, лифт, чаша, щи, щит, ещё, щётка, ищу, щука, плащ, овощ, борщ, по-шведски, перерыв, здесь, привет, конечно, общежитие, Кремль, Красная площадь, француз, его, продукты, иногда, Джон.

Упражнение №4. (Exercise №4). Прочитайте.

1) ша-ша-ша шар-шарф-шаг-шапка-шахматы

шу-шу-шу шум-шумно-шутка –пишу

шо-шо-шо шов-хорошо-шоколад

шè [шо] –шè-шè шёл-шёлк

ши [шы]-ши-ши машина-широкий

аш-аш-аш наш-ваш-карандаш

шь[ш] ешь-поешь-работаешь

2) жа-жа-жа жар-жарко-жалко-пожалуйста

жу-жу-жу жук-журнал

жè [жо] – жè-жè жёлтый

жи [жы]-жи-жи жить-ужин-ужинать-ножи-этажи-житель

же [жэ]-же-же уже

3) щи-щи-щи щи-ищи

щè-щè-щè щётка, ещё

щу [щ'у] ищу

Упражнение № 5. (Exercise №5). Прочитайте, соблюдая интонационные правила.

Письмо

Здравствуйте, ма́ма и па́па! Как ва́ши дела́? Я живу́ в Москвѣ и изуча́ю ру́сский язы́к .
Мой преподава́тель о́чень хоро́ший. Он молодóй челове́к. Его́ зовут Серге́й. Он мно́го говори́т по-ру́сски. Я мно́го пишу́ и чита́ю по -ру́сски. Я отдыха́ю ве́чером. Обы́чно я у́жинаю до́ма. Я ем фрúкты и мя́со. До свида́ния!

Упражнение №6. (Exercise №6). Прочитайте предложения.

Я понима́ю.	Я понима́ю сло́во.
Ты понима́ешь.	Ты понима́ешь предложѐние.
Он понима́ет.	Он понима́ет текст.
Она понима́ет.	Она понима́ет диалóг.
Мы понима́ем.	Мы понима́ем слова́.
Вы понима́ете.	Вы понима́ете письмó.
Они понима́ют.	Они понима́ют фильм..

Упражнение №7 (Exercise №7). Прочитайте предложения.

Я понима́ю, как его́ зову́т. Я понима́ю, что вы говори́те. Я понима́ю, что он чита́ет. Я понима́ю, что она́ говори́т.

Упражнение №8 (Exercise №8). Прочитайте диалоги.

– Сего́дня четве́рг?	– Како́й сего́дня день?
– Да, сего́дня четве́рг.	– Сего́дня понеде́льник.
– Ты идѐшь на уро́к?	– Ты отдыха́ешь сего́дня?
– Да, а ты?	– Нет, я иду́ на уро́к. А ты?
– Я то́же иду́.	– Я то́же иду́ на уро́к.
– Сего́дня суббо́та?	
– Да, суббо́та.	
– Ты отдыха́ешь сего́дня?	
– Да, а ты?	
– Я то́же отды́хаю.	

Упражнение №9. (Exercise №9). Прочитайте слоги и слова.

ща-ща-ща[ш':а] – чаща
щи-щи-щи[ш':и] – щи, щит
щё-щё-щё[ш':о] – ещё, щётка
щу-щу-щу[ш':у] – ищú, щúка
ащ-ащ-ащ[аш':] – плащ
ощ-ощ-ощ[ош':] – óвощ

Упражнение №10. (Exercise №10). Прочитайте предложения.

Éто дéвушка . Éто вéщи . Я люблю щи . Мой друг любит борщ . Я ещё пло́хо говорю́ по-швéдски. Éто мой плащ. Это вкúсный борщ.

Упражнение №11 (Exercise №11). Прочитайте предложения.

Я ищú.	Я ищú а́дрес.	Я ищú дверь.
Ты и́щешь.	Ты и́щешь плащ.	Ты и́щешь дом.
Он и́щет.	Он и́щет пальто́.	Он и́щет магази́н.
Она́ и́щет	Она́ и́щет са́хар.	Она́ и́щет метро́.
Мы и́щем.	Мы и́щем каранда́ш.	Мы и́щем проспéкт.
Вы и́щете.	Вы и́щете гара́ж.	Вы и́щете дéньги.
Они́ и́щут.	Они́ и́щут нож.	Они́ и́щут переу́лок.

Упражнение №12 (Exercise №12). Прочитайте вопросы и ответы.

– Что вы и́щете? – Я ищú журна́л «Мо́да».
– Что она́ и́щет? – Она́ и́щет дом и магази́н.
– Что ты и́щешь? – Я ищú метро.

Упражнение №13 (Exercise №13). Прочитайте диалоги.

– Что это?	– Что это?
– Это ящик.	– Это мой плащ.
– Какой это ящик?	– Какой это плащ?
– Это но́вый ящик.	– Это жёлтый плащ.
– Где ящик?	– Где плащ?
– Он тут.	– Он здесь.

Упражнение №14 (Exercise №14). Прочитайте предложения.

Я хочу́.

Ты хочешь.

Он хочет.

Она́ хочет.

Мы хоти́м.

Вы хоти́те.

Они́ хотят.

Я хочу́ чита́ть текст.

Ты хочешь отды́хать ве́чером.

Он хочет за́втракать у́тром.

Она́ хочет говори́ть по-ру́сски.

Мы хоти́м обе́дать.

Вы хоти́те понима́ть диало́г.

Они́ хотят перерыв.

Упражнение №15 (Exercise №15). Прочитайте диалоги.

– Приве́т! Как дела́?

– Спаси́бо, хорошо́.

– Ты хочешь обе́дать?

– Да, хочу́.

– Здравствуй! Как дела́?

– Здравствуй, хорошо́.

– Ты хочешь говори́ть по-ру́сски?

– Конечно, хочу́.

– До́брый день! Как дела́?

– Приве́т, хорошо́.

– Я хочу́ обе́дать. А ты?

– Я то́же хочу́ обе́дать.

Упражнение №16 (Exercise №16). Прочитайте диалоги.

– Извини́те, где щётка?

– Щётка там.

– Спаси́бо!

– Изви́ните, я ищú чёрный плащ.

– Он справа́.

– Спаси́бо!

- Извините, где общежитие?
- Общежитие слева.
- Спасибо!

Упражнение №17 (Exercise №17). Прочитайте диалог.

- Извините, где Маша?
- Она на уроке.
- А Наташа?
- Она тоже на уроке.
- Что они делают сейчас?
- Они изучают русский язык.
- Здравствуй, Паша.
- Привет, Андрей.
- Что ты делаешь?
- Я читаю текст. А ты?
- Я ем щи. Ты любишь щи?
- Нет, я люблю борщ.

Упражнение №18 (Exercise №18). Прочитайте текст.

Текст

Это мой новый город . Это Москва . Я иду в центр . Центр красивый . Прямо Кремль . Слева метро . Справа Красная площадь . Вот кафе . Я обедаю здесь . Я очень люблю русский борщ . Я покупаю борщ и говорю : «Здравствуйте, дайте, пожалуйста, один борщ!». Потом я говорю: «Спасибо!». Я ем вкусный борщ ,потом иду домой . Дома я изучаю русский язык . Я читаю текст, пишу слова.Я хочу говорить по-русски очень хорошо.

Упражнение №19 (Exercise №19). Прочитайте текст.

Письмо

Здравствуйте, мама и папа! Я живу хорошо . Москва – большой и красивый город . Вот фото . Это моя квартира . Обычно я завтракаю и ужинаю дома . Я обедаю в кафе . Я люблю русский борщ . Я ем борщ часто . Вы знаете, что Жорж – мой друг . Он тоже изучает русский язык . Он француз . Он, конечно, хорошо говорит по-французски . Его общежитие недалеко . Он живёт там . Утром я иду на урок . Он тоже идёт на урок . Преподаватель говорит : «Здравствуйте!» Мы тоже говорим : «Здравствуйте!». Сначала мы пишем слова . Потом мы читаем новый текст . Сейчас перерыв . Мы отдыхаем . Мы говорим . Я говорю по -русски ещё

плохо. Я хочу говорить по -русски очень хорошо . Вечером я покупаю продукты и отдыхаю .
Иногда я читаю журнал. Потом я ужинаю. До свидания! Ваш сын Джон.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишина А.А., Коган О.Е. Учимся учить. М., 2008.
- Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового. Учебное пособие для преподавателей и студентов. М.: Изд-во РУДН, 2007.
- Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977 г.
- Добровольская В.В. Урок в системе обучения русскому языку как иностранному. М., 2015.
- Ионова А.Н. О преподавании грамматики на начальном этапе обучения // Очерки по методике преподавания русского языка. Выпуск 1. М., 1962.
- Лебедева Ю.Г. Звуки. Ударение. Интонация. М., 1975.
- Макаэлян Э.К., Озе С.Э. Вводный разговорно-фонетический курс. М., 1974.
- Максименко С.С. Особенности работы по лексике в группах начального периода обучения // Очерки по методике преподавания русского языка. Выпуск 1. М., 1962.
- Овсиенко Ю.Г. Русский язык для начинающих: Учебник (для говорящих на английском языке). М., 2013.
- Попова Е.А. К вопросу о ритмике русского слова // Очерки по методике преподавания русского языка. Выпуск 1. М., 1962.
- Скворцова Г.Л., Чумакова Г.Н. Русские глаголы: Учебное пособие. М., 2014.
- Хавронина С.А. Русский язык в упражнениях: Учебное пособие (для говорящих на английском языке). М., 2013.
- Хомяков С.А. Русский глагол в использовании: Учебное пособие. М., 2014.
- Чернышов С.И. Поехали! Учебник русского языка для взрослых. Начальный курс. СПб., 2012.
- Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 2003.
- Шустикова Т.В., Кулакова В.А., Карпусь Л.А. и др. Русский язык — мой друг. Базовый уровень: учебное пособие по русскому языку для студентов иностранцев. М., 2014.

FOURTEEN STEPS IN THE LEARNING RUSSIAN SOUNDS AT THE INITIAL STAGE OF TRAINING

Sergei Khomyakov

PhD, Evdokimov MSMSU, Russia, Moscow
khomjakov.sergey@mail.ru

Elena Khomyakova

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
khomjakov.sergey@mail.ru

The article presents the guidelines for the teaching of Russian language sounds in the beginning of studying. It contains some sequence of instructions for the introduction of phonetic material, including the necessary vocabulary. The article can be used as a plan for the preparation for exercises of the lesson.

Keywords: phonetic, speech sounds, intonation constructions, teaching methods.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

О ЗНАЧЕНИИ ДИСКУРСИВНО-ДИНАМИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ¹

Кульпина Валентина Алексеевна

*доктор филологических наук,
доцент кафедры славянских языков и культур,
факультет иностранных языков и регионоведения,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
vgrkulpina@mail.ru*

Татаринев Виктор Андреевич

*доктор филологических наук,
Президент Российского терминологического общества РоссТерм, Москва, Россия
rossterm@mail.ru*

Рецензируемая книга посвящена широкому спектру проблем современной лингвистики с учетом динамических процессов в языковой системе и ее коммуникативных и социокультурных приложений. Описанная проблематика связана с языковой картиной мира, с преподаванием русского языка как иностранного и полезна с этой точки зрения.

Ключевые слова: русский язык, лингвистические динамические процессы, социокультурные приложения, языковая картина мира, русский язык как иностранный.

В данной рецензии освещается основное содержание и идеи книги профессора Варминьско-Мазурского университета (Республика Польша) Александра Киклевича «Динамическая лингвистика: Между кодом и дискурсом». С проблематикой преподавания русского языка как иностранного проблематика книги связана многими гранями: это функции языка, стилистика, языковая картина мира – это те столпы, на которые опирается современное преподавание русского как иностранного.

Книга фактически является вторым изданием книги «Ветка вишни... Статьи по лингвистике» [Киклевич 2013], то есть избранными научными статьями автора. Постараемся на новом витке научного обобщения вернуться к этой книге, осветив те моменты, которые остались нами незамеченными ранее или не получили должного освещения.

Мимо очередной книги А.К. Киклевича никак не пройдешь равнодушным, ибо она затрагивает актуальнейшие и животрепещущие для современного языкознания вопросы. Языковед А.К. Киклевича можно охарактеризовать как плодотворного автора: его перу принадлежат 24 монографии и учебника, под его редакцией издаются два международных научных журнала «Полонистика» и «Przegląd Wschodnioeuropejski» _Восточноевропейский обзор_⁴; в качестве соредатора он выступает еще в 13 научных изданиях, всего им написано

¹ Рец. на кн.: Киклевич А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 444 с. ISBN 978-617-7022-25-0.

450 научных публикаций – это статьи, рецензии, учебные программы.

Книга «Динамическая лингвистика: Между кодом и дискурсом» призвана обратить внимание лингвистической общественности на такие моменты в ее содержании, которые связаны с разными гранями функционирования языкового кода. В то же время она многоаспектна. Автор стремится ответить на многие вопросы, связанные с поисками языковедов ответа на вопрос, что есть язык: «Целые столетия лингвисты («жрецы грамматической науки», по образному выражению А.М. Пешковского) занимались языковой системой, стараясь понять, представляет ли она собой приложение к логике, или род эволюционного процесса, или психологический феномен – модель системы репрезентации действительности («духа народа»), или особого рода систему знаков со специфическими номотетическими (по А. Богуславскому) свойствами, или особого рода психофизиологическую компетенцию – «в высшей степени специализированный и гибкий биологический комплекс» (по Л. Блумфилду)» (С. 4). Книга обращена к динамическому стилю мышления (распространившемуся в языкознании первой половины XX века), когда «ученые стали учитывать поведение объектов в среде, а применительно к языку – социальную и коммуникативную реализацию языковой системы» (там же).

В разделе книги, посвященном «Парадигмам в языкознании», А.К. Киклевич развитие культуры рассматривает в связи с развитием знаковых систем. Эта проблематика важна с точки зрения активизации осмысления своей деятельности научными сообществами. Среди ключевых понятий, сопряженных с понятием парадигмы как определенного способа познания предметной области, А.К. Киклевичем называются понятия *стадии, категории, теории, доктрины* и др. под. Эти ключевые понятия теории парадигм суть общенаучные термины, применимые для любой области знаний. А.К. Киклевич информирует о том, что многоаспектное исследование парадигм философии языка представляет собой методологический синтез и подчеркивает, что философские проблемы языкознания и литературоведения рассматриваются в общегуманитарном контексте. А.К. Киклевич подчеркивает, что «лингвистические парадигмы непосредственно ангажированы в культурный контекст функционирования научных сообществ» (С. 35). Обобщая анализ парадигм в славянском языкознании, А.К. Киклевич заключает: «Несмотря на родство славянских народов, славянских языков и культур, (...) каждая научная (и в целом – культурная) традиция неповторима. Она складывается из множества ценностных категорий и форм их манифестации (так называемых прецедентных текстов, ритуалов, персоналий и т.д.), которые формируются в сложных и исторически изменчивых обстоятельствах. Их изучение представляет важную задачу для социологии языкознания и сопоставительной металингвистики» (С. 50).

Тематика его «Избранного» достаточно типична для А.К. Киклевича, которому свойственно задумываться над фундаментальными проблемами языкознания, среди которых и функции языка (см. статью «Двенадцать функций языка»). Языковые функции рассматриваются в первую очередь как социально ориентированные, как проявляющие себя непосредственно в среде бытования человека – материально-физической, психологической и др. реальности, в кругу взаимодействия людей на фоне языковой ситуации, как включенные в дискурс коммуникативной ситуации на общей когнитивной базе. Среди выделяемых функций номинативная функция рассматривается в первую очередь как передающая «языковыми знаками информации о мире» (С. 62) и охватывающая физические, физиологические, ментальные, эмоциональные, языковые состояния, магическая функция анализируется как основанная «на вере человека в то, что слово (устное или письменное) представляет собой обязательную часть обозначаемого предмета, а значит, воздействуя на слово, человек воздействует и на предмет» (С. 64). Индексальная функция ориентирована на «идентификацию личности отправителя сообщения или же, чаще, его принадлежность к определенной социальной группе (...), определенному сообществу, определенной культурной парадигме» (С. 65); экспрессивная функция, позволяющая говорящему «выразить себя», т.е. свои эмоции, суждения, мысли (...), реализуется посредством категории модальности» (С. 65); «прагматическая (...) функция проявляется в стремлении речевого субъекта влиять на социальные отношения, в частности, на поведение коммуникативных партнеров с помощью речевых сообщений (С. 68); этологическая функция проявляется в том, что «благодаря речевой деятельности говорящий организует дискурс, оптимизирует собственное поведение» (...). «На уровне гипердискурса, т.е. таких категорий, как «общество», «государство», «партия», «фирма» и т.п., язык играет роль фундаментального организатора деятельности общественных институтов – как в сфере внешней коммуникации, охватываемой понятием маркетинга (...), так и внутренней коммуникации, т.е. внутри группы» (С. 71–72).

Сущность стилистической информации А.К. Киклевич усматривает в изменчивом характере речевой коммуникации, ее зависимости от внешних условий взаимодействия партнеров, в том, что «в зависимости от типа дискурса и его участников языковая система реализуется в том или ином ее варианте» (С. 70). Когнитивная функция языка (она же познавательная, аккумулятивная, гностическая) опирается на то, что «в форме и структуре языковых единиц и языковых категорий хранится информация о мире, тем самым благодаря знанию языка его носители получают доступ к выработанной данной культурной традицией картине мира как системе концептов и стереотипов, относящихся к окружающим предметам (в том числе и лицам), действиям, состояниям, событиям, свойствам и процессам» (С. 73). Креативная функция языка связывается с языковым детерминизмом, с воздействием

структуры языка, «в первую очередь его лексических категорий, (...) на познание и поведение языковых субъектов» (С. 74). Конститутивная функция «реализуется по отношению к языковым ситуациям и означает статус языка в социальной структуре общества, в частности – его административный статус» (С. 76). А.К. Киклевич выделяет интерлингвистическую функцию, суть которой заключена «в воздействии одной языковой системы на другую (на другие)» (С. 77). При этом «результатом языковых контактов (в рамках определенного культурно-географического ареала) обычно является интерференция языковых систем – проникновение элементов одного языка в систему другого и наоборот» (С. 77). Емкие, наглядные иллюстрации языковых функций из художественных произведений надежно подкрепляют положения А.К. Киклевича.

Особый раздел книги «Частота как фактор изменения языковых единиц в теории В. Маньчака» посвящен выработанному профессором Ягеллонского университета Витольдом Маньчаком так называемому «принципу Маньчака», согласно которому «нерегулярные языковые изменения и реализации языковых единиц обусловлены их активным употреблением в речевой деятельности» (С. 103–104). Принцип Маньчака силен своей объяснительной силой, тем, что его статистический анализ всецело основан на реальном текстовом употреблении языковых единиц. В стилистических аспектах принцип Маньчака получает интерпретацию как статистическая универсалия с функциональной динамикой. Статья являет собой шаг вперед в презентации концепций Витольда Маньчака и содержит многочисленные уточнения по сравнению с предыдущими оценками.

В «Динамической лингвистике...» А.К. Киклевич обращается среди других тем к когнитивной поэтике, к интерпретации художественного текста, к тем предметам, явлениям, которые «свои» для представителей данной культуры, культурной общности, к символическому наполнению текста, концепту, к когнитивной лингвистике, к поэтике. Эти фрагменты книги (многие другие, впрочем, также) чрезвычайно поэтичны и наглядно иллюстрированы.

Функциональную семантику А. Киклевич называет открытой семантикой, так как «предполагающей интерпретацию языковых знаков с учетом среды их употребления: интеллектуальной, эмоциональной, социальной и т.д. Это означает, что лингвистическое описание знаков дополняется описанием нелингвистических объектов, а именно – носителей языка, принятой в данном языковом сообществе системы культурных норм, типов и способов концептуализации мира, ситуаций общения и др.» (С. 127). А.К. Киклевич особо акцентирует усилия современных ученых, в частности, Е. Бартминьского, приблизить форму семантических толкований к реальным ментальным категориям, «различать системное и когнитивное значение слова: первое основано на дифференциальных семантических признаках, закодированных в системе языка, второе – на естественных ментальных

категориях обыденного сознания» (С. 139).

А.К. Киклевич пытается разобраться в различиях между когнитивной и культурной лингвистикой и одновременно провести водораздел между этими лингвистическими направлениями и структурализмом: «Когнитивная лингвистика в качестве объекта описания рассматривает индивидуальную языковую компетенцию как реализующуюся в психических процессах способность рефлексивно реагировать на внешние, а также на внутренние раздражители» (С. 140). Культурная же лингвистика (получившая у российских ученых название лингвокультурологии) «считает возможным на базе формы, структуры и семантики языковых знаков реконструировать культурный код, лежащий в основе поведения представителей данного общества» (С. 143). А.К. Киклевич, обращаясь к проблеме формирования концепта, не считает этимологическую информацию релевантной. Хотелось бы поддержать его точку зрения, что этимологическая информация не присутствует в языковом сознании: «Эта информация доступна лишь специалисту, для большинства же носителей языка этимологическая и вообще – историческая информация, преимущественно, не существенна» (С. 145). Отсюда следовал бы вывод, что этимологическая информация не относится к формированию концепта и с этим процессом не связана.

Обращаясь к проблеме функционального единства концепта, А.К. Киклевич полагает, что концепт такового лишен. Концепт предстает в его интерпретации как результат «аддитивного обобщения, компиляции, простого сложения информации из разных областей знания и из разных источников. Так понимаемый концепт не только не имеет ничего общего с языковой, но и с культурной компетенцией отдельных языковых личностей» (С. 149). Мы бы поостереглись говорить о сложении информации из разных областей знаний как базе формирования концепта, настаивая на его лингвистической сущности, лингвистической природе и базировании и цельном единстве – в согласии с тем, как концепт понимается в трудах таких современных российских ученых, как С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др (см. список литературы в конце рецензии).

В то же время активно поддерживаем идею о том, что концепты разных языков не составляют одного концепта, но что это разные концепты (А.К. Киклевич показывает это на примере существительного *мудрец* русского языка и *wise man* английского языка) (С. 149). Концепт является этнолингвистически релевантным понятием, а значит, он может быть принадлежностью одного этнического языка (но не двух сразу). Об этом свидетельствуют данные исследований концептов. Остановившись на проблеме прагматической релевантности концептов, ссылаясь на Ю.С. Степанова, выделяющего активный и пассивный слои концепта, А.К. Киклевич делает вывод, что «концепты неоднородны не только по своему содержанию, но и по своему функционированию. Социальная дифференциация

культурного сообщества в работах лингвокультурологического направления часто остается «за кадром». В действительности же одни и те же явления и объекты концептуализируются по-разному – достаточно сослаться на программы разных политических партий или общественных движений» (С. 150). Комментируя это высказывание, отметим, что, во-первых, концепты и не могут быть однородны и сведены к какому-то семантическому знаменателю. Эти ключевые для данной культуры понятия могут быть ключевыми в самых разных планах. А политические партии и общественные движения не вписываются в этот круг напрямую, будучи идеологемами (об идеологемах см.: [Пионтек 2010а; 2010б]). Подчеркнем, что представления Ю.С. Степанова о сущности концепта хотя и важны [Степанов 2007; Степанов 2010], не могут быть единственно критериальны. Да, концепты формируются из разных языковых единиц, лексических и коммуникативных. Однако не следует преувеличивать и абсолютизировать их изменчивость и «разбивать» их целостность. Изменения в языке и в языковом сознании протекают достаточно медленно, определенная консервативность языка, как известно, и обеспечивает передачу знаний, традиций и стереотипов от поколения к поколению. Конечно, «экспликация, т.е. собрание воедино всех возможных представлений и сведений о данном объекте или явлении – это научная абстракция. Подобную ситуацию можно представить себе лишь в виртуальном пространстве Интернета, где одна информация – с помощью системы так называемых гиперссылок – вызывает ассоциацию с другой, та – с третьей, четвертой и т.д. Этот процесс принципиально бесконечен, потому что за время, которое человек потратит на обработку всех возможных тематических узлов, появятся новые носители информации и новые тематические узлы» (С. 153). Всё вроде бы правильно в данном высказывании А.К. Киклевича, однако, к счастью, концепты и их составляющие достаточно устойчивы, стабильны, чему способствуют сформировавшиеся в языке поэмы и символы.

Такой тип языковых стереотипов, как идеологема, более подвержен языковым изменениям, чем собственно концепты, которые являются именно образованиями, фиксирующими многовековые наслоения в лингвокультуре языкового сообщества.

А.К. Киклевич полагает, что концепты «предстают скорее как научные теоретические конструкты, которые реально не «переживаются» в культурно маркированных действиях, а уж тем более не составляют реальности психической деятельности индивидов» (С. 161); он упрекает теорию концепта в отсутствии функционального единства и в том, что концептология ограничивается языковыми источниками (там же). В связи с вышесказанным подчеркнем, что концепт в лингвистике – это лингвистическое понятие, соответственно, оно изучается на основе языковых свидетельств (вполне конкретных), среди таких свидетельств – и художественные тексты. Достаточно репрезентативный количественный состав этих

текстов позволяет выделить инвариантные сущности, отойти от индивидуального в художественном тексте в пользу лингво-когнитивно-этнически значимого, обеспечивая таким образом адекватную концептуализацию какого-либо объекта.

В статье «Концептуальные метафоры и прототипические эффекты» А. Киклевич обращает внимание на то, что метафора являет собой способ концептуализации и категоризации опытных данных, полученных ранее опытным путем, «проецирование знаний о сущностях одного рода на понимание (интерпретацию) сущностей другого рода» (С. 165). Автор особо останавливается на познавательной функции метафор, анализируя целый ряд метафорических моделей и подчеркивая, что «между одним понятием и другим имеется сходство в определенном аспекте – величины, интенсивности, степени проявления. В процессе метафорического познания мира не происходит отождествления одного понятия с другим, проецирования существующей в памяти информации на пустое «полотно» – тот участок познавательной системы, который должно занимать новое понятие» (С. 176). При этом в разных познавательных и прагматических условиях формируются разные аспекты концептуализации понятия. Подчеркивается, что в реализации разных метафор, относящихся к одному и тому же объекту, реализуются разные метафорические модели, которые не выводимы одна из другой и не прогнозируемы, что видится нам чрезвычайно важным для теории метафоры. В то же время метафорам ничто языковое не чуждо, так, они могут характеризоваться полисемией (регулярной полисемией). В качестве примера приводится ряд прилагательных с лексемой *большой*, опирающийся на представление о том, что большими могут быть материальные предметы и что это их имманентное свойство. Метафорические модели формируются в сознании отдельно друг от друга, из «потребности концептуализации разных параметров понятия» (С. 179) и в разных познавательных и прагматических условиях. А.К. Киклевич подчеркивает, что «объектом метафорической категоризации/номинации является здесь не лексическое понятие, а только один из его аспектов...» (С. 182), причем абстрактные категории идентифицируются благодаря проекции на них свойств конкретных понятий.

Много внимания уделяется ученым изучению ценностных категорий в языкознании. Приведем ряд его высказываний по этому поводу, которые представляются нам релевантными в лингвокогнитивном плане: «Ценности имеют конвенциональный или по крайней мере надситуативный, обобщенный характер, что сближает их с категорией стереотипов. Подобно стереотипам, ценности закреплены (...) в индивидуальной или культурной памяти, в частности, в виде суждений и убеждений...» (С. 277–278); «В ценности отражаются опытные данные, которые прошли многократную проверку и относительно которых у субъекта или же у большинства представителей данного сообщества выработан устойчивый способ оценочной

интерпретации, т.е. с точки зрения таких понятий, как «хорошо», «плохо» (С. 277). А.К. Киклевич подчеркивает, что ценности вырабатываются в определенной социокультурной среде и служат для человека ориентиром на его жизненном пути.

Интересные ракурсы связаны в книге с этнолингвистическими наблюдениями, в этом плане обсуждаются такие вопросы, как ценности коллективизма и индивидуализма, польская идентичность и традиция, стереотипы в культуре и межкультурной коммуникации.

А.К. Киклевич многократно выходит за рамки языкознания во внешнюю лингвистику или даже за пределы лингвистических знаний, но лингвистическая доминанта, всегда присутствующая в фоне, не дает ему отойти от базовой проблематики языка и языкознания.

Немало внимания уделяется А.К. Киклевичем языковым стереотипам, их роли в облегчении ориентации человека в мире, в упорядочении картины мира, в речевой коммуникации, где они в конкретных ситуациях «выполняют главным образом социализирующую и коррелятивную функцию, то есть представляют собой фон, на котором генерируется и интерпретируется прагматическая информация» (С. 313). Обсуждаются проблемы, связанные с идентификацией стереотипов. Содержание стереотипов обычно не эксплицируется и не обсуждается, они редко становятся предметом информационного обмена. Поэтому их идентификация осуществляется в процессе интеракции на основе опосредующих факторов, «обусловленных стереотипом (выводимых из стереотипа) коммуникативных практик» (С. 313). Характерно, что «размытый, неявный характер большинства стереотипов нередко становится причиной их реинтерпретации, когда установки отправителя информации переосмысливаются коммуникативным партнером с учетом его собственных схем презентации» (С. 314–315). Указывается на важность учета стереотипов в межкультурной коммуникации, позволяющую адекватно выстраивать стратегию поведения.

В статьях, посвященных средствам массовой информации, А.К. Киклевич обращается к польскому еженедельнику «Ангора», который нередко приводится польскими исследователями СМИ в качестве образца предвзятости. Изучая языковую субстанцию этой тенденциозности, А.К. Киклевич выделяет характерные параметры пропагандистских текстов, такие, как идеологические эвфемизмы, ритуализмы и др. Так, приметой идеологических эвфемизмов является стремление автора «затушевать отрицательные стороны описываемых событий» (С. 330). Ритуализм понимается как «стандартные – в рамках данного языкового сообщества – языковые формулы, (...) идеологически маркированные стереотипы, устойчиво ассоциируются с официальным и даже казенным стилем коммуникации. Обычно содержание таких реплик банально, однако они выполняют важную функцию, поскольку апеллируют к сложившемуся в обществе идеологическому

стандарту и таким образом склоняют адресата к принятию предлагаемой журналистом интерпретации событий» (С. 331). Под нерелевантностью имеется в виду «нарушение тематического единства дискурса, отступление от доминирующей в данном отрезке коммуникативного взаимодействия темы» (там же). Идеологически маркированные оценки «способствуют созданию идеологически окрашенных стереотипов» (С. 332). «Свои» обычно оцениваются положительно, противник (противоположная сторона) – отрицательно, используются идеологические метафоры, например, *второй Ярузельский*. В качестве важной черты пропагандистских текстов отмечается коллективный характер участия в событиях.

В статье «Узуальная субстантивация прилагательного *круглый*» обсуждается нестандартное употребление субстантивата *круглый* в дискурсе футбольных болельщиков, в котором эта лексема выступает как заменитель лексемы *мяч*, обозначающей неодушевленный предмет, но при этом проявляющей себя в дискурсе как одушевленное существительное, что демонстрируют примеры: «Матри получил мяч после дальнего удара Пепе, но Алессандро послал круглого над штангой» (С. 403); «Защитник красивым обводящим ударом послал круглого в дальний угол» (там же).

А.К. Киклевич полагает, что специфическое, персонифицированное употребление лексемы *круглый* соответствующими спортивно-журналистскими кругами и в соответствующем жаргоне является показателем принадлежности к определенной социальной группе, проявлением групповой солидарности отправителя и получателя сообщения. В качестве же непосредственного источника неологизма указывается одесский сленг. Подчеркивается особая коммуникативная нагрузка и специфическая коммуникативно-стилистическая природа явления. Массовое употребление конструкций с субстантиватом *круглый* способствует созданию атмосферы свободного и непринужденного общения выступает как специфический социолектальный маркер, «т.е. опознавательный знак групповой принадлежности» (С. 412).

Труды А.К. Киклевича по синтаксису всегда находятся на острие современных знаний о синтаксических структурах языка. Это демонстрируют и представленные в книге статьи по синтаксису предложения. Так, в статье «Сложное предложение в свете динамического синтаксиса» предметом анализа является аспект реализации синтаксических моделей, схем, образцов, хранимых языковой памятью инвариантов. Автор в русле направления *динамическая лингвистика* изучает воплощение языковых моделей в речевые структуры на базе представлений о иерархической сложности текстовых синтаксических связей и их соотношения с действительностью. Он останавливается на проблематике изосемичности (в терминологии Г.А. Золотовой) синтаксических моделей. Это понятие помогает зафиксировать «соответствие/несоответствие категориального значения подкласса слов

категориальному значению отображаемых внеязыковых явлений» (С. 340). А.К. Киклевич отмечает, что «свойство изосемичности/неизосемичности применяется Г.А. Золотовой к элементам синтаксических единиц, или синтаксемам, но оно оказывается полезным и при описании синтаксических структур. Так, дискретные синтаксические конструкции, которые наиболее адекватно – по принципу аналогии – отражают структурную организацию описываемых положений дел, следует признать изосемичными – в отличие от синтаксических конструкций, в которых референтная ситуация представляется в компрессированном или деформированном виде...» (там же). Обратим внимание на то, что свойство изосемичности исчезает тогда, когда мы имеем дело с конденсацией, компрессией, эллипсисом, когда часть смысла «вынесена за пределы предложения, а значит, его интерпретация требует от слушающего включения дополнительных механизмов переработки информации, в частности – так называемой инференции (иными словами, речь идет о апперцептивной базе, т.е. фонде ситуативных, окказиональных или общих, культурных знаний речевых субъектов)» (С. 341). При рассмотрении вопроса в несколько ином ракурсе А.К. Киклевич указывает на родство понятия изосемичности понятию иконичности знака: «Иконичность состоит в том, что структура знака (в большей или меньшей степени) повторяет структуру его денотата» (там же) и устанавливает корреляции и аналогии с понятием поверхностной и глубинной структур предложения. Изосемичная / иконичная структура коррелирует с представлением о глубинной и поверхностной структурах предложения. Нарушения изосемичности / иконичности непосредственно связаны с разного типа нарушениями синтаксической иерархии, в том числе на линии синтаксической конверсии, синтаксического переразложения, синтаксического опрощения. А.К. Киклевич подчеркивает, что «семантический и формально-грамматический планы не всегда взаимно соотнесены. Это касается, например, подтипа предложений с ориентированной анафорической связью, а именно – таких, в которых относительное слово (местоимение) семантически связано с предикативным центром главного предложения (или же с главным предложением в целом)» (С. 346). Всем нам хорошо знакомы такие предложения, мы их постоянно произносим. Таким образом, в развитие идеи об изосемичной конструкции А.К. Киклевич распространяет ее на более сложные синтаксические структуры. При этом компрессия в синтаксисе рассматривается как результат контаминации предложений, а синтаксическая конверсия – как продукт воздействия коммуникативного фактора. Возникновение предложения-контамината объясняется им как скрещивание двух альтернативных форм выражения одного и того же смысла. Компрессия сопровождается синтаксической интеграцией, при этом образовавшаяся синтаксическая структура предложения-контамината имеет полипредикативный характер. А.К. Киклевич

исследует структурные нарушения стандартных схем построения высказывания – такие нарушения мы наблюдаем в языке повсеместно – и показывает, что смещения в позиции главного и зависимого компонента в структуре сложного предложения обусловлены приоритетом коммуникативных целей высказывания над семантическими и формально-грамматическими.

В статье «Связочные предложения и дубликация подлежащего» рассматриваются такие связочные предложения, в которых позицию подлежащего или позицию в составе сказуемого занимает указательное местоимение *это*. Чрезвычайно важным вопросом грамматической семантики и синтаксиса является определение статуса такого употребления местоимения *это* в синтаксической структуре предложения. С этой целью А.К. Киклевич анализирует анафорическое, катафорическое и дейктическое употребления, приходя к выводу, что «в их структуре реализуется дубликация подлежащего, которая служит эмфатическому выделению информации о предмете сообщения» (С. 395). Указательное местоимение выполняет при этом функцию подлежащего, передавая информацию о предмете сообщения. Вывод об именно такой функции местоимения *это* выковывается у А.К. Киклевича в заочной полемике с известными российскими и польскими специалистами по синтаксису на платформе взаимодействия в организации предложения логического, семантического, коммуникативного, формально-грамматического, стилистического и других факторов.

Книга «Динамическая лингвистика...» исключительно информативна. А.К. Киклевич всегда настроен на улавливание из лингвистического информационного пространства нового, новых нехоженных путей. Смелость оценок не означает их категоричности. В книге много юмора, уместно иллюстрирующего ее положения, много лингвистической и общечеловеческой, общегуманной и общегуманитарной рефлексии и саморефлексии. Книгу хочется цитировать, обсуждать, а где-то с чем-то и поспорить. Ведь за каждой статьей стоит серьезный пласт научной рефлексии ее автора над проблемами бытия языка в обществе и культуре. Она не оставляет читателя равнодушным, будоражит, порождает новые профессиональные импульсы, и в этом ее большая ценность для нашего профессионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

- Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
- Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
- Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М., 2007.
- Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня: Сб. обзоров / Отв. ред. Н.Н. Трошина. М., 2004. С. 132–162.

- Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.
- Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М., 2010.
- Киклевич А. Ветка вишни... Статьи по лингвистике / Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Olsztyn, 2013.
- Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ / Научн. ред. А. Киклевич, А. Камалова. Olsztyn, 2010.
- Пионтек Б. Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной языковой личности в России и в Польше // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010а. № 1. С. 85–95.
- Пионтек Б. Территориальная и хронологическая дифференцированность идеологем как факт языка, культуры и общественной жизни // Россия и Запад: диалог культур: Сб. ст. XIII международной конференции 26–28 ноября 2009 года / Отв. ред. А.В. Павловская. М., 2010б. Вып. 15, Ч. III. С. 159–164.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / Ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. М., 2007. С. 7–9.
- Степанов Ю.С. Концепт. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2010.
- Kiklewicz A. Język, komunikacja, wiedza. Minsk. 2006.
- Paradygmaty filozofii języka, literatury i teorii tekstu (pogranicza metodologiczne) / Red. A. Kiklewicz. Słupsk, 2004.

ABOUT THE IMPORTANCE OF DISCOURSE-DYNAMIC APPROACH IN TEACHING RFL

Valentina Kulpina

Dr. Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow
vgrkulpina@mail.ru

Victor Tatarinov

Dr. Sci. Lomonosov MSU, Russia, Moscow
vgrkulpina@mail.ru

The book under review is devoted to the wide range of issues in the field of modern linguistics with the respect to dynamic processes in the language system and its communicative and socio-cultural implementation. The described problems are connected with the linguistic worldview, Russian language teaching of foreigners and is useful for it.

Keywords: Russian language, linguistic dynamic processes, socio-cultural implementation, linguistic world view, Russian for foreigners.

**К ВЫХОДУ В СВЕТ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА
«СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК И ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ КНИЖНОСТЬ»**

ПОД РЕД. М. Л. РЕМНЁВОЙ (М.: МАКС Пресс, 2015)

Кузьминова Елена Александровна

доктор филологических наук
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
elenk2002@mail.ru

Николенкова Наталья Владимировна

кандидат филологических наук
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
natanik2004@mail.ru

Пентковская Татьяна Викторовна

доктор филологических наук
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
pentkoskaia@gmail.com

Одной из основных целей магистерской программы «Русский язык и культура в современном мире» является выработка у учащихся сформированного представления о русском языке не только как составной части русской культуры, но и как ее основы. В курсе «История русского языка и культура: проблемы и методы изучения» история литературного языка рассматривается как область истории культуры русского народа. Поскольку вплоть до начала XVIII в. в функции литературного языка России выступал средневековый книжный язык славян – церковнославянский/старославянский, курс предполагает знакомство учащихся с параметрами его фонетической и грамматической системы и корпусом основных текстов на книжном языке. На решение этих задач направлен разработанный на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством М. Л. Ремнёвой «Лингвотекстологический практикум» по старославянскому языку и древнеславянской книжности.

Ключевые слова: русский язык и культура в современном мире, история русского языка и культура, лингвотекстологический практикум.

Магистерская программа «Русский язык и культура в современном мире» филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова предназначена преимущественно для иностранных учащихся, владеющих русским языком в объеме требований Государственного стандарта по русскому языку не ниже I сертификационного уровня. Сочетание в учебном процессе традиционных принципов и методов классического университетского образования и современных интеграционных и интердисциплинарных подходов позволяет магистрантам не только значительно повысить уровень практического владения русским языком и освоить базовые лингвистические и литературоведческие курсы, но и расширить свои представления о современных научных исследованиях по русскому языку, в частности о функциональном когнитивно-коммуникативном подходе к описанию

языка в целях преподавания РКИ и лингвокультуроведческом аспекте в области РКИ, о проблемах межкультурной коммуникации и особенностях национального языкового сознания, о лингводидактических основах и современных теориях обучения иностранным языкам и др. [Русский язык и культура в современном мире 2015: 3–4].

Одной из основных целей магистерской программы является выработка у учащихся сформированного представления о русском языке не только как составной части русской культуры, но и как ее основы. В курсе «История русского языка и культура: проблемы и методы изучения» *история литературного языка* рассматривается как *область истории культуры* русского народа. Магистранты получают целостную систему знаний о специфике культурно-языковой ситуации в Древней Руси и России в разные исторические периоды, о закономерностях развития системы литературного языка и характере языковой нормы, о динамике культурных процессов, овладевают методами комплексного многоаспектного анализа письменных источников, осваивают методы применения результатов диахронического исследования к интерпретации современных языковых и культурных процессов.

Поскольку вплоть до начала XVIII в. в функции литературного языка России выступал средневековый книжный язык славян – церковнославянский/старославянский, курс предполагает знакомство учащихся с параметрами его фонетической и грамматической системы и корпусом основных текстов на книжном языке. На решение этих задач направлен разработанный на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством М. Л. Ремнёвой «Лингвотекстологический практикум» по старославянскому языку и древнеславянской книжности [Лингвотекстологический практикум 2015].

Пособие имеет модульный характер, благодаря чему может быть адаптировано с учетом уровня подготовки магистрантов по русскому языку и их научных и практических интересов.

Ориентация на иностранную аудиторию определила выбор авторами «Практикума» формы рабочей тетради, многие годы успешно применяемой в процессе преподавания русского языка как иностранного и давно зарекомендовавшей себя как эффективное средство развития познавательной активности и организации самостоятельной работы учащихся.

«Лингвотекстологический практикум» включает в себя задания и упражнения по следующей тематике: праславистика (фонетические процессы праславянской эпохи), фонетика, морфология и синтаксис старославянского/церковнославянского языка, переводческая техника. Система заданий направлена не только на отработку практических навыков анализа отдельных языковых явлений, но и на овладение техникой и искусством *филологического прочтения древнего текста* – основного источника наших сведений о

книжном языке.

Многие задания практикума призваны развивать лингвистическое мышление: они составлены таким образом, чтобы учащиеся пытались решать посильные им исследовательские задачи и самостоятельно получать новые сведения и делать аргументированные выводы.

Наряду с заданиями традиционного типа на транскрибирование, реконструкцию словоформ, формообразование, воспроизведение парадигм, выявление в тексте требуемых форм и конструкций, установление грамматических параметров той или иной формы, определение грамматических и фонетическо-орфографических особенностей текста и др., «Лингвотекстологический практикум» содержит задания, не имеющие аналогов в существующей учебно-методической литературе. К таким заданиям относятся:

1) транслитерация глаголического текста: № 2–4 (с. 6–9), 121 (с. 144);

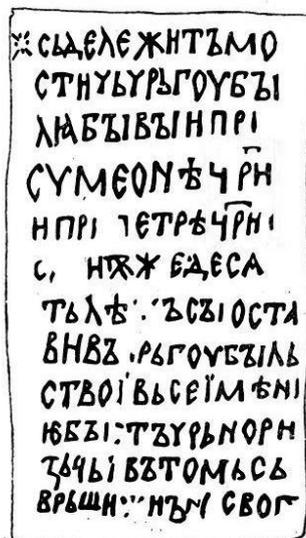
2. Перепишите кириллицей фрагмент Зографского евангелия [Мф. 14: 15–21].

15. ÛØÆÄÆÄÄ Äüíúøþ ÛØÛÛÛÛÛÛ ÓúÏÄÏÑ Ñ×ÄÍÓÉÓ ÄÄÍ ÄËÛØÄ ,
ÛÛÛÛÛÛÛ ðÛÛÛ Ç ÄÍÄËÏ ×Ï1 ÞÆÄ, ØÛÛÛÛÛ ÍÄÄÍÄú, ÄÄ ØüÄúøÄ Äú
ËËËÆËËË02 ÄÄÄÄüø0 ÖÛÛÛÛ ËÄøüÍÄ ÚËËË. 16. ÈÛ æÄ ðÄ†Ä Ç×ú. ÍÄ
ÛÛËÛÛÛ ØÛÛ. ÄÄÄÛÄ Ç×ú Äú ÝÛÛ. 17. ÍÓ æÄ ÏËËø0 Ä×Û. ÍÐ
ÇÄÏ ÛüÄÄ ÖúÛ×ÍÄ. øÛÄú Ç Ä. øúÁý. 18. ÍÛ æÄ ðÄ†Ä. ÛÛÍÄËÛÄ
Ë 2 Ú×Ø19. Ç ÛÛÛÛÛ ÏÐÛÛ×íúÑÛÛÛ Ï ÒÐýÁý Ç ÏËË×úÄ. øÛÄú Ç
Ä. øúÁý ÄúÆüÐýÄú Ñ ÑÛ ÄÛÄË Ç ÏÐÛÛ×üøÛË ÏÛÛ Û†ÄÍÓÛÛÇ
Û†ÄÍÓÛ æÐ ÍÄøÄø×ú20. Ç ýø0 Ä†ÛÓ Ç ÍÄËÛÛÛÛ Ú0 Ç ÄüÑø0
ÇÆÄúÛÛÛ ÛÛÛú ÄÛ. Òðø ÇÛÛÛÛÛ 21. ÝíúøÛÛ ÆÄ ÄýÛÛ ×Ëü
ÛÛ ÛÛÛÛÛ ðÏÛý æÏú Ç ÍýÛÛÛ.

2) выявление региональной специфики разных старославянских памятников: № 117–118 (с. 138–141), № 120–122 (с. 143–150);

3) характеристика графико-орфографической и грамматической системы памятников эпиграфики по заданным параметрам: № 123–127 (с. 151–158).

123. Прочитайте надпись Чергубыля Мостича и перепишите ее, разделив на слова и восстановив, где это возможно, недостающие буквы. Выполните задания после текста.

Оптимизировать освоение материала историко-лингвистического курса иностранными учащимися призваны разнообразные задания в тестовой форме. В «Лингвотекстологическом практикуме» представлены тестовые задания двух видов:

1) основанные на технике множественного выбора, т.е. выбора одного ответа из нескольких вариантов: № 31 (с. 32), № 66 (с. 77), № 100 (с. 116) и др.

66. Восстановите предложения, выбрав правильный вариант

1. послѣдъ же посъла къ (и дат. п. мн. ч.) сынъ свон.	а) ннмъ б) ннми в) ннѣ
2. і глѣ (и дат. п. дв. ч.) идѣта въ весь ѣже естъ прѣмо вама.	а) нми б) нма в) нмъ
3. і приде штъа плода на (та мест. п. ед. ч.) і не обрѣте.	а) нкъѣ б) нкъ в) нки

2) на установление соответствий: № 104 (с. 120), № 115 (с. 134) и др.

104. Установите и покажите на схеме → значение предлога в каждом предложении.

А. въздаахъ ми зълаа въз добраа (Син).

Б. отъ испълнениѣ его мзы вси прияхомъ благодѣтъ въз благодѣтъ (Зогр).

В. егоже петръ видѣ мжчима стоѡ въз коурениѣ (Евх).

А.	1. <u>за</u>
Б.	2. <u>близ</u>
В.	3. <u>вместо</u>

Значительное место в «Лингвотекстологическом практикуме» отводится типичным для учебных пособий по РКИ заданиям на «раскрытие скобок» – на порождение требуемых языковых единиц, которые дают возможность не только активизировать выученные словоформы, но и восстановить общий вид древнего текста: № 41 (с. 47), № 42 (49), № 45 (с. 54), № 46 (с. 55), № 58 (с. 66), № 63 (с. 73) и т.д. Ср., например, фрагмент обобщающего задания по морфологии № 107 (с. 122–125):

107. Восстановите тексты, поставив слова в скобках в нужную форму.

А. поздѣ же вѣвѣшю (привести аорист сигмат. нетемат. 3 л. мн. ч.) къ (и дат. п. ед. ч. м. р.) вѣснзы многы. і (изгнати аорист сигмат. нетемат. 3 л. ед. ч.) словомь (доухъ вин. п. мн. ч.) і (всьь вин. п. мн. ч. м. р.) неджънзыѡ щѣли. да събждетъса реченое (пророкъ твор. п. ед. ч.) исаемь глѣштеть. тъ (неджъ вин. п. мн. ч.) наша приятъ. і (волѣзнь вин. п. мн. ч.) (понести аорист асигмат. 3 л. ед. ч.) оузьрѣвъъ же нѣ. многы народы окръстъ себе. (повелѣти аорист сигмат. нетемат. 3 л. ед. ч.) гти на онъ полъ. і пристѣпъ единъ кънижъникъ (реци аорист асигмат. 3 л. ед. ч.) емоу. (оучитель зв. п. ед. ч.) (гти наст. вр. 1 л. ед. ч.) по (ты мест. п. ед. ч.). ѣможе колиждо идеши. і гла емоу нѣ.

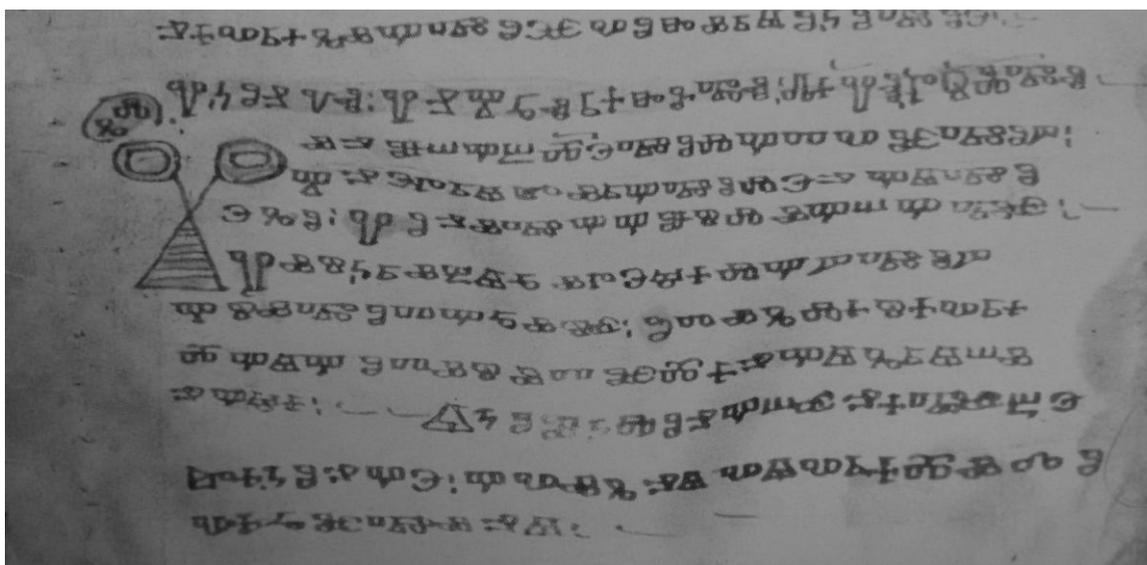
(ЛИСЪ ИМ. П. МН. Ч.) ЪЗВИНЪИ ИМАТЪ I (ПЪТИЦА ИМ. П. МН. Ч.)

НЕБЪСКЪИА ГИЪЗДА. А СЪИЪ ЧЪКЪИ НЕ ИМАТЪ КДЕ ГЛАВЪИ ПОДЪКЛОНИТИ.

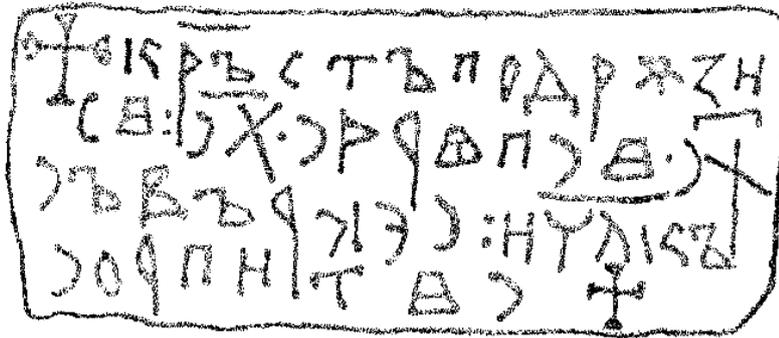
Ряд заданий основан на материале источников, ранее не использовавшихся в этих целях: Ватиканского палимпсеста X в., Вранешницкого Апостола XIII в., следующего традициям архаичной македонской школы, праздничной Минеи древнейшей редакции из собрания Синодальной Типографии РГАДА № 98, которая содержит переписанные русским писцом в начале XIII в. древнеболгарские тексты (фрагменты даются в нормализованной орфографии). Впервые в учебное пособие привлечен материал новонайденного памятника синайской глаголической традиции Псалтыри Димитрия XI в. (из собрания монастыря св. Екатерины на Синае, Sin slav. 3/N).

Практикум предоставляет учащимся уникальную возможность работать не только с текстами, воспроизведенными в учебных целях с графико-орфографической адаптацией, но с фотокопиями аутентичных текстов памятников письменности и эпиграфики: Саввиной книги (с. 11), Ассеманиева евангелия (с. 12), Супрасльской рукописи (с. 138), Псалтыри Димитрия (с. 142), Остромирова евангелия (с. 143), Киевских листков (с. 145), Фрейзингенских отрывков (с. 148–149), надгробной надписи Тудоры (с. 154), надписи на двустороннем амулете из Шуменского музея (с. 155), Битольской надписи (с. 156). Ср.:

Псалтырь Димитрия, XI в.

Надпись на двустороннем амулете из Шуменского музея, X в.

Некоторые задания, включенные в практикум, в интерактивном виде вошли в мультимедийный учебный модуль «Палеославистика» лингвокультурологического тезауруса «Гуманитарная Россия», созданного на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова под научной редакцией М. Л. Ремнёвой: www.philol.msu.ru/~tezaurus/. Там же представлены и теоретические сведения по ключевым темам курса, словарь терминов, словари старославянского, церковнославянского и древнерусского языков, обращение к которым поможет при выполнении практических заданий и при самостоятельном чтении и анализе памятников древнеславянской письменности, описание источников, положенных в основу заданий практикума.

Разрабатывая «Лингвотекстологический практикум», авторы исходили из того, что освоение истории языка является необходимым и обязательным условием осмысленного овладения русским языком, в процессе которого для иностранных учащихся современный русский язык превращается из коллекции алогизмов, многочисленных отступлений от столь многочисленных правил (почему, например, форма род. п. мн.ч. слова *отец* будет *отцов*, а слова *муж* – *мужей*, почему в формах будущего времени глагола *взять* (*возьму, возьмешь...*) после *в* появляется *о*, а вместо *я* возникает *м*, куда же пропал звук [л] в форме мужского рода прошедшего времени *нес?* и т.п.), в красивую и стройную систему. Иными словами, диахрония поможет учащимся увидеть логику там, где в синхронии она, казалось бы, теряется. Выполнение заданий позволит магистрантам прийти к пониманию того, что сложнейшее русское словоизменение и словообразование возникло в результате вполне закономерного и логичного развития фонетической и грамматической системы праславянского, старославянского, церковнославянского и древнерусского языков, иными словами, выработать историческое мышление в отношении к языковой системе, проследить взаимосвязи современного русского языка с церковнославянским/старославянским языком, увидеть специфику древних культур и преемственные связи с современностью,

ЛИТЕРАТУРА

Русский язык и культура в современном мире: Магистерская программа: Учебно-методическое пособие / Под ред. М.Л.Ремнёвой, Л.В.Красильниковой, Е.А.Кузьминовой. М.: МАКС Пресс, 2015.

Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В., Пентковская Т.В., Ремнёва М.Л. Старославянский язык и древнеславянская книжность: Лингвотекстологический практикум: Рабочая тетрадь: Учебное пособие / Под ред. М.Л. Ремнёвой. М.: МАКС Пресс, 2015.

TO BE RELEASED ON LINGUOTEXTOLOGICAL PRACTICUM "OLD CHURCH SLAVONIC AND OLD SLAVIC BOOK CULTURE" ED. M.L. REMNYOVA

(Moscow: MAKS Press, 2015)

Elena Kuzminova

*Dr. Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow
elenk2002@mail.ru*

Natalia Nikolenkova

*PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
natanik2004@mail.ru*

Tatiana Pentkovskaya

*Dr. Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow
pentkoskaia@gmail.com*

ВСПОМИНАЯ Г.И. РОЖКОВУ. К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ, ФРОНТОВИК И НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Кульпина Валентина Григорьевна

*доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур
факультета иностранных языков и регионоведения,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
vgrkulpina@mail.ru*

Статья посвящена известному лингвисту, специалисту по русскому языку как иностранному, Галине Ивановне Рожковой. Представлены некоторые факты ее биографии, научные и дидактические достижения.

Ключевые слова: персоналии, история славистики, научная деятельность, юбилейный сборник, лингводидактика, русский язык.

Галина Ивановна Рожкова была основателем и руководителем кафедры русского языка как иностранного. Ей вполне могло бы сейчас исполниться 95 лет, но не исполнилось – ей было отмерено всего 76 лет жизни, но жизни, безусловно, плодотворной. Она принадлежала к поколению, на которое выпали все тяготы войны и восстановления жизни в послевоенное время. Война тяжела для всех, не пощадила она и хрупких тургеневских девушек – такой тогда, судя по фотографиям, была Галина Ивановна.

Мое знакомство с Галиной Ивановной Рожковой состоялось благодаря болгарской подруге Т. Стоевой, профессору Софийского университета им. Климента Охридского. С ней и с доцентом этого университета С. Богдановой (Димитровой) мы познакомились, когда были руководителями студенческих групп по междууниверситетскому обмену, и с тех пор так и дружим.

Как-то раз Тотка Стоева предложила мне пойти с ней в гости к Галине Ивановне Рожковой. На кафедре русского языка как иностранного я к тому времени уже давно преподавала перевод студентам из Польши, о Галине Ивановне была наслышана и даже знала ее в лицо; несколько раз уже воспользовалась благами созданного ею методкабинета. Предложением я была смущена, но и польщена, и радостно его приняла. И знакомство состоялось. Это был замечательный день, переходящий в вечер. Алёна, дочь Галины Ивановны, усладила нам слух профессиональной игрой на фортепиано. Галина Ивановна заботилась о гостях до чрезвычайности любезно и в то же время очень по-домашнему. В доме у нее был несколько иной имидж, хотя на кафедре она тоже держалась просто и мило. Я тогда не знала про её очевидные заслуги – что она фронтовичка, военный переводчик, что участвовала в боях на Курской дуге и написала об этом художественное произведение «Ты

помнишь, товарищ?», что у нее орден Отечественной войны и медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Это к таким, как она, обращены были лозунги военных лет: «За нами Москва!», «Отстоим Волгу-Матушку!», «Родина мать зовет!», «А ты записался добровольцем?». Да, Галина Ивановна записалась добровольцем и прошла всю войну. Были и важные трудовые вехи, были и награды.

Может, и хорошо, что не знала обо всех доблестях Галины Ивановны, а то оробела бы окончательно. Обстановку чрезвычайно «теплила» и расслабляла собака Галины Ивановны – эрдель-терьерка. Из-за несерьезного кучерявого вида её вполне можно было принять за большую рыжую игрушку. Эта игрушка всё время слонялась туда-сюда по квартире, в какой-то момент я поняла, что не просто так, а выполняя распоряжения Галины Ивановны (по форме они на распоряжения совсем не были похожи). Галина Ивановна просто говорила и рассуждала, а собака прислушивалась, мне даже казалось, что она морщит свой собачий лоб с кудрявой челкой. Тексты, произносимые Галиной Ивановной, были ее мыслями вслух типа «А чего это гости сидят у нас босиком, без обуви? Надо бы им дать тапочки, а то, чего доброго, простудятся они у нас». При этих словах собака трусила в прихожую, приносила сначала одни гостевые тапочки, потом шла за вторыми, и вот гости уже сидят в тапках и простуда им не грозит. Или такой примерно текст: «Что-то Алёна застряла на кухне, засиделась что-то. Там и делать уже нечего. Лучше бы пришла и что-нибудь нам сыграла». После этих слов собака шла на кухню, красноречиво говорила Алёне своё «гав», и вот Алёна уже с нами и на просьбу сыграть раскрывает ноты.

Я видела в жизни много умных собак из серии «всё понимает, только сказать не может». Но никогда раньше не встречала у собак такой ошеломляющей способности проникнуть в текст и сделать умозаключение. Я потом еще пару раз была принята в доме Галины Ивановны, мне приятно вспоминать царившую там милую атмосферу, и каждый раз я испытывала некоторое ошеломление от увиденного и услышанного: «Да ведь Галина Ивановна способна прекрасно обучить русскому языку даже собаку!». Да, её лавры блестящего преподавателя принадлежат ей совершенно органичным и неотъемлемым образом.

Все мы теперь знаем, что преподаватель русского языка иностранцам должен иметь прочную лингвистическую базу, глубоко понимать язык, чтобы суметь объяснить его меандры и затоны людям извне нашего языкового ареала. Судя по отзывам именитых коллег Галины Ивановны, запечатленным в предисловии к книге ее избранных трудов, она как заведующая кафедрой прежде всего со всей ясностью выдвинула, скажем так, постулат, что преподавание русского языка иностранцам должно иметь глубокое научное обоснование и что нужно проникать вглубь языковых явлений. Сейчас всем понятно, что подход к

преподаванию должен быть функциональным. Да как иначе? Но в те годы, когда создавались основы преподавания РКИ, это совершенно не было непреложным фактом, как и то, что надо обучать навыкам свободного и уместного речевого поведения.

Галине Ивановне предстояло пройти путь исканий, вникнуть в целое множество деталей в организации учебного материала, определить его объемы и пропорции, стилистические характеристики, принципы преподавания предложно-падежной системы, группировки приставок по их значениям, выявления самых частотных и продуктивных моделей и т.д. и т.п. И здесь мне довелось быть свидетелем качеств Галины Ивановны как доктора филологических наук из плоти и крови. Помню, как Галина Ивановна пригласила меня рецензировать работу магистрантки из Республики Кореи – Хон Чжун Хюн, написанную на материале местоимений. Работа была высочайшего уровня, с полноценной стилистикой, с идеально оформленной библиографией. Магистрантка на защите говорила полноценным научным языком, свободно отвечала на вопросы... От защиты у меня осталось светлое чувство, что можно на таком вот высоком уровне подготовить человека, у которого родной язык чрезвычайно далеко отстоит от русского языка. Что говорить, Галине Ивановне как научному руководителю это стоило массу труда.

Говорят, иностранцы любят преподавателей добрых. И это неудивительно. В отрыве от близких и друзей в душе у человека зияют сплошные эмоциональные пустоты... Эмоциональные нехватки ведут к чувству незащищенности, к минорному настроению. За рубежами своей родины человек с особой силой тянется к доброте, пониманию, благожелательности, тем более в таком трудном деле, как изучение иностранного языка. Галина Ивановна была именно таким преподавателем – бесконечно добрым, отзывчивым... Её нет с нами, но остались ее книги, сквозь которые проглядывает со всей очевидностью ее сердечное отношение к людям, желание научить, помочь и поддержать. Хочется верить, что она передала свою душевную гармонию ученикам, и они тоже добры, отзывчивы и обладают квалификацией на высочайшем профессиональном уровне.

TEACHER, SCIENTIST, VETERAN AND A REAL HUMAN

Valentina Kulpina
Dr. Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow
[*vgrkulpina@mail.ru*](mailto:vgrkulpina@mail.ru)

The article is devoted to famous linguist, specialist in Russian language for foreigners, professor, Doctor of Philology, Galina I. Rojzkova. There are presented some facts of her biography, scientific and didactic achievements.

Keywords: personalia, Slavonic studies' history, scientific activities, jubilee collected articles, linguodidactics, Russian language.

ПЕРЕВОД КАК ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Роцектаева Татьяна Геннадьевна

*кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
tatiana.univers@mail.ru*

В статье рассматривается значение перевода как вида речевой деятельности в процессе изучения русского языка как иностранного и даётся анализ упражнений на перевод, представленных в «Учебнике русского языка для лиц, говорящих на немецком языке» Рожковой Г.И., Рассудовой О.П., Шмидт Н.Э., Буттке Х., Буттке К. и в других пособиях по РКИ.

Ключевые слова: перевод, русский язык как иностранный, учебник, межъязыковая коммуникация.

Традиции использования перевода как вида речевой деятельности на занятиях по русскому языку как иностранному были заложены в 60–70-е годы XX века, так как в то время методика преподавания РКИ основывалась на сопоставительных исследованиях русского языка и иностранных языков, которые для студентов-иностранцев были родными.

Большой вклад в разработку национально ориентированных учебников русского языка для иностранных учащихся внёс коллектив лингвистов, в который входили Г.И. Рожкова, О.И. Рассудова, Н.Э. Шмидт, Х. Буттке, К. Буттке. Результатом их совместной работы стал «Учебник русского языка для лиц, говорящих на немецком языке», в котором получили реализацию методы изучения иностранного языка с опорой на родной язык, на межъязыковые сопоставления и на перевод с немецкого языка на русский. Огромная заслуга в создании «Учебника русского языка для лиц, говорящих на немецком языке» и в разработке принципов написания национально ориентированных учебников по русскому языку принадлежит Г.И. Рожковой.

Галина Ивановна Рожкова возглавляла общеуниверситетскую кафедру русского языка для иностранцев в МГУ имени М.В. Ломоносова со дня основания кафедры, то есть с 1951 г. Перед Г.И. Рожковой и коллективом кафедры стояли задачи, которые требовалось решить в кратчайшие сроки. Необходимо было создать теоретическую и практическую базу для формирования нового научного направления в области изучения и преподавания русского языка, получившего в дальнейшем название «Русский язык как иностранный». В 50-60-е годы XX века общеуниверситетской кафедрой русского языка для иностранцев МГУ имени М.В. Ломоносова была разработана методика преподавания русского языка для иностранных

учащихся, были написаны учебные пособия, преподавателям были предоставлены методические разработки, которые помогли им освоить новую специализацию «Русский язык как иностранный». Г.И. Рожкова считала, что написание учебника русского языка для иностранных учащихся, в котором были бы предъявлены грамматические структуры русского языка для практического применения их в речи, является основной задачей кафедры. Г.И. Рожкова владела немецким языком, что давало ей возможность сопоставлять грамматические структуры русского и немецкого языков, находить соответствия и расхождения в их употреблении.

Следует отметить, что перевод является особым видом речевой деятельности человека, участвующего в межъязыковой коммуникации. При осуществлении перевода происходит сопоставление двух языковых систем, позволяющее преобразовать устный или письменный текст, созданный на одном языке, в устный или письменный текст на другом языке. Выполнение упражнений с заданиями на перевод в процессе обучения русскому языку иностранных учащихся подводит их к пониманию функций языковых явлений в построении высказываний и текстов, порождаемых в процессе межъязыковой коммуникации. Авторы «Учебника русского языка для лиц, говорящих на немецком языке» Г.И. Рожкова, О.П. Рассудова, Н.Э. Шмидт, Х. Буттке, К. Буттке учитывали, что при осуществлении перевода учащимся необходимо знать функционирование грамматических, лексических, синтаксических и стилистических явлений исходного языка и языка, на который осуществляется перевод. Особенностью данного учебника является то, что сведения по морфологии не включаются в материалы уроков, хотя даются некоторые задания морфологического характера, когда следует обратить внимание учащихся на особые случаи образования форм.

При переводе высказывания или текста необходимо найти эквивалент языкового явления, функционирующего в грамматической системе родного языка, явлению, имеющему соответствие в иностранном языке. В процессе поиска эквивалента учащиеся могут столкнуться с такими проблемами, как отсутствие экспликации какого-либо грамматического значения в языке, на который осуществляется перевод, и несовпадение грамматических значений в системах языков. Для успешного решения проблемы эквивалентности при выполнении заданий на перевод в «Учебнике русского языка для лиц, говорящих на немецком языке» проводятся языковые сопоставления между грамматическими явлениями русского и немецкого языков. В учебнике даются задания на сопоставление немецких и русских высказываний с дальнейшим комментированием грамматического материала,

которое в отдельных случаях содержит перевод русских примеров на немецкий язык. В учебник включён материал, который помогает изучить грамматические явления русского языка, не имеющие аналогов в немецком языке, например, вид глагола.

Особое внимание в «Учебнике русского языка для лиц, говорящих на немецком языке» уделяется изучению лексики русского языка. Слова и словосочетания даются с переводом на немецкий язык, причём слова, которые предназначены для активного усвоения учащимися выделяются жирным шрифтом. Следует отметить, что в учебнике лексический материал с переводом на немецкий язык вводится поэтапно. Например, после текста даются слова, словосочетания и выражения на русском языке с переводом на немецкий язык, что способствует решению лексико-семантических проблем перевода, обусловленных многозначностью слов или неполной соотнесённостью значений слов в русском и немецком языках. Перевод лексики на немецкий язык может быть дан в сносках к тексту. Включение в грамматический материал учебника перевода лексических единиц на немецкий язык и активизация их в речи при выполнении упражнений позволяет учащимся отработать механизм выбора слов при осуществлении перевода.

В «Учебнике русского языка для лиц, говорящих на немецком языке» представлены разнообразные типы упражнений на письменный и устный перевод с немецкого языка на русский. Учащиеся должны перевести словосочетания, предложения и тексты (монологические и диалогические), причём в упражнения на перевод включаются пословицы, поговорки, рецепты, шутки. В упражнениях на перевод могут содержаться задания, которые фокусируют внимание учащихся на специфике перевода некоторых лексико-грамматических и синтаксических структур. Например, учащимся предлагается назвать эквиваленты немецких словосочетаний на русском языке, а затем составить с ними предложения. Использование на занятиях по русскому языку как иностранному упражнений на перевод направлено на выработку навыков поиска эквивалентов лексико-грамматических структур, а также на освоение способов передачи стилистических особенностей текстов при осуществлении перевода.

Для облегчения усвоения грамматического материала в «Учебнике русского языка для лиц, говорящих на немецком языке» включён указатель грамматических терминов с переводом их на немецкий язык [Рожкова, Рассудова, Шмидт, Буттке, Буттке 1979: 470–479]. Для более эффективного изучения лексического материала в учебнике приводятся глаголы с указанием их управления на русском и немецком языках [Там же: 480–499]. В учебнике даются ключи к упражнениям на перевод с немецкого языка на русский язык,

что позволяет учащимся самостоятельно проконтролировать выполнение заданий на перевод [Там же: 500–510].

Функциональный подход к описанию грамматических явлений, представленный в «Учебнике русского языка для лиц, говорящих на немецком языке», лёг в основу разработки учебных материалов, использовавшихся в преподавании русского языка как иностранного на основе переводного метода обучения.

В 70-е и 80-е годы XX века русисты стали проявлять интерес к коммуникативному методу обучения русскому языку как иностранному, но работа над созданием национально ориентированных учебников с включением в них заданий на перевод продолжалась. Например, в учебнике Битехтиной Г.А., Дэвидсон Д., Дорофеевой Т.М., Федяниной Н.А. «Русский язык. Этап 1. Учебник. Для говорящих на английском языке» были даны упражнения на перевод текстов с русского языка на английский язык, причём некоторые тексты, переведённые учащимися на английский язык, необходимо было перевести обратно на русский язык с целью сопоставления созданного студентом перевода с исходным текстом. В данном учебнике встречаются задания на перевод, целью которых является изучение глагольного управления, лексики и синтаксических структур русского языка. Лексика урока даётся с переводом на английский язык. В учебнике представлен указатель грамматических терминов, русско-английский словарь и англо-русский словарь [Битехтина, Дэвидсон, Дорофеева, Федянина 1980а: 655–679]. В учебнике «Русский язык. Этап 1» на английском языке даются разъяснения грамматического материала [Там же: 527–657]. Задания на перевод были включены и в учебное пособие Битехтиной Г.А., Дэвидсон Д., Дорофеевой Т.М., Федяниной Н.А. «Русский язык. Этап 1. Упражнения. Для говорящих на английском языке». В данном пособии были предъявлены задания на перевод предложений, микротекстов и диалогов с английского языка на русский язык [Битехтина, Дэвидсон, Дорофеева, Федянина 1980б].

В качестве вспомогательного материала к учебнику «Русский язык для всех» под редакцией В.Г. Костомарова были изданы грамматический справочник на французском языке и русско-французский словарь [Степанова 1987].

К учебнику русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР «Старт-3» было составлено приложение для лиц, говорящих на французском языке, в котором содержался русско-французский словарь, лингвострановедческие комментарии на французском языке и задания к упражнениям, переведённые на французский язык [Русско-французский словарь. Комментарий 1987]. Для учащихся, говорящих на испанском языке, в качестве приложения к учебнику «Старт-3» был издан русско-испанский словарь с

комментариями [Русско-испанский словарь. Комментарий 1990].

В учебном пособии Т.В. Картавы, Тун Инсянь «Место встречи – МГУ» даётся перевод на китайский язык полилогов, лексики, грамматического материала, заданий к упражнениям, а также перевод стихотворений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова [Картава, Тун Инсянь 2002]. В пособии есть задания на перевод с русского языка на китайский. Например, китайским учащимся предлагается перевести на родной язык текст [Там же: 17], топонимы [Там же: 54], названия русских промыслов и центров народных промыслов [Там же: 79]. В учебное пособие включён перевод на китайский язык выражений, знание которых поможет китайским учащимся поддерживать диалог с собеседниками на русском языке [Картава, Тун 2002: 176-181]. В пособие «Место встречи – МГУ» включены русские песни с переводом на китайский язык. Данное пособие предназначено для изучения русского языка на краткосрочных курсах и адресовано китайским учащимся, которые овладевают русским языком на начальном этапе обучения. Перевод полилогов и лексико-грамматического материала, представленного на страницах пособия Т.В. Картавы, Тун Инсянь «Место встречи – МГУ», позволяет китайским студентам в кратчайшие сроки овладеть навыками таких видов речевой деятельности, как чтение, говорение, а также развить навыки перевода с русского языка на китайский язык.

В период становления дисциплины «Русский язык как иностранный» переводу как виду речевой деятельности уделялось большое внимание. Опыт Рожковой Г.И., Рассудовой О.П., Шмидт Н.Э., Буттке Х., Буттке К., написавших «Учебник русского языка для лиц, говорящих на немецком языке», может быть использован при создании современных национально ориентированных учебников русского языка, в которых отражается не только специфика функционирования грамматических явлений и лексики русского языка, но и своеобразие реализации межъязыковой коммуникации, осуществляемой в условиях распространения и использования информационно-коммуникационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

- Рожкова Г.И., Рассудова О.П., Шмидт Н.Э., Буттке Х., Буттке К. Учебник русского языка для лиц, говорящих на немецком языке. М., 1979.
- Битехтина Г.А., Дэвидсон Д., Дорофеева Т.М., Федянина Н.А. Русский язык. Этап 1. Учебник. Для говорящих на английском языке. М., 1980а.
- Битехтина Г.А., Дэвидсон Д., Дорофеева Т.М., Федянина Н.А. Русский язык. Этап 1. Упражнения. Для говорящих на английском языке. М., 1980б.
- Русский язык для всех. Учебник // Под ред. В.Г. Костомарова. М., 1987.
- Степанова Е.М. Русский язык для всех. Грамматический справочник. Словарь для говорящих на французском языке. М., 1987.

Русско-французский словарь. Комментарий. Задания к упражнениям. Приложение к учебнику русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. Основной курс. «Старт-3». М., 1987.
Русско-испанский словарь. Комментарий. Приложение к учебнику русского языка для подготовительных факультетов вузов СССР. Основной курс. «Старт-3». М., 1990.
Кортава Т.В., Тун Инсянь. Место встречи – МГУ. (Русский язык для иностранных учащихся). М., 2002.

TRANSLATION AS A KIND OF VERBAL ACTIVITY ON THE LESSONS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Tatyana Roshchektaeva

Lomonosov MSU, Russia, Moscow

tatiana.univers@mail.ru

The article discusses the importance of translation as a form of speech activity in the course of studying Russian as a foreign language and given the analysis of translation exercises presented in the «Textbook of the Russian language for those who speak German» G.I. Rozhkova, O.P. Rassudova, N.E. Schmidt, H. Buttke, K. Buttke and in the other textbooks of Russian as a foreign language.

Keywords: translation, textbook, Russian as a foreign language, interlingual communication.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

<i>Кузьминова Е.А.</i> «Лексикон» Памвы Берынды как источник Грамматики 1648 г.	3
<i>Кузьменкова В.А.</i> Филологические разыскания Я.К. Грота в области стилистики и лексикографии	13
<i>Гаврилова В.И.</i> Совершенный вид страдательного залога на фоне энергетических особенностей онтологической ситуации	19
<i>Елистратов В.С.</i> О коррелятивно-магической функции русского языка	47
<i>Чернейко Л.О.</i> Асимметрия языкового знака в связи с проблемой смысловосприятости и смыслопорождения	50
<i>Красных В.В.</i> Теория и практика межкультурной коммуникации: современные подходы	58
<i>Бабалова Л.Л.</i> Синтагматика наречий со значением высокой степени проявления признака	68
<i>Столетова Е.К.</i> О проблеме метафорических предикатов и их семантических модификаций (на материале русского и английского языков)	76
<i>Сергеева О.М.</i> Орнитологизмы в русской лексике	85
<i>Роцектаева Т.Г.</i> Способы образования в современном медиатексте аллюзивных цитат, содержащих в своей структуре топонимы	92
<i>Сироткина Е.С.</i> Семантика, коннотации, сочетаемость слова «смс»	99
<i>Хлопьянов А.В.</i> Опыт лингвопоэтического анализа авторской речи	109
<i>Параккини Лайла</i> (Италия) Потенциал юмористического текста блога на занятиях по РКИ (на примере текста блога М.Н. Задорнова)	115

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

<i>Безяева М.Г.</i> Инварианты коммуникативных параметров русского «нет»	128
<i>Коростелева А.А.</i> О коммуникативной семантике двух диалогов в кино «(к/ф «Судьба человека» и «Мы из будущего»)	156

ФОНЕТИКА. ИНТОНАЦИЯ

<i>Акишина Е.О. Рождественская О.В.</i> Фонетические особенности японского языка и обучение русскому произношению его носителей	171
<i>Короткова О.Н.</i> Особенности японского акцента в русской звучащей речи	177

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Ковалевская Т.В.</i> Трансгуманизм в творчестве Велимира Хлебникова: поэт как культурный герой	182
<i>Лилеев Ю.С.</i> Немецкая рецепция русского петербургского текста	190
<i>Лилеева А.Г.</i> К истории названия романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго»: лингвострановедческий аспект	199
<i>Тан Мей Вэй</i> (Тайвань) Образ героя романа Г. Газданова «Вечер у Клэр»: катастрофичность сознания в эпоху исторических потрясений	208
<i>Окулова С.Н.</i> Городской текст в поэзии Н. Заболоцкого	219
<i>Илюшин Е.А.</i> Чтение произведений В. Сорокина иностранными учащимися	224

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

<i>Добровольская В.В.</i> Роль и место словообразования в курсе РКИ	230
<i>Моргунова Е.В.</i> Мини-игры как одна из форм обучения грамматике иностранных учащихся	239
<i>Гу Цянь</i> (КНР) О системе тестирования по русскому языку в Китае	244

ПРАКТИКУМ РКИ

<i>Кузьмич И.П.</i> Опыт чтения рассказа В.Г. Распутина «Что передать вороне?» в аудитории инофоно-нефилологов	250
<i>Хомякова Е.Ю., Хомяков С.А.</i> Четырнадцать шагов в освоении русских звуков на начальном этапе обучения РКИ	258

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Кульпина В.Г., Татаринов В.А. О значении дискурсивно-динамического подхода в преподавании РКИ 272

Кузьмина Е.А. К выходу в свет учебного пособия под редакцией М.Л. Ремневой «Лингвотекстологический практикум. Старославянский язык и древнеславянская книжность» 284

ВСПОМИНАЯ Г.И. РОЖКОВУ. К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Кульпина В.Г. Педагог, ученый, фронтовик и настоящий человек 292

Рощектаева Т.Г. Перевод как вид речевой деятельности на занятиях по русскому языку как иностранному 295

Оглавление 301

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Вып. XVII

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета *Е. Г. Домогацкая*
edit@philol.msu.ru

Напечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 28.06.2016.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 19,0. Тираж 200 экз. Заказ 181.

Отпечатано в ООО “МАКС Пресс”
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8 495 939-3890/91. Тел./Факс 8 495 939-3891.